

201.4.14.3
12.8.01
1909

ЗАПИСКИ ЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 4.

1118 1118 1118

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Краковское Предмѣстье, № 3.

—
1909.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 4.

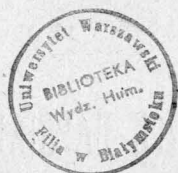
ВАРШАВА.

ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣтье, № 3.

—
1909.

D-23/85

40

144460

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества исторіи,
филологіи и права при И м п е р а т о р с к о м ъ Варшавскомъ
Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Любосичъ.*

Общество исторіи, филологіи и права
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Варшавскомъ Университетѣ

СВОЕМУ ПЕРВОМУ ПРЕДСѢДАТЕЛЮ

ТЕОДОРУ ИВАНОВИЧУ ЛЕОНТОВИЧУ

ПО СЛУЧАЮ ИСПОЛНИВШАГОСЯ

XLV—лѣтія его ученой дѣятельности.

1863—1908.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1900

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

1900

1900

СОДЕРЖАНІЕ

Списокъ ученыхъ трудовъ **Θ. И. Леонтовича.**

Составилъ **Θ. В. Тарановскій.**

	<i>Стр.</i>
1. Θ. В. Тарановскій. Норманская теорія въ исторіи русскаго права	1.
2. Н. Н. Любавичъ. Международный историческій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1908 году	45.
3. И. И. Замотинъ. Русская Нора и ея духовныя стремленія	57.
4. Е. В. Спекторскій. Эргардъ Вейгель, забытый рационалистъ XVII вѣка	81.
5. Г. В. Демченко. Изъ исторіи судоустройства въ древней Россіи	151.
6. В. А. Францевъ. Къ біографіи В. А. Мацѣвскаго	214.

Редакторъ В. А. Францевъ.

Списокъ ученыхъ трудовъ Ө. И. Леонтовича. *)

1. Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI вв. Кіевск. Унив. Изв., 1863 г., №№ 10 и 11 и отд. изд. Кіевъ, 1863.—Магистерская диссертация.

2. Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ. Кіевск. Унив. Изв., 1864 г., №№ 3—4.

3. Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоящей необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права. Кіевск. Унив. Изв. 1865 г., №№ 2—4.

4. О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ. Журн. Мин. Нар. Просв., 1867 г., апрѣль.

5. Указатель источниковъ и изслѣдованій по исторіи славянскихъ законодательствъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г., августъ и октябрь.

*) Мы не включили въ списокъ тѣхъ произведеній Ө. И. Леонтовича, которыя носятъ болѣе публицистическій характеръ. Таковы: 1) Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи.—Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ, 1861 г. №№ 19—27, 41—43; 1862 г., №№ 41—50. 2) Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ?—Наблюдатель, 1882 г., кн. V—VI. 3) Къ лиманному вопросу, Юридич. Хроника при Новоросс. Телеграфѣ, 1882 г., № 1. 4) Записка о коммерческихъ училищахъ заграничныхъ и русскихъ (Къ вопросу о преобразованіи Одесскаго Коммерческаго Училища), Одесса, 1887 г. 5) Коммерческія училища за границей и въ Россіи. Журн. Мин. Нар. Просв., 1887 г., май, іюль, августъ, ноябрь.

6. Государственное устройство стараго Дубровника (по поводу сочин. В. Макушева: „Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“). Журн. Мин. Нар. Просв., 1867, декабрь.

7. Древнее хорвато-далматское законодательство. Зап. Новоросс. Унив., 1868 г., т. I, и отд. изд. Одесса, 1868 г. — Докторская диссертація.

8. Исторія русскаго права, выпускъ I: Введеніе, Одесса, 1869 г.

9. Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи. Журн. Мин. Нар. Просв., 1874 г., июнь, июль, августъ.

Эта работа въ сокращенномъ изложеніи воспроизведена въ сборникѣ статей: „Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени“, изданномъ въ Библіотекѣ для самообразованія, подъ ред. В. Н. Сторожева, Москва, 1898. см. стрн. 1—8 и 89—110.

10. Критическій разборъ сочин. Д. Я. Самоквасова: „Древніе города Россіи“. Сборн. Госуд. Знаній, 1875 г., томъ II, и отвѣтъ на возраженіе Д. Я. Самоквасова, тамъ-же, т. III.

11. Рецензія на сочин. Ѳ. И. Успенскаго: „Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ“ (1872 г.). Журн. Мин. Нар. Просв., 1876 г., февраль.

12. Замѣтки о разработкѣ обычнаго права (по поводу изд. Богишича: „Zbornik sadašnih pravnih obiĉaja u juŹnih Slovena“, 1874). — Журн. Мин. Нар. Просв., 1878 г., июль.

13. Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій, или ойратскій уставъ взысканій (Цааджинъ-Бичикъ). — Зап. Новоросс. Унив., т. XXVIII и отд. изд. Одесса, 1879.

Отвѣтъ автора рецензентамъ: Журн. Мин. Нар. Просв., 1880 г., январь, и Новоросс. Телеграфъ, 1880 г., № 1457.

14. О задачахъ разработки обычнаго права. — Новоросс. Телеграфъ, 1879 г., №№ 1187, 1191 и 1193.

15. Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Калмыцкое право. Часть I. Уложеніе 1822 г. (текстъ). Примѣчанія: Составъ, источники и общій характеръ уложенія. Общественный бытъ по калмыцкимъ уставамъ. Зап. Новоросс. Унив., т. XXIX, и отд. изд. Одесса, 1880 г.

16. Новыя воззрѣнія на происхожденіе обычнаго права и значеніе его для государства (по поводу статьи В. И. Сер-

гѣевича: „Опыты изслѣдованія обычнаго права“. — Юридич. Хроника Новоросс. Телеграфа, 1882 г., прибавл. къ № 2100.

17. Адаты кавказскихъ горцевъ. Матеріалы по обычному праву сѣвернаго и восточнаго Кавказа.—Зап. Новоросс. Унив., т. XXXIV, XXXVI и XXXVII — XXXVIII, и отд. изд. вып. I и II, Одесса, 1883 г.

18. Объ архаическихъ формахъ общественнаго устройства у кавказскихъ горцевъ. — Рефераты засѣданій VI Археолог. Съѣзда въ Одессѣ, Одесса, 1884 г. Правит. Вѣстникъ, 1884 г., № 191.

19. О происхожденіи древне-русскихъ отроковъ и дѣтей боярскихъ и современныхъ кавдасардовъ и другихъ служебно-родовыхъ классовъ у кавказскихъ горцевъ.—Рефераты засѣданій VI Археолог. Съѣзда въ Одессѣ, Одесса, 1884.—Новоросс. Телеграфъ, 1884 г.—Юридич. Обзорѣніе, Тифлисъ, 1884 г., № 179.

20. Старый земскій обычай. — Труды VI Археологич. Съѣзда въ Одессѣ, томъ IV, 1889 г.

21. Краткій очеркъ исторіи русскаго права, I. Источники права земскаго періода. — Зап. Новоросс. Унив., т. L, и отд. изд., Одесса, 1889 г.

22. Голодовки въ Россіи до конца прошлаго вѣка.—Сокращенно въ Новоросс. Телеграфъ, 1891 г., ноябрь и пространно—Сѣверный Вѣстникъ, 1892 г., апрѣль и май.

23. Исторія русскаго права. Университетскій курсъ. Выпускъ I: Введеніе, Одесса, 1892 г.

24. Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права. СПБ. 1893 г.

25. Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства.—Журн. Мин. Нар. Просв., 1893—1894 гг., и отд. изд. СПБ., 1894 г.

Сочиненіе это удостоено Уваровской преміи. См. Отчетъ о XXXVII-омъ присужденіи наградъ графа Уварова, СПБ. 1895 г.

Отвѣтъ автора М. К. Любавскому — Журн. Мин. Нар. Просв., 1895 г., июль,—окончаніе статьи, названной ниже подъ № 30.

26. Источники русско-литовскаго права. Общій обзоръ источниковъ. Договоры. Земскіе и областные привилеи. — Варш. Унив. Изв., 1894, кн. I, и отд. изд. Варшава, 1894 г.

27. Школьный вопросъ въ древней Россіи. Варш. Унив. Изв. 1894 г., кн. V.

28. Національный вопросъ въ древней Россіи. — Варш. Унив. Изв. 1894 г., кн. IX и 1895 г., кн. I.

29. Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ. — Варш. Унив. Изв., 1895 г., кн. V.

30. Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины. — Журн. Мин. Нар. Просв., 1895 г., июнь и июль.

31. Одинъ изъ вопросовъ западно-русской старины. Литовско-русскіе друскеники — солярни и соляники. — Варш. Унив. Изв. 1896 г., кн. V и VI.

32. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ. — Журн. Мин. Нар. Просв., 1896 г., февр., мартъ, апр., июль, окт., декабрь; 1897 г., апрѣль и май.

33. Акты Литовской Метрики. Томъ I, Вып. I, 1413 — 1498 г.г. Вып. II, 1499—1507 г.г., Варшава, 1896—1897 г.г.

34. Сельскіе промышленники въ литовско-русскомъ государствѣ. — Варш. Унив. Изв., 1897 г., кн. IV—V.

35. Аріійскія основы общественнаго быта древнихъ славянъ. — Актовая рѣчь. — Варш. Унив. Изв., 1897 г., кн. VI.

36. Къ вопросу о выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву. — Журн. Мин. Юст., 1897 г., июнь, сент. и октябрь.

37. Разборъ сочин. О. В. Тарановскаго: „Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи“. — Журн. Мин. Юст., 1897 г., ноябрь.

38. Сельскіе ремесленники въ литовско-русскомъ государствѣ. — Варш. Унив. Изв., 1898 г., кн. II—III.

39. Сельскіе чиншевики въ литовско-русскомъ государствѣ. — Журн. Мин. Нар. Просв., 1899 г., февраль.

40. Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства. — Варш. Унив. Изв., 1899 г., кн. IV, VIII—IX; 1900 г., кн. I, и отд. изд. Варшава, 1899 г.

Настоящее сочиненіе составлено изъ двухъ болѣ раннихъ трудовъ, названныхъ подъ №№ 29 и 30, нѣсколько измѣненныхъ и дополненныхъ авторомъ для новаго изданія.

41. Къ вопросу о происхожденіи семьи вообще и ея организации по древнему русскому праву. — Журн. Мин. Юст. 1900 г., июнь, сент. и октябрь.

42. Исторія русскаго права. Выпускъ первый. Литература исторіи русскаго права. Варшава, 1902 г.

Дополненіе къ выпуску I-ому.—Варш. Унив. Изв., 1903 г., кн. IX, и отд. изд. Варшава, 1903 г.

43. Разборъ сочиненія М. К. Любавскаго: „Литовско-русскій сеймъ“. — Отчетъ о XLV присужденіи наградъ графа Уварова, СПб., 1904 г.

44. Очерки изъ исторіи литовско-русскаго гражданскаго права, I. Гражданская право - и дѣеспособность. — Журн. Мин. Юст., 1903 г., сент. и окт.; 1905 г., сент. и окт.; 1906 г., іюнь.

45. Бояре и служилые люди въ литовско-русскомъ государствѣ.—Журн. Мин. Юст., 1907 г., май и іюнь.

46. Рада великихъ князей литовскихъ. — Журн. Мин. Нар. Просв., 1907 г., сент. и октябрь.

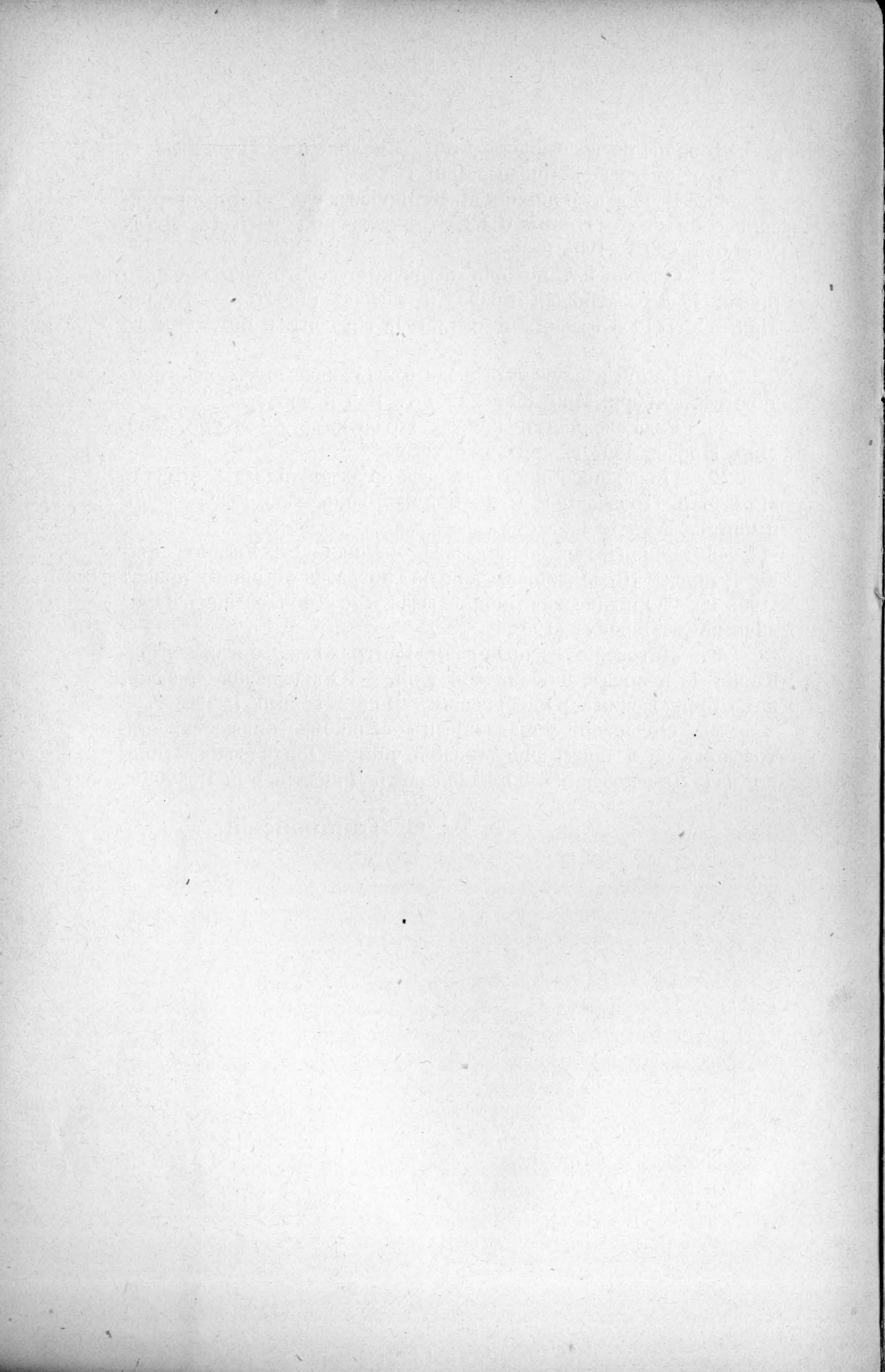
47. Правоспособность литовско-русской шляхты.—Журн. Мин. Нар. Просв., 1908 г., мартъ, май, іюнь, іюль; 1909 г., февр. и мартъ.

48. Рецензія на сочин. Е. И. Якушкина: „Обычное право. Выпускъ III. Матеріалы для библіографіи обычнаго права“ (1908 г.).—Юридическая Библіографія, изд. Демидовскимъ Юридическимъ Лицеємъ, 1908 г., № 1.

49. Литовскіе господа и центральные органы управленія до и послѣ Люблинской уніи. — Юридическія Записки, изд. Демидовскимъ Юридическимъ Лицеємъ, вып. I, 1908 г.

50. Областное управленіе въ великомъ княжествѣ литовскомъ до и послѣ Люблинской уніи.—Юридическія Записки, изд. Демидовскимъ Юридическимъ Лицеємъ, вып. II, 1908 г.

Ө. Тарановскій.

Норманская теорія въ исторіи русскаго права.

Примѣненіе сравнительнаго метода къ историческому изученію русскаго права имѣетъ свою исторію¹⁾. Началось оно съ самаго элементарнаго приѣма сравненія, именно — съ сопоставленія нормъ древне-русскаго права съ тѣми источниками, изъ которыхъ онѣ, какъ предполагалось, были непосредственно заимствованы. Самый вопросъ о заимствованіи былъ поставленъ и предрѣшенъ на основаніи сказанія начальной лѣтописи о призваніи варяговъ. Сказаніе это было истолковано въ такомъ смыслѣ, что первоначальное заведеніе правового и политическаго порядка у русскихъ славянъ было признано исключительно дѣломъ пришлыхъ варяговъ. Быть славянскихъ племенъ, образовавшихъ впослѣдствіи русскій народъ и русское государство, до призванія варяговъ разсматривался какъ *tabula rasa*, на которой пришельцы начертали первыя основы гражданственности: отъ нихъ получили восточно-славянскія племена первоначальные юридическіе институты и политическія учрежденія. Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ сущность воззрѣній нѣмецкой школы въ русской исторіографіи, сложившейся еще въ XVIII столѣтіи и получившей свое

¹⁾ См. О. И. Леонтовичъ, Исторія русскаго права, вып. I, Одесса, 1869, стр. 48—54.

Его же. Исторія русскаго права, вып. I, Введеніе, Одесса, 1892 г., стр. 26—29.

названіе по національности представлявшихъ ее ученыхъ, приглашенныхъ изъ Германіи въ С.-Петербургскую Академію Наукъ. Теорія, выработанная ими для объясненія древней русской исторіи, извѣстна подъ названіемъ скандинавской, или норманской. Схема послѣдней предрѣшала тотъ путь, по которому пошли первые изслѣдователи исторіи русскаго права. Отиравляясь отъ готоваго ученія о насажденіи первоосновъ гражданственности среди восточныхъ славянъ варяжескими князьями и ихъ норманской дружиной, они разсматривали древнѣйшіе памятники русскаго права какъ уставы этихъ пришлыхъ князей и дружинниковъ, изданные по точному образу и подобію законовъ ихъ родины. Русскую Правду стали сравнивать съ скандинавскими законами,—шведскими и датскими,—причемъ все усилія изслѣдователей были направлены на то, чтобы найти для каждой отдѣльной статьи Русской Правды соотвѣтственную статью ея норманскаго первообраза. Кругъ источниковъ заимствованія расширился подъ вліяніемъ идеи родства нормановъ съ средне-европейскими германскими племенами. Первообраза Русской Правды стали искать въ народныхъ законахъ не одной лишь Скандинавіи, но и всей родственной норманамъ германской Европы, культурному вліянію которой подчинили восточныхъ славянъ пришлые варяги. Такимъ путемъ стали объяснять постановленія Русской Правды прямымъ заимствованіемъ изъ т. н. варварскихъ законовъ,—саксонскихъ, швабскихъ, остготскихъ, вестготскихъ, фризскихъ, франкскихъ и др.

Съ указанной точки зрѣнія смотрѣлъ на древнее русское право первый по времени историческій его изслѣдователь — Струбе¹⁾. Рѣшительное вліяніе на первоначальное образованіе русскаго права оказало, по мнѣнію Струбе, образованіе рус-

¹⁾ Strube, Discours sur l'origine et les changemens des Loix Russiennes, СПб., 1756. Намъ не удалось добыть ни подлиннаго текста Струбе, ни его русскаго перевода, сдѣланнаго С. Нарышкинымъ въ 1756 г., и пришлось пользоваться сокращеннымъ нѣмецкимъ переводомъ, помѣщеннымъ въ Joh. Jos. Haigold's Beylagen zum neueränderten Russland, I Theil, Riga u. Mieltau, 1769, S. 329—377.

ской монархіи¹⁾. Несомнѣнно, что у восточныхъ славянъ было свое право и до призванія князей, но это право оказалось не въ силахъ противостоятъ новому порядку жизни, созданному призваніемъ, и уступило предъ нимъ, не оказавъ, повидимому, никакого особеннаго вліянія на дальнѣйшее правообразование²⁾. Призванные варяги — русь, получивъ въ свои руки политическую власть, стали вводить и свои племенные законы, какъ это обычно дѣлали всѣ германскіе народы во всѣхъ тѣхъ странахъ, въ которыхъ они водворялись въ качествѣ властителей³⁾. Въ этомъ особенно убѣждаетъ сравненіе Русской Правды, законодательнаго акта варяго-русскихъ князей, съ законами германскихъ народовъ, — шведовъ, датчанъ, саксовъ, вестготовъ, фризовъ, салическихъ франковъ и др. Эти послѣдніе законы служили не только образцомъ для составленія Русской Правды, но и источникомъ, откуда непосредственно заимствовались ея постановленія⁴⁾. Въ одномъ случаѣ Струбе отмѣчаетъ буквальное заимствование, именно, — въ извѣстной статьѣ Русской Правды о ѣздѣ на чужомъ конѣ безъ разрѣшенія собственника, — являющейся дословнымъ переводомъ соответственной статьи ютландскихъ законовъ⁵⁾. Въ остальныхъ статьяхъ краткой⁶⁾ Правды Струбе видитъ хотя и не буквальное, но точное и близкое къ подлиннику воспроизведеніе правоположеній германскихъ законовъ⁷⁾. Отступленіе отъ послѣднихъ онъ замѣчаетъ только въ одномъ лишь случаѣ, именно, — въ статьѣ (38-ой Академ. списка) объ убійствѣ татя. Постановленіе этой статьи: „аще ли до свѣта держать, то вести его на княжъ дворъ“ противорѣчитъ громадному большинству германскихъ законовъ, не различавшихъ въ данномъ случаѣ, совершено ли убійство татя ночью или днемъ. Такое различіе проводили Моисеевы законы, которые по данному вопро-

¹⁾ Beylagen, I, 332. ²⁾ Ibidem, p. 333. ³⁾ Ibidem, p. 335. ⁴⁾ Ibidem, p. 341. ⁵⁾ Ibidem, p. 350—351.

⁶⁾ Только ее и изслѣдовалъ Струбе. Припомнимъ, что до 1767 г., когда послѣдовало изданіе Шлецера, вся краткая Правда приписывалась Ярославу. См. В. И. Сергѣевичъ, Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ, СПб., 1904, стр. VI.

⁷⁾ Strube, ibidem, p. 340—352 passim.

су были предпочтены, по мнѣнію Струбе, обычному источнику Русской Правды — законамъ германскимъ. Это частичное отступленіе отъ германскаго первообраза не привилось однако въ жизни, полагаетъ Струбе и въ подтвержденіе своего предположенія ссылается на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, постановленіе котораго по данному вопросу ближе къ германскимъ законамъ, чѣмъ Русская Правда¹⁾.

Струбе изслѣдовалъ только извѣстный ему краткій списокъ Русской Правды; поэтому обзоръ ея содержанія онъ заключилъ замѣчаніемъ о томъ, что Правда ничего не говоритъ о договорахъ, о наслѣдствѣ и о другихъ вопросахъ права (кромѣ уголовного и уголовно-судебнаго права); всѣ вопросы, обойденные молчаніемъ въ княжескомъ законодательствѣ, разрѣшались на основаніи юридическихъ обычаевъ. Источникъ этихъ обычаевъ былъ, по мнѣнію Струбе, тотъ же, что и законовъ, часть которыхъ они составляли²⁾. Такимъ образомъ и неписаное обычное, слѣдовательно, все древне-русское право признавалось заимствованнымъ изъ германскаго права. Недаромъ и въ Уложеніи по одному частному вопросу Струбе видѣлъ приближеніе къ германскому первоисточнику, какъ это мы отмѣтили выше. На дальнѣйшихъ измѣненіяхъ русскаго права послѣ Правды Струбе не останавливается столь подробно, какъ на самой Правдѣ. Онъ главнымъ образомъ лишь перечисляетъ послѣдующіе законы и не задается уже цѣлью отысканія тѣхъ германскихъ источниковъ, откуда они были заимствованы. Только относительно судебныхъ поединковъ, принятыхъ въ Царскомъ Судебникѣ, Струбе указываетъ на германское происхожденіе этого процессуальнаго института³⁾.

Мы отмѣтили, что заимствованіе всѣхъ понятій и опредѣленій древне-русскаго права изъ германскихъ народныхъ законовъ являлось въ глазахъ Струбе естественнымъ послѣдствіемъ водворенія въ восточно-славянскихъ земляхъ варяговъ въ качествѣ носителей неизвѣстнаго славянамъ начала поли-

¹⁾ Strube, p. 348—350. См. Улож. XXI, 88. ²⁾ Ibidem, p. 340.
³⁾ Ibidem, p. 359.

тической власти и насадителей новаго для нихъ порядка гражданственности. Приступая къ изслѣдованію Русской Правды, Струбе отпирался отъ готовой схемы норманской теоріи, выработанной Байеромъ и Миллеромъ. Когда Шлецеръ приступилъ къ разработкѣ по лѣтописямъ древняго періода русской исторіи, онъ засталъ уже разсужденіе Струбе, признавъ его выводы и использовалъ ихъ въ качествѣ одного изъ доказательствъ скандинавскаго происхожденія варяговъ¹⁾. Получался такимъ образомъ заколдованный кругъ: національность варяговъ служила предпосылкой заключенія о заимствованіи постановленій Русской Правды изъ германскихъ народныхъ законовъ, а затѣмъ „изумительное“ сходство съ ними Правды служило однимъ изъ доказательственныхъ средствъ для установленія національности варяговъ. Выходъ изъ этого круга былъ сдѣланъ Эверсомъ, который призналъ производное отъ германскихъ народныхъ законовъ происхожденіе Русской Правды безусловнымъ и независимымъ отъ національнаго происхожденія варяговъ.

Такое положеніе Эверсъ занялъ въ своей первой работѣ, посвященной опроверженію скандинавской теоріи и доказательству черноморскаго, хазарскаго происхожденія варяговъ. Въ полемикѣ съ Шлецеромъ Эверсу пришлось остановиться и на вопросѣ объ источникахъ Русской Правды. Центральнѣйшій пунктъ обсужденія составила выдвинутая Шлецеромъ на первый планъ²⁾ и получившая такимъ образомъ особенную извѣстность статья Русской Правды о ѣздѣ на чужомъ

¹⁾ Aug. Ludw. Schlözer, Несторъ.—Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt, II Theil, 1801, S. 204: Dritter Beweis, dass die Waräger aus Skandinavien stammen: die Aenlichkeit der ältesten geschriebenen Gesetze in Russland (P r a v d a genannt), welche Ruriks Ur-Enkel J a r o s l a v den Novgorodern gab, mit den alten schwedischen und dänischen Gesetzen, ist zum Erstaunen gross. Der Collegien - R a t S t r u b e hat dieses in einer Rede ausgeführt.—У Карамзина скандинавское происхожденіе древняго русскаго права является естественнымъ послѣдствіемъ владычества варяговъ. См. Ист. Гос. Росс., т. I, гл. 10 (стр. 276 по 3-ему изд. Смирдина) и т. II, гл. 3 (стр. 50, 62 и др.).

²⁾ Schlözer, l. c., p. 204.

конѣ. Эверсъ отвергъ въ данномъ случаѣ заимствованіе изъ ютландскаго закона (*Judtsche Lowbok*) на томъ основаніи, что послѣдній составленъ на 223 года позже Русской Правды¹⁾. Возникъ такимъ образомъ обратный вопросъ, не заимствовалъ ли ютландскій законъ пресловутой статьи изъ Русской Правды? Подобное предположеніе представляется Эверсу недопустимымъ. Разительное сходство упомянутой статьи въ двухъ названныхъ памятникахъ приводитъ его лишь къ заключенію, что оба эти памятника черпали свои постановленія изъ единого германскаго источника²⁾. Заимствование изъ германскаго первоисточника не находится, по мнѣнію Эверса, ни въ какой связи съ происхожденіемъ варяговъ³⁾ и объясняется исключительно близкими торговыми и культурными сношеніями, которыя существовали между русскими славянами и нѣмцами съ незапамятныхъ временъ⁴⁾.

То же ученіе объ источникахъ Русской Правды излагаетъ затѣмъ Эверсъ и въ своихъ „Предварительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ для россійской исторіи“, дополняя его лишь соображеніемъ о томъ, что Ярославъ не переводилъ дословно германскаго источника, но приспособлялъ его къ особенностямъ характера и нравовъ славянъ⁵⁾. Въ своемъ

¹⁾ Joh. Phil. Gust. Ewers, *Vom Ursprunge des russischen Staats*, Riga u. Leipzig, 1805, S. 148.

²⁾ *Ibidem*, p. 149: Dass die dänischen Gesetzgeber aus der russischen Pravda etwas entlehnt hätten, darf man wohl nicht annehmen; aber ihre Gesetze sowohl, als die jaroslavischen, haben sehr viel Aehnlichkeit mit den alten fränkischen, sächsischen und friesischen. Daher schliesse ich, beide (das jüdtische Lowbok und die russische Pravda) haben aus Einer germanischen Quelle geschöpft, die sich vielleicht noch bestimmt nachweisen lässt; vielleicht auch verschüttet ist. Anders weiss ich die Uebereinstimmung nicht zu erklären.

³⁾ *Ibidem*, p. 148—149: Wenn auch die Pravda ganz und wörtlich aus Skandinavischen Gesetzen entlehnt wäre; so würde sich doch auch daraus, meines Erachtens, nicht folgen lassen, dass die Slaven am Ilmen-See zwei hundert Jahre früher von den Skandinaviern ihre Fürsten hohlten. Hätte Peter der Grosse seinen Entschluss, bei der Reform des russischen Justiz-Wesens Schweden zum Muster zu nehmen, ausgeführt: könnte das Licht über die Herkunft seines Urgrossvaters verbreiten?

⁴⁾ *Ibidem*, p. 149—151.

⁵⁾ Ewers, *Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen*, Dor-

систематическомъ трудѣ о „древнѣйшемъ русскомъ правѣ въ историческомъ его раскрытіи“ Эверсъ занимается разясненіемъ внутренняго содержанія юридическихъ памятниковъ и оставляетъ въ сторонѣ вопросъ объ ихъ внѣшнемъ происхожденіи. Это не значитъ однако, что онъ отказывается отъ своего первоначальнаго мнѣнія; и въ этомъ трудѣ германское происхожденіе русскаго права подразумѣвается, такъ сказать, само собою, какъ это съ наглядностью обнаруживается изъ вскользь брошенной авторомъ мысли о полномъ тождествѣ германскаго и русскаго правового принципа¹⁾.

Рейцъ въ своемъ „Опытѣ исторіи російскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“ принимаетъ скандинавскую теорію²⁾ и пользуется ею для объясненія отдѣльных мѣстъ и терминовъ юридическихъ памятниковъ древности³⁾, но нигдѣ не останавливается на вопросѣ объ источникахъ древне-русскаго права во всемъ его объемѣ.

pat, 1814, S. 109—110: Eben so wenig ist es ein treffiger Einwurf, man könne das Vorbild der Pravda in keinem deutschen Gesetzbuche bestimmt zeigen. Jaroslav durfte weise den Novgorodern nicht die buchstäbliche Uebersetzung des fremden Werkes geben, welches unter einem Volke entstanden war, das vierhundert Jahre früher im Ganzen wohl auf gleicher Bildungsstufe sich befand, aber durch Eigenthümlichkeit des Charakters und der Sitten immer scharf von den Slaven unterschied. Manches musste abgeändert werden. Man weiss, wie vielfach alle deutsche Gesetze der Missethaten gegen das weibliche Geschlecht und der strafbaren Verirrungen desselben erwähnen. In der Pravda findet sich Nichts davon, denn die Russen wiesen jene, wie diese, vor die Gerichtsbarkeit der Kirche. Diess ein Beispiel gilt für viele, und macht begreiflich, warum wir die Gestalt des Erzeugnisses der germanischen Welt auf fremden Boden nur zum Theil wieder erkennen. Die wenigen technischen Ausdrücke, welche beibehalten sind, als Вервь (Werf, Gerichtssprengel), Вира (Wira, Were—Geld) u. a. verrathen freilich eine Uebersetzung, aber deren Urschrift nicht.

¹⁾ По поводу ст. 4-ой договора Олега съ греками 911 г. Эверсъ говоритъ: Das Alterthümliche dieser Rechtsbestimmungen ist unverkennbar. Das Princip ist das germanische, skandinavische, russische. См. Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung, Dorpat u. Hamburg, 1826, S. 139.

²⁾ См. Alexander von Reutz, Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung, Mitau, 1829, S. 22—25.

³⁾ Нпр., по поводу толкованія термина „гридинъ“ см. I. с., р. 42.

Наиболѣе ревностнымъ и едва ли не дальше всѣхъ идущимъ сторонникомъ германскаго происхожденія древне-русскаго права является М. П. Погодинъ. Онъ не занимался спеціально исторіей русскаго права и предоставлялъ эту область юристамъ по профессіи¹⁾, позволяя себѣ лишь дѣлать указанія послѣднимъ относительно непосредственныхъ задачъ ихъ изслѣдованій²⁾. Древне-русское право разсматривается самимъ М. П. Погодинымъ лишь попутно въ связи съ общимъ ходомъ нашей исторической жизни. Главное вниманіе Погодина сосредоточивалось на такъ называемомъ имъ варяжскомъ или норманскомъ періодѣ русской исторіи (862—1054 г.г.). Право выступаетъ въ этомъ періодѣ исключительно какъ проявленіе норманской стихіи. Погодинъ собираетъ всѣ сдѣланныя предшествовавшими изслѣдователями сопоставленія Русской Правды съ скандинавскими и иными германскими законами-и объясняетъ ихъ исключительно заимствованіемъ³⁾: пришедшие норманы дали намъ запись своихъ обычаевъ и законовъ подобную тому, какъ они это дѣлали повсюду, гдѣ приходилось имъ водворяться въ качествѣ носителей власти⁴⁾. „Охотники спорить“, говоритъ М. П. Погодинъ, „охотники искать

¹⁾ См., нпр., Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, т. VII, 1856, стр. 228, 281, 297.

²⁾ Такъ, по поводу магистерской диссертациі К. Д. Кавелина въ 1844 г. М. П. Погодинъ заявилъ, что историки-юристы должны заниматься не систематическими изслѣдованіями объ отдѣльныхъ институтахъ права или эпохахъ исторіи права, для чего еще не приспѣло время, а собираніемъ выписокъ изъ источниковъ объ отдѣльныхъ терминнахъ и элементарныхъ, не сложныхъ учрежденіяхъ. См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VII, стр. 372—373. Тѣ же въ сущности наставленія повторены М. П. Погодинымъ по поводу Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ К. А. Неволіна,—см. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. VII, стр. 283—284. Всѣ эти наставленія вытекали изъ принятаго самимъ М. П. Погодинымъ метода историческаго изслѣдованія, характеристику котораго онъ даетъ въ предисловіи (стр. X) къ первому тому своихъ Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій.

³⁾ См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III, глава XI: Право, стр. 359—417. Объ отношеніи къ предшественникамъ тамъ же, стр. 386.

⁴⁾ Ibidem, p. 367, nota 851.

не истины, а предлоговъ къ несогласію могутъ сдѣлать слѣдующее частное возраженіе, составленное изъ легкихъ обшихъ мѣстъ: такое то постановленіе (нпр., мѣсть) принадлежить всѣмъ народамъ, — такое то имя (нпр., князь) есть чисто славянское, — слѣдовательно, норманскими ихъ называть нельзя. Отвѣчаю: 1) если онѣ общія, то нельзя отнять ихъ и у нормановъ; 2) онѣ являются не однѣ, а въ совокупности со множествомъ другихъ обычаевъ или именъ, чисто норманскихъ, слѣдовательно, должны быть принесены норманами же, которые встрѣтили у туземцевъ случайное сходство съ собою въ этомъ отношеніи. Мало ли есть такихъ сходствъ и теперь между племенами при всемъ впрочемъ ихъ различіи между собою”¹⁾! Приведенное разсужденіе весьма характерно и особенно знаменательно въ своей послѣдней части. Оно ясно показываетъ, что вопросъ о германскихъ источникахъ Русской Правды былъ предрѣшенъ: заимствованіе разсматривалось какъ естественное послѣдствіе призванія варяговъ. Съ другой стороны, М. П. Погодинъ поддерживаетъ ту мысль, что сходство Правды съ скандинавскими законами является въ свою очередь доказательствомъ скандинавскаго происхожденія варяго-русовъ²⁾.

Самостоятельность восточныхъ славянъ при рецепціи ими норманскаго права выразилась, по мнѣнію Погодина, исключительно въ переводѣ юридическихъ терминовъ на славянскій языкъ или въ передѣлкѣ ихъ на славянскій ладъ³⁾. Вслѣдствіе этого остается непонятнымъ, что собственно имѣлъ въ виду Погодинъ, когда намѣчалъ въ числѣ „операций”, которыя, по его

¹⁾ Ibidem, p. 417.

²⁾ См. *ibidem*, p. 386: „Сходствомъ Русской Правды съ законами скандинавскими доказывали скандинавское происхожденіе Руси.... Въ 1825 г. пишучи свое разсужденіе о варягахъ—руси подъ вліяніемъ Шлецеровской буквы, я принялъ возраженіе Эверса, и не считалъ схождения законовъ доказательствомъ происхожденія. Беру свою уступку назадъ“.

³⁾ Ibidem, стр. 416: „Обозрѣвая эти законы, обычаи, должности и ихъ названія, мы видимъ ясно, что всѣ они принадлежали племени пришлому, норманскому = нѣмецкому... Туземцы переводили естественно нѣкоторыя изъ этихъ названій на свой языкъ..., а другія употребляли безъ перевода, измѣняя только ихъ окончанія. Иныя названія были сходны, созвучны на обоихъ языкахъ“.

мнѣнію, необходимо продѣлать надъ Русской Правдой, разложене ея на элементы: скандинавскій, *славянскій*, христіанскій ¹⁾).

Самъ М. П. Погодинъ не находилъ въ Русской Правдѣ никакихъ иныхъ элементовъ, кромѣ германскаго. Поэтому, когда онъ задавалъ другимъ отысканіе въ ней славянскаго элемента и такимъ образомъ какъ бы допускалъ возможность послѣдняго, то этому обстоятельству нельзя придавать особеннаго значенія. Оно не нарушало внутренняго единства норманской теоріи и было не болѣе, какъ внѣшней лишь уступкой славянскому движенію въ литературѣ и въ наукѣ, которому Погодинъ въ высшей степени сочувствовалъ какъ гражданинъ, какъ литераторъ, какъ политикъ, наконецъ, какъ исторіософъ, но только не какъ ученый специалистъ по древней русской исторіи. Само собою разумѣется, мы не станемъ касаться практическаго участія М. П. Погодина въ дѣлѣ осуществленія идеи славянской взаимности; отмѣтимъ лишь, какое значеніе придавалъ Погодинъ славянству въ общемъ ходѣ исторіи. „Есть въ исторіи”, училъ М. П. Погодинъ, „чреда для народовъ, кои, одинъ за другимъ, выходятъ стоять какъ будто на часы и служить свою службу человѣчеству; до сихъ поръ однихъ словенъ свѣтъ не видалъ еще на этой славной чредѣ. Слѣдовательно, они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человѣчества и проявить благороднѣйшія его силы” ²⁾. Такъ локализовалъ Погодинъ славянъ во всемірной исторіи: онъ ихъ проецировалъ въ будущемъ, правда, не безконечно далекомъ, а такомъ будущемъ, которое зачинается уже въ настоящемъ,—но все же въ будущемъ. Найдя для славянъ мѣсто „на высокой чредѣ” всемірной исторіи, Погодинъ непосредственно вслѣдъ за этимъ рѣшалъ вопросъ объ отношеніи къ славянству Россіи. „Но какое же племя между словенами”, говоритъ онъ, „занимаетъ теперь первое мѣсто? Какое племя по своему составу, языку,

¹⁾ Ibidem, p. 387.

²⁾ См. Письмо М. П. Погодина о русской исторіи Наслѣднику Цесаревичу въ концѣ 1837 года, Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, стр. 173.

совокупности свойствъ можетъ назваться представителемъ всего словенскаго міра? Какое болѣе имѣетъ залоговъ въ своемъ настоящемъ положеніи и прошедшей исторіи для будущаго величія? Какое ближе всѣхъ къ этой высшей цѣли? Какое имѣетъ болѣе видимой возможности достигнуть ее? Какое.... Сердце трепещетъ отъ радости.... о, Россія! о мое отечество! Не тебѣ ли?... о если бы тебѣ!... Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества”¹⁾....

Такъ разсуждалъ М. П. Погодинъ въ широкихъ предѣлахъ всемірно-исторической перспективы: въ предвидѣніи будущаго онъ признавалъ Россію лучшей выразительницей славянства. Но стоило только отъ будущаго перейти къ прошедшему и, оставивъ всемірно-историческія построенія, сосредоточиться на древнемъ періодѣ русской исторіи,—картина мѣнялась кореннымъ образомъ: славянство исчезало, и норманизмъ господствовалъ безраздѣльно. М. П. Погодинъ считалъ научною ересью мысль о томъ, что Русская Правда представляетъ собою памятникъ славянскаго права²⁾.

Уступая успѣхамъ научной разработки славянскихъ древностей, М. П. Погодинъ включилъ ихъ въ кругъ вспомогательныхъ знаній, необходимыхъ для изученія русской исторіи. Въ *Инструкціи для посвящающихъ себя русской исторіи*, составленной въ 1844 г. предъ оставленіемъ университетской каѳедры, М. П. Погодинъ писалъ: „Посвящающему себя русской исторіи я совѣтовалъ бы пріѣхать ко мнѣ въ Москву, изучить подъ моимъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ или полутора года всѣ главные источники русской исторіи и познакомиться съ письменною литературою, а потомъ ѣхать на полгода къ Магнусену въ Копенгагенъ для знакомства съ норманами, на полгода къ Шафарику въ Прагу, чтобы узнать словенскія древности,

¹⁾ Тамъ-же, стр. 173—174.

²⁾ За эту мысль М. П. Погодинъ жестоко напалъ на А. Попова и его диссертацию: *Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву* (Москва, 1841). Объ этомъ см. Н. Барсуковъ, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. VI, стр. 302—303.

и, наконецъ, на годъ въ Варшаву къ Маціевскому, чтобы выучиться по-польски и узнать источники польской исторіи, по колику она связана съ русскою”¹⁾. Нельзя не отмѣтить, что въ приведенномъ мѣстѣ инструкціи изученіе нормановъ все же предпослано изученію славянъ, и что у Маціевскаго слѣдовало учиться, по мнѣнію М. П. Погодина, только польской исторіи, а не славянскому праву. Последнее особенно характерно.

Въ *Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ* М. П. Погодинъ вынужденъ былъ сознаться, что въ своихъ историческихъ изысканіяхъ онъ пропускалъ „до сихъ поръ безъ вниманія” нашихъ славянъ, „хотя изъ нихъ собственно составилось государство”²⁾. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ онъ составилъ и издалъ „лекціи по Шафарiku о славянахъ вообще, объ отношеніи, какое имѣютъ славянскія древности къ русской исторіи, о племенахъ славянскихъ въ эпоху прибытія норманновъ”³⁾. Эти лекціи имѣли въ виду, по собственному заявленію М. П. Погодина, показать, „въ какой связи русская исторія находится съ древле-славянскою,.... чего отъ нея, на какихъ путяхъ ожидать можно, и отъ какихъ заблужденій остерегаться должно”⁴⁾.

Привлеченіе „древле-славянской” исторіи не отразилось у М. П. Погодина на объясненіи политико-правового строя нашей древности. Подъ вліяніемъ Шафарика М. П. Погодинъ измѣнилъ лишь свой взглядъ на бытъ, нравы и культуру восточныхъ славянъ до призванія варяговъ⁵⁾. Сообразно этому „непосредственную связь русской исторіи съ изслѣдованіями о славянахъ” онъ сводилъ исключительно къ выясненію вопроса о томъ, каковы были славяне „въ эпоху норманскаго водворенія между ними”⁶⁾. Спрашивается, какъ же разрѣшалъ

¹⁾ Н. Барсуковъ, указ. соч., кн. VII, стр. 291.

²⁾ Томъ I, предисловіе, стр. IX.

³⁾ Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. II, гл. VI, стр. 319—414.

⁴⁾ Тамъ-же, т. I, предисловіе, стр. IX.

⁵⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 321.

⁶⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 383.

ся этотъ вопросъ послѣ Шафарика? „Вѣрно“, говоритъ М. П. Погодинъ, „не находились они на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ наши изслѣдователи до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ, и прочіе города представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ. Славяне и кривичи съ чужью и весью могли точно призвать себѣ защитниковъ, могли и не поладить послѣ съ ними, возстать противъ Рюрика, заставить можетъ быть Олега удалиться. Мы начинаемъ тотчасъ понимать, почему пришлые варяги должны были подчиниться вліянію туземцевъ, и чрезъ два—три вѣка потеряться въ славянскомъ населеніи, *оставивъ слѣды только въ гражданскомъ устройствѣ и правительствѣ*”¹⁾. Славянскія пріобрѣтенія, если такъ можно выразиться, какъ видимъ, не велики. Они выставляются въ качествѣ доказательства культурно-историческаго правдоподобія столь важнаго шага, какъ призваніе варяговъ; они ведутъ кромѣ того къ признанію большей культурной доброкачественности того этнографическаго матеріала, изъ котораго „составилось государство”. Дальше этого не простирается связь русской исторіи съ „древле-славянской”, и остается въ силѣ прежнее утвержденіе, что государство „составили” варяги, и, слѣдовательно, весь политико-правовой строй русской древности признается по-прежнему германскимъ по своему происхожденію. Этой мысли М. П. Погодинъ никогда не оставляетъ и не забываетъ напомнить о ней. „Надобно впрочемъ прибавить”, говоритъ онъ, „что славяне, воспріявъ въ нѣдра свои нормановъ, удержали при себѣ *доставленные ими дары, — гражданство и христіанство*”²⁾.

М. П. Погодинъ обѣщаль дать въ своихъ „лекціяхъ о славянахъ” не только указаніе связи русской исторіи съ древне-славянской, но и предостереженіе отъ возможныхъ въ дан-

¹⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 384. Курсивъ въ цитатѣ нашъ.

²⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 512. Курсивъ въ цитатѣ нашъ. Срвн. Историческіе афоризмы М. П. Погодина, Москва, 1836, стр. 13: „нашимъ славянамъ, напримѣръ, норманы дали все политическое устройство“.

номъ направленіи заблужденій. Этого предостереженія, собственно говоря, въ „лекціяхъ” нѣтъ, и мы его находимъ лишь въ полемической статьѣ противъ Н. В. Кирѣвскаго, въ которой признано было заблужденіемъ всякое пользованіе славянской исторіей, выходящее за предѣлы простого приведенія свидѣтельствъ источниковъ о бытѣ славянъ до призванія варяговъ. „Исторію славянскихъ племенъ”, говоритъ М. П. Погодинъ, „для объясненія нашей употреблять намъ очень мудрено. Поясню мою мысль. Великороссіяне живутъ рядомъ съ малороссіянами. Нѣтъ ли у насъ бѣльшаго сходства въ нѣкоторыхъ качествахъ даже съ французами, чѣмъ съ ними? Въ чемъ же состоитъ сходство? Этотъ вопросъ гораздо затруднительнѣе.—Далѣе возьмемъ исторію Россіи и Польши. Въ чемъ онѣ сходятся? А живемъ мы рядомъ! Попытайтесь употребить польскую исторію для объясненія русской, и русскую для объясненія польской—мы не объяснимъ, а развѣ затемнимъ ту и другую. Тяжелая задача! Я найду скорѣе сходство въ русской съ испанскою, чѣмъ съ польскою.—Говорить ли о Сербіи?—Обратимъ вниманіе на характеры: малороссіянина, поляка, чеха, серба, великороссіянина, болгарина. Какое разнообразіе! Каковъ характеръ, такова и исторія.—Наконецъ, разныя обстоятельства измѣняли совершенно исторію, что касается до путей ея, средствъ и пр. Укажу на одно: западные словене окружены были воинственными племенами, а мы—мирными”¹⁾).

Въ ученіи о германскомъ происхожденіи древне-русскаго права М. П. Погодинъ всецѣло воспроизвелъ данныя, работанныя его предшественниками. Какъ и они, онъ разбиралъ лишь Ярославову Правду и круто обрывалъ норманизмъ нашего права на первомъ („норманскомъ”) періодѣ. Дѣлая обзоръ права въ слѣдующемъ—„удѣльномъ” періодѣ, М. П. Погодинъ не поднимаетъ уже вопроса о германскихъ его источникахъ²⁾). Между тѣмъ само собою разумѣется, что такой во-

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VIII, стр. 137.

²⁾ См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. VII, 1856 г.,

просто долженъ былъ быть поставленъ съ точки зрѣнія теоріи автора, такъ какъ норманы „потерялись” вѣдь въ славянскомъ населеніи только черезъ „два-три вѣка” послѣ призванія и даже еще позднѣе¹⁾. Правда, славяне „удержали при себѣ доставленные ими дары,—гражданство и христіанство“, но такое общее утвержденіе еще не исчерпываетъ вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо было вѣдь выяснитъ болѣе подробно, что стало въ послѣдствіи съ варяжскимъ даромъ гражданственности,—сохранился ли онъ навсегда съ первоначальнымъ своимъ германскимъ характеромъ во всей его чистотѣ и неприкосновенности, или же видоизмѣнился подъ воздѣйствіемъ туземной славянской стихіи, и если да, то въ чемъ это видоизмѣненіе выразилось, и какъ глубоко захватило оно самыя основы институтовъ. Обо всемъ этомъ не находимъ у М. П. Погодина ни слова. Такое равнодушіе и даже безразличіе къ дальнѣйшей судьбѣ того начала, которое съ такимъ рвеніемъ отстаивалось въ первомъ періодѣ, можетъ навести на мысль, что сами приверженцы норманизма не придавали ему существеннаго значенія въ дѣлѣ объясненія всего хода русской исторіи, и что даже весь пресловутый споръ о „происхожденіи Руси” является скорѣе плодомъ ученаго педантизма, чѣмъ удовлетвореніемъ существенной потребности русской исторической науки. Такъ и смотрѣли на это дѣло тѣ изъ современниковъ первыхъ годовъ научной дѣятельности М. П. Погодина, которыхъ интересовалъ общій смыслъ хода отечественной исторіи. Станкевичъ, узнавъ, что въ одной старинной книжкѣ Дрезденской королевской бібліотеки сказано: „*И идоша къ варягамъ въ Голитинскую землю*“, иронизировалъ по этому поводу въ письмѣ къ Грановскому: „Те-

гл. VII: Право, стр. 281—299. Къ этому періоду М. П. Погодинъ относитъ вторую часть краткой Правды, см. *ibidem*, р. 289.

¹⁾ Въ 1845 г. М. П. Погодинъ писалъ въ полемической статьѣ противъ П. В. Кирѣевскаго: „Черезъ пять или шесть сотъ лѣтъ народъ развился и чуждыхъ господъ не стало: они подверглись вліянію нашего народа, они сами сдѣлались частью того народа и дѣйствовали уже сообща“. См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VIII, стр. 136.

перь все рѣшено. Я радъ. Хочу писать *философію русской исторіи*"¹⁾.

Какъ ни справедлива насмѣшка Станкевича надъ крайностями ученаго педантизма, проявившимися въ спорахъ о „происхожденіи Руси“, нельзя однако не признать, что споры эти содержали въ себѣ возможность весьма существеннаго вліянія именно на построеніе философіи русской исторіи. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи могла имѣть норманская теорія. Она дѣлала центральнымъ предметомъ изученія первоначальное основаніе государства и признавала, что въ основу политическаго и юридическаго уклада жизни русскихъ славянъ были положены начала германскія, т. е. тѣ же начала, изъ которыхъ развился весь политическій и правовой строй Западной Европы. Она сосредоточивалась такимъ образомъ на тѣхъ моментахъ, которымъ западно-европейская исторіографія XVIII столѣтія придавала существенно важное и въ нѣкоторомъ родѣ философское значеніе. Мы должны поэтому поставить вопросъ о томъ, создала ли норманская теорія особую философію русской исторіи, отличавшую ее отъ антинорманистовъ. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо прежде всего разобраться въ соотвѣтственныхъ фактахъ западно-европейской исторіографіи.

Въ *Франко-Галліи* Готмана впервые была точно и опредѣленно формулирована мысль о томъ, что основное значеніе для политическаго развитія народа имѣетъ то первоначальное учрежденіе, которое народъ самъ себѣ даетъ на зарѣ своей исторической жизни. Это учрежденіе можетъ затѣмъ въ теченіи вѣковъ измѣняться и искажаться, но все же въ концѣ концовъ должны восторжествовать его исконные принципы. Эта мысль получила философскую санкцію въ ученіи школы естественнаго права о первоначальномъ общественномъ договорѣ. Выведеніе всего хода политическаго развитія народа изъ основъ и особенностей первоначальнаго установленія у него государственности сдѣлалось, можно сказать, школь-

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. V, стр. 177.

ной традиціей въ исторіографіи. На этой точкѣ зрѣнія стояли и тѣ, которые не признавали историческаго существованія общественнаго договора и объясняли первоначальное политическое учрежденіе мудрымъ установленіемъ правителей или даже независимымъ отъ произвольнаго установленія дѣйствіемъ естественныхъ условій климата, почвы, быта и нравовъ народа: и въ ихъ глазахъ первоначальное учрежденіе предопредѣляло весь дальнѣйшій ходъ политическаго развитія. Недаромъ и Монтескье придавалъ столь большое значеніе „лѣсамъ” Германіи, въ которыхъ зародились политическая свобода и наиболѣе совершенно ее осуществившее „готическое правленіе”¹⁾. Монтескье упорно стоялъ за германское происхожденіе французской монархіи²⁾: этимъ онъ хотѣлъ дать понять, что французское государство по своему первоначальному установленію исторически предопредѣлено и къ развитію высшихъ формъ „готическаго правленія”³⁾. Основы послѣдняго были рас-

¹⁾ L'esprit des lois, l. XI, ch. 6: Si l'on veut lire l'admirable ouvrage de Tacite sur les mœurs des Germains, on verra que c'est d'eux que les Anglois ont tiré l'idée de leur gouvernement politique. Ce beau système a été trouvé dans les bois. Въ главѣ 8-ой той же книги Монтескье объясняетъ, какимъ образомъ изъ нравовъ германцевъ и обстоятельствъ ихъ жизни послѣ завоеванія образовалось представительное правленіе, и заключаетъ свое объясненіе словами: voilà l'origine du gouvernement gothique parmi nous.

²⁾ См. L'esprit des lois, l. XXX, ch. 23—25, содержащія полемику съ абб. Дюбо.

³⁾ Въдѣ les anciens ne connoissoient point... le gouvernement fondé sur un corps législatif formé par les représentants d'une nation (l. XI, ch. 8). Признать вмѣстѣ съ Dubos, что nos rois, appelés par les peuples, n'ont fait que se mettre à la place et succéder aux droits des empereurs romains (l. XXX, ch. 24), значило согласиться съ положеніемъ, что въ самомъ основаніи французской монархіи не было задатковъ политической свободы.—Въ XVIII вѣкѣ хорошо понимали, что слѣдовало обратить особенное вниманіе на то, что сказано въ Духѣ законовъ о древней французской монархіи. См. Jugement de M-r Garat въ началѣ II тома Pierre'a Chabrit, De la monarchie française ou de ses lois, Bouillon, 1785, p. XI: Dans l'Esprit des lois la fin du livre où il traite des lois dans leur rapport avec la nature du terrain, le livre entier de l'origine et des révolutions des lois civiles en France, et les deux livres sur les fiefs, quoique séparés par les vues de l'auteur, peuvent être regardés cependant et lus de suite comme un ouvrage sur les antiquités de notre monarchie; c'est même ainsi qu'il faut les lire pour bien les comprendre.

пространены по всей Европѣ, благодаря завоеваніямъ, произведеннымъ народами сѣвера, и Монтескье специально восхваляетъ Скандинавію, указывая „на то великое преимущество, благодаря которому народы, населяющіе эту страну, должны быть поставлены выше всѣхъ народовъ свѣта; они были источникомъ свободы Европы, то есть, почти всей той свободы, которая есть въ настоящее время у людей”¹⁾.

Въ связи съ такимъ кругомъ идей норманская теорія въ русской исторіографіи могла дать своеобразное объясненіе хода русской исторіи, построенное на параллельномъ съ исторіей запада раскрытіи судебъ „готическаго правленія” среди русскихъ славянъ. Въ дѣйствительности однако она ничего подобнаго не дала. Приложеніе ея ограничивалось однимъ лишь древнимъ періодомъ, въ которомъ отмѣчались заимствованія, не обобщаемыя однако какою-либо единою философско-историческою мыслью. Въ объясненіи дальнѣйшаго хода русской исторіи представители норманской теоріи въ XVIII столѣтіи, въ томъ числѣ и Шлецеръ, примыкали къ той традиціонной схемѣ русской исторіи, которая была выдвинута ихъ научными противниками, и слѣдили не за судьбами политической свободы, а за ростомъ монархическаго полновластія; норманисты проявили нѣкоторую самостоятельность въ томъ, что отрицали полноту монархической власти у Рюрика и его ближайшихъ преемниковъ, но въ дальнѣйшемъ не отступали отъ

¹⁾ *L'esprit des lois*, l. XVII, ch. 4:... En Europe nous ne connoissons, depuis l'établissement des colonies grecques et phéniciennes, que quatre grands changements: le premier, causé par les conquêtes des Romains, le second, par les inondations des barbares qui détruisirent ces mêmes Romains; le troisième, par les victoires de Charlemagne, et le dernier, par les invasions des Normands (нашъ курсивъ). *Ibidem*, l. XVII, ch. 5: Les peuples du nord de l'Europe l'ont conquise en hommes libres.... les Goths, conquérant l'empire romain, fondèrent partout la monarchie et la liberté.—Je ne sais si le fameux Rudbeck, qui, dans son *Atlantique*, a tant loué la Scandinavie, a parlé de cette grande prérogative qui doit mettre les nations qui l'habitent au-dessus de tous les peuples du monde: c'est qu'elles ont été la source de la liberté de l'Europe, c'est-à-dire de presque toute celle qui est aujourd'hui parmi les hommes. Срвн. *Pensées et fragments inédits de Montesquieu*, Bordeaux, 1901, t. II, p. 210: Les peuples du Nord d'Europe source de la liberté.

традиціонной схемы¹⁾. То же замѣчаемъ и у ихъ послѣдователей въ XIX столѣтіи.

Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ Полевой. Признавъ лѣтописный разсказъ о призваніи варяговъ баснословнымъ, онъ видѣлъ въ немъ лишь свидѣтельство о такомъ же завоевательномъ распространеніи скандинавовъ на востокъ, какое имѣло мѣсто и на западѣ Европы²⁾. Въ этомъ проявилось тождество „новаго образованія обществъ” въ IX и X вѣкахъ во всей Европѣ³⁾. Дальнѣйшая исторія пошла однако на западѣ и на востокѣ различными путями, потому что различна была та культурная почва, на которую пришлось сѣсть завоевателямъ тамъ и здѣсь. „Тѣ же германскаго и скандинавскаго происхожденія народы, одинаковой степени образованія, духа и религіи, пришли”, говоритъ Полевой, „на Ильмень, Днѣпръ и на Ладогу, Тибръ и Гвадалквивиръ; одинаково и дикіе славяне, и просвѣщенные римляне сдѣлались ихъ рабами. Безспорно; но по разницѣ того, что было древле, прежде ихъ, отъ одинаковыхъ событій явились слѣдствія различныя”⁴⁾. Германская свобода развилась лишь на западѣ и югѣ Европы, — изъ обломковъ древней общественности и образованія, въ борьбѣ церковной, монархической, феодальной и народной силы. Ни того же культурнаго наслѣдія, ни указанной борьбы не было на славяно-русскомъ востокѣ; вслѣдствіе этого къ нему не привились и начала политической свободы⁵⁾.

Приведенныя воззрѣнія Полевого, вообще отступавшаго отъ правовѣрнаго норманизма⁶⁾, стояли обособленно и оди-

¹⁾ См. П. Н. Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли, томъ I, Москва, 1897, стр. 101, 103—104, 105—106.

²⁾ Исторія русскаго народа, томъ I, Москва, 1829 г., стр. 18, 55, 13—14.

³⁾ Исторія русскаго народа, томъ II, Москва, 1830 г., стр. 10.

⁴⁾ Ibidem, pag. 17—18.

⁵⁾ Ibidem, pag. 18—28, 34—36, 39—40. См. П. Н. Милюковъ, назв. сочин., стр. 268—269.

⁶⁾ Это отступленіе сказалось во взглядѣ на Русскую Правду. — „Русская Правда”, говоритъ Полевой, „въ томъ видѣ, какъ она дошла

ноко и не раздѣлялись корифеями школы, которые относились къ самозванному историку съ крайнимъ пренебреженіемъ.

Оставляя совершенно въ сторонѣ германо-норманскій духъ политической свободы, наши норманисты ограничивались тѣмъ, что приписывали германцамъ культуртрегерскую миссію по насажденію среди славянъ государственности вообще, независимо отъ отношенія ея къ политической свободѣ. До призванія варяговъ восточные славяне находились въ состояніи дикости, съ пришествіемъ варяговъ немедленно водворился среди нихъ упорядоченный политическій и правовой укладъ. Таково было ученіе норманистовъ о культурномъ значеніи германскаго начала въ исторіи славянъ. Вѣрнымъ его откликомъ явились приведенныя нами выше слова М. П. Погодина о варяжскомъ дарѣ гражданства. Выросшее на почвѣ разсказа русской лѣтописи, ученіе это было затѣмъ распространено на другіе славянскіе народы и съ особенной силой проявилось въ польской исторіографіи, въ которой сложился свой норманизмъ, и такъ какъ въ Польшѣ не было своихъ лѣтописныхъ варяговъ, то пришлось предвзительно присочинить особую „теорію наѣзда”¹⁾.

до насъ, есть смѣшеніе законовъ скандинавскихъ и германскихъ, древнихъ славянскихъ обычаевъ, даже греческихъ и церковныхъ законовъ. Но—замѣтимъ важное обстоятельство: это смѣшеніе произошло подъ сильнымъ вліяніемъ народа-повелителя, варяговъ, и князя, повелѣвающаго безусловно и безотчетно.—Почитавшіе оную снимкомъ съ скандинавскихъ законовъ ошибались такъ же, какъ и почитавшіе оную уложеніемъ, даннымъ отъ Ярослава руссамъ. Предположеніе о снимкѣ оной съ германскихъ законовъ столь же неосновательно. Представителемъ первой системы можно считать Шлепера, второй Карамзина, третьей Эверса. Подумаете, что каждый обязывался представить свое отдѣльное предположеніе, не думая о тѣхъ истинахъ, что духъ чело-вѣческій вездѣ проявляется одинаково, и измѣняла его только мѣстность; что ни одинъ народъ и никогда не списывалъ вполнѣ и не бралъ цѣликомъ законовъ другого, и законодательство нигдѣ не ограничивалось однимъ источникомъ.—См. Исторія русскаго народа, томъ II, стр. 189 и 190, примѣч. 198-ое.

¹⁾ См. Al. Kraushar, Uwagi nad historją prawa, Warszawa, 1868, str. 116—118 (о Нарушевичѣ); 120—121 (о Чацкомъ); 121, nota 1-a (о Шайнохѣ). Wł. Smoleński, Szkoły historyczne w Polsce, издание Biblioteki dzieł wyborowych, Warszawa, 1898, str. 99—100 (о Пекосинскомъ). O. Balzer, Historia porównawcza praw słowiańskich. Główne

Но и признаніе культурно-исторической миссіи германцевъ въ славянскомъ мірѣ ограничивалось у большинства норманистовъ предѣлами древняго періода. Они указывали, что восточные славяне въ IX вѣкѣ были дики, и что только норманы насадили у нихъ политическую и правовую культуру. Этимъ утвержденіемъ обычно ограничивались и не дѣлали изъ него никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ. Только немногіе изъ норманистовъ шли дальше и полагали культурную миссію германцевъ въ основу объясненія всего дальнѣйшаго хода русской исторіи. Въ числѣ этихъ немногихъ особенно видное мѣсто принадлежитъ Кунику. Въ древней исторіи восточной Европы его занималъ вопросъ о государственномъ развитіи славянскихъ племенъ, и именно въ видахъ разрѣшенія этого вопроса занялся онъ разысканіемъ происхожденія варяговъ и ляховъ¹⁾. Вопросъ объ основателяхъ государства является для Куника вопросомъ о первоосновѣ исторіи народа²⁾; отъ его разрѣшенія зависитъ правильное пониманіе дальнѣйшаго хода русской исторіи³⁾. Вопросъ о происхожденіи варяговъ-руси долженъ разсматриваться не какъ цѣль

kierunki w rozwoju nauki i jej istotne zadanie въ изданіи: *Studia nad historią prawa polskiego* wydawane przez O. Balzera, tom I, zeszyt 5, Kraków, 1900, str. 10.

¹⁾ Ernst Kunik, *Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates*, I Abth., St.-Petersburg, 1844, Einleitung, S. IV: Für mich hatte stets derjenige Theil der Geschichte den meisten Reiz, dessen Gegenstand die staatliche Entwicklung eines Volkes oder eines Stammes ist... Ich gestehe, dass ich nicht in kurzer Frist dazu gekommen bin, einen klaren Blick auf das frühere Völkergewoge im Osten Europa und auf das, was aus ihm hervorgegangen ist, zu gewinnen. Erst Untersuchungen, die weniger einen Gegenstand der älteren, als der mittleren Geschichte zweier slawischen Völker betrafen, wurden jüngst für mich Veranlassung, auf die Entstehungen slawischer Staaten überhaupt und insbesondere des russischen einen näheren Blick zu werfen. Es konnte diess aber nicht geschehen, ohne vorher über zwei seit länger Zeit bestrittene Punkte, über die Nationalität der Waräger-Russen und der Lechen, eine feste Ansicht gewonnen zu haben.

²⁾ *Ibidem*, p. XV: Mehr als hundert Jahre hat bereits der gelehrte Streit über die Gründer des russischen Staates, also über die Grundlage der russischen Geschichte, gedauert.

³⁾ *Ibidem*, p. XVII: ...erwartet erst die spätere Geschichte der

въ себѣ, а какъ средство,—средство для построения фило-софіи русской исторіи. Призваніе варяговъ для насажденія государственности является столь же важнымъ всемірноисто-рическимъ фактомъ, какъ и обращеніе Петра Великаго на западъ за образцами для его государственныхъ преобразованій. Куникъ проводитъ аналогію между обоими фактами и послѣ этого заявляетъ, что далеко не безразлично, основано ли было русское государство славянами или азіатами, финнами, гер-манцами или кельтами; важно собственно не то, какой на-родъ основалъ государство, а то, какой духъ вложилъ онъ въ это дѣло¹⁾. Куникъ рѣшалъ, что государство русское основали норманы; отсюда ясно слѣдовало, что они вложили въ это государство духъ европейской культуры, и обращеніе Петра Великаго на западъ было такимъ образомъ не отступ-ничествомъ отъ историческаго духа русской государственно-

russischen und der übrigen Slawen ihre wahre Aufhellung von dem rich-tigen Verständniss der ersten Epoche der russischen Staatsgeschichte.

¹⁾ Ibidem, p. XVIII—XIX: Est ist aber endlich an der Zeit, eine höhere, nicht mehr allein auf Formelle gerichtete Forderung der Wissen-schaft zu erfüllen und die Frage über die Abstammung der Waräger-Rus-sen nicht mehr als Zweck an sich, sondern nur als Mittel zum Zweck zu betrachten. Es wird sich dann weniger um das verschrieene Thema handeln, ob die Waräger Slawen, oder Finnen, Germanen oder Asiaten waren, sondern darum, wess Geistes Kind sie waren, welche Kräfte bei der Gründung des russischen Staates in Bewegung gesetzt wurden, wie er überhaupt gegründet wurde. Von diesem Gesichtspunkte aus erscheint der so lange streitige Ge-genstand als einer der grössten welthistorischen. Seit Peter dem Grossen hat das grösste der slawischen Völker sich mit der Kultur Europas auf das Innigste befreundet und wirkt in Folge dieses wieder wohlthätig auf so viele asiatische Völkerschaften zurück; diese haben erst unter Russlands Scepter in einem wahren Staatsverbande leben gelernt. Ein solcher ge-sellschaftlicher Verein war auch im 9-ten Jahrhundert für die Bewohner des europäischen Ostens, wie Nestor erzählt, eine unumgängliche Nothwen-digkeit geworden. Sie, die Naturkinder, deren gesellschaftliche Bildungs-stufe noch keine grosse Persönlichkeiten hervorbringen konnte, sahen ein, dass nur ein solcher Menschenschlag wie die Normannen die oft gestörte Sicherheit nach aussen und den Frieden im Innern kräftig wahren könnte. Da nun schon ein jedes Naturvolk seine eigenthümlichen Anlagen, in phy-sischer, wie in moralischer Hinsicht besitzt, so folgt von selbst daraus, dass zwischen Gründung eines Staates durch Slawen oder Asiaten, Fin-nen, Germanen oder Kelten im neunten Jahrhundert ein grosser Unter-schied liegt, der nicht scharf genug definirt werden kann.

сти, но, напротив того, его естественнымъ послѣдствіемъ. Куникъ самъ не формулируетъ сдѣланнаго нами вывода, но выводъ этотъ вытекаетъ изъ его разсужденія съ логическою необходимостью и подтверждается еще указаніемъ Куника на то, что антинорманисты въ русской исторіи относятся съ осужденіемъ къ реформѣ Петра Великаго¹⁾.

Доказательство того, что „Россія есть европейская держава“, Екатерина II, слѣдуя Монтескье, видѣла въ томъ, что къ ней легко и удобно привились европейскіе нравы и обычаи, введенные Петромъ Великимъ²⁾. Куникъ перенесъ вопросъ въ глубь вѣковъ и указалъ источникъ европейскаго духа русской исторіи въ основаніи государства норманами. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что славянская стихія сама по себѣ была непригодна для политическаго развитія: для образованія государства необходимо было присоединеніе къ ней чуждыхъ этнографическихъ элементовъ,—финновъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ призванія варяговъ и даже игравшихъ въ этомъ дѣлѣ первенствующую роль³⁾, и нормановъ, принесшихъ начала государственности и гражданственности. Начатое при чужой помощи, русское государство и для дальнѣйшаго своего развитія требовало чужеземныхъ заимствованій, какъ это показала Петровская реформа. Такой выводъ былъ выставленъ противъ „самобытничанія“ нарождавшихся славянофиловъ, съ которыми Куникъ полемизировалъ въ лицѣ Венелина⁴⁾. Теорія культурнаго, такъ сказать, оплодотворенія славянъ чуждыми этнографическими элементами оскорбляла національное

¹⁾ Ibidem, p. XX, nota 2-a: Es ist gewiss merkwürdig, dass diejenigen, welche in der neusten Zeit die Normannität der Waräger geradezu läugneten, auch Peter den Grossen nach ihrer Weise vor ihr Forum ziehen.

²⁾ Наказъ имп. Екатерины II. ст. 6—7; сравн. Montesquieu, De l'esprit des lois, l. XIX ch. 14.

³⁾ Это видно изъ самаго заглавія труда Куника,—Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, а также изъ того одобренія, съ которымъ онъ относится къ заявленію Порошина о томъ, что воспріемниками нарождавшагося русскаго государства были финны,—см. l. c., p. XXVII.

⁴⁾ См. l. c., p. VII sq.

самолюбіє славянофиловъ и рѣшительно отвергалась ими. Впослѣдствіи однако она воспринималась ихъ отдаленными послѣдователями, примирившимися съ „петербургскимъ періодомъ“ и съ „западничествомъ“ въ русской общественности. Въ „примирительномъ направленіи“ придавалась указанной теоріи мягкая и даже лестная для національнаго самолюбія мотивировка: „Финское упрямство“ и „нѣмецкая выдержка“ признаны были нужными „по крайней мѣрѣ какъ нѣкоторая лигатура или твердая примѣсь къ мягкому благородному металлу, изъ котораго иначе нельзя сдѣлать ничего прочнаго“¹⁾.

Наряду съ вопросомъ объ этнографическомъ матеріалѣ, изъ котораго составилось русское государство подъ культурнымъ воздѣйствіемъ германскаго элемента, норманисты выдвигали еще другой моментъ, именно,—мирный характеръ первоначальнаго образованія русскаго государства. Эту сторону подчеркнулъ еще Шлецеръ. „Большинство великихъ государствъ міра“, говорилъ онъ, „возникли путемъ завоеванія или принужденія, и немногія, какъ Римъ, путемъ случайнаго стеченія народовъ. Не такъ возникло русское государство! Пять народовъ, или скорѣе, народцевъ (чудь, славяне, меря, кривичи, весь), разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ земли и различныхъ между собою даже по языку, вступаютъ добровольно въ союзъ, побуждаемые къ тому, правда, нуждой и опасностью, но не принуждаемые никакимъ Нимродомъ, и избираютъ себѣ по общему соглашенію верховныхъ главъ изъ шестого народа“²⁾. Шесть „бессмертныхъ народцевъ“ яви-

¹⁾ А. Л. Блокъ, Политическая литература въ Россіи и о Россіи, Варшава. 1884, стр. 10.

²⁾ A. L. Schlözer, Несторъ. Russische Annalen, III Theil, Göttingen, 1805, S. 14. Въ другомъ мѣстѣ Шлецеръ говоритъ: Die drei Brüder hatten ein so starkes Gefolge von Landsleuten mit sich gebracht, dass sie alles mit Gewalt niederschlagen konnten“ (op. cit., II, 201). Это бросало нѣкоторую тѣнь на характеръ „призванія“. Проявившееся въ этомъ самопротиворѣчіи Шлецера отмѣтилъ еще А. Артемьевъ въ своей диссертациі на тему: „Имѣли ли варяги вліяніе на славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?“, Казань, 1845, стр. 5.—Ниже мы отмѣчаемъ специальную оговорку М. П. Погодина по поводу того, что

лись такимъ образомъ „свободными учредителями русскаго государства”¹⁾. Это ученіе о мирномъ и добровольномъ образованіи русскаго государства, въ отличіе отъ насильственного возникновенія западно-европейской государственности изъ завоеванія, нашло себѣ дальнѣйшее развитіе у М. П. Погодина.

Сосредоточившись на древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, М. П. Погодинъ придавалъ начальному образованію государства, въ духѣ исторіографіи XVIII столѣтія, существенное опредѣляющее значеніе для всего дальнѣйшаго историческаго развитія. Онъ отрицалъ наличность общественнаго договора на зарѣ политическаго бытія народовъ и уподоблялъ образованіе гражданскихъ обществъ безсознательному естественному росту минераловъ²⁾. Но въ этомъ естественномъ, стихійномъ ростѣ человѣческихъ обществъ начальной стадіи принадлежало рѣшающее значеніе,—ею предопредѣлялось направленіе дальнѣйшаго развитія. „Вся исторія народа”, писалъ М. П. Погодинъ въ своихъ *Афоризмахъ*, „является изъ первыхъ его дѣйствій (какъ все огромное дерево заключается въ зародышѣ, какъ въ младенцѣ видѣнъ уже весь будущій человѣкъ); напримѣръ, въ управленіи Ромула и отношеніи его

„призваніе и завоеваніе... раздѣлялись очень тонкою чертою.“—Вслѣдъ за Шлецеромъ и Карамзинъ отмѣтилъ „призваніе“, какъ особенность русской исторіи. „Начало російской исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ.“—Ист. Гос. Росс., т. I, гл. 4 (стр. 130 по 3-му изд. Смирдина).—Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ говоритъ, что варяги были „избраны славянами управлять государствомъ“ (т. II, гл. 3-ья, стр. 73).

¹⁾ Ibidem, S. 9: Dies sind die 6 unsterblichen Völkerschafften, denen der Ehren-Name „freie Stifter des russischen Staats“ gebührt.

²⁾ М. П. Погодинъ, Историческіе афоризмы, Москва, 1836, стр. 100: „Учители права естественнаго говорятъ о какихъ-то договорахъ, выговариваемыхъ и подразумѣваемыхъ, въ силу коихъ составились гражданскія общества. Нѣтъ,—общества составляются какъ минералы, нарастая снаружи, и условія начинаются только теперь“.

малочисленного отряда къ прочимъ сосѣднимъ племенамъ италіанскимъ заключается уже причина будущаго преимущества надъ ними и надъ всѣмъ древнимъ міромъ. Послѣдующія дѣйствія суть только развитіе перваго начала, а первое начало опредѣляется преимущественно мѣстомъ пребыванія: сынъ персти—человѣкъ, это выраженіе имѣетъ глубокое историческое значеніе”¹⁾. Хотя въ приведенномъ афоризмѣ выдвигается на первый планъ „мѣсто пребыванія”, въ которомъ зарождается историческая жизнь народа, тѣмъ не менѣе М. П. Погодинъ никогда не занимался объясненіемъ исторіи изъ естественныхъ условій территоріи. Онъ различалъ въ „первомъ началѣ” два другихъ опредѣляющихъ момента: смѣшанный этнографическій составъ первыхъ историческихъ дѣятелей и военный или мирный характеръ ихъ начальныхъ политическихъ дѣйствій, причемъ одно время придавалъ рѣшающее значеніе первому моменту, но впослѣдствіи оставилъ его и связывалъ всѣ свои философско-историческія построенія исключительно со вторымъ моментомъ.

„Народы вступаютъ въ бракъ между собою, какъ лица, и отъ сихъ бракосочетаній происходятъ новые народы, новое потомство. Такъ норманы женились на нашихъ славянахъ, франки на галлахъ, англосаксы на бриттахъ, вестготы на испанцахъ, остготы на итальянцахъ, венгры на паннонцахъ, норманы на сицилійцахъ, нѣмецкіе рыцари на пруссахъ и проч. Сии мужья, не смотря на малочисленность, преобразовали совершенно своихъ женъ со всѣмъ ихъ приданымъ (нашимъ славянамъ, на примѣръ, норманы дали все политическое устройство). Въ семъ отношеніи всѣ почти европейскія государства начались одинакимъ образомъ”²⁾. Скрещива-

¹⁾ Ibidem, pag. 53—54.—Вся эта тирада о значеніи „мѣста пребыванія” представляетъ собою плодъ увлеченія М. П. Погодина ученіемъ Риттера о значеніи географіи для исторіи. Погодинъ съ жаромъ восхвалялъ и проповѣдывалъ это ученіе (см. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. II, стр. 141—142; кн. IV, стр. 312), но самъ не примѣнялъ его къ объясненію русской исторіи.

²⁾ Историческіе афоризмы, стр. 13. Срвн. ibidem, pag. 77—78: „Всѣ древнія государства начали свое образованіе посредствомъ

ніе разнородныхъ племенныхъ элементовъ, возведенное здѣсь на степень нѣкотораго общаго закона европейской исторіи, было съ теченіемъ времени совершенно оставлено Погодинымъ.

Въ противоположность Кунику М. П. Погодинъ никогда не простиралъ своего норманизма на объясненіе реформы Петра Великаго. Онъ признавалъ органическую необходимость послѣдней, вызванную тѣмъ, что „предъ вступленіемъ на престолъ Петра Великаго всѣ части (жизни государственной) устарѣли, обветшали“. Процессъ этого обветшанія отнюдь не приводился въ связь съ раствореніемъ и исчезновеніемъ норманскаго элемента въ славянской стихіи, а рассматривался М. П. Погодинымъ какъ „обыкновенная участь человѣческихъ учреждений, кои также живутъ, возрастаютъ, процвѣтаютъ и потомъ старѣютъ, лишаются своей силы”¹⁾. Равнымъ образомъ и заимствованіе образцовъ для реформы у западной, германской Европы не объяснялось германскимъ „началомъ” нашей государственности. „Европейская стихія” въ преобразованіяхъ Петра Великаго была въ глазахъ Погодина проявленіемъ общаго историческаго закона культурнаго общенія народовъ, въ силу котораго „пришедшіе позднѣе” и „младшіе братья” подвергаются вліянію ранѣе потрудившихся на культурномъ поприщѣ и старшихъ: русскому народу пришлось испытать нѣсколько такихъ культурныхъ вліяній,—со стороны нормановъ, грековъ, монголовъ и нѣмцевъ²⁾.

иностранныхъ поселенцевъ. Такъ къ египтянамъ пришла каста жрецовъ вѣроятно изъ Индіи; греки получили образованіе отъ египтянъ и финикіянъ, которые сверхъ того развезли его по берегамъ Средиземнаго моря. Потомъ греки дополнили оное своими поселеніями еще далѣе, образовали римлянъ, римляне германцевъ и т. д.“—*Ibidem* pag. 86: „Различіе племенъ, составившихъ государство, идетъ черезъ всѣ вѣки и переходитъ по всѣмъ формамъ—званія, секты, школы, партіи, образы мыслей. Какъ это удивительно!“.

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VII, стр. 373.

²⁾ Въ статьѣ подъ заглавіемъ: Петръ Великій и національное органическое развитіе, напечатанной въ юльскоѣ книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1863 годъ, Погодинъ писалъ: „Всѣ народы въ мірѣ подвергались вліянію одинъ другого: въ древности греки—вліянію египтянъ, римляне—вліянію грековъ, хотя Катонъ Старшій

Неизмѣнно отстаивая норманизмъ древняго періода русской исторіи, въ объясненіи дальнѣйшаго хода послѣдней Погодинъ со временемъ пересталъ придавать существенное значеніе тому, къ какому племени принадлежали „женившіеся на нашихъ славянахъ”. Въ отчетѣ московскимъ друзьямъ о диспутѣ своемъ съ Костомаровымъ онъ прямо заявилъ, что „вопросъ о происхожденіи есть тысячный вопросъ изъ числа вопросовъ, составляющихъ русскую исторію. Измѣненіе его..... не имѣетъ никакого вліянія на совокупность русской исторіи. Русская исторія не двинется, если объ одномъ ея вопросѣ выразится новое мнѣніе”¹⁾. Такое заявленіе, несомнѣнно странное въ устахъ убѣжденнѣйшаго норманиста, объясняется тѣмъ, что еще задолго до диспута съ Костомаровымъ М. П. Погодинъ измѣнилъ свое мнѣніе о сущности „перваго начала” русской исторіи. Вопросъ о томъ, кто основалъ русское государство, постепенно утратилъ въ глазахъ М. П. Погодина философско-историческое значеніе; послѣднее перешло къ вопросу о томъ, какъ это государство было основано.

Чтеніе лекцій по всеобщей исторіи навело М. П. Погодина на мысль, что „основаніе всему политическому кладетъ въ Европѣ война”²⁾. Эта мысль настолько увлекла М. П. Погодина, что онъ склоненъ былъ распространять ее не только на умственную и нравственную жизнь людей, но и на естественный процессъ стихій³⁾. Единственное исключеніе изъ этого

проклиналъ ихъ образованіе; а въ новомъ мірѣ вся римская и германская Европа подчинилась Риму, потомъ христіанству. Таковъ законъ исторіи для всѣхъ государствъ. Мы пришли позднѣе всѣхъ и, какъ младшіе братья, понесли сугубое и трегубое иго: норманы, греки, монголы, нѣмецкіе и прочіе выходцы, родоначальники нашихъ дворянскихъ фамилій, дѣйствовали послѣдовательно на Россію до Петра”.—См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. XXI, стр. 420.

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XVII, стр. 309.

²⁾ М. П. Погодинъ, Историческіе афоризмы, Москва, 1836, стр. 57.

³⁾ Ibidem, p. 57: „Тѣ-же войны въ наукахъ междоусобныя, государственныя, народныя, тѣ-же феодалы, тѣ-же деспоты. Тѣ-же войны въ

общаго закона творческаго дѣйствія войны составляетъ начало русской исторіи. По лѣтописному разсказу, имѣвшему для М. П. Погодина рѣшающее значеніе, русское государство было основано не чрезъ завоеваніе, а мирнымъ путемъ чрезъ добровольное призваніе князей. Это коренное различіе въ „первомъ началѣ“ между Россіей и Европой привлекло на себя особенное вниманіе М. П. Погодина и было имъ положено въ основу философіи русской исторіи.

Взглядъ на „призваніе“, какъ на характерную черту „перваго начала“ и причину отличительныхъ особенностей всего дальнѣйшаго хода русской исторіи, былъ впервые, насколько намъ извѣстно, формулированъ М. П. Погодинымъ въ вступительной лекціи 1832 г.¹⁾, напечатанной затѣмъ въ 1846 году подъ заглавіемъ: „Взглядъ на русскую исторію“²⁾. — „Всѣ европейскія государства“, говоритъ М. П. Погодинъ въ названной лекціи, „какъ бы во исполненіе одного высшаго закона, основаны одинакимъ образомъ; всѣ составились изъ побѣдителей и побѣжденныхъ, пришельцевъ и туземцевъ..... И къ намъ пришли варяги, но *добровольно избранные*, по крайней мѣрѣ сначала, не какъ западные побѣдители и завоеватели,— первое существенное отличіе въ зернѣ, сѣмени русскаго государства, сравнительно съ прочими европейскими“³⁾. Отсутствіе завоеванія привело къ тому, что у насъ не было и „пер-

человѣкъ (феодалныя страсти, самодержавный разсудокъ и пр.). Тѣ-же войны между стихіями“.

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IV, стр. 72.

²⁾ См. М. П. Погодинъ, Историко-критическіе отрывки, кн. I, Москва, 1846, стрн. 1—18.—К. Д. Кавелинъ уличалъ М. П. Погодина въ томъ, что его вступительная лекція составлена по старымъ запискамъ профессора Х. А. Чеботарева (изданнымъ М. А. Максимовичемъ въ 9-ой книжкѣ Чтеній М. О. И. и Др. Р. за 1847 годъ). См. Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, изд. М. М. Стасюлевича, Томъ I, СПб., 1897, столб. 849—851.

³⁾ Историко-критическіе отрывки, т. I, с. 5—6. Срвн. Историческіе афоризмы, стр. 102: „Къ древнимъ народамъ приносили образованіе; новые (западные) ходили за нимъ, безъ намѣренія впрочемъ. Восточныя европейскія племена (т. е. славяне) во всемъ составляютъ средину между европейской и азіатской жизнью“.

ваго чада" его—феодализма. Наша удѣльная система „существенно отличается отъ феодальной, хотя и составляетъ видъ того же рода" ¹⁾. Отсутствіе феодализма и признается, собственно говоря, главной особенностью русской исторіи, наложившей на нее своеобразный отпечатокъ самобытности, въ силу которой „вся исторія наша до малѣйшихъ общихъ подробностей представляетъ совершенно иное зрѣлище" какъ во внѣшнемъ своемъ обликѣ,—„у насъ не было укрѣпленныхъ замковъ, наши города основаны другимъ образомъ" ²⁾,—такъ и во внутреннемъ складѣ общества и отношеніи къ нему правительства. Сословныя различія обосновались въ Россіи не на противоположеніи побѣдителей и побѣжденныхъ, а на службѣ общему дѣлу—государству; вслѣдствіе этого между сословіями не было ни замкнутости, ни розни. „Наше дворянство, не феодальнаго происхожденія, а собравшееся въ позднѣйшее время съ разныхъ сторонъ, какъ бы для того, чтобы пополнить недостаточное число первыхъ варяжскихъ пришельцевъ, изъ Орды, Крыма, изъ Пруссіи, изъ Италіи, изъ Литвы, не можетъ имѣть той гордости, какая течетъ въ жилахъ испанскихъ грандовъ, англійскихъ лордовъ, французскихъ маркизовъ и нѣмецкихъ бароновъ, называющихъ насъ варварами. Оно почтеннѣе и благороднѣе всѣхъ дворянствъ европейскихъ въ настоящемъ значеніи этого слова, ибо приобрѣло свои отличія *службою* оте-

¹⁾ Истор.-крит. отрывки, I, 6. Впослѣдствіи Лакіеръ доказывать специально противъ Погодина, что феодализмъ вполне возможенъ и при добровольномъ призваніи, см. А. Лакіеръ, О вотчинахъ и помѣстьяхъ, СПб., 1848, стр. 6—7. Погодинъ отвѣчалъ Лакіеру весьма банальными соображеніями о томъ, что „въ русской исторіи все просто, потому что близко къ природѣ, естественно", и наставленіемъ, что не слѣдуетъ смотрѣть на русскую исторію чрезъ нѣмецкіе, французскіе и латинскіе очки. См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. X, стр. 87—88.

²⁾ Ibidem, pag. 8.—Въ 1841 г. во время путешествія по Россіи М. П. Погодинъ, прохаживаясь по Владиміру на Клязьмѣ, спрашивалъ себя: „Что такое города русскіе? и отвѣчалъ: Колоніи правительства, а первые города, Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ—торговыя селища. Слѣдственно, наши города съ самаго начала не имѣютъ никакого сходства съ европейскими". См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. VI, стр. 163—164.

честву..... Доступность правъ, яблоко раздора между словіями въ древнемъ и новомъ мірѣ, существуетъ у насъ искони: простолюдину открытъ путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ”¹⁾. Общество живетъ въ неизмѣнномъ единеніи съ правительствомъ, водворившимся среди него путемъ не завоеванія, а призванія, и въ Россіи даются добровольно сверху такія крупныя реформы, которыя на западѣ добываются насильно снизу. „Кто сожигаетъ у насъ разрядныя книги и уничтожаетъ мѣстничество, основанное также на заслугахъ? Не разъяренная чернь Бастильская въ минуту звѣрскаго неистовства, не Гракхъ, не Мирабо, не Руссо, а чиновный бояринъ, спокойно на площади, передъ лицомъ всѣхъ сословій, по повелѣнію самодержавнаго государя Θεодора Алексѣевича.— Кто доставляетъ намъ средство учиться, понимать себя, чувствовать человѣческое свое достоинство? *Правительство*”²⁾.

Тѣ же мысли были болѣе подробно разработаны М. П. Погодинымъ въ разсужденіи: *Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ, относительно начала*, которому авторъ придавалъ столь важное значеніе, что напечаталъ его нѣсколько разъ³⁾. Мы извлечемъ изъ этого разсужденія дополнительныя данныя для характеристики Погодинской философіи русской исторіи. Въ этомъ отношеніи важно прежде всего отмѣтить собственное признаніе автора въ томъ, что отправной точкой для его построеній служитъ лѣтописный разсказъ. „Мы имѣемъ положительное сказаніе лѣтописи, что наше государство началось не вслѣдствіе завоеванія, а вслѣдствіе призванія. Вотъ источникъ различій! Какъ на западѣ все произошло отъ завоеванія, такъ у насъ происхо-

¹⁾ Истор.-крит. отрывки: I, 9 и 8.

²⁾ Ibidem, p. 8.

³⁾ Въ I-омъ номерѣ Москвитянина за 1845 годъ, въ I томѣ Историко-критическихъ отрывковъ (1846 г., стр. 55—82), въ III-емъ томѣ Исслѣдованій, замѣчаній и лекцій (1846 г., стр. 493—518); наконецъ, въ I томѣ Древней русской исторіи до монгольскаго ига (1871 г., стр. 85—94), гдѣ „параллель” названа „сравненіемъ”.

дѣтъ отъ призванія, непрекословнаго занятія и полюбовной сдѣлки”¹⁾. Словно предвидя возраженія по поводу шаткости приведеннаго различія, авторъ спѣшитъ пояснить его. „Призваніе и завоеваніе”, говоритъ онъ, „были въ то грубое, дикое время, положимъ, очень близки, сходны между собою, раздѣлялись очень тонкою чертою,—но раздѣлялись!—Взгляните на два зерна: они почти одинаковы; развѣ вооруженнымъ глазомъ можно подмѣтить ихъ тонкое различіе,—но дайте срокъ, дайте время этимъ сѣменамъ развиться, вырасти, и вы увидите, что изъ одного возникнетъ дубъ, а изъ другого пальма, или какое нибудь нѣжное, благоуханное растеніе, и тонкое различіе зеренъ обнаружится разительно въ цвѣтахъ и плодахъ”²⁾. Центръ тяжести различія лежитъ по прежнему въ отсутствіи у насъ феодализма и выросшаго на его почвѣ сословнаго государства. Въ русской исторіи „нѣтъ ни раздѣленія, ни феодализма, ни убѣжищныхъ городовъ, ни средняго сословія, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы”³⁾.... У насъ не было общественнаго различія между побѣдителями и побѣжденными,—за голову русина и славянина полагалась по Русской Правдѣ одна и та же цѣна⁴⁾. Княжеская власть стояла въ непосредственномъ отношеніи къ народу и не была отдѣлена отъ него промежуточной властью вассаловъ⁵⁾. „Нашъ князь не имѣлъ никакихъ обязанностей къ боярамъ”⁶⁾; напротивъ того, они были подчинены князю и находились въ совершенной отъ него зависимости⁷⁾. „Всѣ жители различались только по своимъ занятіямъ, равно доступнымъ для всякаго, а въ политическомъ, гражданскомъ отношеніи, были равны между собою и передъ княземъ”⁸⁾. Полное отсутствіе сословной розни даетъ

1) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, III, 498.

2) Л. с., III, 498—499 срвн. Историческіе афоризмы, стр. 88.

3) Изслѣдованія, 497—498.

4) Ibidem, 510.

5) Ibidem, p. 501.

6) Ibidem, 500.

7) Ibidem, 507.

8) Ibidem, 504, срвн. ibidem, 405: „... Сословія только мелькнули въ началѣ нашей исторіи, и чуждыя туземнымъ племенамъ никакъ

М. П. Погодину поводъ сказать, что „въ основаніе государства у насъ была положена любовь, а на западѣ ненависть”¹⁾, и что „нашъ народъ былъ посаженъ на легкій оброкъ, а западный осужденъ на тяжелую барщину”²⁾.

Приведенную основную „параллель” М. П. Погодинъ нерѣдко дополнялъ впослѣдствіи новыми штрихами, которые развивали прежнюю мысль о томъ, что всѣ особенности нашей исторіи выводятся изъ отсутствія завоеванія и феодализма. Въ этомъ именно духѣ М. П. Погодинъ замѣчаетъ (въ критической статьѣ по поводу диссертациі Т. Н. Грановскаго *объ Аббатѣ Суперіи*), „что у насъ понятіе объ единствѣ, цѣлости началось гораздо прежде, чѣмъ на западѣ. Оно было общее и исконное, никогда не прерывалось между князьями, духовенствомъ, воями, народами, лѣтописателями, не смотря ни на какое раздѣленіе, чувствовалось живо и приносило плоды”³⁾. Въ этомъ же духѣ отмѣчается въ качествѣ отличительной особенности русской исторіи отвращеніе къ формѣ. „Ни одинъ на-

не могли завестись между ними осталось раздѣленіе естественное, прежнее по занятіямъ”.

1) Ibidem, 510.

2) Ibidem, 503: „Оброкъ и барщина, сами по себѣ, составляютъ теперь еще важное различіе для поселянина, уже смиреннаго, ручнаго, а что сказать о тяжеломъ оброкѣ и легкой барщинѣ въ первое время гражданскихъ обществъ, близкое къ природѣ и естественной свободѣ?” — Эти вполне „благонамѣренныя” слова, долженствовавшія служить поясненіемъ „благонамѣреннѣйшей” мысли, вызвали въ крѣпостнической средѣ тревожныя замѣчанія. „Признаюсь”, писалъ М. П. Погодину дружески къ нему расположенный Иванчинъ-Писаревъ, „я не понялъ сравненія или примѣненія тогдашняго быта съ нынѣшнимъ. Знаю только, что нынѣ и легкій оброкъ гибель народу, а умная барщина его благо. У меня каждый крестьянинъ въ свободное время отъ барщины вырываетъ себѣ триста рублей отъ тканей, а притомъ засѣваетъ и убираетъ въ пору свое поле. И такъ они живутъ припѣваючи, чѣмъ я и хвалюсь во всемъ околоткѣ. Что же я получаю доходу?—Двѣсти пятьдесятъ рублей съ брата. Положи я ихъ на оброкъ,—ни одинъ не заплатитъ ста рублей, отъ лѣности, нерадѣнія и пьянства, въ которомъ они погрязнутъ, какъ и другіе оброчные. Можетъ быть, ваша мысль согласуется съ моею, но это мѣсто показалось мнѣ темнымъ”. См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. VIII, стр. 15.

3) См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. X, стр. 566.

родъ не показываетъ такого отвращенія къ формѣ, какъ русскій, ни въ одной исторіи не встрѣчается такой недовѣрчивости, неуваженія къ формѣ, какъ въ русской, — вотъ почему такъ мало находится у насъ опредѣленнаго, положительнаго, что хотятъ теперь выдумать молодые, неопытные изслѣдователи, и тѣмъ стереть, по крайней мѣрѣ для своихъ читателей, нѣкоторые изъ отличительныхъ признаковъ русской исторіи. Въ чемъ состояло то или другое званіе, право, мы можемъ большею частью отыскивать только *по дѣйствіямъ*, сколько ихъ осталось, а *posteriori*, въ случаяхъ¹⁾..... И въ этомъ отношеніи русская исторія представляетъ совершенную противоположность съ западной: тамъ господствуетъ форма, и ей приносятся всякія жертвы; тамъ форма считается главнымъ условіемъ счастья гражданскаго и человѣческаго, и западные народы, французскій въ особенности, ищутъ ее безъ памяти, отъ утра до вечера, и мучатся: сколько, напримѣръ, однѣхъ конституцій перемѣнили они съ 1789 года!”²⁾. Самъ М. П. Погодинъ не ставитъ этого „отвращенія къ формѣ” въ непосредственную связь съ „первымъ началомъ” русской исторіи; тѣмъ не менѣе читатель не можетъ не усмотрѣть связи между отвращеніемъ къ юридической формѣ и началомъ „любви”, положеннымъ въ основу русскаго государства и противопоставляемымъ „ненависти” и общественной розни запада.

Такова философія русской исторіи, которую развивалъ М. П. Погодинъ изъ ея „перваго начала”. Слѣдуетъ замѣтить, что не всегда Погодинъ высказывалъ именно такія мысли о ходѣ русской исторіи сравнительно съ западной. Во дни молодости ему случалось предаваться діаметрально противоположнымъ размышленіямъ. Въ 1826 году, читая сочиненіе г-жи Сталь о революціи, онъ записывалъ въ свой дневникъ: „Я давно уже раздѣлилъ Россійскую исторію на два періода. Первый—феодализмъ съ Рюрика, второй—деспотизмъ съ Иоан-

¹⁾ М. П. Погодинъ, Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. IV, стр. 403—404.

²⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. XI, стр. 199.

на III. Третьему сѣмю положено 14 декабря. Первое европейское явленіе Россіи было въ 1812 году. Дотолѣ дѣйствія ея были частныя. Іоаннъ III утвердилъ самодержавіе, а первый прочный шагъ къ нему сдѣланъ за 150 лѣтъ до него Іоанномъ Калитою въ Москвѣ, а Калита сдѣлалъ сей шагъ только при помощи монголовъ, а монголы могли пособлять ему только по покореніи Россіи, а Россія покорена (отчасти) отъ раздѣленія на удѣлы, и такъ изъ самаго феодализма чрезъ многіе процессы родился деспотизмъ. Къ новой перемѣнѣ шагъ сдѣланъ 14 декабря, и сіе 14 декабря къ будущему относится такъ, какъ Іоаннъ Калита къ Іоанну III. Чудится мнѣ, что и династіи имѣютъ извѣстное отношеніе къ эпохамъ: феодализму, деспотизму и представительному образу правленія. Въ руссійской исторіи я вижу это ясно: мы переживаемъ вторую эпоху, и вторая династія у насъ царствуетъ. Рюрикова династія жила въ феодализмѣ и совершила онъ деспотизмъ. Вторая династія приняла въ руки свои деспотизмъ..... Замѣтимъ, что косвенно прямые Рюриковы потомки, коихъ было очень много при началѣ сей второй династіи, какъ-то случайно отстранились съ феодальною своею кровью" ¹⁾.... Эту схему русской исторіи, построенную по типу сходства съ западомъ, слѣдуетъ несомнѣнно отнести къ тѣмъ „младенческимъ" мыслямъ, которыя М. П. Погодинъ совершенно оставилъ, когда „сталъ мужемъ" ²⁾. Столь склонный къ многократнымъ повтореніямъ, онъ никогда

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. II, стр. 18. Въ приведенныхъ словахъ какъ бы предвѣщается мысль Герцена о томъ, что „царствованіе Александра I и 14 декабря заключаютъ Петровскій періодъ русской исторіи".

²⁾ „Выпуская нынѣ первый томъ моего многолѣтняго труда, въ которомъ описаны юные годы Погодина, я долгомъ считаю", пишетъ его біографъ, „предупредить, что инымъ могутъ показаться взгляды Погодина на лица, событія и предметы несогласными съ тѣми взглядами, которые онъ высказывалъ впослѣдствіи. Но вспомнимъ слова Св. Апостола Павла: Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески рассуждалъ: а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое (I Кор. 13, 14)".—См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. I, стр. VIII.

не воспроизводилъ приведенной схемы и допускалъ въ послѣдствіи лишь нѣкоторые отголоски положенной въ ея основу мысли о сходствѣ русской исторіи съ западной. Отголоски эти слышатся то въ признаніи „аналогіи явленій европейскихъ съ русскими” по существу „при всемъ различіи ихъ формъ”¹⁾, то въ подведеніи царствованія Іоанна Грознаго подъ общій для всей Европы XVI столѣтія процессъ „установленія самодержавія на развалинахъ феодализма”²⁾. Но это, повторяемъ, были лишь разрозненные отголоски; что же касается того цѣлаго, обломками котораго они являлись, то оно было оставлено авторомъ безповоротно и окончательно, будучи вытѣснено послѣдующей и уже извѣстной намъ „параллелью”.

Этой „параллели” самъ М. П. Погодинъ придавалъ безусловное значеніе и доказательство ея объективной правильности видѣлъ въ оправданіи основаннаго на ней предвидѣнія. Повѣрочное предвидѣніе относилось впрочемъ не къ Россіи, а къ западной Европѣ. Въ „параллели” М. П. Погодинъ заключилъ изображеніе порожденной завоеваніемъ общественной розни на западѣ слѣдующими словами: „Въ наше время низшіе классы вслѣдъ за средними являются на сцену, и точно какъ и въ революціи среднее сословіе боролось съ высшимъ, такъ теперь низшее готовится на западѣ къ борьбѣ съ среднимъ и высшимъ вмѣстѣ. Предтечей этой борьбы уже мы видимъ: сентъ-симонисты, соціалисты, коммунисты соотвѣтствуютъ энциклопедистамъ, представившимъ прологъ къ французской революціи. Горе, если среднія сословія не образумятся тамъ заблаговременно и не сдѣлають уступокъ. Имъ дается теперь на рѣшеніе задача такого же рода, какъ нотаблямъ въ 1789 году: тѣ не поняли своего положенія, и навлекли на свое отечество тучу бѣдствій. Не понимаютъ, кажется, и наши знаменитые современники, судя, напримѣръ, по просьбамъ манчестерскихъ

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. V, стр. 182; М. П. Погодинъ, Историко-критическіе отрывки, т. I, стр. 174.

²⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. II, стр. 393; М. П. Погодинъ, Ист.-крит. отрывки, т. I, стр. 270.

фабрикантовъ и рѣчамъ Грагама и Пиля, которые съ такимъ ожесточеніемъ не хотятъ уступить одного часа изъ двѣнадцати въ облегченіе несчастныхъ работниковъ, и вѣшаютъ равнодушно на аптекарскихъ вѣсахъ капли ихъ пота и крови, въ гордой надеждѣ распутать гордіевъ узелъ, который лишь только затягивается на западѣ”¹⁾. Этимъ своимъ словамъ М. П. Погодинъ придавалъ значеніе научнаго предсказанія; поэтому, когда разыгрались событія 1848 года съ революціоннымъ выступленіемъ пролетаріата, онъ съ гордостью заявлялъ: „Все происходитъ по моему предвидѣнію”²⁾.

Что касается Россіи, то по поводу ея социальныхъ отношеній М. П. Погодинъ не давалъ въ своей „параллели” никакихъ предсказаній. Но когда основной социальный вопросъ русской жизни его времени былъ рѣшенъ, и освобожденіе крестьянъ стало совершившимся фактомъ, М. П. Погодинъ поспѣшилъ включить его въ свою схему философіи русской исторіи. Въ написанной въ 1861 г. статьѣ, — *Наше время въ отношеніи къ русской исторіи*, — онъ указалъ на мирный характеръ великаго событія и противопоставилъ его насильственнымъ революціямъ запада, которыя не достигали однако столь коренного измѣненія социальныхъ отношеній. Словно недовольный тѣмъ, что нельзя было прямо сказать: „все произошло по моему предвидѣнію”, Погодинъ въ сердцахъ жестоко отчиталъ и выбранилъ всѣхъ „отвергавшихъ сравненіе (надо разумѣть: его *параллель*) русской исторіи съ западною”³⁾.

¹⁾ Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III, стр. 496.

²⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. IX, стр. 260.

³⁾ „Къ вамъ теперь, обращаюсь я, доморощенные наши историки-самозванцы, покойные и безпокойные, вы, препрославленные кумами-журналистами, вы, отвергавшіе сравненіе русской исторіи съ западною, и, наконецъ, вы, нагло восклицавшіе, что у насъ нѣтъ исторіи! Что вы скажете объ этихъ явленіяхъ?—Но мы вооружались противъ древней исторіи, ворчатъ они пристыженные, а это новая.—Да развѣ новая исторія не отъ древней происходитъ? Развѣ можно устье отдѣлить отъ истока, несмысленные! Ну, вотъ вамъ событіе и изъ древней исторіи, которую впрочемъ вы еще меньше понимаете, не смотря на свои умничанья, кои разлетаются въ прахъ при первомъ прикосновеніи критики. Уничтоженіе мѣстничества. Это событіе—столь же знаменательное, хотя,

Хотя М. П. Погодинъ крѣпко бранилъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ его схемы философіи русской исторіи, но и самъ онъ по временамъ противорѣчилъ ей своими заявленіями, противорѣчилъ въ корнѣ,—по основному вопросу о „первомъ началѣ”. По извѣстной намъ схемѣ „первымъ началомъ” признавалось призваніе князей. Таково было общее положеніе, по отдѣльнымъ же частнымъ поводамъ начало русскаго государства передвигалось въ болѣе позднюю эпоху. Побывавъ въ 1841 г. въ селѣ Боголюбскомъ, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „Кто бы подумалъ, что изъ этого мѣста Великороссія, нынѣшняя Россія, вступила на поприще исторіи!”¹⁾. Въ томъ же году Погодинъ напечаталъ статью о Москвѣ, въ которой категорически заявилъ, что *Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго государства*.—„Ни Новгороду, ни Кіеву, ни Владиміру нельзя приписать этой чести. Новгородъ и Кіевъ древнѣе Москвы, они начинаютъ русскую исторію, но не начинаютъ нынѣшняго русскаго государства. Они присоединились къ Москвѣ, а не Москва присоединилась къ нимъ. Это Ока, Кама, кои впадаютъ въ Волгу..... Началу Москвы соотвѣтствуетъ въ этомъ смыслѣ начало Волги....., а не начало Оки или Камы..... Начало нынѣшняго русскаго государства,.... соотвѣтствующее началу Волги въ Осташковскомъ уѣздѣ, есть Москва.

разумѣется, въ меньшемъ размѣрѣ: собственныя права свои.... старое боярство кладетъ на костеръ, подгребаешь уголья и сжигаетъ на площади—и когда? Когда не было помину ни объ какихъ интересахъ, ни о какомъ прогрессѣ и ни о какой гуманности, когда не было никакихъ образцовъ, да и знать ихъ никто не хотѣлъ. Но развѣ дворянству принадлежить мысль о сожженіи разрядныхъ книгъ? Кому же? Не Ѳеодору же Алексѣвичу, который по болѣзни своей ни объ чемъ и не думалъ; не народу, которому до разрядныхъ книгъ не было дѣла. Русскому толку, если хотите, принадлежитъ это славное дѣяніе, тому толку, который призвалъ Юрика, въ надеждѣ отъ него порядка, составилъ Судебникъ, избавилъ Москву отъ враговъ, избралъ Михаила, издалъ Уложеніе, возвелъ на престолъ семнадцатилѣтняго юношу Петра I, сжегъ Москву при французахъ, на который и теперь, по мудрѣйшему слову въ манифестѣ, государь полагается при приведеніи въ исполненіе величайшаго въ мірѣ преобразованія”.—См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. XVIII, стр. 29—30.

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. VI, стр. 164.

—Кієвъ, Новгородъ, древнѣе Москвы, были долго знаменитѣе, могущественнѣе, пространнѣе; но и впадающія рѣки берутъ часто свое начало гораздо выше, текутъ дальше своихъ воспріемницъ, и бывають иногда столь велики и важны, что производять споръ между географами, которую изъ нихъ считать главною, и которую побочною.—Впрочемъ дѣло Москвы такъ ясно, что объ ней и спорить нечего.—Всѣ части, составляющія нынѣшнюю Россійскую Имперію, суть пріобрѣтенія Москвы, такъ что всю Россію можно въ этомъ смыслѣ назвать распростиравшеюся Москвою”¹⁾.

Въ приведенныхъ словахъ высказано полное отрицаніе преемственности политическаго развитія между Новгородомъ, Кіевомъ и Москвой. Мы не можемъ воздержаться отъ того, чтобы мимоходомъ не отмѣтить въ этомъ отрицаніи нѣкотораго предвѣстія современнаго намъ теченія въ русской исторіографіи, усматривающаго въ Руси Днѣпровской и Руси Сѣверо-восточной двѣ совершенно различныхъ историческихъ дѣйствительности²⁾. Для Погодина такая точка зрѣнія была, въ сущности говоря, научнымъ самоуничтоженіемъ. Если „Москва есть корень, зерно, сѣмя русскаго государства”, то всѣ необходимыя, по мнѣнію Погодина, изысканія о началѣ государства³⁾

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. VI, стр. 4; М. П. Погодинъ, Истор.-критич. отрывки, кн. I, стрн. 164—165.

²⁾ См. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени подъ ред. В. Н. Сторожева, вып. I, Москва, 1898, стр. XVIII; М. Грушевскій, Звичайна схема „русской” исторіи й справа раціонального укладу історії Східнього Словянства, въ Статяхъ по славяновѣдѣнію, вып. I подъ ред. В. И. Ламанскаго, СПб., 1904, стр. 298—304.

³⁾ „Исторія всякаго государства есть не что иное, какъ развитіе его начала; настоящая и будущая его исторія такъ происходитъ изъ начала, какъ изъ крошечнаго сѣмени вырастаетъ то или другое огромное дерево, какъ въ человѣческихъ поколѣніяхъ правнуки сохраняють часто тончайшіе оттѣнки голоса или легчайшія черты тѣлодвиженія своихъ прадѣдовъ. Начало государства есть самая важная, самая существенная часть, краеугольный камень его исторіи, и рѣшаетъ судьбу его на вѣки вѣковъ. Въ началѣ должно искать источника главныхъ государственныхъ явленій, и вмѣстѣ отличія русской исторіи отъ всѣхъ прочихъ западныхъ и восточныхъ”.—Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. II, стр. 2.

должны сосредоточиваться исключительно на Москвѣ и отнюдь не простираются въ глубь далекаго по времени и генетически не связаннаго съ Москвой политическаго развитія Новгорода. Исторія послѣдняго можетъ имѣть лишь значеніе для мѣстной характеристики одной изъ провинцій, а отнюдь не для выясненія особенностей всего Московскаго государства, которое выросло изъ другого „зерна“. Между тѣмъ въ схемѣ („параллели“) ходъ исторіи государства въ его цѣломъ выводился изъ призванія князей новгородцами. Разсуждая строго логически, нельзя найти выхода изъ такого самопротиворѣчія: начало государства можно признавать либо въ Новгородѣ, либо въ Москвѣ. Погодинъ однако нашелъ выходъ, провозгласивъ еще „начало начала“, каковымъ онъ призналъ основаніе династїи, отождествляемое съ основаніемъ государства вообще,—дѣйствительнаго въ Новгородѣ и всякаго возможнаго въ будущемъ по всему лицу земли русской. Такая мысль содержится въ данномъ Погодинымъ истолкованіи историческаго значенія призванія и пришествія варяговъ. „Главное, существенное въ этомъ происшествіи, относительно къ происхожденію русскаго государства, есть не Новгородъ, а лицо Рюрика, какъ *родоначальника династїи*, который пришелъ съ чувствами дружелюбными къ племени, призывавшему его по доброй волѣ. Началось преѣмство, стало за кѣмъ слѣдовать, хотя еще и въ пустомъ пространствѣ. Вотъ почему это происшествіе бессмертно въ русской исторіи! Здѣсь начало династїи Это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала”¹⁾.

Погодинская философія русской исторіи была отраженіемъ и выраженіемъ того теченія общественной мысли, которое из-

1) См. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т. III, стр. 477 и 71. — Мы говоримъ о самопротиворѣчїи и выходѣ изъ него потому, что у М. П. Погодина оба приведенныхъ мнѣнія не смѣняются одно другимъ, а излагаются рядомъ. Въ I-ой книгѣ Историко-критическихъ отрывковъ (1846 г.) напечатаны и „Взглядъ на русскую исторію“, и извѣстная „Параллель“, и статья о „Приращеніяхъ Москвы“, напечатаны безъ какихъ бы то ни было измѣненій съ сохраненіемъ противорѣчащихъ другъ другу мѣстъ (см. стр. 5—6, 164, 38—39).

вѣстно подѣ мѣткимъ названіемъ „официальной народности” ¹⁾. Особенное значеніе придавалось въ этомъ направленіи ученію объ образованіи государства чрезъ призваніе, а не завоеваніе, какъ коренномъ отличіи русской исторіи отъ западной. Признаніе этого ученія и всѣхъ его послѣдствій являлось признакомъ политической „благонадежности”. Когда въ 1848 году въ виду революціоннаго движенія на западѣ правительство наше потребовало отъ журналовъ „предосудительнаго” направленія засвидѣтельствованія ихъ благонадежности, въ *Отечественныхъ Запискахъ* появилась редакціонная статья подѣ заглавіемъ: *Россія и Западная Европа*, въ которой превозносилось значеніе „призванія” и воспроизводились всѣ прочія мысли Погодинской „параллели”. Означенная статья была одобрена Негласнымъ Комитетомъ и затѣмъ „удостоилась обратить на себя всемилостивѣйшее вниманіе Его Императорскаго Величества”, какъ это официально засвидѣтельствовалъ предсѣдатель Негласнаго Комитета Д. И. Бутурлинъ ²⁾.

1) См. А. Н. Пыпинъ, Характеристики литературныхъ мѣтій отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ, изд. 3-е, СПб., 1906, стр. 135, 213.—Не безинтересно будетъ напомнить, что норманизмъ, официально одобряемый въ XIX вѣкѣ въ трудахъ „исторіографа” Карамзина и „дядьки” русской исторіи Погодина, въ XVIII вѣкѣ подвергался гоненію. Такъ, рѣчь Г. Ф. Миллера *Origines gentis et nominis Russorum* (1749 г.) была по жалобѣ Ломоносова не допущена къ произнесенію и конфискована. См. объ этомъ Sch lö z e r, Несторъ, *Russische Annalen, I Theil, Göttingen*, 1802, S. 92; А. А. Р т е м ѣ в ѣ, Имѣли ли варяги вліяніе на славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?, Казань, 1845, стр. 2. Вообще съ вопросомъ о происхожденіи Руси связывалось „чтеніе въ сердцахъ”. Такъ по поводу теоріи Костомарова Щебальскій писалъ Погодину: „Гдѣ секретъ этого всеобщаго восторга по поводу жмудскаго происхожденія? Вражда ли это къ нѣмцамъ; желаніе ли это . . . выругать потомковъ Рюрика и его самого, или наконецъ, открыть, что прикосновеніе къ жмудичу даетъ что нибудь другое кромѣ чесотки? . . . Но тутъ секретъ какой нибудь есть”.—См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. XVII, стр. 323.

2) См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. IX, стр. 289—298.—Обуреваемый авторскимъ самолюбіемъ и „патріотическимъ” рвеніемъ, Погодинъ пытался печатно уличить *Отечественныя Записки* въ лицемеріи, но цензура не допустила его статьи къ напечатанію, чтобы не подавать повода „внести въ журнальную полемику важнѣйшіе вопросы государственной жизни Россіи”,—см. *ibidem*, p. 302.

Успѣхъ возрѣній М. П. Погодина не ограничивался однако кругомъ сторонниковъ „официальной народности” и правительственными сферами. Мнѣніе о предопредѣлившемъ весь ходъ русской исторіи значеніи „призванія” было воспринято славянофилами. Такъ, еще въ 1840 году Ю. О. Самаринъ заявилъ въ письмѣ своемъ къ пріѣзжавшему въ Россію члену французской палаты Могену: „У насъ не было и не могло быть завоеванія, именно благодаря географическому положенію страны и малочисленности пришлаго племени, слѣдовательно не могло быть ни феодализма, ни военной аристократіи, въ смыслѣ самостоятельнаго принципа, ни враждебныхъ отношеній побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, слѣдовательно не могло быть и революціи, и конституціи” ¹⁾. Въ этихъ словахъ М. П. Погодинъ „увидѣлъ съ удовольствіемъ плодъ своихъ лекцій” ²⁾. П. В. Кирѣевскій въ критическомъ разборѣ „Параллели” (1845 года) осудилъ Погодина за норманизмъ, но въ то же время призналъ за „истину несомнѣнную”, что главное отличіе древней Россіи отъ западной Европы основывается на отсутствіи у насъ завоеванія ³⁾. Эта „истина” положена была затѣмъ въ основу законченной схемы русской исторіи, которую отъ лица славянофиловъ разработалъ К. С. Аксаковъ ⁴⁾.

По поводу „Параллели” М. П. Погодину пришлось, наконецъ, услышать одобреніе съ той стороны, откуда онъ менѣ всего могъ ожидать его, именно — со стороны А. И. Герцена.

¹⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. соч., кн. V, стр. 482.

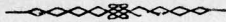
²⁾ *Ibidem*, р. 483.

³⁾ См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VIII, стр. 130; также А. Н. Пыпинъ, назв. сочин., стр. 267—268.

⁴⁾ См. К. С. Аксаковъ, Полн. собр. сочин., т. I, М. 1889, стр. 13, 16 и 17; срвн. стр. 59 и 61.—Слѣдуетъ замѣтить, что и М. П. Погодинъ поддавался вліянію славянофиловъ и восполнялъ свою философію русской исторіи элементами, заимствованными у нихъ. Такъ, въ 1849 г. онъ характеризовалъ историческій укладъ русской жизни, основанный на отсутствіи общественной розни и на „любви”, какъ „начало общинное” (См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. X, стр. 401). Въ частности М. П. Погодинъ присоединился къ тому объясненію изгоя, которое предложилъ К. С. Аксаковъ (см. *ibidem*, кн. XI, стр. 182 V). Срвн. П. Н. Миллюковъ, назв. соч., стр. 283.

Собственно говоря, Герценъ одобрилъ въ „Параллели” отноше-
ніе автора къ западной Европѣ: „Погодинъ очень вѣрно из-
ложилъ, какъ новая жизнь побѣждала въ Европѣ феодальную
форму и даже заглянулъ въ будущее”¹⁾. Такой отзывъ Герце-
на можно объяснить только его глубоко отрицательнымъ отно-
шеніемъ къ „феодальной” и „мѣщанской” Европѣ²⁾, а также
его вѣрой въ специальное историческое призваніе Россіи³⁾.
Какъ ни несоизмѣримы были общественныя воззрѣнія Погоди-
на и Герцена, существовала однако точка, въ которыхъ эти
„крайности” сходились. Такой точкой схожденія была мысль
объ историческомъ изъятіи Россіи изъ единообразія формъ и
послѣдовательности соціально-политическаго развитія Европы.

Θ. Тарановскій.

1) См. Н. Барсуковъ, назв. сочин., кн. VIII, стр. 115.

2) Это отношеніе существовало, значить, у Герцена уже въ 1845 году, когда онъ подъ псевдонимомъ Ярополка Водянскаго писалъ о Погодинской „параллели” въ Отечественныхъ Запискахъ (кн. XXXIX). Послѣ опыта 1848 года оно лишь усилилось и въ такомъ видѣ нашло себѣ выходъ въ грозныхъ и желчныхъ филиппикахъ „Съ того берега”.

3) „Я чувю сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота”, — см. А. И. Герценъ, Запятъ лѣтъ (1855—60), стр. 25—26.

Международный историческій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1908 году ¹⁾.

На первомъ международномъ историческомъ конгрессѣ, происходившемъ въ апрѣлѣ (со 2-го по 9-ое по нов. ст.) 1903 года въ Римѣ, было постановлено, чтобы слѣдующій конгрессъ былъ собранъ черезъ три года. Мѣстомъ для его собранія былъ избранъ Берлинъ. Но берлинцы оттянули собраніе конгресса до 1908 г., чтобы имѣть болѣе времени для надлежащей его организаціи, а также въ надеждѣ успѣть возвести къ этому времени нѣсколько грандіозныхъ зданій для нѣкоторыхъ научныхъ учреждений. Что касается этого проекта, то онъ, однако, не могъ быть осуществленъ за недостаткомъ денегъ. Новая громадная королевская библіотека начата только постройкою, а отъ сооруженія другихъ зданій, напр., для государственнаго тайнаго архива, пришлось Берлину и совсѣмъ пока отказаться. Зато организація самаго съѣзда съ внѣшней стороны не оставляла желать ничего лучшаго. Все было предусмотрено, все было обдуманно. Предусмотрительность организаторовъ съѣзда простиралась до такой степени, что они отвели въ помѣщеніяхъ бюро конгресса мѣсто даже для мѣнялы денегъ, такъ что иностранцы, въ случаѣ надобности размѣнять ихъ, могли не терять времени на поиски банкирской конторы. Всѣ члены конгресса получили прекрасно составленный путеводитель по Берлину съ планами,

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Общества исторіи, филологій и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 31 января 1909 г.

который могъ оказать большую услугу лицамъ незнакомымъ съ этимъ городомъ. Но особенно должны быть благодарны члены съѣзда его организаторамъ за всевозможныя облегченія и доставленныя удобства въ дѣлѣ посѣщенія берлинскихъ музеевъ и осматриванія ихъ научныхъ коллекцій. Въ нѣкоторыхъ музеяхъ были устроены даже спеціальныя выставки для членовъ конгресса, которымъ бесплатно выдавались каталоги ихъ, а также брошюры, имѣвшія цѣлью объяснить научное значеніе и интересъ выставленныхъ коллекцій. Упомяну для примѣра заинтересовавшую меня въ Новомъ Музеѣ спеціальную выставку гравюръ на деревѣ, относящихся къ императору Максимильяну I и его современникамъ, а также выставку гравюръ нѣмецкихъ и нидерландскихъ художниковъ XV в. Члены конгресса получали кромѣ того массу различныхъ изданій, спеціально выпущенныхъ въ виду его собранія. Мѣстное историческое общество, занимающееся изученіемъ прошлаго Берлина, издало, напр., прекрасно составленную небольшую исторію его, которая раздавалась участникамъ конгресса¹⁾. Чувствовалось, что вы находитесь въ странѣ, гдѣ научная жизнь кипитъ, гдѣ разныя безчисленныя ученныя общества, учрежденія и даже отдѣльныя лица стараются всячески оказать содѣйствіе успѣху устроеннаго конгресса и хотятъ познакомить участниковъ его съ той громадной научной работой, которая совершается въ Германіи.

Нечего и говорить, что нѣмецкіе книготорговцы воспользовались конгрессомъ и мобилизовали свои силы. Одинъ устроилъ даже выставку историческихъ картъ и нѣкоторыхъ историческихъ изданій въ самомъ помѣщеніи конгресса. Каталогами книготорговцы насъ просто засыпали. Невольно приходила мысль, какая громадная пропасть существуетъ между постановкою книжнаго дѣла у насъ и въ Германіи!

¹⁾ Geschichte der Stadt Berlin. Dem Internationalen Kongress für historische Wissenschaften Berlin 1908 dargebracht von dem Verein für die Geschichte Berlins. Berlin. 1908.

Не смотря на то, что казалось бы на лицо было такъ много благоприятныхъ условий для успѣха конгресса, однако, его нельзя назвать удачнымъ.

Разочарованіе конгрессомъ было, быть можетъ, еще сильнѣе вслѣдствіе того, что отъ него ожидали особенно многого. Одною изъ слабыхъ сторонъ берлинскаго конгресса было то, что на немъ совсѣмъ не были поставлены общіе вопросы, которые одинаково интересуютъ историковъ всѣхъ странъ, и разрѣшеніе которыхъ возможно лишь при ихъ совмѣстныхъ усиліяхъ. На конгрессѣ въ Римѣ былъ, напр., поднятъ вопросъ, чтобы возбудить ходатайство о разрѣшеніи пользоваться безъ всякихъ затрудненій документами государственныхъ архивовъ до 1847 года включительно; тамъ были сдѣланы обстоятельные доклады о преподаваніи исторіи въ университетахъ разныхъ странъ Европы и Америки, и передъ специалистами развернулась интересная и въ высшей степени поучительная картина постановки изученія этой науки въ высшей школѣ почти всѣхъ культурныхъ государствъ нашего времени; поднятъ былъ тамъ вопросъ и объ изданіи международной исторической библіографіи, но рѣшеніе его было отложено за недостаткомъ для этого надлежащаго матеріала до слѣдующаго конгресса¹⁾. Что же мы видимъ въ Берлинѣ? Тамъ не было возбуждено ни одного вопроса, который могъ бы оправдать названіе созваннаго въ Берлинѣ конгресса международнымъ. Даже обсужденіе проекта изданія международной исторической библіографіи было снято съ очереди. Между тѣмъ, именно въ настоящее время, когда историческая литература разрослась во всѣхъ странахъ до громадныхъ размѣровъ, возникаетъ рядъ такихъ настоятельныхъ запросовъ со стороны исторической науки, безъ удовлетворенія которыхъ наврядъ ли возможно будетъ дальнѣйшее успѣшное развитіе ея. Обсужденіе этихъ нуждъ и запросовъ, предъявляемыхъ

¹⁾ См. мой докладъ: „Международный историческій конгрессъ въ Римѣ“ въ „Запискахъ Общества исторіи, филологіи и права“, вып. 2-ой.

исторической наукой, и должно было бы, въ сущности, составить главную задачу международного конгресса.

Далеко не въ состояніи былъ выполнить берлинскій конгрессъ и другую задачу конгрессовъ, заключающуюся въ томъ, чтобы доставить возможность ученымъ разныхъ странъ сблизиться, перезнакомиться между собою и обмѣняться взглядами по интересующимъ ихъ вопросамъ, такъ какъ въ Берлинъ пріѣхало гораздо менѣе иностранцевъ, чѣмъ всѣ ожидали. Это объясняется отчасти, между прочимъ, и тѣмъ, что время для конгресса было выбрано самое неподходящее, а именно конецъ нашего іюля. Конгрессъ продолжался съ 6 по 12 августа новаго стиля. Выбрано было это время съ цѣлью дать возможность американскимъ ученымъ явиться на конгрессъ. Но эта слишкомъ большая предупредительность берлинскихъ ученыхъ по отношенію къ американскимъ, являющаяся, какъ мнѣ рассказывали, отзвукомъ германской политики по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, не привела къ желаннымъ результатамъ. Американцевъ на конгрессъ явилось очень мало. Нечего и говорить, что славянъ, кромѣ русскихъ, почти не было. Поляки, понятно, совсѣмъ отсутствовали; изъ Чехіи явилось, кажется, всего два архиваріуса, да былъ еще одинъ словинецъ. Русскихъ было болѣе тридцати. Французовъ пріѣхало всего нѣсколько человекъ, и отсутствіе ихъ обращало на себя всеобщее вниманіе. Да и видныхъ ученыхъ нѣмецкихъ, въ особенности изъ южной Германіи, было далеко не такъ много, какъ слѣдовало ожидать. Ко всему этому надо прибавить, что, такъ какъ конгрессъ начался непосредственно послѣ окончанія лѣтняго семестра въ университетѣ, то берлинскіе профессора были утомлены и съ видимымъ нетерпѣніемъ ждали окончанія засѣданій, чтобы уѣхать изъ Берлина и воспользоваться вакаціоннымъ временемъ. Того оживленія, которое приходилось наблюдать въ Римѣ въ 1903 г., и въ поминѣ не было въ Берлинѣ.

Неумѣло были организованы и разные многочисленные приемы, устраивавшіеся въ Берлинѣ. Офиціальныя вечера,

обѣды, дававшіеся въ честь членовъ конгресса, также не много могли способствовать сближенію между собою иностранныхъ ученыхъ. Слишкомъ ужъ сильно чувствовалось на нихъ, что эти приемы не болѣе, какъ неизбѣжная повинность для хозяевъ.

Большое неудобство представляло и то обстоятельство, что засѣданія конгресса происходили въ разныхъ зданіяхъ, которыя хотя и находились на разстояніи 5—8 минутъ ходьбы одно отъ другого, тѣмъ не менѣе во время перерывовъ засѣданій члены разныхъ секцій конгресса не имѣли возможности встрѣчаться. Кромѣ того, попасть на интересующій рефератъ изъ одной секціи въ другую также было неособенно удобно въ виду того, что онѣ засѣдали въ разныхъ зданіяхъ.

Работа на конгрессѣ была подѣлена между 8 секціями. Сверхъ того было устроено шесть пленарныхъ засѣданій, на которыхъ прочитывалось обыкновенно два-три доклада по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, не имѣющимъ никакой связи между собою. По этимъ докладамъ никакихъ преній не допускалось. Хотя занятія въ Берлинѣ, подобно тому какъ и въ Римѣ, происходили въ 8 секціяхъ, но онѣ не были вполне тождественны на обоихъ конгрессахъ. Въ то время, какъ въ Римѣ были выдвинуты на первый планъ вопросы по исторіи географіи и исторической географіи, по исторіи естественныхъ и медицинскихъ наукъ, въ Берлинѣ была образована особая спеціальная секція историческихъ вспомогательныхъ наукъ. Такимъ образомъ, повидимому, какой-либо традиціи въ дѣленіи историческихъ конгрессовъ на секціи не устанавливается, а устройство ихъ находится въ зависимости отъ того, какія дисциплины въ данной странѣ наиболѣе культивируются. Но отличіе въ дѣленіи на секціи не вело, какъ на римскомъ, такъ и на берлинскомъ конгрессѣ, къ какимъ-либо стѣсненіямъ въ допущеніи докладовъ по тѣмъ или инымъ вопросамъ, имѣющимъ связь съ историческими науками. Такъ, для исторіи естественныхъ наукъ въ Берлинѣ была устроена

подсекція при секціи культурной исторіи средних и новыхъ вѣковъ. Въ противоположность римскому конгрессу на берлинскомъ допускались пренія по поводу докладовъ въ секціяхъ. Но, въ сущности, для нихъ обыкновенно не оказывалось достаточно времени. На засѣданія секцій отводилось часа три (отъ 9 до 12 часовъ утра). Въ каждой дѣлалось 3—4 доклада. Поэтому, чтобы дать возможность выполнить всю программу засѣданія, председатели употребляли всевозможныя усилія для сокращенія преній.

Такъ какъ засѣданія секцій происходили одновременно, то обыкновенно всѣ записывались только въ одну изъ нихъ, имѣющую ближайшее отношеніе къ спеціальнымъ занятіямъ даннаго лица. Время для занятій секцій было ограничено утренними часами, по всей вѣроятности, съ тою цѣлью, чтобы оставить свободное время для посѣщенія послѣ обѣда музеевъ и спеціально устроенныхъ въ виду конгресса выставокъ. Такъ какъ время засѣданій всѣхъ секцій совпадало, то я могу, главнымъ образомъ, говорить о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ относительно работъ той изъ нихъ, въ которую я записался, а именно третьей секціи, посвященной политической исторіи средних и новыхъ вѣковъ. Сколько-нибудь особенно выдающихся докладовъ въ этой секціи не было сдѣлано. Нѣкоторые изъ нихъ напоминали хорошо составленную обыкновенную университетскую лекцію, какъ, напр., рефератъ Казера (*Die Bildung des modernen Staatslebens in den deutschen Territorien am Ausgang des Mittelalters*), другіе представляли отрывки изъ готовящихся къ печати трудовъ. Наиболѣе привлекъ общее вниманіе докладъ бреславльскаго профессора Кауфманна о самоуправленіи нѣмецкихъ университетовъ въ XIX в., такъ какъ университетскій вопросъ волнуетъ въ настоящее время не одно только русское общество. Докладчикъ указалъ, какъ возникли университеты въ средне-вѣковой обстановкѣ, и въ какой тѣсной связи находилась ихъ организація съ корпоративнымъ духомъ того времени. Онъ упомянулъ объ упадкѣ нѣмецкихъ университетовъ въ концѣ

XV в., т. е. передъ реформаціей, и указывалъ, какъ благотѣтельно она отразилась на нихъ, ожививши научный духъ въ высшей школѣ. При этомъ Кауфманнъ подчеркнул то обстоятельство, что университеты съ появленіемъ реформациі потеряли свой прежній космополитическій характеръ и началось замѣтное обособленіе университетовъ отдѣльныхъ странъ. Нечего и говорить, что разнь и пропасть между католическими и протестантскими университетами въ той же Германіи были очень велики. Носителями прогресса и представителями истиннаго научнаго духа Кауфманнъ считаетъ только протестантскіе университеты. Затѣмъ, переходя уже къ ближайшей своей темѣ, онъ напомнилъ о томъ, какая большая опасность угрожала прусскимъ университетамъ въ началѣ XIX в. въ моментъ политическаго униженія Пруссіи Наполеономъ, когда министръ фонъ-Массовъ совѣтовалъ королю Фридриху-Вильгельму III всѣ университеты упразднить и создать вмѣсто нихъ спеціальныя школы. Но этотъ опасный совѣтъ не только не былъ принятъ королемъ, но подъ вліяніемъ своихъ болѣе дальновидныхъ и просвѣщенныхъ совѣтниковъ онъ создалъ въ самые тяжелые дни политической жизни Пруссіи новый университетъ въ Берлинѣ, сознавая, что все то, что государство его потеряло въ матеріальной мощи, должно быть возмѣщено пріобрѣтеніями въ силѣ духовной. Съ этой поры прокладывается дорога свободѣ академическаго преподаванія и начинается право университетовъ предлагать кандидатовъ для замѣщенія каедръ. Принципъ этотъ постепенно пролагаетъ себѣ дорогу впередъ, хотя иногда встрѣчаетъ на своемъ пути препятствія, а также серьезныя затрудненія и задержки. Попытки со стороны бюрократіи въ настоящее время уничтожить право университетовъ самимъ выбирать кандидатовъ на профессорскія каедры, а также появившаяся въ „Kreuzzeitung“ статья какого-то университетскаго преподавателя, обвиняющая профессоровъ чуть ли не въ nepотизмѣ при замѣщеніи каедръ, вызвали вполне заслуженный протестъ со стороны Кауфманна.

Онъ соглашается съ тѣмъ, что въ нѣмецкихъ университетахъ, дѣйствительно, существуютъ дефекты, но они совершенно иного рода. Въ настоящее время въ высшей школѣ Германіи, по его словамъ, недостаточное количество ординатуръ, отъ чего страдаютъ болѣе молодые ученые, имѣющіе уже большія заслуги. Число штатныхъ ординатуръ не соответствуетъ даже современнымъ успѣхамъ наукъ, потому что для многихъ отраслей ихъ не создано кафедръ. Между тѣмъ разные средневѣковые пережитки, не имѣющіе никакой реальной почвы подъ собою, министерство не можетъ рѣшиться уничтожить, какъ, напр., должность спеціального университетскаго судьи. Въ наше время, когда всюду исчезла особая корпоративная юрисдикція, нѣтъ никакого основанія для сохраненія ея въ университетахъ. Къ сожалѣнію, Кауфманнъ, увлекшись историческимъ очеркомъ развитія нѣмецкихъ университетовъ до XIX в., не имѣлъ достаточно времени, чтобы болѣе обстоятельно остановиться на жизни ихъ въ ближайшую къ намъ эпоху,—на жизни, которая ему такъ хорошо знакома. Докладъ Кауфманна заинтересовалъ не только его иностранныхъ коллегъ, но слушался съ напряженнымъ вниманіемъ и нѣмецкими профессорами, которыхъ сильно тревожатъ попытки вмѣшательства во внутреннюю жизнь высшей школы со стороны бюрократическихъ сферъ.

Интересный и очень своевременный вопросъ возбудилъ проф. страсбургскаго университета Шпанъ въ своемъ рефератѣ: Пресса, какъ источникъ исторіи новѣйшаго времени, и возможность пользованія ею теперь (*Die Presse als Quelle der neuesten Geschichte und ihre gegenwärtigen Benutzungsmöglichkeiten*). Общеизвѣстно до какихъ размѣровъ разрослась въ настоящее время періодическая печать, и какое громадное вліяніе она имѣетъ на общественное мнѣніе. Въ виду той роли, которую играетъ пресса въ государственной и общественной жизни новѣйшаго времени, газеты должны были бы служить однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для

историковъ его. Но до сихъ поръ ни одинъ ученый не прибѣгалъ къ этому источнику въ болѣе крупныхъ трудахъ по современной исторіи. Происходитъ это въ силу очень серьезныхъ причинъ. Дѣло въ томъ, что газеты являются по большей части органами извѣстныхъ политическихъ партій. Поэтому, предварительно требуется изученіе исторіи послѣднихъ, а также отношеній, въ какихъ съ ними состояли тѣ или другія газеты. Попутно остановился Шпанъ еще и на томъ обстоятельстве, что теперь нельзя найти ни въ одной библіотекѣ всѣхъ выходящихъ газетъ, а также разныхъ политическихъ листковъ и тому подобныхъ произведеній печати. Въ виду этого онъ высказалъ пожеланіе, чтобы былъ учрежденъ спеціальнѣйшій имперскій музей газетъ (*Reichszeitungsmuseum*), въ которомъ собирались бы всѣ періодическія изданія. Одинъ изъ оппонентовъ замѣтилъ докладчику, что будто бы въ Ахенѣ есть музей газетъ. Какъ было бы желательно, чтобы и у насъ подумали о необходимости собирать всѣ произведенія періодической печати, на какихъ бы языкахъ они не появлялись, и гдѣ бы они не выходили въ Россіи. Если бы оказалось неудобнымъ или невозможнымъ собирать и сосредоточить храненіе газетъ и вообще временныхъ изданій въ одной изъ большихъ библіотекъ Петербурга или Москвы, то можно было бы воспользоваться слѣдующимъ очень практичнымъ совѣтомъ проф. Лампрехта. Такъ какъ для газетъ требуется очень много мѣста, то онъ предлагаетъ, чтобы каждый опредѣленный районъ собиралъ въ своей главной библіотекѣ всѣ изданія мѣстной періодической печати. Тогда будущему историку нашего времени все-таки будетъ легче воспользоваться этимъ матеріаломъ.

Можно было бы еще остановиться на докладѣ проф. Фестера о секуляризациі исторіи, такъ какъ референтъ довольно удачно отмѣтилъ, какъ медленно пролагаютъ себѣ доступъ въ болѣе широкіе круги общества результаты научныхъ изслѣдованій, и какъ до сихъ поръ школьное преподаваніе исторіи находится подъ вліяніемъ церковныхъ воззрѣній; но

такъ какъ этотъ докладъ вышелъ уже въ печати, то болѣе подробно говорить о немъ я нахожу излишнимъ¹⁾.

Въ секціи исторіи права и экономической исторіи мое вниманіе привлекъ докладъ брюссельскаго профессора Des Marez о происхожденіи профессиональныхъ организацій въ Бельгіи въ средніе вѣка (*Considérations sur l'origine des associations professionnelles en Belgique au moyen âge*). Онъ очень талантливо изложилъ, какъ та общественная обстановка, въ которой жилъ средневѣковой бельгійскій ремесленникъ, сама толкала и привела его къ созданію цеха. Чрезвычайно обстоятельно и остроумно проанализировалъ онъ относящіеся къ данному вопросу документы и выяснилъ, какъ первоначально промышленные и коммерческіе интересы, а также религіозныя побужденія вызывали стремленіе къ единенію между ремесленниками. Затѣмъ въ XII вѣкѣ и въ особенности въ XIII появилась потребность въ болѣе тѣсной профессиональной группировкѣ рабочихъ. Это былъ, такъ сказать, второй періодъ въ исторіи развитія организаціи ремесленниковъ. Въ указанное время патриціи, въ рукахъ которыхъ было сосредоточено управленіе городомъ, назначаютъ особыхъ должностныхъ лицъ, обязанныхъ имѣть надзоръ за цехами. Третій періодъ въ развитіи организаціи ремесленниковъ наступаетъ тогда, когда цехи начинаютъ сами совершенно самостоятельно выбирать своихъ должностныхъ лицъ. Это освобожденіе цеховъ отъ опеки патриціевъ произошло во Фландріи въ самомъ концѣ XIII в., а въ Брабантѣ въ теченіе XIV-го. Съ временемъ достиженія цехами полной свободы и независимости въ дѣлахъ своего внутренняго управленія совпадаетъ и начало демократическаго движенія во Фландріи и Брабантѣ.

Въ заключеніе не могу не остановиться на вопросѣ, поднятомъ на берлинскомъ конгрессѣ, который касается насъ рус-

¹⁾ Fester, Richard. Die Säkularisation der Historie. Histor. Vierteljahrschrift herausgegeben von Seeliger. 1908. 4-es Heft. (Есть также и отдѣльные оттиски).

скихъ. Языками для научныхъ докладовъ въ Берлинѣ, какъ ранѣе въ Римѣ, были приняты нѣмецкій, англійскій, французскій, итальянскій, а также латинскій. Мы, русскіе, являлись до сихъ поръ, такимъ образомъ, какъ бы неполноправными членами въ ученomъ мѣрѣ, будучи вынуждены прибѣгать къ чужимъ языкамъ. Между тѣмъ, русская наука въ наше время достигла уже такого расцвѣта, что русскому языку несомнѣнно подобаешь занять мѣсто среди вышеупомянутыхъ новыхъ языковъ, признанныхъ наиболѣе распространенными въ ученomъ мѣрѣ. Какъ извѣстно, русскій языкъ занимаетъ второе мѣсто (первое принадлежитъ англійскому) по числу людей, говорящихъ на немъ. Что же касается міра науки, то теперь не рѣдкость встрѣтить среди западно-европейскихъ ученыхъ лицъ, могущихъ уже свободно пользоваться русскою научною литературою въ оригиналѣ. Не говорю уже о томъ, что въ числѣ славянскихъ ученыхъ теперь не много уже найдется такихъ, которые русскаго языка не знаютъ. Между тѣмъ, на берлинскомъ конгрессѣ особенно бросалось въ глаза невниманіе, проявленное по отношенію къ русскому языку. Въ то время, какъ нѣмецкіе члены конгресса имѣли особые значки для того, чтобы отмѣтить, кто изъ нихъ говоритъ по-англійски, по-французски, по-итальянски или на одномъ изъ скандинавскихъ языковъ, и, такимъ образомъ, пойти на встрѣчу лицамъ, плохо знающимъ нѣмецкій языкъ, подобной предупредительности по отношенію къ русскимъ не было проявлено, хотя среди членовъ конгресса были нѣмцы, говорящіе по-русски. Невольно, поэтому, при встрѣчахъ между русскими профессорами заходилъ разговоръ о необходимости напомнить о правахъ русскаго языка и возбудить вопросъ, чтобы на слѣдующихъ конгрессахъ и нашъ языкъ былъ включенъ въ число тѣхъ, на которыхъ могутъ быть дѣлаемы доклады. Почти всѣ русскіе были согласны относительно этого. Что же касается иностранныхъ ученыхъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить по этому поводу, то ото всѣхъ я слышалъ полное сочувствіе этой мысли. Но совершенно неожиданно она встрѣтила поддержку со стороны извѣстнаго ученаго—

берлинскаго профессора Виламовица-Меллендорфа. На заключительномъ банкетѣ историковъ онъ высказалъ въ своей рѣчи удивленіе, что русскому языку до сихъ поръ не отведено подобающаго мѣста на собраніяхъ ученыхъ. Такимъ образомъ, если на ближайшемъ конгрессѣ мы не услышимъ русской рѣчи на ряду съ рѣчью французовъ, нѣмцевъ или англичанъ, то вина за это должна будетъ пасть на русскихъ ученыхъ, потому что отстаять права русскаго языка не представитъ теперь большой трудности.

12 августа нов. ст. состоялось послѣднее общее засѣданіе, на которомъ было объявлено, что слѣдующій конгрессъ соберется, въ виду приглашенія англійскихъ историковъ, въ Лондонѣ или Оксфордѣ черезъ 5 лѣтъ. Послѣ этого послѣдовало закрытіе конгресса, и немедленно начался разѣздъ лицъ, пріѣхавшихъ на него. Поспѣшность, съ которою они покидали Берлинъ, отчасти свидѣтельствовала объ общей неудовлетворенности работами конгресса, а также и о томъ, какъ мало оправдались возлагавшіяся на него надежды. Результаты его, въ самомъ дѣлѣ, невелики. Не будутъ напечатаны даже труды его по той будто бы причинѣ, что изданіе всѣхъ прочитанныхъ докладовъ вызвало бы слишкомъ большіе расходы. Между тѣмъ, итальянцы не остановились передъ изданіемъ 12 большихъ томовъ „Atti del congresso internazionale di scienze storiche“, свидѣтельствующихъ о плодотворной работѣ римскаго конгресса. Отказомъ отъ изданія собственныхъ трудовъ научное значеніе и роль берлинскаго конгресса будутъ еще болѣе умалены. Никакого замѣтнаго слѣда отъ его работъ не останется.

Н. Любавичъ.

Русская Нора и ея духовныя стремленія. *)

*Къ характеристикъ женскаго вопроса въ новѣйшей
драматической литературѣ.*

Въ одномъ разсказѣ Чехова („Скучная исторія”) есть такой эпизодъ. Молодая женщина, полная внѣшняго обаянія, обладающая и средствами для безбѣднаго существованія и талантливой натурой для интеллигентнаго труда, томится отсутствіемъ общей идеи жизни и въ поискахъ за ея смысломъ обращается къ своему воспитателю и опекуну, старому профессору, извѣстному ученому, прожившему содержательную, полную, повидимому, высокаго труда и высокаго смысла жизнь. — „Я не могу дальше такъ жить” — говоритъ она ему. „Не могу! Ради истиннаго Бога скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать? Говорите, что мнѣ дѣлать?... Вѣдь вы мой отецъ, мой единственный другъ! Вѣдь вы умны, образованы, долго жили! Вы были учителемъ! Говорите же: что мнѣ дѣлать?..” При этомъ она блѣднѣетъ, ломаетъ руки, задыхается и дрожитъ всѣмъ тѣломъ. И на ея мольбы старый профессоръ, воспитавшій цѣлый рядъ поколѣній, ничего

*) Рѣчь, произнесенная 24 января 1909 года въ годичномъ собраніи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

не можетъ отвѣтить, кромѣ общихъ фразъ: „Что же я могу сказать?“ говоритъ онъ недоумѣвая. „Ничего я не могу... Ничего я не могу сказать тебѣ”... И онъ съ грустью думаетъ при этомъ, что общей идеи жизни нѣтъ и у него самого, но только онъ открылъ это недавно, на старости лѣтъ, накануне своей смерти, а эта женщина ощутила въ себѣ недостатокъ общаго смысла жизни почти на зарѣ своихъ дней, и потому—по его выраженію — „душа этой бѣдняжки не знала и не будетъ знать пріюта всю жизнь, всю жизнь”... Эта сцена очень характерна для 80-хъ годовъ, когда этотъ жгучій вопросъ „что дѣлать?”, не разъ поставленный русской женщиной въ нашей литературѣ XIX столѣтія, прозвучалъ опять скорбно и даже съ отчаяніемъ. И въ 80-хъ годахъ, на которые—повидимому, не безъ основанія—падаетъ упрекъ въ духовной вялости и индифферентизмѣ, не одинъ только старый профессоръ, но цѣлыя общественныя группы ничего не отвѣтили на жгучій вопросъ женскаго недоумѣнія.

Отвѣтъ пришелъ позже, лѣтъ черезъ 10—15, почти въ наши дни, въ молодой русской литературѣ начала нашего столѣтія. Ни для кого не секретъ, что наша литература послѣдняго времени не богата художественными достоинствами и нерѣдко, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, сбивается на бойкій фельетонъ или, въ лучшемъ случаѣ, на горячо написанную публицистическую статью, подернутую модернистскимъ, символическимъ туманомъ. Но тѣмъ не менѣе теперь, когда пересматриваются общественные вопросы первой важности, необходимо прислушаться и къ молодой русской литературѣ, потому что въ ней рѣшаются, иногда очень своеобразно и свѣжо, различныя недоумѣнія нашего уклада жизни, въ томъ числѣ и вопросъ женскаго недоумѣнія. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія, между прочимъ, и нѣкоторыя драматическія произведенія 1905 года, посвященныя именно вопросу о положеніи современной женщины въ семьѣ и обществѣ.

Еще накануне знаменательнаго 1905 года одинъ публицистъ сказалъ, что „женскій вопросъ давно уже утратилъ

ту остроту, съ которой онъ трактовался нѣкогда обѣими заинтересованными сторонами" (А. И. Богдановичъ, „Годы перелома": „Въ области женскаго вопроса")... Замѣчаніе было правильное, но оно оказалось дѣйствительнымъ не дальше 1904 года, потому что въ 1905 году женскій вопросъ обострился — по крайней мѣрѣ въ литературѣ — съ новой силой и на этотъ разъ въ новомъ направленіи. Въ этомъ году, когда отдѣльныя лица и цѣлыя общественныя группы такъ спѣшили использовать свое мужавшее самосознаніе, въ молодой русской беллетристикѣ, именно въ сборникахъ товарищества „Знаніе" (III, IV, V и VII-мъ), появились четыре драматическихъ произведенія, посвященныя отчасти женскому вопросу; эти произведенія — „Дачники" и „Дѣти солнца" М. Горькаго, „Авдотьяна жизнь" С. Найденова и „Иванъ Миронычъ" Е. Чирикова. Въ дни своего появленія въ печати, дни, чреватые событіями громадной важности, эти пьесы прошли мало замѣченными въ критикѣ. Модернисты не увидѣли въ нихъ ничего достаточно яркаго съ точки зрѣнія модернистскаго міровоззрѣнія и модернистской поэтики; а реальная критика этого по-истинѣ боевого момента русской литературы не нашла въ этихъ драмахъ того активнаго выступленія на поприщѣ политическомъ или общественномъ, которое въ этомъ году сдѣлалось почти неизбѣжнымъ для всѣхъ литературныхъ произведеній, претендовавшихъ на новизну и популярность. Между тѣмъ въ этихъ пьесахъ былъ и символическій модернизмъ и боевое выступленіе противъ стараго уклада жизни. Модернизмъ этихъ пьесъ, если понимать его въ обычномъ широкомъ смыслѣ слова, заключается въ идеалистическихъ порывахъ къ новой жизни, выраженныхъ символическимъ языкомъ настроеній и предчувствій; а боевое ихъ направленіе выражается въ настоящемъ бунтѣ женскаго самосознанія противъ ненормальныхъ условій жизни не только семейной, но и общественной.

Въ своей общей основѣ этотъ бунтъ женской души, конечно, не нами созданъ и не нашими молодыми беллетристами. Онъ имѣетъ своихъ представителей въ отдаленной

старинѣ, а величайшій прототипъ его въ наше время—это ибсеновская героиня, сильная и смѣлая, съ ея протестомъ противъ порабощенія женской свободы и женской самодѣятельности. Наша молодая беллетристика далеко не такъ самобытна, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. И въ данномъ случаѣ передъ ней былъ образецъ—это Ибсенъ и его героиня Нора. Кто эта Нора, которая обошла въ короткое время всѣ европейскія литературы и театры? Это—полный физическаго и духовнаго обаянія ребенокъ въ моментъ пробуждающагося въ немъ самосознанія. Въ ней слишкомъ силенъ голосъ внутренней правды, чтобы итти по старымъ слѣдамъ лжи и рабства, и вполне достаточно смѣлости, чтобы полудѣтскою ногою нащупать дорогу къ новой жизни. Послѣ восьмилѣтней замужней жизни она, мать троицхъ прелестныхъ дѣтей, вдругъ, благодаря случайности, узнала, что до сихъ поръ жила кукольной жизнью въ „кукольномъ домѣ“, что она была для своего мужа „кукольной женой“, какъ раньше была „кукольнымъ ребенкомъ“ для своего отца: и отецъ, и мужъ проглядѣли въ ней человѣка и не сдѣлали никакихъ усилій къ тому, чтобы ея жизнь получила для нея какой-нибудь серьезный смыслъ. Она нѣсколько лѣтъ подрядъ въ тайнѣ отъ мужа совершала подвигъ высокаго самоотверженія въ интересахъ его здоровья и благополучія, но при этомъ допустила невольный промахъ, который возбудилъ въ ея мужѣ ложное чувство стыда и безчестья. И онъ во имя узко понятаго мѣщанскаго долга и мѣщанской чести низводитъ духовную красоту и мощь Норы на степень преступленія... Тревога оказалась однако напрасной, честь благороднаго буржуа продолжала блистать своимъ внѣшнимъ блескомъ, но Нора уже знала, что между мужемъ и ею нѣтъ духовной связи, она поняла, что прожила много лѣтъ съ чужимъ ей человѣкомъ, что отъ чужого человѣка имѣла дѣтей и въ то же время сама жила чужою, навязанной жизнью, потому что до ея внутренней жизни никому не было дѣла. И вотъ она порываетъ съ мужемъ, чтобы исполнить, какъ она говоритъ, самую священную обязанность,

т. е. обязанность относительно самой себя, чтобы воспитать въ себѣ человѣка, выработать свое собственное міровоззрѣніе, потому что только при такомъ условіи, по ея мнѣнію, кончится кукольная жизнь и начнется настоящая.

Въ названныхъ мною русскихъ драмахъ есть весь составъ ибсеновской „Норы“. Варвара Михайловна Басова, проживши около восьми лѣтъ съ мужемъ (Сборн. „Знанія“, III, стр. 63), такъ называемымъ интеллигентнымъ человѣкомъ (кстати онъ тоже адвокатъ, какъ и Гельмеръ, мужъ Норы), съ ужасомъ убѣждается, что ея мужъ и окружающіе его люди самые заурядные, пошлые обыватели, своего рода „дачники“ жизни, которые появляются на землѣ, „въ родѣ какъ въ ненастьѣ пузыри на лужѣ... вскочить и лопнуть, вскочить и лопнуть“ (97), или, какъ говоритъ про нихъ философствующій дачный сторожъ, „появятся, насорятъ на землѣ—и нѣтъ ихъ“ (235). Варвара Михайловна чувствуетъ, что они съ мужемъ чужіе люди и произноситъ смѣлое слово: „Я ухожу... Дальше отъ бездѣльниковъ... Я хочу жить!“... (242—3). Такова варіація Норы въ пьесѣ Горькаго „Дачники“. Слѣдующая по времени появленія пьеса С. Найденова „Авдотьяна жизнь“ почти однородна по сюжету. Здѣсь героиня Авдотья Степанова Изюмова. Шестнадцать лѣтъ ее выдали замужъ (сб. IV, стр. 53) за провинціального банковскаго чиновника, а черезъ девять лѣтъ замужества, 25-ти-лѣтняя молодая женщина, мать двоихъ дѣтей, бѣжитъ изъ дому отъ мужа и дѣтей, потому что ясно сознала, что она живетъ, какъ въ гробу или какъ въ сыромъ подвалѣ (61), и что ея домъ, представляющій по обстановкѣ смѣсъ купечества съ декадентствомъ, стоитъ на берегу никогда не просыхающаго зловоннаго рва, прорѣзывающаго площадь захолустнаго города (75).. Она бѣжитъ отъ этого вонючаго болота, отъ своего тупого мужа, отъ грубаго богатея отца, воспитавшаго ее по завѣтамъ темнаго купеческаго царства, бѣжитъ отъ своего безсмысленнаго прозібанія и сытаго бездѣлья. Въ третьей пьесѣ, „Иванъ Мironычъ“ Е. Чирикова,—варіація на ту же тему. Вѣра Павловна Боголю-

бова, вторая жена инспектора шестиклассной прогимназіи, двѣнадцать лѣтъ говорила и молчала по заказу (сб. V, стр. 129) своего въ высшей степени симметричнаго мужа (26), который очень плохо воспитываетъ и учитъ гимназистовъ и своего сына, но зато отлично умѣетъ построить огородное пугало изъ своего стараго учительскаго вицъфрака (45). Двѣнадцать лѣтъ невыносимой симметріи не только развинтили нервную систему молодой женщины, но и ожесточили ее противъ такъ называемой порядочной жизни, въ ея мѣщанскомъ смыслѣ слова, и вотъ—она порываетъ съ мужемъ и рѣшается начать новую жизнь, въ которой не будетъ ни огородныхъ пугалъ, ни симметричныхъ правилъ, ни сухого формализма, ни заказной тактичности... Въ послѣдней изъ названныхъ пьесъ („Дѣти солнца” М. Горькаго) дѣло не доходитъ до внѣшняго разрыва, но собственно этотъ разрывъ — только вопросъ времени, потому что Елена Николаевна Протасова чувствуетъ, что она не нужна своему мужу, энтузіасту-ученому, витающему въ сферѣ своихъ изысканій, что въ его жизни она не играетъ никакой роли и что онъ далекъ и чуждъ ей (сб. VII, стр. 139), и открыто заявляетъ, что она хочетъ отъ него уйти (140) искать новой, осмысленной жизни.

Все это совершенно по шаблону, данному Ибсеномъ въ „Норѣ”. Въ пьесахъ нашихъ беллетристовъ введена лишь одна подробность, которой нѣтъ у Ибсена,—именно у протестующихъ женъ всегда есть близкій, духовно родственный, человѣкъ, который играетъ роль нѣкотораго эмансипатора и проводника по пути къ новой жизни: для Авдотьи Степановны такимъ является крестьянскій сынъ Павелъ Герасимовъ, для Вѣры Павловны — Сергѣй Борисовичъ, не окончившій курса студентъ, повидимому изъ административно-ссылныхъ, для Елены Николаевны—художникъ Вагинъ, для Варвары Михайловны—отчасти писатель Шалимовъ... Ибсеновскій шаблонъ, такимъ образомъ, нѣсколько осложненъ еще одной чертой, тоже впрочемъ шаблонной. Во всякомъ случаѣ общая основа этихъ пьесъ и даже та символика, къ которой при-

бѣгаютъ наши авторы, чтобы создать для читателя извѣстное настроеніе,—все это несомнѣнно отголоски Ибсена. Но значеніе этихъ пьесъ однако не въ томъ, насколько онѣ близки къ Ибсену, но въ томъ, насколько онѣ дальше его въ развитіи того же самаго мотива. А онѣ несомнѣнно идутъ дальше Ибсена, потому что русская Нора, нарисованная въ лицѣ четырехъ названныхъ только что женскихъ типовъ, выражаетъ новые протесты противъ окружающей ее обыденщины и ставитъ новые, болѣе широкіе, запросы къ жизни. Эти протесты и запросы—два пункта, заслуживающіе полнаго вниманія русскаго общества, интересующагося женскимъ вопросомъ въ его современномъ направленіи, т. е. въ томъ направленіи, какое выдвинули послѣдніе годы.

Итакъ новый фазисъ въ развитіи женскаго вопроса — это прежде всего новый видъ женскаго протеста. Въ чемъ заключаются протесты русской Норы 1905 года? Они начинаются робко съ пустяковъ, изъ которыхъ складывается повседневная жизнь.—„Вотъ вчера я взяла книгу, хотѣла читать, а онъ свѣчу потушилъ”, говоритъ Авдотья Степановна о своемъ мужѣ.—„Но вѣдь изъ-за свѣчи и тому подобныхъ мелочей нельзя же жизнь ломать”... возражаетъ ей одинъ изъ завсегдатаевъ ея дома (IV, 25). И мы, пожалуй, готовы согласиться съ тѣмъ, что свѣча—это мелочь. Дальше, когда та же Авдотья Степановна, на замѣчаніе своего мужа: „Перестань ругаться, вѣдь ты барыня”, въ тонѣ капризнаго ребенка кричитъ: „Какая я барыня? Слово „барыня” произошло отъ слова „боярыня”, а боярыня все равно, что дворянка... А я просто такъ себѣ, купчихкина дочь”... (42)—мы и тутъ способны еще только снисходительно ей улыбнуться. Но когда она съ горечью говоритъ, что „жить такъ, какъ мы живемъ, нельзя”, что кругомъ ея, въ ея собственной родной средѣ, все „развратники и мерзавцы” (26), которые сами только притворяются хорошими людьми, а въ ея самыхъ невинныхъ желаніяхъ ищутъ гадостей и преступленій противъ цѣломудрія и материнства,—тогда мы уже чувствуемъ, что

тутъ дѣло идетъ не о томъ только, чтобы не гасить свѣчи, но чтобы и не угашать свѣта.

Протестующая русская женщина нашихъ дней выступаетъ тутъ не только противъ семейнаго гнета, какъ это было въ 60-хъ годахъ, но и противъ всего фальшиваго уклада обыденщины—въ этомъ крупный шагъ впередъ въ развитіи женскаго вопроса. Она вооружается прежде всего противъ жизни по заказу, которую такъ ревниво охраняютъ представители обыденщины. „Сама природа“, говоритъ спокойно и уравновѣшенно инспекторъ Иванъ Мироновичъ, „подчиняется (закону симметріи)... У всѣхъ людей—двѣ руки расположены вполне симметрично, двѣ ноги”.. —„И только одна голова!”.. перебиваетъ его жена. „И, къ сожалѣнію, не всегда умная!... Вы удивительно симметричны! У васъ даже всѣ добродѣтели съ пороками расположены симметрично!... (V, 26). Симметричная добродѣтель неизбежно стремится во имя симметріи заглушить въ другомъ человѣкѣ всякое свободное проявленіе его духовнаго я. „Вы меня двѣнадцать лѣтъ обучали вашей тактичности!” продолжаетъ Вѣра Павловна. „Двѣнадцать лѣтъ заставляли и говорить по заказу, и молчать по заказу, и смѣяться по заказу... Помните, я любила музыку, пѣніе... Теперь не пою... Не умѣю веселиться и радоваться... Вы сочинили бы мнѣ росписаніе, когда, въ какихъ случаяхъ и по какому поводу слѣдуетъ улыбаться, радоваться, смѣяться, плакать!.. въ родѣ росписанія уроковъ, которое виситъ въ вашемъ кабинетѣ”.. (129).

Такая жизнь по заказу не можетъ быть иною, какъ только фальшивой и ложной. И вотъ второй пунктъ, на который направленъ горячій протестъ русской Норы,—это бессмысленная ложь жизни, опутавшая крѣпкими сѣтями все общественныя отношенія. „Мы живемъ на землѣ чужіе всему...—говоритъ Варвара Михайловна — мы не умѣемъ быть нужными для жизни людьми (III, 161)... И страшно много лжи въ нашихъ разговорахъ! Чтобы скрыть другъ отъ друга духовную нищету, мы одѣваемся въ красивыя фразы, въ дешевыя лохмотья книжной мудрости... Говоримъ

О трагизмѣ жизни, не зная ея, любимъ ныть, жаловаться, стонать" (213)... „Не искренно, не красиво, скучно мы живемъ" (86). При такой точкѣ зрѣнія вся окружающая, такъ называемая культурная, жизнь представляется протестующей цѣльной женской натурѣ ярмарочнымъ балаганомъ, сдѣланнымъ наскоро, *ad hoc*, и человѣкъ, не расположенный итти въ балаганъ, тоскливо бродитъ по житейской площади грубыхъ и пошлыхъ развлеченій. „Мнѣ кажется", говоритъ Варвара Михайловна, „что я зашла въ чужую сторону, къ чужимъ людямъ и не понимаю ихъ жизни!.. Не понимаю я этой нашей жизни, жизни культурныхъ людей. Она кажется мнѣ непрочной, неустойчивой, поспѣшно сдѣланной на время, какъ дѣлаются на ярмаркахъ балаганы... Эта жизнь—точно ледъ надъ живыми волнами рѣки.. онъ крѣпокъ, онъ блеститъ, но въ немъ много грязи... много постыднаго... нехорошаго... Когда я читаю честныя, смѣлыя книги, мнѣ кажется—восходитъ горячее солнце правды... ледъ таетъ, обнажая грязь внутри себя, и волны рѣки скоро ломаютъ его, раздробятъ, унесутъ куда-то"... (148—9).

Эта фальшивая жизнь, жизнь по заказу, не имѣетъ въ себѣ ничего творческаго, потому что вся уходитъ на мелочи, которыми люди исчерпываютъ свою короткую жизнь, вмѣсто того, чтобы дѣлать какое-нибудь искреннее и большое дѣло, хотя бы это дѣло было чисто личнаго свойства. „Жизнь у людей коротенькая и не успѣешь оглянуться, какъ она пройдетъ", говоритъ Вѣра Павловна. „А мы много спимъ, ссоримся, никого сильно не любимъ и ничѣмъ сильно не интересуемся... изъ вѣжливости ходимъ въ гости и изъ вѣжливости принимаемъ гостей, томимся скукой, злимся... У насъ больше половины жизни уходитъ на ссоры, обѣды, чаи и ужины"... (V, 13). „Странно мы живемъ!"—разсуждаетъ на ту же тему Варвара Михайловна Басова.—„Говоримъ, говоримъ—и только! Мы накопили множество мнѣній... мы съ такой... нехорошей быстротой принимаемъ ихъ и отвергаемъ... А вотъ желаній, ясныхъ, сильныхъ желаній нѣтъ у насъ... нѣтъ!"... (III, 86). Вмѣсто созидательной работы

такъ называемые интеллигентные люди только жалуются на свою судьбу и своимъ мелкимъ разочарованіемъ прикрываютъ грозную пустоту своей души и жизни. „Развѣ легко и свободно”, говоритъ Варвара Михайловна, „жить среди людей, которые все только стонутъ, все кричать о себѣ, насыщаютъ жизнь жалобами и ничего, ничего больше не вносятъ въ нее?... Что вносимъ въ жизнь всѣ мы... вы, я, ты?” (127). И культурные люди заражаютъ, по ея мнѣнію, своими личными недугами не только свою собственную, но и чужую здоровую жизнь, даже жизнь цѣлаго общества, ихъ окружающаго: „Довольно жалобъ, имѣйте мужество молчать! Надо молчать о своихъ маленькихъ печаляхъ. Вѣдь мы умѣемъ молчать когда довольны днями нашей жизни? Каждый изъ насъ поглощаетъ свой кусокъ счастья въ одиночествѣ, а горе свое, ничтожную царапину сердца, мы выносимъ на улицу, показываемъ всѣмъ, и кричимъ, и плачемъ о нашей боли на весь міръ! Мы выбрасываемъ вонъ изъ нашихъ домовъ объѣдки наши и отравляемъ ими воздухъ города... вотъ такъ же мы выкидываемъ изъ нашихъ душъ все дрянное и тяжелое подъ ноги ближнихъ. Я увѣрена, что сотни и тысячи здоровыхъ людей погибаютъ, отравленные и оглушенные нашими жалобами и стопами... Кто далъ намъ злое право отравлять людей тяжелымъ видомъ нашихъ личныхъ язвъ?” (213 — 214).

Разъ нѣтъ творчества—нѣтъ прогресса, или, въ лучшемъ случаѣ, онъ такъ еще рѣдокъ, что его видные представители стоять на пути жизни, какъ одинокая вѣха или высокая стѣна среди дикаго, запустѣлаго, замусореннаго поля „Возможна ли”, говоритъ Елена Николаевна Протасова, „такая (красивая, свободная) жизнь, когда вокругъ насъ всюду дикіе люди? Это странно: чѣмъ крупнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе около него пошлости... вотъ такъ вѣтеръ сметаетъ всякій хламъ къ стѣнѣ высокаго зданія”... (VII, 54).

Однако возможна ли вообще такая жизнь? спросимъ мы. И что протестующая русская женщина нашихъ дней можетъ поставить на мѣсто отвергаемой ею, такъ называемой

культурной, жизни нашей интеллигенции? На этотъ второй важный пунктъ русская Нора отвѣчаетъ цѣлымъ рядомъ положительныхъ запросовъ къ жизни, которые опять свидѣтельствуя, что современный намъ женскій вопросъ принимаетъ совершенно особое направленіе. Онъ не ограничиваетъ дѣятельность женщины семьей, но смѣло выводитъ ее изъ сферы семейныхъ отношеній въ сферу широкой общественной; женщина уже не капризной рукой полуребенка, но сознательнымъ жестомъ зрѣлаго человѣка отвергаетъ карточное зданіе культуры, созданной гордымъ мужскимъ умомъ, и вмѣсто него сама выступаетъ въ роли строителя жизни... Запросы русской Норы такъ же, какъ и ея протесты, сначала мелочны и наивны, но ростъ ихъ всетаки совершается непрерывно. Мечтательной супругѣ Ивана Мироновича, съ ея артистической натурой, сначала просто хочется имѣть въ квартирѣ свой уютный и красивый уголокъ. — „Вотъ здѣсь мы устроимъ зеленый уголокъ” — говоритъ она, передвигая мебель въ гостиной, своей падчерицѣ, которую любитъ какъ родную дочь. „Поставимъ два кресла и закроемъ ихъ пальмами... Понимаешь? Маленькій тропическій садикъ”... (V, 7). Ей хочется имѣть кромѣ того и свою собственную комнату; правда, у ней есть, какъ она выражается, „комфортабельная спальня” „съ розовымъ фонарикомъ”, который долженъ „рисовать ей жизнь въ розовомъ цвѣтѣ” (69), но это не ея собственный уголокъ. Вообще ей хотѣлось бы и ежедневную жизнь устроить по новому. „Теперь, Оля,—говоритъ она дочери—мы устроимъ съ тобой нашу жизнь по другому... Будемъ вставать рано и уходить на рѣку... Будемъ читать, говорить, думать... Сергѣй Борисовичъ будетъ доставать намъ интересныя книги”... (13). Но эти скромныя границы новой жизни скоро нарушаются, и Вѣра Павловна мечтаетъ уже о томъ, чтобы совѣмъ вырваться изъ этой симметричной сферы домашняго благополучія. „У меня есть брилліанты... По наслѣдству достались... Никому они не нужны, никогда я ихъ не ношу... Продать ихъ и прокатиться въ Парижъ”... (78). О томъ же думаетъ и Авдотья Степанов-

на: „Вотъ выйду я изъ дому на улицу, въ поле, куда-нибудь подальше изъ дому, и другимъ себя человѣкомъ чувствую. Плакать хочется, цвѣты рвать, цѣловать ихъ... А придешь домой, какъ въ сырой подвалъ, и хочется отравиться спичками... А въ Москвѣ я была, такъ совсѣмъ не вѣрила, что это я... Помолодѣла“... (IV, 61)...

Но запросы къ жизни русской Норы все растутъ и растутъ, и мы, дѣйствительно, вслѣдъ за этими наивными желаніями слышимъ ея страстный призывный крикъ къ новой жизни: „Мнѣ двадцать пять лѣтъ... Шестнадцати лѣтъ вы выдали меня замужъ... Ничего я не понимала... Мнѣ жить хочется, жить“... (IV, 53). „Я жить хочу, а жить нечѣмъ, говорить другая.—Понимаете, Иванъ Миронычъ? Нечѣмъ жить! Мнѣ наскучило ваше росписаніе... Мнѣ надоѣло такъ жить!... Не стоитъ такъ жить!“ (V, 130). Но какъ жить?..

Первый шагъ къ новой жизни, по понятіямъ русской Норы, заключается въ томъ, чтобы освободиться отъ тѣхъ пугаль, которыми обставляетъ себя ложная культура и мнимая, „симметричная“ добродѣтель, отъ тѣхъ футляровъ, въ которые разные затхлые моралисты, не имѣющіе ничего общаго съ чистой творческой нравственностью, стараются уложить всякое свободное движеніе человѣческаго духа. „Вы наставили въ саду пугаль“—говоритъ Вѣра Павловна мужу, намекая на его футлярный укладъ жизни, отъ котораго она наконецъ освободилась—„чтобы галки и воробьи не клевали ягоды... А воробьи-то перестали бояться!... Клюютъ!.. Понимаете?“... (V, 131).

Второй моментъ въ исканіяхъ новой жизни—это сознаніе чувства человѣческаго достоинства въ себѣ и другихъ. „Я сердцемъ чувствую—говоритъ Варвара Михайловна Басова:—надо, необходимо пробудить въ людяхъ сознаніе своего достоинства, во всѣхъ людяхъ... во всѣхъ! Тогда никто изъ насъ не будетъ оскорблять другого... Вѣдь мы не умѣемъ уважать человѣка, и это такъ больно... обидно“... (III, 127).

При такомъ только условіи возможенъ и слѣдующій шагъ по пути развитія истинной культуры, именно отказъ отъ зла, которое мы причиняемъ другимъ сознательно или невольно. „Не разсуждаютъ — животныя“, говоритъ по этому поводу Ел. Ник. Протасова. „А человѣкъ долженъ поступать такъ, чтобъ на землѣ было меньше зла... Зло — противно. Страданіе — отвратительно... Я считаю страданіе позоромъ для себя, и нечестно, некрасиво причинять страданіе другимъ“. (VII, 47).

А для того, кто отказался отъ зла, кто дерзнулъ на свободную творческую жизнь и на открытое, честное и нелицемѣрное признаніе въ другомъ человѣка, независимо отъ его общественнаго положенія, для того кончается грубая жизнь и начинается красота жизни съ ея солнечной теплотой и съ переливами солнечнаго свѣта „Жизнь — трудна“, говоритъ Ел. Ник. Протасова, „человѣкъ часто устаетъ жить.. Жизнь груба... Красивое рѣдко, но когда оно истинно красиво, оно согрѣваетъ мнѣ душу, какъ солнце, вдругъ осіявшее пасмурный день... Нужно, чтобы всѣ люди понимали и любили красоту: тогда они построятъ на ней мораль... они будутъ цѣнить свои поступки, какъ красивые и безобразные... и тогда-то жизнь будетъ прекрасна!“... (VII, 69 — 70). Таковы общія условія новой жизни, какъ они представляются въ духовныхъ запросахъ русской Норы.

Но мы не можемъ удовлетвориться только этими общими ея намеками: мы хотимъ, чтобы она разрѣшила еще одно недоумѣніе, — мы спросимъ ее: Какого рода дѣятельность создастъ для сознательной женщины новую лучшую жизнь? Какую роль выберетъ она себѣ въ общественной работѣ? Въ этомъ третьемъ пунктѣ женскій вопросъ нашихъ дней опять принимаетъ особое, рѣшительное направленіе. Въ рѣчахъ русской Норы и сочувствующаго ей молодого женскаго поколѣнія, въ названныхъ пьесахъ, намѣчаются, по крайней мѣрѣ, три рода широкой общественной дѣятельности для русской женщины. Первый родъ — это индивидуальное самоусовершенствованіе, мощное развитіе своихъ духовныхъ силъ,

своего труда, своихъ знаній и смѣлая борьба за настоящую красоту жизни, за большое и прочное человѣческое счастье: женщина въ этомъ случаѣ идетъ смѣло и гордо въ рядахъ „дѣтей солнца“, напоминая своимъ типомъ тѣхъ *femmes supérieures* французской романтики, которыя въ лицѣ г-жи Сталь и Ж. Зандъ подняли знамя протеста противъ семейнаго приниженія женщины, а своимъ послѣдовательницамъ за-вѣщали борьбу за ея общественную роль. „Вы знаете (говорить Елена Николаевна художнику Вагину), порой мнѣ грезится такое полотно: среди безграничнаго моря идетъ корабль, его жадно обнимаютъ зеленныя, гнѣвныя волны; а на носу его и у бортовъ стоятъ какіе-то крѣпкіе, мощные люди... Просто — стоятъ люди, — все такія открытыя, бодрыя лица, — и, гордо улыбаясь, смотрятъ далеко впередъ, готовые спокойно погибнуть по пути къ своей цѣли... Вотъ и вся картина!“... „Нужно только“, добавляетъ она, „чтобъ это были особенныя люди, мужественные и гордые, непоколебимые въ своихъ желаніяхъ и — простые, какъ просто все великое... Такая картина можетъ вызвать у меня чувство гордости за людей, за художника, который создалъ ихъ... и она напомнитъ мнѣ о тѣхъ великихъ людяхъ, которые помогли намъ уйти такъ далеко отъ животныхъ и все дальше уводить къ человѣку!“ (VII, 70—71). Таковъ первый родъ общественной дѣятельности, по представленію русской Норы.

Другой родъ — совершенная противоположность первому: тутъ женщина изъ побѣдоноснаго строя „дѣтей солнца“ переходитъ въ ряды „слѣпыхъ кротовъ“, той громадной, сѣрой человѣческой массы, которая такъ обдѣлена на жизненномъ пиру и такъ нуждается въ интеллигентныхъ самоотверженныхъ работникахъ. Какъ бы отвѣчая на только что приведенную тираду Елены Николаевны, сестра ея мужа Лиза, молодая энтузіастка альтруизма, декламируетъ прочувствованныя строки своего общественного *credo*:

Люблю ваши дерзкіе споры

И яркія ваши мечты,

Но—знаю я темныя норы,
Живутъ въ нихъ слѣпыя кроты;
Красивыя мысли имъ чужды,
И солнцу душа ихъ не рада,
Гнетутъ ихъ тяжелыя нужды,
Любви и вниманья имъ надо!

Они между мною и вами
Стоять молчаливой стѣною...

Скажите — какими словами

Могу я увлечь ихъ за мною? (VII, 84—5).

Этотъ родъ общественной дѣятельности является умѣстнымъ въ особенности для тѣхъ образованныхъ женщинъ, которыя сами вышли изъ народа и отъ которыхъ народъ ждетъ культурной помощи. „Мы всѣ (разсуждаетъ женщина-врачъ, Марья Львовна) должны быть иными, господа! Дѣти прачекъ, кухарокъ, дѣти здоровыхъ рабочихъ людей — мы должны быть иными! Вѣдь еще никогда въ нашей странѣ не было образованныхъ людей, связанныхъ съ массою народа родствомъ крови... Это кровное родство должно бы питать насъ горячимъ желаніемъ расширить, перестроить, освѣтить жизнь родныхъ намъ людей, которые всѣ дни свои только работаютъ, задыхаясь во тьмѣ и грязи... Мы не изъ жалости, не изъ милости должны бы работать для расширенія жизни... мы должны дѣлать это для себя... для того, чтобы не чувствовать проклятаго одиночества... не видѣть пропасти между нами—на высотѣ—и родными нашими—тамъ, внизу, откуда они смотрятъ на насъ, какъ на враговъ, живущихъ ихъ трудомъ! Они послали насъ впередъ себя, чтобы мы нашли для нихъ дорогу къ лучшей жизни... а мы ушли отъ нихъ и потерялись, и сами мы создали себѣ одиночество, полное тревожной суеты и внутренняго раздвоенія... Вотъ наша драма! Но мы сами создали ее, мы достойны всего, что насъ мучить!” (III, 215 6).

Но есть еще и третій родъ дѣятельности, вполне доступный освобождающейся женской натурѣ. Этотъ родъ не

имѣть никакихъ притязаній ни на аристократическій индивидуализмъ „высшихъ натуръ” или „дѣтей солнца”, ни на демократическій альтруизмъ интеллигентныхъ тружениковъ въ рядахъ „слѣпыхъ кротовъ”, —этотъ родъ дѣятельности стоитъ одиноко и высоко надъ жизнью. Женщина въ этомъ, третьемъ, случаѣ является какъ бы жрецомъ культа искусства, служителемъ прекраснаго, которое однако не остается совершенно безцѣльнымъ, — его цѣль быть связью земнаго съ надземнымъ, быть свидѣтелемъ передъ небомъ —человѣческаго горя, передъ человѣчествомъ —надземнаго идеала. Этотъ родъ дѣятельности стоитъ въ связи съ модернистскимъ служеніемъ чистой красотѣ въ ея нѣжныхъ и неуловимыхъ контурахъ и настроеніяхъ. Символически эта дѣятельность изображена въ слѣдующемъ стихотвореніи въ прозѣ, которое читаетъ поэтесса, сестра адвоката Басова. Стихотвореніе называется „Эдельвейсъ”. „Безгранична пустыня небесъ надъ вершинами горъ, и безчисленны грустныя очи свѣтили надъ снѣгами вершинъ. У подножія горъ, тамъ, на тѣсныхъ равнинахъ земли, жизнь, тревожно волнуясь, растетъ, и страдаетъ усталый владыка равнинъ —человѣкъ. Въ темныхъ ямахъ земли стонъ и смѣхъ, крики ярости, шопотъ любви... многозвучна угрюмая музыка жизни земной!... Но безмолвія горныхъ вершинъ и безстрастія звѣздъ —не смущаютъ тяжелые вздохи людей..... Но какъ будто затѣмъ, чтобы кому-то сказать о несчастьяхъ земли и о мукахъ усталыхъ людей, — у подножія льдовъ, въ царствѣ вѣчно-нѣмой тишины, одиноко растетъ грустный горный цвѣтокъ —Эдельвейсъ”... (Ш, 93 — 4).

Свободная и широкая дорога „дѣтей солнца”, темныя норы кротовъ, безмолвное царство горнаго эдельвейса —это все символы общественной дѣятельности, открывающейся передъ русской Норой. Легко понять, что здѣсь не одни только красивые слова и образы, что подъ символами здѣсь кроются конкретныя представленія. Женщина, посвятившая себя высокой научной работѣ и смѣлому научному изысканію, станетъ подъ знамя „дѣтей солнца”; интеллигентныя работ-

ницы, въ родѣ женщинъ-врачей или учительницъ, пойдутъ въ „темныя норы“ кротовъ; наконецъ, артистическія женскія натуры, стоя надъ жизнью на одной высотѣ съ горнымъ эдельвейсомъ, будутъ оберегать свѣточъ того маяка, который называется искусствомъ, все равно будетъ ли то театръ, или музыка, или художественное слово... На всѣ эти дѣятельности женщина нашихъ дней заявляетъ, и по полному праву, настойчивое притязаніе. Таково современное направленіе женскаго вопроса въ новѣйшей литературѣ...

Однако — спросимъ мы, возвращаясь къ интересующимъ насъ пьесамъ, — къ чему приводятъ русскую Нору ея протесты и запросы? Какой изъ нихъ практическій выходъ? Гдѣ переходъ отъ слова къ дѣлу?... Надо сознаться, что дѣла еще нѣтъ: протестующая русская женщина въ сущности окончательно не дѣлаетъ того рѣшительнаго шага, на который осмѣливается ибсеновская Нора. При переходѣ отъ словъ къ дѣлу русская Нора оказывается безсильной: она не только не можетъ взяться за самостоятельный трудъ, который давалъ бы ей возможность жить при отсутствіи счастливаго замужества, но и не умѣетъ даже сколько-нибудь упорядочить свою неудачно сложившуюся замужнюю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, одна изъ нашихъ героинь возвращается къ мужу послѣ неудачной попытки начать самостоятельную жизнь съ помощью выигрышнаго билета, полученнаго отъ отца въ годовщину свадьбы; другая мирится съ мужемъ изъ чувства не то дружбы, не то жалости; третья ограничивается тѣмъ, что отгораживается отъ мужа стѣной въ его же собственной квартирѣ, запираясь въ своей комнатѣ и отправляя мужа на жительство въ его кабинетъ; наконецъ, четвертая, повидимому, рѣшительно уходитъ изъ дому, но когда одинъ изъ гостей, присутствующихъ при этой сценѣ разрыва, скептически замѣчаетъ, что „все это только риторика на почвѣ истеріи“ (III, 244), мы невольно начинаемъ вѣрить, что и у ней не найдется силы начать новую жизнь. Отчего это? Отчего мы здѣсь идемъ уже не дальше Ибсена, а отстаемъ отъ него?...

Отвѣтъ на это даетъ сама русская Нора,—и этотъ отвѣтъ

есть въ то же время и самый сильный ея протестъ и самый существенный запросъ къ русской жизни, потому что изъ этого отвѣта ясно, что ей некуда итти изъ дома и нечего внѣ его дѣлать: у ней нѣтъ той подготовки къ жизни и того образованія, которое дѣлало бы ея жизнь интересной и осмысленной даже и безъ замужества, а въ случаѣ замужества — осмыслило бы ея семейныя отношенія. Одна изъ нашихъ героинь типа Норы говоритъ о своей подготовкѣ къ жизни такъ: „Вѣдь меня учили не тому, что нужно... для жизни, что интересно... Бздилъ ко мнѣ на домъ изъ Покровской церкви батюшка, отецъ Алексѣй, училъ Закону Божьему, жила французенка, ходила учительница музыки... Былъ еще учитель, Егоръ Егоровичъ... Въ женской гимназіи преподавалъ... И вдругъ удавился—деньги въ проценты давалъ и разорился... Очки носилъ и все сопѣлъ носомъ, когда занимался. Я хохотала надъ нимъ... бумажки ему сзади на пуговицу привѣшивала“... (IV, 37). Это такъ называемое домашнее образованіе Авдотьи Степановна пополняетъ чтеніемъ толстыхъ книгъ, предложенныхъ ей знакомымъ „интеллигентомъ“ изъ крестьянъ. Эти книги называются „Къ свѣту“ или „О закономѣрности социальныхъ явленій“. Но Авдотья Степановна становится въ тупикъ передъ словомъ „проблемы“ и вообще не можетъ осилить толстыхъ книгъ (10, 40), и въ результатѣ ея поиски новой жизни ограничиваются тѣмъ, что она общается „пойти въ модистки и работать“ (60), а пока даетъ себѣ зарокъ „всегда спать съ ножомъ подъ подушкой“, чтобы постылый мужъ „не смѣлъ подходить къ ея кровати“... (32).

Все это вызываетъ улыбку, но посмотрите, насколько серьезны ея жалобы на эту неподготовленность къ жизни и насколько справедливы ея требованія новаго осмысленнаго существованія, пока еще не поздно. „Отпустите меня... — говорить она родителямъ.— Дайте мнѣ денегъ, паспортъ... И больше мнѣ ничего отъ васъ не надо... Вы должны мнѣ дать денегъ, должны! Вы не можете не дать... Вы меня ничему не учили, въ гимназію не отдали, — у меня нѣтъ аттестата, я не могу никуда поступить... Я ничего не знаю, ничего не пони-

маю... Мнѣ надо деньги, пока я изъ себя хоть что-нибудь сдѣлаю. Дайте денегъ! Вѣдь вы учили меня только услаждать вашу жизнь и жизнь будущаго мужа"... (49). Другая искательница новыхъ путей получила, повидимому, болѣе систематическое, но все же далекое отъ жизни, тепличное образованіе, и въ результатѣ оно только вывело ее изъ оранжереи съ тѣмъ, чтобы помѣстить въ болѣе тѣсный парникъ. „Я училась“, грустно рассказываетъ она падчерицѣ, „въ Петербургѣ въ сиротскомъ институтѣ... У меня рано умерли и отецъ и мать, и не было близкихъ людей. И все мое дѣтство и юность прошли тамъ, въ каменномъ домѣ... Кругомъ дома была каменная ограда съ высокой чугунной рѣшеткой... А у воротъ была будка, и въ ней всегда сидѣлъ сторожъ... А потомъ... потомъ я вышла изъ этого каменнаго дома и перешла въ другой каменный домъ: поступила въ гувернантки. А потомъ... Ничего больше! Вышла замужъ и теперь... вотъ видишь... сдѣлалась... инспекторшей и живу... здѣсь“... (V, 30). И она тоже ищетъ выхода изъ симметричнаго каменнаго дома своего замужества и изъ благоустроеннаго футляра своего ежедневнаго прозябанія, но подготовки къ жизни нѣтъ, и всѣ исканія новой жизни ограничиваются тѣмъ, что она читаетъ книгу „Госпожа Бовари“ (36), принесенную ей либеральнымъ Сергѣемъ Борисовичемъ, и запираетъ на ключъ дверь своей спальни передъ носомъ озадаченнаго мужа (134). Третья изъ выразительницъ женскаго протеста получила гимназическое образованіе, гдѣ ей и на урокахъ и на литературныхъ вечерахъ (III, 63) рисовали возможно идеальную жизнь, но не дали средствъ къ борьбѣ за идеалы и не дали знаній для независимой трудовой жизни. И вотъ она оказалась безсильной въ борьбѣ съ пошлостью и, уходя нравственно изуродованной изъ такъ называемаго культурнаго общества, выносить только ненависть къ прошлому и безвѣріе по отношенію къ будущему. „Я ненавижу всѣхъ васъ—говорить она на прощаніе своимъ культурнымъ друзьямъ и знакомымъ—неизсякаемой ненавистью. Вы — жалкіе люди, несчастные уроды“... „Пусть эти люди слушаютъ. Я дорого заплатила за свое право говорить съ ними откровенно! Они изуродовали ду-

шу мою, они отравили мнѣ всю жизнь! Развѣ такой я была? Я не вѣрю... я ни во что не вѣрю! У меня нѣтъ силъ... Мнѣ нечѣмъ жить! Развѣ такой я была!“ (III, 241).

Таковъ послѣдній и самый существенный запросъ русской Норы къ жизни. Тутъ нѣтъ никакого мѣста общимъ фразамъ и избитымъ пожеланіямъ, — тутъ говоритъ вопіющая нужда, которую подтверждаютъ факты и историческіе документы, потому что протестующая женщина нашихъ дней требуетъ того же знанія и той же школы жизни, о которыхъ такъ настойчиво говорятъ всѣ наши писательницы-женщины, начиная отъ идеалистическихъ, нѣсколько восторженныхъ, мемуаровъ времени 30—60-хъ годовъ (Т. II. Пассекъ, II. И. Татлина, А. Я. Головачева-Панаева) и кончая полнымъ скорбнаго реализма „Дневникомъ“ Е. Дьяконовой. Отовсюду одинъ и тотъ же выводъ: многомилліонная женская половина населенія Россіи должна получить такую же возможность образованія и интеллигентнаго труда, ее вполне обеспечивающаго, какъ и мужское населеніе, и пока этого не будетъ, не будетъ конца женскому духовному и матеріальному закрѣпощенію, какъ въ семейномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи, и у страны по-прежнему не будетъ тѣхъ интеллигентныхъ работницъ, въ которыхъ она действительно нуждается.

Такимъ образомъ врядъ-ли нужно еще объяснять, почему русская Нора въ своихъ рѣчахъ такъ опередила героиню Ибсена, а на дѣлѣ оказалась сзади ея. Достаточно вспомнить, что ибсеновская Нора, этотъ полуребенокъ, не получившій, повидимому, даже и той заурядной подготовки къ жизни, какую можетъ получить женщина въ Норвегіи, умѣетъ однако мелкой ручной работой и въ особенности переводами выплатить, въ тайнѣ отъ всѣхъ, работая по ночамъ, огромный долгъ, сдѣланный ею для спасенія мужа отъ развивавшейся въ немъ смертельной болѣзни... Русская Нора въ очень многихъ случаяхъ не можетъ этого сдѣлать, потому что ея ручная работа все еще вращается около того типа рукодѣлій, который увѣковѣченъ „сюрпризами“ г-жи Маниловой, а переводы ей малодоступны, потому что большинство среднихъ женскихъ школъ учить

только съ грѣхомъ пополамъ разбираться въ анекдотическихъ „морсеахъ“ французской хрестоматіи. И вотъ посмотрите, какъ образно и грустно въ то же время выражается эта разница между смѣлой норвежской Норой, вооруженной практически знаніемъ, и русской женщиной, все еще переживающей періодъ своего рудинства. Ибсеновская Нора является прямой преемницей той едва оперившейся „дикой утки“, Гедвиги Экдалъ, которую Ибсенъ (въ драмѣ того же имени) окружилъ ореоломъ недѣтской духовной ясности и обязательнаго великодушія и поставилъ несравненно выше всего окружающаго ее культурнаго человѣческаго птичника. Для русской Норы наши писатели не нашли такого величественнаго символа. Нина Зарѣчная (въ драмѣ Чехова „Чайка“), сознавая свое женское безсиліе и неподготовленность къ независимой жизни, говоритъ Тренлеву скорбно, сквозь слезы: „Я—чайка. Помните, вы подстрѣлили чайку? Случайно пришелъ человѣкъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ... Сюжетъ для небольшого разсказа“... А въ пьесѣ „Иванъ Миронычъ“ дочь инспектора говоритъ своей мачехѣ: „Онъ (т. е. Сергѣй Борисовичъ), мама, сравнилъ нашу жизнь... не нашу съ тобой, а, понимаешь, всѣхъ такихъ, какъ мы, женщинъ, съ жизнью утокъ, которыхъ откармливаютъ къ праздникамъ“... (V, 14).

Все равно — эфемерное ли существованіе чайки, которую можетъ подстрѣлить первый попавшійся любитель разнообразить свою жизнь веселыми сюжетами и эпизодами, или сытое прозябаніе домашней утки, которую старательно откармливаютъ къ „именинамъ сердца“ симметрично-добродѣтельнаго Ивана Мироновича, — все равно такая птичья жизнь — тяжелая жизненная драма, которую переживаютъ не одна Варвара Михайловна или Авдотья Степановна, но тысячи женщинъ, не получившихъ возможности твердой самостоятельной ногой встать на дорогу жизни и смотрѣть на окружающій міръ не сквозь розовый фонарь своего будуара, а собственными, широко раскрытыми, глазами... И вотъ въ результатѣ складывается эта тяжелая картина женской жизни, которая во всѣхъ названныхъ пьесахъ нарисована по манерѣ Ибсена, т. е. символиче-

скими образами. Такъ называемая интеллигентная женщина представлена обитающей или въ символическомъ захолустномъ городѣ, на берегу вонючаго рва пошлости, о которой „десять лѣтъ пишутъ въ газетахъ“ (VI, 21) и которая отъ этого только растетъ и больше заражаетъ воздухъ; или она живетъ въ симметрично-устроенномъ домѣ, — при домѣ есть садъ, который охраняется символическимъ пугаломъ, наскоро скроеннымъ изъ обветшавшаго хозяйскаго фрака, а кругомъ сада—заборъ, а за заборомъ пустырь; или же, наконецъ, она живетъ, какъ тусклая дачница среди заурядныхъ дачниковъ жизни, дни которыхъ подобны дождевому пузырю на дачной лужѣ, а жизненная дѣятельность — мусору, который они оставляютъ за собой на аллеяхъ дачнаго парка... Во всѣхъ трехъ случаяхъ картина обыденной жизни и людской пошлости полна горестнаго драматизма.

Маленькіе, нудные людишки
Ходятъ по землѣ моей отчизны,
Ходятъ и — уныло ищутъ мѣста,
Гдѣ бы можно спрятаться отъ жизни.
Все хотятъ дешевенькаго счастья,
Сытости, удобствъ и тишины,
Ходятъ и — все жалуются, стонутъ,
Сѣренькіе трусы и лгуны.
Маленькія, краденныя мысли...
Модныя, красивыя словечки...
Ползаютъ тихонько съ краю жизни
Тусклые, какъ тѣни, человечки.

Такъ характеризуется эта, окружающая женщину, жизнь въ пьесѣ „Дачники“...

Среди этой пошлости интеллигентной женщинѣ, не вооруженной подготовкой къ жизни, всегда угрожаетъ преждевременное духовное увяданіе: она или рискуетъ сама прожить только эфемерный вѣкъ дождевого пузыря, или въ качествѣ домашней птицы будетъ тоскливо путаться около своего двора и сарая, — потому что въ заборѣ, окружающемъ садъ, нельзя, по мнѣнію Ивана Мироновича, сдѣлать безъ нарушенія город-

ского плана и строительнаго устава даже и той маленькой калитки, черезъ которую его жена и дочь могли бы по утрамъ спускаться прямо къ рѣкѣ,—или, наконецъ, она будетъ—выражаясь словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы С. Найденова—„влачить и терпѣть Авдотину жизнь“, и непросыхающій зловонный ровъ ея города неудержимо потянетъ ее къ себѣ, какъ омутъ. Во всякомъ случаѣ, повторяю, передъ нами здѣсь величайшая драма, а не „прологъ къ драмѣ“, какъ выразился одинъ изъ рецензентовъ пьесы „Иванъ Миронычъ“. Мы въ правѣ даже думать, что это не только не начало драмы, но даже именно послѣдній ея актъ: для русской Норы, такой, какъ она представлена въ названныхъ пьесахъ 1905 года, врядъ ли возможна новая жизнь; ея культурная роль вся въ протестѣ и въ исканіи, а лучшее будущее, о которомъ она мечтаетъ, можетъ быть удѣломъ только того молодого женскаго поколѣнія, которое должно уловить ея идеальныя стремленія и претворить ихъ въ реальное дѣло новой жизни. На представительницъ этого молодого поколѣнія русская Нора обращаетъ свои восторженные, полные вѣры въ будущее, взоры; имъ отдаетъ всѣ свои духовныя и матеріальныя силы, которыя, какъ брилліанты г-жи Боголюбовой, желающей на послѣднія свои средства отправить дочь на курсы, должны всѣмъ открыть дорогу къ образованію; съ ними она соединяетъ свои надежды на то, что „гдѣ-то тамъ есть другая жизнь, яркая, полная радости и муки, большого счастья и большихъ страданій“; въ нихъ она видитъ тѣхъ „другихъ сильныхъ, смѣлыхъ людей“, которые скоро придутъ на смѣну дряблымъ и трусливымъ потребителямъ жизни; наконецъ, къ нимъ она привлекаетъ невольно и общественныя симпатіи, потому что нормальное развитіе женскаго воспитанія и образованія — прочный залогъ семейнаго и общественнаго блага.

Вотъ отвѣтъ литературы нашихъ дней на тотъ, полный недоумѣнія, вопросъ русской женщины 80-хъ годовъ: „Что дѣлать“, который неоднократно подымался на протяженіи XIX вѣка, а въ концѣ его поставленъ былъ особенно настойчиво.

Отвѣтъ—надо оговориться—порывистый, полный лирическаго энтузіазма, не богатый реальнымъ содержаніемъ и слегка подернутый флеромъ модернистской символики, напоминающей даже басенную аллегорію... Но въ этой баснѣ есть глубокій смыслъ. Мораль изъ нея мы въ правѣ вывести сами. Эта мораль проста и ясна. Общественныя силы, рѣшающія теперь въ разныхъ отношеніяхъ вопросъ объ образованіи въ странѣ, должны настойчиво выдвинуть дѣло женскаго образованія, сдѣлавши его широкимъ и общедоступнымъ. Особенно нужно упорядочить и расширить среднее и высшее женское образованіе, потому что дѣло идетъ объ интеллигентной женщинѣ, отъ которой будетъ зависѣть и дальнѣйшій ростъ грамотности и культуры въ странѣ. Открытіе даже высшихъ курсовъ для женскаго образованія, все равно спеціальнаго или обще-гуманитарнаго характера, дѣло вовсе не такое сложное для большихъ центровъ: нужна только настойчивая, хотя бы и частная, инициатива, нужна поддержка общества, нужны, правда, матеріальныя жертвы, но ихъ оправдываетъ высокая и полная практическаго смысла цѣль—отвлечь богатые духовныя силы интеллигентной русской женщины изъ области мечтательнаго недоумѣнія и скорбнаго гамлетизма и прикрѣпить ихъ къ реальной почвѣ бодрaго жизнерадостнаго труда въ интересахъ личныхъ и общественныхъ. Вѣдь хорошо организованный интеллигентный женскій трудъ есть не только цѣль всякаго просвѣщенія, но и средство къ нему,—поэтому женское образованіе является однимъ изъ залоговъ нашего дальнѣйшаго культурнаго развитія... Для русской женщины, такъ же, какъ и для другихъ общественныхъ группъ, еще далеко не миновала пора ученія, рабочая, страдная пора научнаго труда. Нужно вспомнить, что сказалъ пророчески нашъ великій критикъ еще въ 30-хъ годахъ: „Придетъ время—просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ... Но теперь намъ нужно ученіе, ученіе, ученіе!“... Отъ культурной работы русскаго общества зависитъ—привести по мѣрѣ возможности въ исполненіе завѣтъ великаго критика, чтобы скорѣе сбылись съ нами его пророческія слова.

Эргардъ Вейгель, забытый рационалистъ XVII вѣка.

I.

Предметомъ настоящаго этюда является одинъ въ свое время забытый и нынѣ, можно сказать, совершенно неизвѣстный рационалистъ XVII вѣка, именно Эргардъ Вейгель. Выборъ такого предмета нуждается не только въ особомъ объясненіи, но еще и въ особомъ оправданіи. Если даже и извѣстные представители рационализма XVII вѣка въ настоящее время по большей части осуждаются какъ безплодные схоластики и метафизики, то стоитъ ли еще извлекать изъ пыли вѣковъ автора неизвѣстнаго? Таково недоумѣніе, которое можетъ возникнуть по поводу нашего изслѣдованія. Необходимо прежде всего по возможности устранить его.

Нельзя отрицать, что рационализмъ дѣйствительно весьма часто порождаетъ схоластику и метафизику. Нельзя отрицать и то, что и въ XVII вѣкѣ онъ нерѣдко приводилъ именно къ такому результату. Однако изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что рационализмъ вообще ненаученъ и что, въ частности, въ XVII вѣкѣ онъ не преслѣдовалъ никакихъ положительныхъ задачъ.

Признать рационализмъ ненаучнымъ вообще это значитъ отказаться отъ самаго вѣрнаго и могучаго орудія и способа познанія. Отказъ отъ рационализма равносильенъ отказу мы-

сли отъ самой себя, равносильнѣ самоубійству разума и науки. Что такое наука какъ не стремленіе посредствомъ разума уразумѣть міръ, понять его смыслъ, логику и порядокъ, иначе говоря, раціонализировать данныя опыта? Не является ли вслѣдствіе этого провозглашенный Дунсомъ Скотомъ девизъ: *omne intelligibile*, все познаваемо, все подлежитъ интеллекту и логикѣ,—въ сущности вѣчнымъ девизомъ, вѣчнымъ регулятивомъ всякаго вообще научнаго изслѣдованія, независимо отъ того, какъ относится къ раціонализму какъ къ особому философскому ученію тотъ или иной изслѣдователь? Правда, бывали, бываютъ и, надо полагать, будутъ такіе моменты, когда теоретики начинаютъ какъ бы задыхаться въ слишкомъ чистой, слишкомъ разрѣженной атмосферѣ разума и логики, когда они увлекаются иными, болѣе заманчивыми, зато также и болѣе обманчивыми путями познанія. Но эти моменты означаютъ или временную остановку на безконечномъ пути науки или же ея паденіе, торжество мрака надъ свѣтомъ или по крайней мѣрѣ тумана надъ ясностью.

Что касается раціонализма XVII вѣка—вѣка Декарта, Гоббеса, Спинозы, Лейбница,—то никакъ нельзя отрицать серьезности и глубины тѣхъ теоретическихъ проблемъ, которыя благодаря ему были если и не разрѣшены, то по крайней мѣрѣ поставлены. Если до этого вѣка раціонализмъ по большей части переходилъ въ схоластику, принимавшую, по живописному выраженію Лейбница, солому терминовъ за зерно вещей, если послѣ этого вѣка, особенно въ нѣмецкихъ системахъ начала XIX вѣка, онъ переходилъ въ метафизику, то въ XVII вѣкѣ онъ былъ тѣсно связанъ съ положительною наукою и отчасти вдохновлялся ею, отчасти же и въ свою очередь самъ вдохновлялъ ее. При этомъ тою положительною наукою, съ которою онъ былъ тѣсно связанъ, было возродившееся или, вѣрнѣе, совершенно новое, вновь зародившееся математическое естествознаніе, которое украшали имена Кеплера, Галилея, Ньютона. Связь эта и особенно ея

позитивныя послѣдствія по большей части упускаются изъ виду. Въ этомъ въ значительной степени повинна популярная историко-философская схема, утверждающая, что на зарѣ XVII вѣка обнаружилия два теченія: одно, съ Бэкономъ во главѣ, будто бы единственно положительное и научное, основывавшееся на опытѣ и естествознаніи; другое, съ Декартомъ во главѣ, будто бы исключительно метафизическое и спиритуалистическое, внѣ опыта и вопреки опыту строившее безплодныя умозрительныя системы. Схема эта можетъ вызвать много возраженій. Бэконъ не только не былъ новаторомъ въ наукѣ, самостоятельно прокладывавшимъ ей новыя пути; онъ даже не былъ, какъ его называлъ Жозефъ де-Местръ, барометромъ, который показываетъ погоду, но не дѣлаетъ ея. Онъ не только не понималъ зарождавшагося на его глазахъ математическаго естествознанія съ его несомнѣнно опытнымъ познаніемъ. Онъ рѣшительно ему противился. Такъ, напримѣръ, онъ отвергалъ астрономическую революцію Коперника отчасти на томъ основаніи, что она не соотвѣтствуетъ той эмпирической видимости вещей, дальше которой не шло его пониманіе опытнаго познанія міра, отчасти же и преимущественно по совершенно схоластическимъ соображеніямъ, именно потому, что намъ нельзя узнать *causam formalem* самопроизвольнаго движенія. То, что онъ понималъ подъ индукціею, представляло, въ сущности, какъ нынѣ сознаютъ и его соотечественники, не болѣе какъ „пустую видимость какой-то методы”¹⁾. И недаромъ собственныя попытки Бэкона разобратся въ тайнахъ природы приводили къ сочиненіямъ вродѣ *Sylva sylvarum*—лѣсъ лѣсовъ, дремучая чаща хаотическихъ, сомнительныхъ свѣдѣній и нерѣдко совершенно нелѣпыхъ объясненій: такъ, напримѣръ, поучалъ онъ, перья и шерсть у животныхъ и птицъ происходятъ отъ влаги, которая изнутри просачивается сквозь ихъ кожу; алмазы и

¹⁾ Выраженіе В. Минто. См. четвертое изданіе русскаго перевода его „Дедуктивной и индуктивной логики”, Москва, 1901, стр. 302.

рубины происходят потому, что камни потѣютъ, и т. п. Настоящій научный духъ въ XVII вѣкѣ вѣялъ не въ теоріяхъ Бэкона, а въ теоріяхъ Декарта и его эпигоновъ. И не напрасно Гоббесъ, бывшій секретаремъ Бэкона, не только не былъ его продолжателемъ, но, напротивъ, порвалъ съ его школою и для разрѣшенія своихъ несомнѣнно весьма позитивныхъ и реалистическихъ проблемъ нашелъ болѣе подходящую атмосферу въ общеніи съ Галилеемъ и съ совопросникомъ Декарта Мерсенномъ.

Естествознаніе XVII вѣка сводило хаосъ явленій природы къ повторенію немногихъ явленій, къ движенію тѣлъ. Эти явленія въ свою очередь оно свело къ немногимъ законамъ, т. е. къ постояннымъ математическимъ отношеніямъ между точно опредѣленными величинами при повтореніи одинаковыхъ процессовъ въ пространствѣ и времени. Законы же эти устанавливались раціоналистическимъ путемъ, путемъ математическаго доказательства. Логическою вершиною и методологическимъ источникомъ новаго естествознанія была раціональная механика, наука дедуктивная и тѣмъ не менѣе чрезвычайно точно объясняющая или, по крайней мѣрѣ, описывающая происходящіе въ дѣйствительности физическіе процессы. Торжество математической физики XVII вѣка было торжествомъ разума надъ природою, торжествомъ идеи надъ матеріею.

Такимъ образомъ первымъ и основнымъ поприщемъ, на которомъ работалъ раціонализмъ XVII вѣка, было математическое естествознаніе, сводившее физическій міръ къ законамъ механики, а законы механики устанавливавшее путемъ дедукціи. Но этимъ дѣло далеко еще не исчерпывалось. Новая метода или теорія, нашедшая плодотворное примѣненіе въ одной научной области, обыкновенно возводится въ мѣрило и правило всякаго вообще научнаго изслѣдованія, а также истолкованія міра какъ цѣлаго. Таково было, напри- мѣръ, положеніе дарвинизма. Таково положеніе, которое

на нашихъ глазахъ начинаетъ занимать энергетика¹⁾. Таково же было и положеніе раціональной механики въ научныхъ и философскихъ кругахъ XVII вѣка. Именно она считалась образцомъ истинной научности. И сообразно съ этимъ тѣ моралисты, юристы и публицисты этого вѣка, которые хотѣли итти въ уровень съ научнымъ движеніемъ своей современности, стремились построить раціональную механику личной и публичной жизни людей, стремились построить раціональную психологію для объясненія индивидуальной жизни человѣка и раціональную соціологію для объясненія факта человѣческаго общежитія. Необходимыми условіями раціональной науки являются, во-первыхъ, наличность немногочисленныхъ основныхъ, совершенно точныхъ и опредѣленныхъ элементовъ, къ которымъ можно было бы свести все разнообразіе изучаемаго круга предметовъ и отношеній, и, во-вторыхъ, выведеніе этихъ отношеній путемъ дедукціи изъ этихъ элементовъ. Сообразно съ этимъ для механическаго объясненія человѣческой жизни необходимо было свести все ея многообразіе, всѣ ея вольныя и невольныя дѣянія, всѣ ея мотивы, настроенія, чувства къ естественному, необходимому, строго законамѣрному движенію основныхъ элементовъ психики. Этими элементами въ XVII вѣкѣ считались страсти (*passiones*) или, какъ выражался Спиноза, аффекты. Наиболее методическую постановку теоріи аффектовъ представляетъ третья книга „Этики” Спинозы. То, что онъ съ такою настойчивостью выдвигалъ на первый планъ стремленіе человѣка *sum esse conservare, in suo esse perseverare*, объясняется тѣмъ, что онъ имѣлъ ввиду аналогію съ физическою инерціею. Если для объясненія индивидуальной человѣческой жизни старались построить раціональную психологію, то для объясненія взаимодѣйствія между людьми, именуемаго обще-

¹⁾ Попытку цѣликомъ распространить ея принципы и выводы на экономическую область см. уже въ книгѣ *Die Lehre von der Energie*, von Georg Helm, Leipzig, 1887, стр. 72 и слѣд. Дѣлаются попытки подчинить ей даже юриспруденцію. См. *Die Weltanschauung der Jurisprudenz*, von A. Bozi, Стр. 108 и слѣд.

ствомъ, старались построить рациональную социологию или, какъ выражались тогда, гражданскую философію (*philosophiam civilem*), которую, какъ объяснялъ Гоббесъ, надлежало понимать по аналогіи съ естественною философіею (*philosophia naturalis*), т. е. съ тогдашнею физикою. Чтобы построить такую социологию, какъ естественную науку механическаго типа, теоретики XVII вѣка старались опять таки взойти къ ея основнымъ элементамъ, старались мысленно разложить общезжитіе на его составныя части, подобно тому какъ механизмъ разлагается на колеса и пружины (сравненіе это принадлежитъ Гоббесу). Основнымъ элементомъ они считали природу человѣка. Взгляды ихъ на сущность этой природы колебались между утвержденіями Гуго Гроція и Кумберланда, что люди отъ природы тяготеютъ другъ къ другу, что, какъ выражался Гроцій, *homini proprium sociale*, и утвержденіями Гоббеса и Спинозы, что, совсѣмъ напротивъ, люди по природѣ отталкиваются другъ отъ друга. Въ обоихъ случаяхъ однако, очевидно, имѣлась ввиду аналогія съ механикою. Такимъ образомъ вторымъ поприщемъ, на которомъ работали рационалисты XVII вѣка, былъ психическій и моральный міръ человѣка и его общезжитія. И работа эта состояла въ стремленіи построить механику этихъ міровъ прежде всего путемъ опредѣленія ихъ основныхъ элементовъ. Теперь принято иронизировать надъ пристрастіемъ теоретиковъ XVII вѣка къ опредѣленіямъ. Однако при этомъ совершенно упускается изъ виду, что если бы дѣйствительно осуществилась ихъ научная мечта и если бы имъ дѣйствительно удалось съ математическою точностью опредѣлить аффекты и вообще свойства человѣческой природы, то они для чтенія загадочной книги человѣческой души обладали бы такимъ же удобнымъ алфавитомъ, какой Галилей по собственному выраженію, нашелъ въ треугольникахъ, кругахъ и прочихъ геометрическихъ фигурахъ для чтенія книги физической природы¹⁾.

¹⁾ О значеніи опредѣленій въ научной философіи XVII вѣка нѣсколько подробнѣе упомянуто авторомъ настоящаго этюда въ его статьѣ

Наконецъ, третье и самое грандіозное поприще для раціоналистовъ XVII вѣка представлялъ міръ какъ единое цѣлое. Если, какъ подтверждали физическія изслѣдованія, міръ матеріальной природы можетъ быть сведенъ къ раціональной механикѣ и объясненъ ея законами, если, какъ ожидали отъ психологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій того времени, духовный міръ могъ и долженъ былъ тоже свестись къ своего рода механикѣ и, значитъ, какъ выразился Спиноза, не былъ государствомъ въ государствѣ (*imperium in imperio*), то, слѣдовательно, весь міръ какъ цѣлое представлялъ механическую систему, слѣдовательно, возможна и необходима была *mathesis universalis*, монистическое механическое міропознаніе, построенное математическимъ или геометрическимъ путемъ. Такимъ образомъ вмѣсто античнаго дробленія человѣческаго знанія между различными по предметамъ, интересамъ и способамъ изслѣдованія областями знанія логического, этического и физического становилось возможнымъ, по крайней мѣрѣ принципиально, единое универсальное знаніе, при которомъ этическое знаніе строилось бы по аналогіи со знаніемъ физическимъ и оба эти знанія сливались бы въ одномъ общемъ логическомъ знаніи, въ универсальной міровой логикѣ. Сообразно съ этимъ вполне естественнымъ вѣнцомъ раціоналистическихъ изслѣдованій XVII вѣка являлась знаменитая попытка Спинозы *ordine geometrico* построить систему вселенной, раціональную теорію всего, что въ ней существуетъ и происходитъ, безъ какого бы то ни было остатка, имманентную логику міра.

Такимъ образомъ раціоналисты XVII вѣка стремились создать раціональную механику физического міра, раціональную механику духовнаго міра и, наконецъ, раціональную механику міра, какъ цѣлаго. Если бы они осуществили цѣлькомъ всѣ эти три задачи, иными словами, если бы они позна-

„Физицизмъ въ общественной философіи XVII вѣка” (Юридическія Записки, 1908, II, стр. 351 и слѣд.).

ли міровую закономѣрность съ тою ясностью, отчетливостью и доказательностью, которая образуетъ исключительную привилегію и главную силу чистаго, раціональнаго знанія, то были бы осуществлены самыя смѣлыя научныя мечты. Безъ остатка была бы выполнена программа теоретическаго знанія. Наука перестала бы быть вѣчнымъ *imperfectum*’омъ. Она дошла бы до своей послѣдней цѣли, т. е. до своего конца. Логика бытія вполнѣ совпадала бы съ логикою мысли. Не было бы болѣе никакихъ преградъ между человѣческимъ разумомъ и абсолютною истиною. Не было бы болѣе тайнъ. Все было бы познано. Мы видимъ такимъ образомъ, что та задача, которую преслѣдоваль раціонализмъ XVII вѣка, никакъ не можетъ быть признана ни противонаучною, ни внѣнаучною. Задача эта строго научна. Въ сущности это вѣчная задача всякаго научнаго изслѣдованія. И поскольку раціоналисты XVII вѣка формулировали ее именно какъ задачу, они стояли на вполнѣ научной и вполнѣ положительной почвѣ. Они вступали на рискованный путь метафизики только тогда, когда они отъ замысла переходили къ исполненію и старались разъ навсегда выполнить вѣчно неосуществленную задачу абсолютнаго знанія при помощи тѣхъ слишкомъ недостаточныхъ для этого данныхъ положительнаго научнаго опыта, которыми они располагали. Для этого они по необходимости должны были заполнять пробѣлы мысли и бытія метафизическимъ, иногда просто терминологическимъ матеріаломъ и такимъ образомъ фактически возвращаться къ той схоластической традиціи, которую принципиально они такъ рѣзко осуждали.

II.

На фонѣ только что охарактеризованныхъ проблемъ раціонализма XVII вѣка чрезвычайно своеобразную личность представляетъ въ тѣ времена „всемирно извѣстный”¹⁾, „зна-

¹⁾ См. J. P. Hebenstreits Leich-Rede bei der Beerdigung des weiland Magnifici, Hoch-Edlen Best und Hochgelehrten Herrn Erhard Weigellii.

менитѣйшій профессоръ математики“¹⁾ въ Іенскомъ университетѣ Эргардъ Вейгель. Въ настоящее время его или совсѣмъ не знаютъ, или же знаютъ только по наслышкѣ какъ учителя Пуффендорфа и Лейбница. И о немъ судятъ или фактически неправильно или же принципиально несправедливо. Такъ, напримеръ, Блюнчли, вскользь упоминая о немъ какъ объ учителѣ Пуффендорфа, называетъ его картезіанцемъ²⁾. А между тѣмъ нѣкоторыя сочиненія Вейгеля специально направлены противъ картезіанской философіи³⁾. Впадая въ противоположную крайность, историкъ математики М. Канторъ утверждаетъ, что Вейгель никогда не изучалъ сочиненій Декарта. Впрочемъ, пренебрежительно прибавляетъ онъ, если бы даже онъ ихъ и зналъ, онъ все равно не сумѣлъ бы понять ихъ, какъ слѣдуетъ⁴⁾. Вообще Канторъ совершенно отрицаетъ какое бы то ни было серьезное научное значеніе сочиненій Вейгеля: „математика Вейгеля — говоритъ онъ — можетъ служить примѣромъ отсутствія потребностей, составлявшаго тогда общее, безъ исключенія, правило въ нѣмецкихъ университетахъ“⁵⁾; если Канторъ и останавливается нѣсколько на немъ, то, какъ онъ самъ объясняетъ, именно вслѣдствіе его незначительности, дѣлающей его типичнымъ мѣриломъ низкаго уровня тогдашней германской университетской математики⁶⁾. Въ своемъ сужденіи о Вейгелѣ Канторъ, очевидно, полагался на помѣщенную въ 13-ой книгѣ журнала *Zeitschrift für Mathematik und Physik* статью Бар-

¹⁾ См. Danielis Georgi Morhofi Polyhistor, in tres tomos literarum, philosophicum et practicum, Lubecae, 1708, томъ I, стр. 421.

²⁾ См. Geschichte der neueren Staatswissenschaft, allgemeines Staatsrechts und Politik. Dritte Auflage, München, 1881, стр. 136. Н. М. Коркуновъ въ своей „Исторіи философіи права“ упоминаетъ о Вейгелѣ только то, что онъ будто бы былъ картезіанцемъ (см. стр. 167 второго изданія 1898 г.).

³⁾ Von der Vortrefflichkeit und Nutzbarkeit der Mathematischen Philosophie gegen der Scholastischen und Cartesianischen, Iena, 1693. Ср. еще Universi corporis pansophici Caput summum.... Quo simul et Cartesius, ubi declinat, constringitur, Ienae 1673.

⁴⁾ Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, III Band, zweite Auflage. Leipzig, 1901. Стр. 39.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 40.

толомеи: Erhard Weigel. Ein Beitrag zur Geschichte der mathematischen Wissenschaften auf den deutschen Universitäten im 17 Jahrhundert. Авторъ этой статьи называетъ Вейгеля „невѣждою въ математикѣ“ и увѣряетъ, что онъ „совсѣмъ не имѣлъ внутренней потребности рѣшать проблемы философіи“; но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же Бартоломеи прибавляетъ, что Вейгель помышлялъ о чемъ-то вродѣ того, что впоследствии Гербартъ называлъ методою отношеній. Значитъ у Вейгеля были таки кое-какія проблемы. Л. Ноакъ, хотя и констатируетъ, что Вейгель оказалъ рѣшительное вліяніе на Вольфа и Рюдигера, повторяетъ вслѣдъ за Бартоломеи, что онъ не только не прокладывалъ новыхъ путей, но не испытывалъ даже дѣйствительной потребности разрѣшать проблемы философіи¹⁾. Лучше знаютъ и больше цѣнятъ Вейгеля какъ педагога²⁾, какъ одного изъ первыхъ противниковъ классической системы въ гимназіяхъ³⁾ и какъ одного изъ первыхъ нѣмецкихъ профессоровъ XVII вѣка, старавшихся замѣнить латинскій языкъ отечественнымъ какъ въ лекціяхъ, такъ и въ книгахъ. Но вообще Вейгель забытъ. Единственная монографія о немъ, Шписса⁴⁾, несмотря на приподнятый тонъ, въ которомъ она написана, едва ли въ состояніи пріохотить читателя къ болѣе близкому знакомству съ этимъ авторомъ, который изображается въ ней главнымъ образомъ какъ практическій педагогъ съ рѣзко выраженнымъ религіозно-назидательнымъ направленіемъ. И съ именемъ Вейгеля обыкновенно соединяютъ только представленіе о мистикѣ XVI вѣка Валентинѣ Вейгелѣ, сочетавшемъ съ христіанскими догматами ученіе Парацельза о превращеніи металловъ. А между тѣмъ забытый Эргардъ Вейгель какъ по своему вліянію на

¹⁾ Philosophie-geschichtliches Lexicon. Leipzig, 1879, стр. 915.

²⁾ См. K. A. Schmid: Geschichte der Erziehung, Fünfter Band, erste Abteilung, Stuttgart, 1901, стр. 93—116.

³⁾ См. Bartholomäi: Zur Geschichte des Unterrichts in den alten Sprachen im 17 Jahrhundert (Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik, Zweite Abteilung, XIV Jahrgang, стр. 400—409).

⁴⁾ E. Spiess: Erhard Weigel, Professor der Mathematik und Astronomie zu Iena, der Lehrer von Leibnitz und Pufendorf. Ein Lebensbild aus der Universitäts—und Gelehrten-geschichte des 17 Jahrhunderts, gleichzeitig ein Beitrag zur Geschichte der Erfindungen, sowie der Pädagogik. Leipzig, 1881.

современниковъ, такъ и по внутреннему значенію занимавшихъ его проблемъ является личностью совсѣмъ не заурядною. И сочиненія его представляютъ не только антикварный курьезъ, но и болѣе широкій историческій интересъ и даже значительную принципиальную цѣнность.

Эргардъ Вейгель родился въ 1625 году; значитъ, онъ былъ на семь лѣтъ старше Спинозы. Когда ему минуло три года, его родители подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій принуждены были покинуть родной Пфальцъ и переселиться въ Вунсидель, тогда бранденбургскій городъ. Здѣсь онъ сталъ посѣщать гимназію. По желанію отца онъ пополнялъ домашнимъ изученіемъ математики односторонность тогдашняго классическаго образованія, при которомъ, какъ онъ жаловался въ посвященіи своей книги *Wienerischer Tugend-Spiegel*, считалось лишнимъ преподавать даже таблицу умноженія. Одиннадцати лѣтъ мальчикъ осиротѣлъ и сталъ собственнымъ трудомъ добывать средства для продолженія своего образованія. Онъ сочинялъ и переписывалъ для желавшихъ письма, а также преподавалъ ариметику дѣтямъ зажиточныхъ родителей. Скопивъ немного денегъ, онъ девятнадцати лѣтъ отправился въ Галле кончать свое среднее образованіе и готовиться къ университету. Занимаясь у мѣстной знаменитости Шимпфера, онъ вскорѣ до того усовершенствовался въ астрономіи и астрологіи, что патронъ поручилъ ему веденіе всѣхъ дѣлъ и даже составленіе календаря, а лейпцигскіе студенты стали ѣздить къ нему отчасти чтобы узнать свою судьбу, отчасти же и главнымъ образомъ, чтобы учиться у него математикѣ; Вейгель, повидимому, вообще обладалъ педагогическимъ талантомъ, преподавалъ, какъ выразился одинъ изъ его учениковъ, *jucundissimo et facillimo ductu*¹⁾, умѣлъ легко объяснять трудныя вещи. Вознагражденіе за обученіе лейпцигскихъ студентовъ дало ему возможность самому стать, наконецъ, лейпцигскимъ студентомъ. Двадцати пяти лѣтъ онъ получилъ степень магистра философіи и сталъ

¹⁾ См. Erhardi Weigelii Physicae pansophicae specimen primum, quod Eodem Praeside exposuit Iohannes Wülfer, въ началѣ: Respondentis epistola.

читать лекціи. Черезъ три года онъ былъ приглашенъ на кафедру математики въ Іену герцогомъ Вильгельмомъ Саксенъ-Веймарскимъ, котораго онъ въ двѣ недѣли выучилъ распознавать свѣтила на сводѣ небесномъ; за это онъ получилъ еще званіе придворнаго математика. Лекціи Вейгеля пользовались большимъ успѣхомъ. Онъ слушались *summo cum applausu Auditorii constanter frequentissimi*¹⁾. Одинъ изъ его курсовъ привлекъ столько слушателей (болѣе 400), что пришлось читать его за городскою стѣною, въ чистомъ полѣ. Предметъ этого курса былъ довольно своеобразенъ. Вейгель излагалъ свою реформу созвѣздіи, именно замѣну грѣховныхъ, по его утвержденію, языческихъ символовъ, вродѣ Марса, Венеры и т. п., не христіанскими именами апостоловъ и святыхъ, какъ предлагалъ юристъ и схолярхъ Юлій Шиллеръ, составившій *Coelum stellatum christianum*²⁾, а геральдическими знаками европейскихъ державъ³⁾. Кромѣ чтенія лекцій, Вейгель занимался составленіемъ небесныхъ глобусовъ и разными изобрѣтеніями, въ списокъ которыхъ, составленномъ имъ самимъ, значится даже *perpetuum mobile*—чрезвычайно удобный приборъ, пояснялъ онъ, но вслѣдствіе его дороговизны пока еще не устроенный имъ⁴⁾. Сооруженный имъ въ Іенѣ домъ (*domus Weigeliana*), съ водопроводомъ, подъемною машиною, астрономическою обсерваторіею, которая была устроена въ погребѣ, считался однимъ изъ т. н. семи чудесъ Іены и просуществовалъ до 1898 г. Одно изъ изобрѣтеній Вейгеля, именно скоропечатный станокъ, только потому не обезсмертило его имени, что онъ самъ отказался использовать его, опасаясь, что сокращеніе рабочихъ рукъ оста-

1) См. Erhardi Weigelii Genealogiam Matheseos publico discursui exposuit I. E. Reichart, Ienae, 1691, стр. 19; ср. I. Günther: Lebensskizzen der Professoren der Universität Iena seit 1558 bis 1858, Iena, 1858, стр. 181.

2) См. критику этой реформы въ сочиненіи Вейгеля *Globorum correctorum et perpetuorum Novissima Descriptio et Usus*, Ienae, 1690, стр. 6.

3) Объ аналогичныхъ попыткахъ того же времени усовершенствовать карту неба см. въ *Geschichte der Astronomie* von R. Wolf, München, 1877, стр. 425 и слѣд.

4) Sehr bequem.. ist aber wegen seiner Kostbarkeit noch nicht ins Werck gerichtet.

вить безъ хлѣба трудящихся въ типографіяхъ¹⁾. Послѣ сорокашестилѣтней профессуры *cum magna nominis celebritate* Вейгель, 74 лѣтъ, *bene praeparatus ad coelestia*, скончался въ 1699 г. Черезъ полгода послѣ его смерти регенсбургскій рейхстагъ осуществилъ одинъ изъ его проектовъ, именно, ввелъ григоріанскій календарь во всей германской имперіи. Портретъ Вейгеля помѣщенъ въ вышедшей по случаю юбилея іенскаго университета книгѣ проф. Э. Борковского: *Das alte Iena und seine Universität* (Iena, 1908, см. стр. 77).

Вейгель писалъ чрезвычайно много. Насчитываютъ 104 названія его сочиненій²⁾; правда, многія изъ нихъ извѣстны только по названію и, повидимому, никогда не были изданы. Тѣ изъ его сочиненій, которыя сохранились до нашего времени³⁾, невольно вызываютъ двойственное чувство. Восхищеніе чередуется съ досадою. Сожалѣніе о томъ, что его не знаютъ, борется съ мыслью, что онъ вполнѣ достоинъ постигшаго его забвенія. Прежде всего читателя отталкиваетъ внѣшній видъ его сочиненій, ихъ форма. Въ XVII вѣкѣ существовало вообще два способа писать философскія книги. Первый способъ — это величавый, возвышенный стиль Декарта и Спинозы, безъ цитатъ, безъ уклоненій въ сторону, стиль, заботившійся не о читателѣ, а исключительно объ истинѣ, стиль абстрактный, сухой и холодный, какъ нельзя лучше соотвѣтствовавшій содержанію классическаго рационализма того времени. Второй способъ — это тотъ стиль, который съ точки зрѣнія дурного литературнаго вкуса того времени считался элегантнымъ, т. е. изысканнымъ. Изысканность при этомъ состояла въ томъ, что авторы или кстати и некстати изыскивали отовсюду всевозможныя цитаты изъ всевозможныхъ авторовъ — *ut aliquid ornamenti accedat*,

1) См. статью Бартоломеи въ *Zeitschrift für Mathematik und Physik*, XIII, стр. 43.

2) См. ихъ списокъ у Spiess'a, стр. 20 и слѣд.

3) Въ настоящее время ихъ приходится собирать по разнымъ библіотекамъ Германіи (королевской въ Берлинѣ, университетскимъ въ Іенѣ, Грейфсвальдѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ). Нѣкоторыя сочиненія Вейгеля имѣются въ библіотекѣ Юрьевскаго университета.

какъ объяснялъ Гуго Гроцій, потерявшій всякую мѣру въ пользованіи этимъ приемомъ въ своей знаменитой книгѣ *De jure belli ac pacis*, — или же на каждомъ шагу прибѣгали къ игрѣ словъ, рассчитанной на то, чтобы прежде всего озадачить читателя. Типичный образецъ элегантности послѣдняго рода представляютъ сочиненія Бэкона. Въ такомъ же родѣ писалъ по большей части и Вейгель. Рядомъ съ классическими по мѣткости и ясности формулировками основныхъ идей и намѣренныхъ рационалистической философіи мы встрѣчаемъ у него на каждомъ шагу болѣе или менѣе натянутую игру словъ, странныя сравненія, метафоры, напыщенные, витіеватыя тирады и т. п. приемы, размѣнивающіе на мелочи мысль въ иныхъ случаяхъ даже чрезвычайно глубокую. Очень типична въ этомъ отношеніи его книга *Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit*¹⁾. Какъ можно заключить уже изъ заглавія, книга эта вызвана мыслью о моральной математикѣ, о сведеніи всѣхъ нравственныхъ качествъ къ количествамъ, иными словами, о подведеніи морали вмѣстѣ съ физикою подъ одинъ общій математическій уровень. Таковъ замыселъ Вейгеля. Но не таково его выполненіе. Уже одно „элегантное“ на тогдашній вкусъ посвященіе книги нюрнбергскимъ купцамъ, въ которомъ авторъ общается „посыпать искусство счета сахаромъ моральныхъ достопримѣчательностей или, вѣрнѣе, сварить моральныя вещи въ соку, выжатомъ изъ чиселъ“, не можетъ не внушить читателю нѣкотораго недовѣрія къ удачѣ выполненія Вейгелемъ его грандіознаго замысла. И это недовѣріе оказывается, дѣйствительно, не лишеннымъ основанія. Трудно въ самомъ дѣлѣ видѣть достойное рѣшеніе проблемы въ приравненіи дробямъ калѣкъ (*gebrechliche Menschen*²⁾ — нѣмецкая игра словъ), въ уподобленіи дѣтей — единицѣ, юношей — четверемъ, мужей — шестнадцати³⁾. Чрезвычайно мало убѣдительно для современ-

1) Полное заглавіе: *Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit von Personen und Sachen Worauf das gemeine Wesen besteht, Nach der Pythagorischen Creutz Zahl in lauter tetractysche Glieder eingetheilet, Iena, 1674.*

2) Тамъ же, Сар. II, § 5, стр. II.

3) Тамъ же, Сар. II, § 4, стр. II.

наго по крайней мѣрѣ читателя также и тѣ аналогіи, которыя любилъ проводить Вейгель, напимѣръ, между огнемъ, водою, воздухомъ и землею и Европою, Азіею, Африкою и Америкою¹⁾, или между буквами алфавита и геометрическими фигурами²⁾ или же между семью римскими царями и семью планетами³⁾.

Формѣ сочиненій Вейгеля соотвѣтствуетъ и ихъ содержаніе. Въ авторѣ глубокій мыслитель сочетается съ мистификаторомъ. Вѣрнѣе было бы, по извѣстной классификаціи Кардана, отнести его къ обманутымъ обманщикамъ. Впрочемъ едва ли можно назвать его обманщикомъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Необходимо имѣть ввиду его эпоху и тѣ требованія, которыя въ то время предъявлялись ученымъ, особенно специалистамъ по математикѣ, астрономіи и физикѣ. Этимъ ученымъ въ XVII вѣкѣ, какъ и въ эпоху Леонардо да Винчи, приходилось считаться со вкусами своихъ меценатовъ и исполнять ихъ прихоти. Извѣстно, что Кеплеръ всю свою жизнь занимался составленіемъ гороскоповъ. Ученые слишкомъ зависѣли отъ своихъ знатныхъ покровителей. А наука, какъ таковая, особенно математика и физика, разсматривалась послѣдними какъ нѣчто низкое. Тихо де Браге стоило большихъ усилій покинуть изученіе права, которое только и считалось достойнымъ чловѣка благороднаго происхожденія, ради астрономіи. Независимость давали ученымъ и философамъ XVII вѣка или собственныя средства — въ этомъ положеніи былъ Декартъ, съ удовольствіемъ отмѣтившій это въ *Discours de la méthode*⁴⁾, — или же совершенно исключительный стоическій образъ жизни — въ этомъ положеніи былъ Спиноза. Только такой уединенный мыслитель, какъ Спиноза, отказавшійся отъ профессуры и отъ связанной съ нею въ то время зависимости отъ капри-

¹⁾ Тамъ же, Cap. XI, § 16, стр. 81.

²⁾ *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta*, Ienae, 1658, Sectio III, Cap. VIII, § 4, стр. 226.

³⁾ *Synopsis jurisprudentiae mnemoneutica e Syntagmate illustris viri Dn. G. A. Struvii*, Francfurti et Ienae, 1669, стр. 9.

⁴⁾ *Première partie*. Je ne me sentais point, grâce à Dieu, de condition qui m'obligeât à faire un métier de la science pour le soulagement de ma fortune.

зовъ сильныхъ міра сего и обрекшій себя на жизнь въ бѣдности, могъ зато позволить себѣ умственную роскошь чистой теоріи, жизни и мысли *sub quadam specie aeternitatis*, жизни свободной отъ изобрѣтенія насосовъ, качалокъ и т. п. приборовъ или отъ устройства фейерверковъ. Вейгель, также какъ и его ученикъ Лейбницъ, былъ человѣкомъ иного закала. Онъ вращался среди дѣтей ничтожныхъ міра. Онъ нуждался въ нихъ. И поэтому онъ приспособлялся къ нимъ, говорилъ съ ними ихъ языкомъ. Вотъ почему какъ учитель, такъ и ученикъ, при всемъ своемъ гениі, часто поражаютъ своею мелочностью и тщеславіемъ¹⁾.

Впрочемъ и Вейгель бывалъ величавъ. Это происходило тогда, когда, увлеченный глубиною своихъ проблемъ, онъ думалъ только объ истинѣ и забывалъ о читателѣ, а также тогда, когда онъ упоминалъ о Богѣ и вообще о религіи. Въ данномъ случаѣ онъ былъ вполне сыномъ своей эпохи. Въ XVII вѣкѣ мѣриломъ достоинства людей считалось не столько ихъ отношеніе къ другимъ людямъ, сколько ихъ отношеніе къ Богу, ихъ религіозность. Вотъ почему этотъ вѣкъ былъ гораздо безсердечнѣе слѣдующаго, болѣе легкомысленнаго по отношенію къ Богу, зато и болѣе отзывчиваго по отношенію къ людямъ XVIII вѣка. Вотъ почему также именно въ этомъ вѣкѣ было возможно совмѣщеніе въ лицѣ извѣстнаго полиистора Конринга продажности и даже измѣны собственному отечеству съ искреннею и глубокою религіозностью. Въ эпоху, слѣдовавшую за тридцатилѣтнею войною, нельзя было быть просто человѣкомъ. Необходимо было быть протестантомъ или католикомъ, необходимо было быть человѣкомъ извѣстной рели-

¹⁾ Сопшемся, для примѣра, на письмо Лейбница къ герцогу Іоанну Фридриху Брауншвейгъ-Люнебургскому (*Die philosophischen Schriften, herausgegeben von C. I. Gerhardt, Band, I, стр. 57 и слѣд.*), гдѣ онъ перечисляетъ свои изобрѣтенія и вообще старается снискать его расположеніе или же на его любезное сравненіе Бога съ коронованными женщинами его эпохи (*On peut comparer la Monarchie divine à un Royaume dont le souverain seroit une Reine plus spirituelle et plus savante que la Reine Elisabeth, plus judicieuse, plus ingenieuse, plus sage et plus belle que la Reine de Prusse.* См. *Mittheilungen aus Leibnizens ungedruckten Schriften. Von Georg Mollat, Leipzig, 1893, стр. 62.*)

гій, той проблемы, изъ-за которой проливалась кровь и опустошались города. Вотъ почему Спиноза, несмотря на несомнѣнно атеистическую тенденцію его философіи, непрестанно ссылаясь на Бога и, не будучи въ состояніи изгнать Его изъ природы, слилъ Его съ нею. Вотъ почему мы и у Вейгеля на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ имя Божіе.

Какъ бы однако велико ни было личное благочестіе Вейгеля, онъ стремился какъ можно болѣе рационализировать, казалось бы, ирраціональную по существу область религіи. Онъ пытался доказывать геометрическимъ путемъ догматъ троичности Божества и отрекся отъ этой затѣи только вслѣдствіе давленія, оказаннаго на него теологическимъ факультетомъ въ 1679 году¹⁾. Въ этой попыткѣ сказался ученый XVII вѣка, признающій истиною только то, что можетъ быть доказано. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и во многихъ другихъ Вейгель былъ однимъ изъ наиболѣе типичныхъ рационалистовъ того времени. Чтобы оцѣнить его по достоинству съ этой стороны, необходимо отрѣшиться отъ его сомнительныхъ изобрѣтеній, къ которымъ уже его университетскіе коллеги относились настолько скептически, что въ 1690 г. не нашли возможнымъ командировать его, согласно его желанію, въ Лондонъ для представленія ихъ королевскому обществу. Необходимо сосредоточиться исключительно на занимавшихъ его теоретическихъ проблемахъ.

Въ этомъ отношеніи Вейгель былъ однимъ изъ самыхъ универсальныхъ умовъ своей эпохи. Математикъ и астрономъ, онъ не ограничивался рамками своей спеціальности. Онъ былъ поглощенъ мыслію о единствѣ человѣческаго знанія, объ уни-

¹⁾ См. G. Frank. Die Ienaische Theologie in ihrer geschichtlichen Entwicklung, Leipzig, 1858, стр. 47. Вообще въ средѣ профессиональных богослововъ XVII вѣка мысль о т. н. рациональной или естественной теологіи не встрѣчала ни малѣйшаго сочувствія. По своему они были вполне правы: то, что религіозная метафизика признаетъ истиною, именно существованіе извѣстныхъ сверхъестественныхъ объектовъ, представляетъ для нея не предметъ доказательства, а эмпирическій фактъ; иначе, въ случаѣ неуспѣха или неубѣдительности доказательства, пришлось бы или совсѣмъ отрицать существованіе этихъ объектовъ или же вмѣстѣ съ Кантомъ признать вопросъ безнадежно діалектическимъ.

версальности и общеприложимости математической методы. Сообразно съ этимъ онъ былъ озабоченъ объединеніемъ или по крайней мѣрѣ сближеніемъ отдѣльныхъ, дотолѣ разрозненныхъ наукъ ¹⁾. Онъ едва ли не первый вызвалъ въ Германіи тотъ „споръ факультетовъ“, который естественно порождался пересозданіемъ наукъ и ихъ методологіи подъ вліяніемъ новаго естествознанія и выдвинутой имъ проблемы научнаго монизма, и съ которымъ впослѣдствіи пришлось считаться Канту. Если для Канта этотъ споръ представлялъ главнымъ образомъ академическій интересъ, то Вейгелю пришлось лично пострадать отъ него и испытать всѣ неудобства философскаго универсализма въ средѣ, проникнутой духомъ традиціонной цеховой спеціализаціи. Послѣ выхода въ свѣтъ его книги *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta* философскій факультетъ Іенскаго университета объявилъ, что онъ отказывается терпѣть въ своей средѣ ученаго, нарушающаго привычныя границы между науками, преподающаго ихъ совершенно новымъ способомъ и вопреки университетскимъ статутамъ и тѣмъ сбивающаго съ толку учащуюся молодежь. Еще рѣшительнѣе выступилъ противъ него теологическій факультетъ, недовольный его чрезмѣрнымъ увлеченіемъ *principiis geometricis*. Несмотря на эти столкновенія Вейгель сумѣлъ вызвать такое уваженіе къ себѣ и къ своимъ научнымъ стремленіямъ, что послѣ его смерти академическій совѣтъ Іенскаго университета, продолжая начатую имъ реформу небесной карты, замѣнилъ на ней созвѣздіе вѣсовъ его гербомъ, именно вѣсами съ девизомъ: *omnia mensura, numero et pondere* ²⁾. Девизъ этотъ передаетъ основную научную мысль Вейгеля—свести все знаніе къ геометріи и вообще математикѣ, распространить Эвклидову методу на всѣ науки и при этомъ, въ отличіе отъ схоластики, поставить послѣднимъ не формальныя и терминологическія, а строго реальныя, позитивныя задачи.

¹⁾ *Intimiori disciplinarum familiaritate*. См. посвященіе его книги *Universi Corporis pansophici Prodrömus*, Jena, 1672.

²⁾ См. I. P. Habenstreits *Leich-Rede*.

III

Въ своемъ стремленіи познать положительно міръ рационалисты отправляются отъ убѣжденія, что въ немъ есть система, закономерность, логика, и что поэтому правильный порядокъ идей въ нашемъ умѣ и настоящій порядокъ вещей въ конкретномъ мірѣ, *ordo et connexio idearum et rerum*, не могутъ быть чужды другъ другу, а, напротивъ, должны совершенно совпадать. Вейгель чрезвычайно удачно формулировалъ это убѣжденіе, поставивъ наукѣ задачею познание міра какъ *реального силлогизма*. Въ этихъ двухъ словахъ содержится вся научная программа рационализма, его высшее честолюбіе. Къ чему стремился Спиноза, къ чему стремился Гегель какъ не къ тому, чтобы познать міръ какъ реальный силлогизмъ, въ которомъ предметы и событія вытекаютъ другъ изъ друга съ такою же необходимостью, съ какою вытекаютъ другъ изъ друга посылки логического силлогизма? Вейгель не только нашелъ счастливую формулу, но, какъ никто до него, сумѣлъ отдѣлить въ ней строго научную, позитивную сторону отъ стороны схоластической, указавъ существенное отличіе новаго рационализма отъ рационализма схоластическаго. Въ этомъ отношеніи самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ является его книга *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta*¹⁾.

Вейгель рѣшительно вооружается противъ схоластики. вмѣсто предметовъ она занимается словами, вмѣсто изслѣдованія дѣйствительности—словопреніями. Все это—не настоящая наука. Такая наука прежде всего реальна²⁾. И поэтому

1) Полное заглавіе: Erhardi Weigelii. Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Genuinum Sciendi modum, et Nativam restauratae Philosophiae faciem per omnes Disciplinas et Facultates ichnographice depingens. Opus omnium Facultatum Cultoribus ad solidam eruditionem summe necessarium, maxime proficuum. Lege, quisquis es, non poenitebit. Jenae, 1658.

2) Стр. 245: Veras intelligo rerum ipsarum scientias, non vanas illas logomachias et altercationes, quae ut merae sunt quisquiliae, ita ne quidem

версальности и общеприложимости математической методы. Сообразно съ этимъ онъ былъ озабоченъ объединеніемъ или по крайней мѣрѣ сближеніемъ отдѣльныхъ, дотолѣ разрозненныхъ наукъ ¹⁾. Онъ едва ли не первый вызвалъ въ Германіи тотъ „споръ факультетовъ“, который естественно порождался пересозданіемъ наукъ и ихъ методологіи подъ вліяніемъ новаго естествознанія и выдвинутой имъ проблемы научнаго монизма, и съ которымъ впослѣдствіи пришлось считаться Канту. Если для Канта этотъ споръ представлялъ главнымъ образомъ академическій интересъ, то Вейгелю пришлось лично пострадать отъ него и испытать всѣ неудобства философскаго универсализма въ средѣ, проникнутой духомъ традиціонной цеховой спеціализаціи. Послѣ выхода въ свѣтъ его книги *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta* философскій факультетъ Іенскаго университета объявилъ, что онъ отказывается терпѣть въ своей средѣ ученаго, нарушающаго привычныя границы между науками, преподающаго ихъ совершенно новымъ способомъ и вопреки университетскимъ статутамъ и тѣмъ сбивающаго съ толку учащуюся молодежь. Еще рѣшительнѣе выступилъ противъ него теологическій факультетъ, недовольный его чрезмѣрнымъ увлеченіемъ *principiis geometricis*. Несмотря на эти столкновенія Вейгель сумѣлъ вызвать такое уваженіе къ себѣ и къ своимъ научнымъ стремленіямъ, что послѣ его смерти академическій совѣтъ Іенскаго университета, продолжая начатую имъ реформу небесной карты, замѣнилъ на ней созвѣздіе вѣсовъ его гербомъ, именно вѣсами съ девизомъ: *omnia mensura, numero et pondere* ²⁾. Девизъ этотъ передаетъ основную научную мысль Вейгеля—свести все знаніе къ геометріи и вообще математикѣ, распространить Эвклидову методу на всѣ науки и при этомъ, въ отличіе отъ схоластики, поставить послѣднимъ не формальныя и терминологическія, а строго реальныя, позитивныя задачи.

¹⁾ *Intimiori disciplinarum familiaritate*. См. посвященіе его книги *Universi Corporis pansophici Prodrömus*, Jena, 1672.

²⁾ См. I. P. Habenstreits *Leich-Rede*.

III

Въ своемъ стремленіи познать положительно міръ рационалисты отправляются отъ убѣжденія, что въ немъ есть система, закономерность, логика, и что поэтому правильный порядокъ идей въ нашемъ умѣ и настоящій порядокъ вещей въ конкретномъ мірѣ, *ordo et connexio idearum et rerum*, не могутъ быть чужды другъ другу, а, напротивъ, должны совершенно совпадать. Вейгель чрезвычайно удачно формулировалъ это убѣжденіе, поставивъ наукѣ задачею познаніе міра какъ *реального силлогизма*. Въ этихъ двухъ словахъ содержится вся научная программа рационализма, его высшее честолюбіе. Къ чему стремился Спиноза, къ чему стремился Гегель какъ не къ тому, чтобы познать міръ какъ реальный силлогизмъ, въ которомъ предметы и событія вытекаютъ другъ изъ друга съ такою же необходимостью, съ какою вытекаютъ другъ изъ друга посылки логического силлогизма? Вейгель не только нашелъ счастливую формулу, но, какъ никто до него, сумѣлъ отдѣлить въ ней строго научную, позитивную сторону отъ стороны схоластической, указавъ существенное отличіе новаго рационализма отъ рационализма схоластическаго. Въ этомъ отношеніи самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ является его книга *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta*¹⁾.

Вейгель рѣшительно вооружается противъ схоластики. вмѣсто предметовъ она занимается словами, вмѣсто изслѣдованія дѣйствительности—словопреніями. Все это—не настоящая наука. Такая наука прежде всего реальна²⁾. И поэтому

¹⁾ Полное заглавіе: Erhardi Weigelii. *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Genuinum Sciendi modum, et Nativam restauratae Philosophiae faciem per omnes Disciplinas et Facultates ichnographice depingens. Opus omnium Facultatum Cultoribus ad solidam eruditionem summe necessarium, maxime proficuum. Lege, quisquis es, non poenitebit.* Jenae, 1658.

²⁾ Стр. 245: *Veras intelligo rerum ipsarum scientias, non vanas illas logomachias et altercationes, quae ut merae sunt quisquillae, ita ne quidem*

ея познаніе не апріорно въ томъ схоластическомъ смыслѣ, что оно выводится изъ понятій чисто словеснаго значенія: оно апостериорно, т. е. выводится изъ реальной дѣйствительности¹⁾. Оно каузально, т. е. выражаетъ причинную и притомъ необходимую связь между предметами, связь опять таки не словесную, а реальную, значить, существующую объективно, помимо нашихъ формально-логическихъ умственныхъ операций²⁾. При этомъ реальная причинная связь понимается не въ старомъ антропоморфическомъ смыслѣ трансцендентнаго агента, по аналогіи съ архитекторомъ, который строитъ домъ, или съ кормчимъ, который направляетъ судно, а въ новомъ смыслѣ имманентной и притомъ необходимой связи между реальными предметами³⁾. Благодаря такой связи міръ, какъ цѣлое, представляетъ объективную систему, въ которой слѣдствія необходимо вытекаютъ изъ причинъ. И дѣйствительность это—реальный силлогизмъ⁴⁾, имѣющій бытіе независимо

ancillae nomē merentur. Стр. 278: Est enim Analytica methodus apud Aristotelem via illa, qua rerum propositarum (non terminorum) habitudo necessaria (non definitio notionalis) ex suis causis necessariis (non ex conceptibilitatibus et notionibus logicis) eruta indubitato cognoscenda sistitur in scientiis (non nude apprehendenda sumitur in lexicis).

1) Стр. 35: Non tamen prioristice h. e. notionaliter juxta signum effato praepositum, quam posterioristice, h. e. realiter.

2) Стр. 12: Unde scire proprie dicitur rem per causam cognoscere, et quod haec ejus rei causa sit, et quod se res aliter habere non possit. Стр. 51: Nihil enim ad causationem hanc realem et necessariam praestant intellectus operationes, termini significativi et orationes, quibus rerum habitudines enunciamus saltem et repraesentamus; sed res ipsae potius, quaelibet in suo genere, quatenus extra demonstrantis mentem inter se complexae quoad rem a se mutuo dependent.

3) Стр. 50: Causarum vocabulum hic non sumi stricte, pro agente simplici... sed aliquanto latius, pro Ente reali, et quidem necessario, quod se ipso posito quoad rem, necessario simul ponit habitudinem necessariam Effati demonstrativi, a se dependentis.

4) Стр. 126: Ipsa causae cum causato complexo cohaesio complexa Syllogismus realis est. Стр. 146: Res per causam scibilis cum illa causa Syllogismo reali semper cohaeret, etiam nullo intellectu de eo cogitante. Стр. 11: Intelligitur omnem verum Syllogismum a parte rei spectatum, h. e. omne verum Syllogisatum tanquam Ens complexum, cohaerere quoad rem, ejusque terminos a se mutuo dependere, praecisa etiam omni mentis operatione.

отъ того, мыслимъ ли мы его или нѣтъ. Такою связью вещей опредѣляется задача настоящей, реальной науки. Она должна воспроизводить этотъ реальный силлогизмъ. Такъ какъ силлогизмъ дедуктивенъ и рационаленъ, то сообразно съ этимъ и „апостеріоризмъ“ ея долженъ пониматься въ смыслѣ дедукціи объективныхъ слѣдствій изъ объективныхъ причинъ. Она демонстративна: *scire est rem per demonstrationem cognoscere*¹⁾. Однако это вовсе не значить, что она, по схоластической традиции, умозаключаетъ отъ понятій къ понятіямъ или же просто отъ словъ къ словамъ. Это значить, что она демонстрируетъ, иначе говоря, показываетъ причинную, естественно необходимую связь вещей²⁾. Такимъ образомъ, какъ и Спиноза, Вейгель понималъ міровую связь вещей и ея познаніе дедуктивно-догматически. Ея порядокъ — нисходящій, отъ общаго къ частному, отъ субстанции къ акциденціямъ, модусамъ и атрибутамъ. Такое пониманіе, въ большей степени, чѣмъ осторожная аналитическая метода Декарта, приближало Вейгеля, какъ и Спинозу, къ опасности догматической метафизики. И онъ не всегда благополучно уклонялся отъ нея.

Такимъ же пониманіемъ объясняется сочетаніе Аристотеля съ Эвклидомъ въ научной философіи Вейгеля. Эвклидъ служилъ для него образцомъ сведенія содержанія науки къ ея основнымъ элементамъ, элементамъ до того нагляднымъ, воззрительнымъ, очевиднымъ, что они выступаютъ передъ каждымъ человѣкомъ *ut digito quasi monstrata*³⁾. Аристотель

¹⁾ Стр. 124.

²⁾ Стр. 12: *Demonstratio est certificatio, qua mens de proposita rerum habitudine per causam necessariam et huc semper directam, certa redditur, adeo ut sciat non tantum rem ita sese habere, sed et aliter se per naturam habere nequaquam posse.* Стр. 7: *Est autem Demonstrare uti penes omnes Mathematicos, ita cumprimis penes Euclidem nihil aliud, quam rerum propositarum certitudinem necessariam e certis principiis tanquam suis caussis... cognoscendam syllogistice deducere.* Объ отождествленіи причиннаго и рациональнаго знанія у другихъ авторовъ XVII вѣка см. на стр. 348 упоминавшейся выше статьи о физицизмѣ того времени.

³⁾ Стр. 3.

же служилъ для него образцомъ вывода изъ этихъ элементовъ ихъ послѣдствій, каузально связанныхъ съ ними путемъ силлогизма, понятаго не формально и терминологически въ духѣ схоластики, а матеріально и реально¹⁾. Въ такомъ смыслѣ Вейгель и соединяетъ *analysin Aristotelis quasi regulativam una cum Euclidis expressiva*²⁾. Такимъ образомъ мы находимъ уже у Вейгеля ту тенденцію возродить Аристотеля, очистивъ его отъ схоластическихъ наслоеній, и приспособить его къ положительной наукѣ новаго времени, которую принято связывать съ именемъ Лейбница. Лейбницъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, былъ не болѣе какъ ученикомъ Вейгеля.

Задача Вейгелевой книги *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta* — дать теорію рациональной науки. Главный нервъ такой науки — доказательство. Сообразно съ этимъ изслѣдованіе дѣлится на три части: первая разбираетъ вопросъ о томъ, что можетъ быть предметомъ доказательства, вторая — основанія или принципы доказательства, наконецъ, третья — его методу³⁾.

Предметы доказательной науки Вейгель дѣлитъ на три группы. Онъ ихъ разсматриваетъ по степени ихъ убывающей достовѣрности и необходимости. Первую и наиболѣе совершенную группу образуютъ предметы абсолютно реальные; вторую, менѣе совершенную — предметы ограниченной реальности; наконецъ, третью, несовершенную, а съ точки зрѣнія первой, даже и совсѣмъ ничтожную, — предметы установленные, порожденные человѣческимъ усмотрѣніемъ. Обѣ первыя группы, въ качествѣ реальныхъ, могутъ быть противопоставлены третьей, какъ существующей только по уста-

¹⁾ Стр. 9: *Verum autem cum Aristotele nostro dico Syllogismus non tantum formaliter et notionaliter, sed praeprimis hic materialiter, eum, cujus omnes termini... in rerum natura revèra cohaerent.*

²⁾ Стр. 7. Спустя нѣсколько лѣтъ Вейгель даже совершенно отождествилъ Аристотелеву и Эвклидову методу: *Euclidea, vel quod idem est Aristotelica, methodus (Idea Matheseos universae, Jenae, 1669, Cap. VII, § 8, стр. 37).*

³⁾ Стр. 13.

новленію¹⁾. То, что существует *realiter*, проистекаетъ отъ Бога, который, въ качествѣ *Natura naturans*, является его источникомъ; то, что существуетъ *ex impositione*, проистекаетъ въ конечномъ итогѣ (*ultimato*) отъ человѣка²⁾.

Первую группу реальныхъ предметовъ доказательства образуютъ такія положенія, которыя абсолютно неизмѣнны и необходимы, которыя исключаютъ возможность противоположныхъ положеній. Такія положенія, утверждаетъ Вейгель, существуютъ въ теологіи—напомнимъ, что въ своемъ стремленіи построить естественную или раціональную теологію онъ дошелъ даже до геометрическаго доказательства троичности Божества. Существуютъ они въ метафизикѣ и логикѣ—*scientias hic intelligo, non vocabulorum et distinctionum le-xica*³⁾, предупреждаетъ Вейгель во избѣжаніе смѣшенія его со схоластиками. Существуютъ они въ математикѣ. Наконецъ, существуютъ они и въ этикѣ, причѣмъ опять таки имѣется ввиду *Ethica realis, non vocabularia*⁴⁾, этика, опирающаяся на природу и на человѣческіе нравы⁵⁾.

Вторую группу реальныхъ предметовъ доказательства образуютъ такія положенія, которыя необходимы уже условно и которыя, принципиально по крайней мѣрѣ, не исключаютъ возможности противоположныхъ положеній. Необходимы они лишь въ силу ординарнаго теченія природы⁶⁾. Ихъ извѣстная относительность вызывается не столько тѣмъ, что

1) Стр. 19: *Effatum necessarium dupliciter dici nempe vel realiter, vel saltem ex impositione.*

2) Стр. 23: *Unde tres constituuntur et necessitatis et ipsarum demonstrationum gradus, juxta quos scientiarum dignitas quasi materialis intrinsece aestimanda venit. Quorum primus et perfectissimus est realitatis absolutae, secundus perfectus quidem, sed primo longe debilior, nempe realitatis restrictae; Uterque Deum ut Naturam naturantem agnoscit sui primum fontem et autorem; tertius imperfectus, et si prima respicias principia fere nullus, impositionis, ab homine potissimum ultimato dependens.*

3) Стр. 20.

4) Стр. 30.

5) Стр. 20: *Propositiones Ethicae, non illius undecim Virtutum Nomenclatoris, sed bonitatis et malitiae moralis (h. e. ad mores et humanas actiones restrictae) justi et injusti realis (h. e. in legibus naturae fundati).*

6) Стр. 20.

они могутъ быть измѣнены экстраординарнымъ могуществомъ Бога,—что въ природѣ случается крайне рѣдко, спѣшить замѣтить Вейгель ¹⁾), — сколько тѣмъ, что необходимость ихъ обуславливается нѣкоторыми данными чисто эмпирическаго характера: нѣтъ, на примѣръ, безусловной необходимости, чтобы земля или луна находились именно на такомъ-то разстояніи отъ солнца ²⁾). Такого рода необходимостью обладаютъ многія физическія положенія, далѣе, медицинскія положенія, поскольку они основываются на чувственномъ опытѣ и экспериментахъ, наконецъ, такія политическія положенія, которыя основаны на обычномъ теченіи дѣлъ у всѣхъ или нѣкоторыхъ народовъ и выводятся изъ опытнаго изученія народныхъ нравовъ, которыя, словомъ, какъ мы бы теперь выразились, основаны на соціологическомъ изученіи ³⁾).

Третью группу предметовъ доказательства образуютъ положенія уже не реальныя, а „установленныя“, приносимыя людьми въ уже учрежденный порядокъ природы ⁴⁾). Эти положенія Вейгель дѣлитъ на моральныя и терминологическія ⁵⁾). Отдѣленіе „реального“ отъ „установленнаго“ (*impositivum*) красною нитью проходитъ черезъ сочиненія Вейгеля и представляетъ своеобразную постановку вопроса объ отличіи природы и духа, а также методологіи соотвѣтственныхъ наукъ. Взглядъ на моральный міръ какъ на нѣчто установ-

¹⁾ Стр. 20: *Per extraordinariam Dei potentiam, quam in naturalibus rarissime... experimur.*

²⁾ Стр. 21.

³⁾ Стр. 22. Политика опредѣляется Вейгелемъ какъ *generalis et philosophica scientia, quae effata in vita hominum communi tum generalia quoad omnes gentes, tum specialia quoad certas nationes, semper vera et secundum ordinarium humanae naturae cursum absque impositione realiter necessaria ex observationibus et experienciis morum, temperamentorum et inclinationum populi naturalium demonstrat*

⁴⁾ Стр. 22: *Ex impositione verum, certum, necessarium dico, quod quasi post naturam jam constitutam in vita communi vel ab eo qui potestate pollet institutum, vel arbitraria conventionem receptum, valet, et eatenus non potest aliter se habere, juxta tritum illud: quod semel placuit, amplius displicere non potest.*

⁵⁾ Стр. 22: *Impositivum distingui commode posse putamus in morale et notionale.*

ленное людьми вызывался тогдашними психологическими представлениями, противопоставлявшими материю или по крайней мере протяженію ясную и отчетливую, вполне сознательную мысль и твердую, определенно выраженную волю. Онъ же естественно велъ къ теоріи общественного договора, объяснявшей государство не какъ социологическій фактъ — ибо, какъ указано нѣсколько выше, его съ этой стороны изучаетъ вполне реальная наука *absque impositione realiter necessaria ex observationibus et experientiis* — а какъ условное юридическое понятіе. Ниже мы увидимъ, какъ при помощи фикціи моральнаго пространства и моральныхъ вещей и лицъ Вейгель, а вслѣдъ за нимъ и Пуффендорфъ стремились разсматривать міръ установленій по аналогіи съ реальнымъ міромъ.

Грушировкой предметовъ доказательства естественно опредѣляются принципы, изъ которыхъ можетъ и должно быть выведено доказательное знаніе. Такими принципами не могутъ быть ни грамматическія ни логическія опредѣленія: они поясняютъ термины, но не доказываютъ вещей¹⁾. Такъ, напримѣръ, если мы опредѣлимъ часы только филологически или же логически какъ автоматъ (родовой признакъ), измѣряющій время (видовой признакъ), то это вовсе не значитъ, что мы ихъ дѣйствительно познали, т. е. что мы обладаемъ дѣйствительно реальнымъ знаніемъ часовъ. Настоящее знаніе часовъ — это знаніе ихъ реальныхъ составныхъ частей, ихъ колесъ, ихъ механизма, знаніе *sub ratione causae*²⁾. Настоя-

¹⁾ Стр. 56: *Ad terminorum intelligentiam magis quam ad rei probationem faciunt.*

²⁾ Стр. 75: *Quousque se Definitionum Notionalium vis in demonstrationibus extendat, facile cognosci potest. Nempe quod veram et accuratam demonstrationem sub ratione causae principalis non constituent, sed terminos solummodo custodiant, et succenturiatam, quoties opus, ipsis causis praestent operam, esto quod in subsumtionibus et identicis collectionibus causas demonstrativas aemulari videantur, ut pueri praelium, quod adulti bombardis committunt, arundinibus imitantur.* Стр. 138: *Definitiones notionales, inquam, nempe tum Nominales, tum, ut vulgo dicuntur, Essentiales, quibus rem distinctam distincto saltem conceptu nobis imaginamur, absque reali de vera et intima natura rei Scientia, v. g. cum Horologium concipimus, ut Automaton (genus) chronometricum (differentia) aut Hominem, ut Animal terrestre bipes: hae inquam Definitiones una cum termi-*

щее опредѣленіе — это опредѣленіе реальное или причинное. Только оно проникаетъ въ нѣдра науки¹⁾. Не путемъ филологіи или формальной логики оно приобрѣтается, а путемъ разума и опыта, путемъ *ratio et experientia*²⁾.

Наиболѣе достовѣрный путь и источникъ доказательнаго знанія — это разумъ. Помимо воспріятія отдѣльныхъ предметовъ³⁾ онъ способенъ устанавливать истины безусловно необходимыя и вмѣстѣ съ тѣмъ реальныя. Таковы, на примѣръ, положенія: нѣчто существуетъ или не существуетъ; цѣлое больше своей части; если къ равнымъ величинамъ прибавить поровну, то и суммы равны и т. д. Всѣ эти положенія или рациональныя аксіомы образуютъ наиболѣе достовѣрную часть наукъ. Аксіомы — это, какъ выразился Вейгель, законы природы⁴⁾. Путемъ Эвклидовой методы изъ нихъ могутъ быть выведены метафизическія, ариѳметическія, геометрическія, отчасти также и этическія истины⁵⁾. Такъ какъ такія положенія основаны на чистомъ разумѣ, такъ какъ они устанавливаются *nudo rationis usu*⁶⁾, то въ этомъ смыслѣ Вейгель считаетъ не столь уже абсурдною извѣстную Платонову теорію воспоминанія⁷⁾. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ каждый человѣкъ причастенъ разуму, то, значитъ, наука, взятая со стороны ея высшихъ принциповъ, доступна не однимъ толь-

norum Hypothesibus extra varae scientiae pomeria cadunt, et ob id a cordatioribus non adeo magni aestimantur, tyronum exercitio topico relictæ, et satellitum instar veris demonstrandi causis quoties opus est substitutæ.

¹⁾ Стр. 138: *Reales vero Definitiones et quidem primario sic dictæ Causales, ipsa Scientiæ penetralia ingrediuntur.*

²⁾ Стр. 107.

³⁾ Стр. 107: *absque singularium perceptione.*

⁴⁾ Стр. 112: *axiomatibus, h. e. naturæ legibus.*

⁵⁾ Стр. 108.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же: *Si demonstrationes Disciplinarum rationalium, puta metaphysicas, arithmeticas, geometricas et ex parte quoque ethicis, ex illis primis veritatibus Euclidea methodo conscriptas (de quibus primario, non de physicis caeterisque experimentalibus, Plato locutus est) penitus aliquanto inspiciamus, sane non adeo absurdam hanc esse de Reminiscentia sententiam re ipsa comperiemus.*

ко ученымъ спеціалистамъ, а всѣмъ вообще людямъ, не исключая „мальчиковъ и плебеевъ“¹⁾.

Кромѣ разума, принципомъ реальнаго и доказательнаго знанія является опытъ. Вейгель дѣлитъ его, въ зависимости отъ орудія познанія, на чувственный и умственный, а въ зависимости отъ познаваемой вещи — на реальный и происходящій примѣнительно къ установленіямъ²⁾. Чувственный опытъ можетъ легко обмануть насъ. Поэтому необходимо исправлять его экспериментами, изъ которыхъ разумъ путемъ индукціи можетъ составить кое что достовѣрное³⁾. Умственный опытъ — это опытъ воззрительный или интуитивный, когда мы познаемъ нѣчто путемъ умственного воззрѣнія безъ ощущеній⁴⁾. Таково, утверждалъ Вейгель болѣе чѣмъ за столѣтъ до трансцендентальной эстетики Канта, воспріятіе времени и пространства⁵⁾; нельзя показать пространства паль-

1) Тамъ же: *Tantum igitur abest, ut scientiarum et demonstrationum principia solis eruditis innotescant, et non nisi maximo labore cognoscantur, atque itaque consequenter a pueris et plebeis ratione licet utentibus longissime remota sint, ut una cum ipsis acternarum rerum demonstrationibus, si admoniti saltem attendamus, cuivis homini, quatenus homo est, a natura eodem modulo sint concessa.* Въ отлчіе отъ Платона, который, какъ подробно упомянуто на стр. 12 и слѣд. перваго выпуска „Очерковъ по философіи общественныхъ наукъ“ автора настоящаго этюда, не согласовалъ своей теоретической философіи со своею практическою моральною и соціальною программою, Вейгель изъ приведеннаго раціоналистическаго утвержденія выводилъ рядъ постулатовъ практической этики и педагогики.

2) Стр. 110: *Experientia distingui potest vel ratione instrumenti quo fit perceptio, in sensualem et intellectualem: vel ratione rei perceptae in realem et impositivam.*

3) Тамъ же: *Experimenta... ex quibus, inductione collectis et simul expensis, superveniens Ratio certum quid abstrahendo colligit, cujus intelligentia demum Experientiam absolvit.*

4) Стр. 111: *Experientia intellectualis et intuitiva est, qua rerum habitudines... mentali saltem rerum intuitu absque sensatione percipimus.*

5) Тамъ же: *Omnium Creaturarum sucessivam durationem, et consequenter tempus (si quidem ejus notio nobis non est connata) mente saltem non sensu percipimus. Tempus esse absque omni sensatione percipimus, adeo ut parum absit, quin a Natura nobis ejus speciem impressam esse cum Platone fateri cogamur. Idem esto de spatio ubicativo, lineis, superficiebus, figuris, angulis, h. e. de rebus geometricis, quae sensus non incurrunt, judicium: omnia enim haec intellectu percipiuntur, nec ad sui cognitionem sensuum requirunt praesidium.*

цемъ, а между тѣмъ палецъ вполнѣ реально движется въ пространствѣ¹⁾. Такъ какъ есть много знаній, особенно въ метафизикѣ, логикѣ и этикѣ, которыя основаны на чисто умственномъ опытѣ, то Вейгель совѣтуетъ относиться *cum grano salis* къ утвержденію: *nihil est in intellectu, nisi prius fuerit in sensu*²⁾. Реальный опытъ есть познаніе вещей въ ихъ естественной причинной зависимости. На такомъ опытѣ построены физика и медицина и аналогичныя имъ политика и этика³⁾. Обѣ науки, поскольку онѣ дѣйствительно основаны на реальномъ опытѣ, занимаются человѣческимъ міромъ не со стороны его регулированія тѣми или иными установленіями, а со стороны его естественной, фактической связи: такъ, напримѣръ, то обстоятельство, что люди часто плачутъ при видѣ чужого горя, не предписано императоромъ и не установлено соглашеніемъ, а вызывается естественною симпатіею между людьми⁴⁾. Наконецъ, для опыта, происходящаго примѣнительно къ установленіямъ, истиннымъ и достовѣрнымъ считается то, что установлено людьми⁵⁾.

Изъ расчлененія предметовъ научнаго доказательства, а также его принциповъ слѣдуетъ, что есть три степени науч-

¹⁾ Стр. 187: Et sane mirabilis est hujus Spatii natura, quod digito monstrari non possit, cum nihilominus in eodem ipse digitus ad aliam atque aliam atque aliam ejus partem realiter semper promoveatur. Если пространство есть *spatium locale*, то время Вейгель называетъ *spatium quasi temporeum* (стр. 187).

²⁾ Стр. 112: Unde cum grano salis accipiendum est, quod vulgo dicitur, nihil est in intellectu, nisi prius fuerit in sensu.

³⁾ Тамъ же: In practica Philosophia... invenimus Experientiam realem, tam in Ethicis quam in Politicis, in quibus actionum, morum, ac inclinationum humanarum aequae certae sunt perceptiones, ac in Physica et Medicina (quarum illa Ethicae, haec Politicae certa proportione respondet) motuum et virtutum rerum naturalium constant experimenta.

⁴⁾ Тамъ же: Licet enim circa morales, h. e. humanas, actiones versetur utraque disciplina, non tamen ex principiis moraliter, h. e. impositive tantum veris et necessariis; sed ex realibus et natura certis tum axiomatibus, h. e. naturae legibus, tum experientiis, h. e. actionum humanarum Observationibus, suas demonstrat, quas demonstrat, Conclusiones... Quod, si vis me flere, dolendum sit, non inde certum est, quod Imperator hoc mandaverit aut ex conventionem sit receptum, sed quod hominem alterius dolore naturali συμπάθεια similiter affici realis testetur Experientia

⁵⁾ Стр. 113.

ности. Первую образуетъ чисто раціональное знаніе, основанное на аксіомахъ. Вторую образуетъ знаніе, основанное на реальномъ опытѣ. Наконецъ, третью образуетъ знаніе установлений. Первая — самая совершенная. И только она сопровождается полнымъ успокоеніемъ нашего ума¹⁾, полною увѣренностью, что мы достигли вершины знанія. Вторая, менѣе совершенная, сопровождается только условнымъ успокоеніемъ ума²⁾. Третья, несовершенная, сопровождается успокоеніемъ воображаемымъ³⁾, такъ какъ только первыя двѣ ступени образуютъ „истинную, реальную и вѣчную философію“. Третья степень знанія означаетъ философію только временную. Все же, что выходитъ за предѣлы и этой третьей степени, не заслуживаетъ имени ни науки ни философіи⁴⁾.

Въ третьей части своего сочиненія, трактующей о методѣ, Вейгель классифицируетъ науки, причемъ, въ духѣ своей раціоналистической тенденціи основаніемъ классификаціи онъ полагаетъ различные объекты⁵⁾. Прежде всего отъ объектовъ естественныхъ съ одной стороны, нравственныхъ и словесныхъ съ другой стороны онъ отдѣляетъ объекты сверхъестественные, т. е. главнымъ образомъ Бога. Богъ—это *Ens entium*, источникъ всякаго бытія и всякой истины. И тѣмъ не менѣе настоящая наука и философія начинается за предѣлами богопознанія⁶⁾. Переходя къ „классу субстанцій“, Вейгель, какъ въ послѣдствіи и Спиноза, исходитъ отъ субстанціи вообще, отъ бытія вообще, изъ котораго выводятся всякое частное бытіе, всѣ производныя субстанціи, выводятся не мысленно, а онтологически, каузально, эманационно, подобно тому какъ вѣтви, листья, цвѣты и плоды выходятъ изъ ствола⁷⁾.

¹⁾ Стр. 118: *cum omnimoda mentis acquiescentia*.

²⁾ Тамъ же: *cum mentis acquiescentia quasi concessiva*.

³⁾ Тамъ же: *cum acquiescentia imaginaria*.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Стр. 170: *rerum scibilium tanquam subjectorum classes*.

⁶⁾ Стр. 181: *exempto Divino Numine, una cum rebus per revelationem cognoscendis*.

⁷⁾ Стр. 181: *Si classem Substantiarum ipsam nunc ingredimur primo statim communem illam et universalissimam rerum omnium invenimus stir-*

Первая и самая универсальная философская дисциплина— это метафизика, которой дается Аристотелево опредѣленіе науки о сущемъ, какъ таковомъ¹⁾. Съ нею тѣсными узами, какъ ея сестра, связана арифметика, наука о существахъ, поскольку они являются числами²⁾. Это — наиболѣе универсальныя науки, основа другихъ наукъ, сообщающая имъ всѣ соки и кровь³⁾. Это — первая философія, первая группа наукъ⁴⁾.

Вторую группу наукъ образуетъ математическая философія или геометрія, наука о пространствахъ⁵⁾, о линіяхъ, плоскостяхъ и тѣлахъ, которымъ Вейгель, какъ и Платонъ, отводитъ мѣсто „по срединѣ“ между чистыми идеями и чувственными предметами⁶⁾.

pem (simili hic utar non exemplo) Ens, quod, ut radicem infinitam agit in ipso Deo.... ita ramos suos (substantias ortas) indefinito excursu longe lateque diffundit, eosque variis floribus, foliis, fructibus (modis et accidentibus) ornatos ex se quasi protrudit.

¹⁾ Стр. 184: Prima igitur omnium et universalissima Philosophiae disciplina Metaphysica.... non immerito Scientia Entis ut Ens est salutari solet.

²⁾ Стр. 184: Huic sororio vinculo statim connectitur eodem universalitatis gradu gaudens Numerorum Scientia, quam cum Graecis Arithmetice vocamus... non immerito Scientia, Numerorum h. e. Entium quatenus Numeri sunt, definiri solet.

³⁾ Стр. 184: Et hisce duabus disciplinis universalissimis quasi Truncus Philosophiae, communisque Scientiarum Basis constituitur, per quam reliquis omnibus et succus et sanguis communicatur.

⁴⁾ Стр. 246: Philosophia Prima, Generalissimus habitum scientificorum, cujus membra 1) Metaphysica, Scientia Entis ut sic, 2) Arithmetica, Scientia Entis ut Numerus est. Поставивъ арифметику передъ геометриєю въ своей классификаціи наукъ по степени ихъ убывающей общности, Вейгель, въ отличіе отъ Спинозы, усмотрѣлъ высшую задачу рационализаціи этики не столько въ построении ея системы ordine geometrico, сколько въ сведеніи ея къ количествамъ. Особенно типична въ этомъ отношеніи упоминавшаяся выше книга Вейгеля Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit.

⁵⁾ Scientia Spatii (стр. 189, 246). Эта наука изучаетъ линіи, плоскости и тѣла non prout in materia mobili spectantur sed prout in ipso puro spatio, rerum geometricarum genuino subjecto, immobiliter existunt (стр. 189).

⁶⁾ Стр. 189: Et haec sunt illa Mathematica, quorum Aristoteles inter Substantias creberrimam facit mentionem: haec sunt illa veterum Sapientum (et vere quidem sapientum) τὰ μετὰ, Media naturae substantiales in-

Этими двумя группами исчерпывается¹⁾ философія неподвижнаго, неизмѣннаго (*Philosophia immobilium*). Слѣдуетъ философія подвижнаго (*Philosophia Mobilium*). Вейгель дѣлитъ ее на физическую и моральную. Есть два рода подвижныхъ субстанцій: физическія тѣла и свободныя, разумныя существа. Первые, предоставленныя самимъ себѣ, оказываются не чѣмъ инымъ какъ чувственною матеріею, которая совершенно детерминируется своимъ пространственнымъ положеніемъ, фигурою, движеніемъ²⁾. Ко вторымъ, если не считать ангеловъ, о которыхъ философія ничего не можетъ доказать³⁾, относятся люди, какъ существа, обладающія разсудкомъ и разумною душою⁴⁾. Такимъ образомъ есть два вида подвижныхъ субстанцій: чисто физическое тѣло и человѣкъ⁵⁾.

Къ физической философіи, подраздѣляемой на общую часть и спеціальную, Вейгель относитъ также и антропологию — *doctrinam Hominis, quatenus naturalis est*⁶⁾. Поскольку человѣкъ, въ качествѣ существа *sui quasi juris*⁷⁾, противопоставляется природѣ, постольку онъ является предметомъ моральной фило-

ter Ideas et Sensibilia medio loco velut intercedentes. Что касается идей, то онѣ понимаются Вейгелемъ non sub concavo Lunae existentes, sed in arboris substantialis firmissima stirpe, Ente ut sic, formaliter et seorsim conceptibiles.

¹⁾ Стр. 246.

²⁾ Стр. 190: Caeterum cum duplex sit mobilitas, determinata nimirum, et indeterminata, quarum illa Substantiam, positis omnibus ad modum requisitis non posse non moveri; haec eandem positis omnibus ad modum requisitis etiam posse non moveri, facit: duo cumprimis exsurgunt Substantiae mobilis genera, nnum Naturale dictum, alterum Liberum et rationale. Illud sibi relictum, h. e. in suis naturalibus spectatus, nil nisi materia est, certo partium situ, figura, motu determinata, indeque certam Substantiae speciem, Corpus naturale dictum, repraesentans.

³⁾ Стр. 192: Cum nulla demonstratio circa talem Substantiam occurrat in Philosophia.

⁴⁾ Это, опредѣляетъ Вейгель, особый видъ субстанцій, который praeter ipsam hanc materiam certo modo similiter formatam, quam participat, aurae Divinae particula gaudet, quam Mentem dicimus et Animam rationalem, ipsum vero complexum Homo est (стр. 190).

⁵⁾ Стр. 192: duae Substantiarum mobilium species: Corpus mere naturale et Homo.

⁶⁾ Стр. 208.

⁷⁾ Стр. 213.

софіи. Такое выдѣленіе обусловливается наличностью у него интеллекта и воли¹⁾. Къ этимъ двумъ чисто духовнымъ способностямъ присоединяется третья, корѣнящаяся въ тѣлѣ, этой какъ бы органической мастерской духа, именно рѣчь²⁾. Такимъ образомъ человѣку, поскольку онъ — человѣкъ, свойственны три особенности: созерцаніе, намѣреніе, рѣчь, *Contemplatio, Intentio, Oratio*³⁾. Что касается созерцанія, то о его физическихъ условіяхъ трактуетъ физическая наука, антропология. И послѣ всего того, что она можетъ сказать, оно уже не можетъ быть особымъ предметомъ изслѣдованія⁴⁾. Настоящее познаніе есть познаніе объективныхъ вещей. Поэтому настоящая теорія познанія совпадаетъ съ настоящимъ познаніемъ вещей и не нуждается въ особомъ изслѣдованіи⁵⁾. Вейгель, какъ реалистъ, стремящійся не къ разсужденіямъ о знаніи, а просто къ знанію, отрицалъ самодовлѣющее значеніе т. н. теоріи познанія. Въ данномъ случаѣ онъ предвосхищалъ Конта, полагавшаго, что наука и ея метода лучше всего познаются *en action*.

Если, значить, человѣческое созерцаніе не образуетъ спеціальнаго предмета научныхъ изслѣдованій, то основнымъ пред-

¹⁾ Стр. 213: *Intellectus et Voluntas*.

²⁾ Стр. 214: *Utramque Facultatem in sola Mente radicatam comitatur tertia simul in corpore (Mentis officina velut organica) fundata... Oratio*.

³⁾ Стр. 214.

⁴⁾ Стр. 214: *Quod Contemplationem, h. e. actiones intellectus cognoscentes, attinet, quoniam earum conditio naturalis et quasi constitutiva ex observationibus physicis in Anthropologia jamdum declarata est, nihil restat, quam ut affectiones earum accuratius perstringantur*.

⁵⁾ Стр. 214 и 215: *Verus enim conceptus et vera Contemplatio est, quae rebus prout sunt respondent, falsus conceptus et falsa Contemplatio, quae contra. Quoniam autem Res prout sunt tum iucomplexe tum complexe per totam Philosophiam jamdum definitae sunt et demonstratae, igitur quicquid de Contemplatione sciri potest, illud, eo ipso dum rerum ipsarum contemplatio per universam Philosophiam traditur, eadem opera quasi reflexive contemplandum sistitur. Unde Contemplatio de se non constituit peculiare membrum scientificum Humanae Philosophiae, sed per totam Philosophiam objective diffusa rationem suam scibilem una cum ipsis rebus scibilibus intellectui propinat... Noster Intellectus et ipsa Mentis Contemplatio objective per totam Philosophiam ubique spectatur, nullibi tamen in ea scientificam seorsim subit considerationem*.

метомъ моральной философіи является воля¹⁾. Такъ какъ жизнь изолированного человѣка не есть настоящая человѣческая жизнь и человѣкъ живетъ въ обществѣ, то моральную философію, эту науку о человѣческихъ поступкахъ²⁾, можно также назвать гражданскою философіею³⁾. Эту философію, основанную не на схоластическихъ словоупотребленіяхъ, а на естественномъ законѣ и опытѣ, и подлежащую обработкѣ въ Эвклидовомъ духѣ⁴⁾, Вейгель, какъ и естественную, дѣлитъ на общую и спеціальную.

Общая моральная философія—это этика. Надъ физическимъ міромъ человѣка, подлежащимъ антропологическому изученію, возвышается моральный міръ нравственно должнаго⁵⁾. Міръ этотъ и изучается этикою, наукою деонтологическою, нормативною. Она разсматриваетъ человѣка абсолютно, какъ граж-

¹⁾ Стр. 215.

²⁾ Стр. 216: *Actionum humanarum Scientia aut prudentia*.

³⁾ Стр. 216: *Porro quoniam Homo... instinctu peculiari fertur ad societatem, in quo vita humana quasi materialiter consistit... societatis autem humanae velut ultimum complementum Civitas est... Igitur, et ipsa Vita humana, Vita civilis dicitur (vita enim solitaria, qualis Eremitarum est, quoniam, praeter omne materiale, maxima quoque formalitatis parte destituitur, vita humana proprie loquendo non est) et haec Philosophiae pars Philosophia Civilis generaliter appellatur.*

⁴⁾ Стр. 223: *Philosophiam autem Moralem hic dico, non illum 11 virtutum nomenclatorem, aut istas abstractas de genere et speciebus Rerum-publicarum contentiones, meris definitiunculis absolutas, haec enim grammaticalia sacro Philosophiae nomine digna nequaquam sunt, sed ex naturae legibus rerumque humanarum observationibus constitutam boni et mali, justi et injusti scientiam aut prudentiam, cujus specimen Euclideae nostra Philosophia tradere vel saltem adumbrare tentabit.*

⁵⁾ Стр. 215: *Quoniam autem res homini practicabiles nullibi decisae sunt, igitur opus est, ut quae Divinum Numen in Natura ab aeterno praecostat, et Menti nostrae velut digito suo characteribus clarissimis inscripsit Bonitatis et Justitiae principia, suae sanctitatis τεκμήρια, recordando velut ex nobis metipsis suscitemus, et ex iis tanquam primis causis, adhibitis insuper Anthropologiae decretis de Mente naturalibus, singulare quoddam Philosophiae genus de rebus Homini practicabilibus h. e. actionibus humanis constituamus.*

данское существо вообще ¹⁾. По аналогії съ метафизикою ее можно назвать метаполитикою ²⁾.

Спеціальная моральная философія, или политика, занимается человѣкомъ въ опредѣленной конкретной общественной обстановкѣ. Она связана съ опытомъ. Главное ея основаніе, главный источникъ ея доказательствъ — это исторія въ широкомъ смыслѣ ³⁾, обнимающая также и гражданскую географію ⁴⁾. Исторія не лишена вспомогательнаго значенія для политики; тѣмъ не менѣе она не можетъ быть названа наукою ⁵⁾, потому что она не представляетъ знанія раціональнаго. Политика понимается Вейгелемъ какъ наука нормативная ⁶⁾. Къ ней онъ присоединяетъ правовѣдніе ⁷⁾.

Что касается, наконецъ, третьей способности человѣка, именно рѣчи, то она образуетъ содержаніе словесной философіи (*philosophia sermocinalis*). Къ ней Вейгель относится не

¹⁾ Стр. 216 и 217: *Illa hominem ut Civilis est, sed absolute, considerat, absque respectu ad certum vitae civilis genus, h. e. Hominis actiones, et ipsi competentia, generaliter perstringit, in quocumque vitae civilis genere fuerit.*

²⁾ Стр. 217: *Ethica, quam ad analogiam Metaphysicae Metapoliticam dicere possemus.*

³⁾ Стр. 218: *Ejus pars vere fundamentalis, quae demonstrationum et consiliorum specialia principia per experientiam constituta complectitur, est Historica (nempe moralis) rerum in mundo (terra) gestarum ad civilem vitam pertinentium intelligentia.*

⁴⁾ Стр. 219: *Geographia civilis est territoriorum intelligentia. Duplex est Terrae quam inhabitamus consideratio, una naturalis, qua Terra spectatur ut mundi pars et commune phaenomenorum mundanorum observatorium; altera moralis seu civilis, qua Terra spectatur ut humanae vitae receptaculum et hominum commune diversorium, humani generis haereditas et possessio, ex morali conventionem in diversos populos certo modo distributa: prior consideratio pertinet ad Philosophiam naturalem, ubi quaecunque sciri possunt de Tellure ex principiis astronomicis eadem opera demonstrantur, nec quicquam praetermittitur, quod scientiam peculiarem constituere posset, nisi cramben bis coctam ad nauseam velis apponere.... Posterior consideratio pertinet ad philosophiam moralem.*

⁵⁾ Стр. 221: *Constat, Historicam, quoniam non demonstrat, sed principia saltem demonstrationum et consiliorum cudit, non esse scientiam, sed saltem... rerum in mundo gestarum ad civilem vitam pertinentium intelligentiam.*

⁶⁾ Стр. 218.

⁷⁾ Стр. 222: *Philosophiae moralis additamentum.*

слишкомъ сочувственно, памятуя научное безплодіе схоластики. Къ словесной философіи относитъ онъ и логику, „искусство голаго познанія“¹⁾.

IV.

Въ рядѣ другихъ работъ Вейгель стремился рѣшить проблему *пантометріи*, всеизмѣренія, сведенія къ количествамъ всѣхъ предметовъ и отношеній не только физическаго, но также моральнаго и логическаго міра, построенія всеобъемлющей *Mathesis universae*. Надъ этою проблемою Вейгель работалъ долго и упорно. Значеніе ея все болѣе и болѣе выросло въ его глазахъ. Онъ пробовалъ рѣшить ее всякаго рода способами—удачными и, гораздо чаще, неудачными. Наконецъ, онъ изнемогъ подъ ея бременемъ. Одержимый ею, онъ сталъ почти маніакомъ, сталъ всюду усматривать числа и только числа. При этомъ онъ иногда высказывалъ мысли, дающія весьма благодарную пищу для насмѣшливой критики. Мы не будемъ заниматься этимъ нетруднымъ дѣломъ. Мы постараемся лучше прослѣдить за развитіемъ идеи пантометріи въ сочиненіяхъ Вейгеля и отмѣтить тотъ кругъ предметовъ и изслѣдованій, къ которому она дѣйствительно оказалась приложимою, хотя бы Вейгелю и не удалось сдѣлать это вполне удовлетворительнымъ образомъ. За нимъ во всякомъ случаѣ остается заслуга формулировки проблемы и вообще научной инициативы въ дѣлѣ расширенія круга математическаго или аналогичнаго ему изслѣдованія.

Одною изъ первыхъ попытокъ Вейгеля въ этомъ направленіи является его книга *Idea Matheseos Universae*, вышедшая въ Генѣ въ 1669 г., спустя 11 лѣтъ послѣ *Analysis Aristotelica*. Всеобщая математика, или пантометрія, опредѣляется какъ наука о количествѣ, какъ таковомъ²⁾. По аналогіи съ метафизикою, наукою о сущемъ, какъ таковомъ, она можетъ быть на-

¹⁾ Стр. 233: Est Logica nihil aliud, quam Ars nude cognoscendi.

²⁾ Стр. 19: Mathesis... Scientia Quantitatis quatenus Quantitas.

звана метагеометрією¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ она противопоставляется философіи, наукѣ о качествахъ, какъ таковыхъ²⁾. Во всѣхъ наукахъ, училъ Вейгель, хотя бы онѣ до сихъ поръ и находились внѣ пантометріи, она можетъ и должна найти приложение; только въ такомъ случаѣ можетъ быть рѣчи объ опредѣленномъ знаніи³⁾. Такъ какъ природа вещей есть нѣчто вполне опредѣленное, то и познаніе ея, со включеніемъ также и гражданскаго міра, должно носить пантометрическій характеръ. Таковъ же характеръ и причинныхъ соотношеній въ ней: дѣйствительно опредѣленная причинная связь сводится къ чистому количеству; и настоящій научный детерминизмъ — это детерминизмъ количественный⁴⁾. Предметы такимъ образомъ растворяются въ количествахъ. Количества, входяція въ кругъ пантометріи, Вейгель дѣлитъ на физическія, моральныя и терминологическія⁵⁾. Подъ моральными количествами онъ понимаетъ три группы отношеній, установленныхъ, какъ онъ утверждаетъ волю, а именно, цѣнность вещей въ хозяйственномъ

¹⁾ Стр. 33: *Pantometria (ad analogiam Metaphysicae dicta Metageometria) alias Mathesis generalis, est scientia quanti quatenus quantum.*

²⁾ Стр. 19: *Mathesi contradistincta Philosophia... Scientia qualitatum quatenus qualitates.*

³⁾ Стр. 33: *Agit enim, говоритъ Вейгель о пантометріи, conjunctim et abstracte de omni quanto, cujuscunque sit generis et rationis, easque tradit regulas, quae ad omnē quantum aestimandum applicari possunt, adeo quidem ut quanta specialia omnia, etiam ea, quae specialibus disciplinis Mathematicis nondum sunt instructa, secundum Pantometrieae praecepta, quousque licet, aestimari necessum habeant, si quid interim in iis determinate cognoscendum occurrat*

⁴⁾ Стр. 29: *Cum enim natura rerum in se determinata potius sit quam indeterminata, itemque causae naturales cum suis causatis, et principia cum suis principiatis ad amussim semper correspondeant, juxta tritum illud:*

Pondere, mensura, numero Deus omnia fecit,

h. e. quantitate sua cuncta constituit; ad quam commensurationem in civilibus etiam omnia, quoad ejus fieri potest, reducta constant, ut tantus utrobique sit effectus, quantum causa potest, h. e. ut effectus in quantitate semper conveniat cum causa quatenus agit; igitur parum abest quin affirmare liceat, formas rerum, et consequenter causandi rationem, quam res habet ad effectum producendum, si determinate prout in se est utrumque, spectetur, in mera quantitate consistere.

⁵⁾ Стр. 8: *Communi rerum divisione quanta quoque distingui possunt in naturalia, moralia et notionalia.*

оборотѣ, общественное достоинство или могущество людей и, наконецъ, заслуги или провинности поступковъ, вызывающія награду или наказаніе¹⁾. Такимъ образомъ въ моральномъ мірѣ измѣренію доступны вещи, люди и поступки. Все это подлежитъ особому математическому изслѣдованію. Хотя эти предметы зависятъ скорѣе отъ установленія, чѣмъ отъ природы, тѣмъ не менѣе они вызываютъ необходимость подчиненія пантометріи моральной философіи и юриспруденціи: яснѣ солнца, увѣряетъ Вейгель, то обстоятельство, что моральный философъ и юрисконсультъ оказываются особаго рода математиками²⁾.

Мы видимъ изъ приведенныхъ трехъ категорій, что Вейгель выдѣлилъ экономическую проблему цѣнности какъ такую проблему, которая можетъ и должна быть поставлена и рѣшена математическимъ путемъ. Далѣе, онъ поставилъ вопросъ объ уголовномъ возмездіи какъ своего рода математическомъ уравненіи. Что касается, наконецъ, его мысли о математическомъ измѣреніи достоинства и могущества людей, то она, если не на практикѣ, то въ теоріи приводила къ чему-то вроде математической социологіи.

Въ томъ же 1669 году, когда появилась *Idea Matheseos Universae*, вышла книга Вейгеля: *Synopsis jurisprudentiae mnemoneutica e Syntagmate illustris viri Dn. G. A. Struvii*.

¹⁾ Стр. 8: *Quanta Moralia sunt, quae voluntas, impositione vel consensu, seorsim constituit in vita civili, inter quae principatum tenent 1. quoad res in specie sic dictas, Pretium sive pretiositas 2. in genere personarum Dignitas, Potestas 3. in genere actionum Meritum, cui respondet aequale praemium et Demeritum, cui respondet aequalis poena.*

²⁾ Стр. 25 и 26: *Quia tamen determinata eorum ratio magis ab impositione quam a natura dependet, nec tantam profunditatem habet (licet amplitudine nequaquam cedat) quantam praedicatorum naturalium quantitas, juxta vulgare illud, Minima non curat praetor: ideoque praedicata moralia in civili Philosophia non tantum denominative, sed et, quosque opus est, aestimative simul traduntur, adscitis principiis ex Pantometria, cui Philosophia moralis et Jurisprudentia, non minus ac ipsi Metaphysicae, subordinatur. Quod cum primis ex doctrina de proportionibus, Arithmetica nimirum et Geometrica, qua justitiam commutativam et distributivam, Sole clarius elucet, ut adeo et Philosophus moralis et Jurisconsultus in professione sua sibi sit specialis Mathematicus, esto quod uterque generalia suarum aestimationum fundamenta velut aliunde, nim. ex Mathesi separata petat.*

Въ этой книгѣ авторъ стремился примѣнить пантометрію къ юриспруденціи, именно къ дѣйствовавшему въ Германіи римскому праву. Можетъ показаться, объясняетъ онъ въ предисловіи, что авторъ, математикъ по профессіи, забирается не въ свою область и намѣревается измѣрять право кругами и нравственность шагами¹⁾. Дѣло однако не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что понятіе математики и кругъ ея вѣдѣнія гораздо шире, чѣмъ принято думать. Она измѣряетъ не одни только физическіе предметы. Такъ, хотя цѣнность вещей или мѣра награды и наказанія не имѣютъ конечно ничего общаго съ протяженіемъ, тѣмъ не менѣе и у нихъ есть своего рода математическія пропорціи. Поэтому слѣдуетъ признать пробѣломъ въ наукѣ то обстоятельство, что измѣреніе моральныхъ объектовъ до сихъ поръ не образовало особой провинціи въ области математики. Особенно богато математическими положеніями римское право: *Corpus Juris Civilis* до того изобилуетъ ими, что число титуловъ, въ которыхъ совсѣмъ не упоминается какое-нибудь моральное количество²⁾, не превышаетъ числа вратъ въ Фивахъ. Чтобы не заблудиться въ обширномъ морѣ пандектовъ и кодекса, Вейгель опирается на іенскаго юриста Г. А. Струве, ученаго, который тоже питался „математическимъ нектаромъ”. Струве, одинъ изъ первыхъ нѣмецкихъ юристовъ, отказавшихся отъ схоластики рамиической методы³⁾, въ своемъ *Syn- tagma juris civilis universi* стремился возможно нагляднѣе и очевиднѣе изобразить систему римскаго права какъ одно логическое цѣлое. Въ *Synopsis* Вейгель пошелъ еще дальше и пытался свести эту систему къ ряду умозаключеній изъ аксіомъ⁴⁾, а также перевести, что можно, на языкъ количествъ.

1) *Circulis jura, pedibusve moralia mensurum.*

2) *In quibus nulla Quantitatis moraliter definitae mentio fit.*

3) См. *Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft*, von R. Stintzing, Zweite Abtheilung, 1884, стр. 155.

4) Стр. 1: *Principia communia liciti et illiciti (Axiomata moralia) v. g. quod tibi non vis fieri, alteri non est faciendum: suum cuique tribuendum etc. non minus ac principia veri ac falsi (Axiomata naturalia) v. g. totum est majus sua parte: si aequalibus addas vel auferas aequalia, constabis vel retinebis aequalia etc. nobis natura nota sunt; Conclusiones vero, quibus utraque principia per syllogisationem applicantur ad objecta proposita,*

Въ этой же книгѣ онъ вступилъ на путь, оказавшійся гибельнымъ какъ вообще для всего рационализма, такъ, въ частности и для него: увлеченный мыслью о симметричности всего въ мірѣ, онъ не только схематизировалъ въ рядѣ таблицъ все римское право, но еще находилъ весьма странныя аналогіи между предметами совершенно различного порядка, напримѣръ, между римскими царями и планетами¹⁾.

Въ 1672 году Вейгель отъ пантометріи перешелъ къ *пантомозіи*, къ убѣжденію, что не только всѣ или почти всѣ познаваемые предметы подлежатъ измѣренію, но что въ измѣреніи-то собственно и состоитъ настоящее познаніе. Въ посвященіи своего новаго труда²⁾ іенскимъ профессорамъ онъ настаиваетъ на томъ, что математика представляетъ не особую научную дисциплину, а неизбѣжную часть всякой строгой науки³⁾. Сообразно съ этимъ не только, напримѣръ, политикъ⁴⁾, но даже историкъ⁵⁾ въ извѣстномъ смыслѣ является математикомъ. Все человѣческое знаніе онъ дѣлитъ на ка-

difficultate non carent, indeque disciplina vel habitu quodam indigent, quem ut in Theoreticis nude Scientiam; ita in practicis qs. cum appposito Prudentiam, h. e. liciti et illiciti, boni malive scientiam ad agendum bona seu licita directam appellamus.

1) Стр. 9: *Erant autem Reges tot, quot Planetae.* Далѣе оказывается, что Ромуль соответствуетъ Сатурну (*Saturno, Planetarum summo, structuris urbibusque praefecto*), Туллъ Гостилій—Марсу, Тарквиній Прискъ—Венерѣ и т. д. Какъ и Кеплеру, Вейгелю, въ качествѣ астронома, приходилось заниматься также астрологіею.

2) *Universi Corporis pansophici Prodrumus de gradibus humanae Cognitionis, ipsaque Trina Mentis operatione, generaliter agens, quem dicere posses Pantognosiam. Autore Erhardo Weigelio, Prof. Publ. Jenae, 1672.*

3) *Mathesis non esse peculiarem, nedum, ut vulgo putatur, alienam a Philosophia disciplinam, sed neminem eruditorum esse, quaecunque scientiam profiteatur, qui non aliquam Mathematicum partem suae professioni commixtam exerceat.*

4) Математика должна занимать *Politicum*, dum, quanti quaevis res et actio civilis haberi mereatur, pensitat, et utrum aequae, magis, vel minus, hoc ac illud justum, injustum, bonum aut conducibile, malum aut noxium etc. sit, examinat.

5) *Historicum tandem, dum res ubicunque gestas tempore definit, et quod verosimilius inter diversa recenseri possit, aestimat; hos inquam omnes eo ipso Quantitatis scientiam h. e. Mathesin actu profiteri.*

чественное и количественное ¹⁾. Первымъ занимается философія, вторымъ — математика ²⁾ Первое образуетъ начало науки, второе — его вершину: *Mathesis (tanquam ipsa scientia)*. Достоверно только количественное знаніе: *certitudinem involvit vera quantitas* ³⁾. И сообразно съ этимъ пантогнозія, или способъ точно знать что бы то ни было ⁴⁾, сводится къ измѣренію и счету всѣхъ предметовъ познанія. Дойдя до такой степени совершенства, наука можетъ радоваться, что она точнѣйшимъ образомъ знаетъ вещи и причины всего, что изъ нихъ слѣдуетъ ⁵⁾.

Этимъ опредѣляется теорія познанія, предлагаемая Вейгелемъ въ разбираемой книгѣ. Сообразно съ двумя началами человѣческаго познанія, именно чувствами и разумомъ, есть два рода познанія — чувственное и интеллектуальное или рациональное ⁶⁾. Чувственное познаніе, говоритъ Вейгель, составляетъ необходимое начало нашего познанія. Къ этой ступени познанія, поскольку оно успокаивается на ней и не

¹⁾ Въ предисловіи ad Lectorem Вейгель вмѣняетъ себѣ въ заслугу *dichotomiam humanae cognitionis in gradum Denominativum et Aestimativum* (quorum ille $\tau\acute{o}$ quale nudum evolvit, et tale quid esse saltem indeterminate recenset; hic vero $\tau\acute{o}$ quantum seu quam tale post modum eruit, et magis vel minus, aequae vel maxime, tale quid esse, rem determinando superaddit).

²⁾ Стр. 98: *Totius Encyclopaediae duo velut Hemisphaeria constituta sunt, primum, quod rationes denominativas tradit, Philosophiae titulo (tanquam amor et conatus sciendi) quasi $\kappa\alpha\tau'\epsilon\acute{\xi}\epsilon\sigma\chi\eta\nu$ insignitur; alterum, quod rationes aestimativas, quotquot hactenus invenire licuit, exponit, et antiquo nomine Mathesis (tanquam ipsa scientia) dici consuevit.*

³⁾ Стр. 71. На стр. 70: *Perfecta tamen certitudo rei dependat ab aestimativa determinatione.*

⁴⁾ *Pantognosia seu de Modo quodvis exacte cognoscendi.*

⁵⁾ Стр. 3: *Qui secundus est cognitionis et scientiae gradus, quem ubi obtinuerit intellectus, tum ipsas res, quoad ejus fieri potest, exactissime cognitas habet; tum effectuum inde fluentium rationes tanquam causa perspectas sibi esse non immerito gaudet.*

⁶⁾ Стр. 1: *Cum duplex in homine reperiatur cognoscendi principium, Sensus et Ratio, duplex inde nasci Cognitionis genus, quorum unum Sensuale dici potest, alterum Intellectuale seu rationale, nemo non intelligit.*

идеть дальше вѣдѣніи воспріятій ¹⁾, вполне примѣнимо положеніе: *nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu* ²⁾. Однако такое познаніе насъ не удовлетворяетъ. Къ чувственному воспріятію присоединяются рефлексія и абстракція, вообще интеллектуальное познаніе, которое сводится къ сравненію ³⁾. Познать что-нибудь раціонально, значитъ правильно сравнить (*dextre comparare*). Въ сущности, и на первой ступени познанія, именно при чувственномъ воспріятіи, нашъ интеллектъ уже занимается сравненіемъ ⁴⁾. И ни одна изъ трехъ операций познающаго ума — воспріятіе, синтезъ и анализъ и силлогизмъ или дедукція — не обходится безъ сравненія ⁵⁾. Если такимъ образомъ все человѣческое знаніе по преимуществу состоитъ въ сравненіи ⁶⁾, то образцомъ всякой науки должна быть геометрія. Вызывается это какъ точностью производимыхъ ею сравненій, такъ и тѣмъ, что, въ отличіе отъ другихъ наукъ, ея объекты познаются не при посредствѣ понятій и словъ — столь благодарнаго матеріала

¹⁾ Стр. 1: *Illud simplex est et quasi rigidum, in nuda perceptione specierum sensibilium sigillatim, vel ab objectis ipsis impressarum, vel post impressionem a Phantasia repetito supeditatarum, potissimum acquiescens.*

²⁾ Стр. 4.

³⁾ Стр. 1 и 2: *Hoc reflexivum dici potest et abstractivum, quod in rerum sensibus praeceptorum, aut alias intellectui objectarum, Comparatione tum inter se, pro conceptibilitatibus discretivis abstrahendis, tum ad ipsum intellectum, pro conceptibilitatibus consecutivis per reflexionem inde deducendis, potissimum occupatur: ut ad quaestionem quid sit ratiocinari? verissime responderi possit: Dextre Comparare.*

⁴⁾ Стр. 4: *Intellectus omnia per proportionem ad sensibilia tanquam ad mensuram analogicam concipit.*

⁵⁾ Стр. 2: *Etenim uti tres mentis cognoscentis operationes sunt, quarum prima simplicium Apprehensio dicitur, altera Compositio et Divisio, tertia Syllogismus; ita nulla est quae comparatione non utatur.* Вѣрный своему стремленію искать для всего аналогіи, Вейгель уподоблялъ эти три операціи линіи, поверхности и тѣлу: non possum, quin analogiam, quae mentis operationi trinae, nimirum Apprehensioni, Secompositioni, Syllogisationi, cum tribus dimensionum formis aut ut vulgo dicuntur speciebus, linea, superficie, corpore, intercedit, paucis tangam (стр. 112).

⁶⁾ Стр. 85: *Scilicet omnis humana cognitio potissimum in comparatione consistit.*

для схоластических словопрений, — а путем чистой интуиции ¹⁾. Поэтому философ, владѣющій геометрическою методою, познаетъ сущность вещей во всей ихъ натуральной чистотѣ и создаетъ яснѣйшую науку ²⁾. Сообразно съ этимъ, какъ выразился Вейгель спустя годъ въ другомъ сочиненіи ³⁾, истинный ученый вмѣсто того, чтобы запутываться въ сѣтяхъ схоластиковъ, долженъ слѣдовать цѣпи Эвклида ⁴⁾.

Въ „Пантогнози“ мы опять встрѣчаемъ дѣленіе количествъ на физическія, моральныя и терминологическія ⁵⁾. У всѣхъ этихъ группъ количествъ есть общая, трансцендентальная основа ⁶⁾ математическаго характера. Среди мораль-

¹⁾ Стр. 85: Ergo Geometria, quae comparandi modum exactissimum, nimirum aestimativum, tam claris et jucundis speciminibus tradit, non potest non ingenium ad omnem scientiam facilius capessendam reddere quam instructissimum... Accedit et hoc, quod, cum de reliquis objectis vix possimus quippiam sine verborum auxilio vel addiscere vel meditari, quo fit, ut pleraeque res non nisi sub involucro verborum a pueritia per totam vitam traditae vel apprehensae penes adultiores cum ipsis verbis adeo coalescant, ut vix ab iis discerni queant; sola Geometria tale sibi vendicet objectum scientificum,... quod sine verborum auxilio per nudum manuductoris nutum explicari, perque tacitum auditoris, imo saltem spectatoris, intuitum, feliciter apprehendi potest... ut instructus Geometria sciens, a verborum putaminibus ipsa realia facilius quam ἀγνωμέτητος discernere possit.

²⁾ Стр. 86: Ita geométricis abstractionibus adsuetus Philosophus essentiarum rationem et naturae vim, ut et morum decentiam, eodem abstractionis modo, relictis verborum putaminibus, similiter in puris suis naturalibus intueri, clarissimamque scientiam sine logomachia, quae difficulter alias evitari potest, obtinere valet.

³⁾ Universi corporis pansophici Caput Summum, Jenaе, 1673.

⁴⁾ См. предисловіе ad Lectorem. Тамъ же авторъ рѣшительно осуждаетъ Lulli confusum somnium, verborum aequipollentium chaos, infinitum, Logomachiarum seminarium.

⁵⁾ Universi Corporis pansophici Prodomus. Стр. 72. Что слѣдуетъ понимать подъ терминологическими количествами, Вейгель объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Quanta notionalia sunt, quae pro modo cognitionis seorsim constituta sunt in mente cognoscentis. Inter quae cumprimis eminet Amplitudo sive latitudo vel angustia terminorum, quo spectat τὸ stricte et late. Item Longitudo et Brevitas Syllabarum, quo spectant Accentus, Toni, Pedes, Versus, tota denique Prosodia (стр. 74).

⁶⁾ Стр. 74: Ab his omnibus uti praedicata quaedam communissima sunt abstracta, quae rebus moralibus et notionalibus aequae ac naturalibus tribui possunt, Transcendentia vulgo dicta.

ныхъ количествъ Вейгель особенно выдѣляетъ экономическую цѣнность, которая весьма точно *et rigore quidem* ¹⁾ поддается математическому изслѣдованію.

Отъ убѣжденія, что путемъ пантометріи, или всеизмѣренія можно достигнуть пантогнозіи, или всезнанія, Вейгель естественно пришелъ къ *пантологіи*, т. е. ко взгляду на міръ какъ на такую систему вещей, въ которой все имѣетъ мѣру и мѣсто, все имѣетъ свою логику. Найти эту логику, эту симметрію міра, иными словами, дать раціональную таблицу мірозданія, такова была грандіозная задача, которую поставила Вейгелева „Пантологія” ²⁾, это первое въ исторіи новѣйшаго раціонализма панлогистическое построеніе. Подробности этого построенія не совпадаютъ съ подробностями аналогичной попытки Спинозы. Вѣрнѣе, у Спинозы нѣтъ подробностей. Онъ гораздо больше, чѣмъ Вейгель, слѣдовалъ любимому правилу послѣдняго: *minima non curat praetor*. Онъ ограничился главными контурами системы и благоразумно уклонился отъ деталей, отдѣлавшись отъ нихъ общимъ замѣчаніемъ, что всѣ вещи въ мірѣ съ логическою необходимостью предназначены *ad certo modo existendum et operandum*. Вейгель, также какъ внослѣдствіи и Гегель, имѣлъ неосторожность войти въ слишкомъ мелкія детали. Благодаря этому онъ впалъ въ крайній схематизмъ. Но благодаря этому же мы ему обязаны чрезвычайно своеобразною теоріею моральнаго пространства и моральныхъ предметовъ. Если Вейгель расходился со Спинозою въ подробностяхъ выполненія, то онъ зато сходилъ съ нимъ въ замыслѣ и въ методѣ. И такъ какъ Вейгель предшествовалъ Спинозѣ, то это сообщаетъ его книгѣ особый интересъ.

Какъ и „Этика” Спинозы, книга Вейгеля состоитъ изъ опредѣленій, выводовъ изъ нихъ и схолій къ нимъ. Какъ и Спиноза, Вейгель исходитъ изъ понятія сущности или бы-

¹⁾ Стр. 97.

²⁾ *Corporis Pansophici Pantologia, De unoquoque in genere non tantum, sed et de singulorum tum Naturalium, tum Artefactorum, Speciebus. Autore Erhardo Weigelio. Jenae.*

тія ¹⁾ и переходить къ модусамъ ²⁾ и аттрибутамъ ³⁾. Въ отличіе отъ Спинозы, который, сохраняя единство за субстанціею, относилъ разнообразіе къ ея модусамъ и аттрибутамъ, Вейгель дѣлилъ уже субстанцію на три знакомыя намъ категоріи — физическую, моральную и терминологическую ⁴⁾ — и противопоставлялъ два послѣдніе вида субстанцій первому какъ искусство природѣ ⁵⁾. Желаніе включить міръ искусства или, какъ еще прежде выражался Вейгель, примѣнительный къ установленію (*impositio*), въ пантологическую систему и притомъ по аналогіи съ физикою и *ordine geometrico* заставило его построить своеобразное ученіе о моральныхъ субстанціяхъ. Вейгель различаетъ *Ens naturale* ⁶⁾ и *Ens civile* ⁷⁾. Въ первомъ проявляется природа, предоставленная самой себѣ (*Natura sibi relicta*). Во второмъ — природа, дополненная привходящимъ человѣческимъ движеніемъ (*hominum interveniente motu*). Вѣрный сынъ своего вѣка, видѣвшаго во всей духовной и общественной культурѣ людей продуктъ ихъ соглашенія, установленія, Вейгель противопоставляетъ общественный порядокъ „моральному хаосу“ (*Chaos morale*) дообщественнаго состоянія какъ нѣчто созданное путемъ установленія „какъ бы вторымъ твореніемъ“ (*quadam creatione*

¹⁾ Стр. 13: Definitio IV. Ens est id, quod habet Essentiam, h. e. Quiditatem positivam. Стр. 27: Definitio VIII. Substantia est Ens, quod in semet ipso fundatur, (quod per se subsistit) nec est in alio tanquam in subiecto.

²⁾ Стр. 55: Definitio IX. Modus est id, quod in alio tanquam in Subiecto esse concipitur.

³⁾ Стр. 62: Definitio X. Attributum est modus absolutus, quo quid alicui tanquam termino denominationis absolute tribuitur.

⁴⁾ Стр. 16: Philosophicum Ens, h. e. id, quod esse revera tum in natura deprehenditur, tum inter homines constituitur, universalissima ratione distingui potest in Naturale, Morale et Notionale.

⁵⁾ Стр. 19: Naturam autem dicimus Naturam sibi relictam, non, hominum interveniente motu operantem; Artem vero dicimus, Naturam ab hominum interveniente motu velut adjutam.

⁶⁾ Стр. 16: Definitio V. Ens naturale est, quod habet Essentiam naturalem.

⁷⁾ Стр. 20: Definitio VI. Ens civile est quod habet Essentiam civilem: s. quod in esse suo dependet a consensuali hominum Socialem vitam ducentium imputatione.

secunda). Возникающій такимъ образомъ моральный космосъ онъ всячески стремится изобразить какъ міръ, хотя и отличный отъ міра физическаго, зато вполне аналогичный ему и, не хуже чѣмъ онъ, поддающійся своего рода геометріи, иначе говоря, имѣющій свое пространство, свои фигуры, свои тѣла ¹⁾, словомъ свои моральныя субстанціи. Эти субстанціи Вейгель дѣлитъ на моральныя лица и вещи. Гражданская жизнь — это моральное пространство, къ которомъ размѣщаются моральныя субстанціи ²⁾. Этотъ ихъ *Status* Вейгель дѣлитъ еще далѣе ³⁾ на церковный, государственный и частный, въ чемъ онъ видитъ аналогію эмпирею, звѣздному небу и

¹⁾ Стр. 21: *Scilicet, postquam ad vitam humanam eo commodius ducendam alius quidam vivendi modus a naturali distinctus hominibus esset ineundus, nullum humanis necessitatibus commodiorem invenit intellectus, quam Socialem, certis legibus ita constrictum, ut cum homines alioquin seorsim et quasi discreta ratione, quisque pro se, viverent, nec ullus ad alius jussum, et velut impulsus, quicquam quod agat necessum haberet (Chaos morale quispiam dixerit) illis legum vinculis plures, et si fieri possit omnes, ut ad commune societatis bonum subordinatas actiones instituant, invicem adstringerentur, et ita Ghaos illud hominum in certos ordines concinna dispositione digestum, motusque voluntarii h. e. arbitrii communis, ad tales actiones exercendas consensuali quadam impressione velut animatum, in pulcherrimum opus morale efformaretur, quod mundo naturali, membrorum suorum ordine et motu pulcritudinem omnem in se complectenti, proportionem responderet.* Стр. 21 и 22: *Quemadmodum igitur intellectus alias omnia per proportionem ad corpus apprehendit, ... ita quoque hoc morali quadam creatione secunda per voluntatem ita constitutum opus, ceu peculiarem quendam Mundum, distinctionis gratia dictum Moralem, naturali mundo servata membrorum analogia proportionatum, concipit, et in specie Personas et Res mundum hunc constituentes sub forma morali spectatas quasi pro Substantiis moralibus.*

²⁾ Стр. 22: *Abstractus autem Entium civilium Complexus et Commercium illud s. consortium personarum et rerum civilium praecise conceptum, quasi Spatium entitativum morale largitur, h. e. Statum illum naturalem Vitam Civilem dictum, in quo res morales locum habere et secundum Prius et Posterius, quod vulgo dicitur Dignitate, se mutuo concernere concipiuntur.*

³⁾ Стр. 22: *Qui Status pro ratione diversarum expeditionum Statarum h. e. non transitoriarum, velut in specialia quaedam spatia, Sphaeras et partes, distinguere solet.*

подлунному міру ¹⁾. Гражданскія субстанціи ²⁾ Вейгель дѣлитъ на основныя и дополнительныя ³⁾. Основныя — это гражданскія лица ⁴⁾, публичныя и частныя. Дополнительные — это вещи ⁵⁾. У моральныхъ субстанцій есть разные модусы, т. е. взаимныя положенія, *situs* ⁶⁾, таблицу которыхъ онъ и даетъ ⁷⁾.

Какъ общая мысль Вейгелевыхъ моральныхъ субстанцій, такъ и подробности ея выполненія ⁸⁾ могутъ показаться

¹⁾ Стр. 22: Qui Status... distingui solet, nim. in Statum 1. Ecclesiasticum (qui Coeli Empirei rationem habet) in quo divina tractantur: 2. Politicum (qui Coeli Stelliferi similitudinem sistit) in quo reip. communia curantur: 3. Privatum (qui mundum sublunarem refert) ubi privata singulorum expediuntur.

²⁾ Стр. 42: Classis Substantiarum civilium. Тамъ же: Ad analogiam substantiarum naturalium concipi possunt ultima denominationum subjecta in Mundo civili, quem alias dicimus Vitam Civilem.

³⁾ Стр. 42: Substantia civilis, aut, quod frequentius dici solet, Suppositum Civile, est vel principale vel succenturiatum.

⁴⁾ Стр. 42: Principale Suppositum est Persona civilis.

⁵⁾ Стр. 43: Succenturiatum suppositum civile sunt Res, quae possidentur aut alias pertinent ad personas vitam civilem constituentes, quae sub hac forma morali spectatae dicuntur Possessio, Bonum etc.

⁶⁾ Стр. 63: Definitio XIII. Situs est modus terminativus, quo quodque certa ratione se sistit in complexu s. consortio reliquorum omnium.

⁷⁾ Стр. 81 и слѣд. Tabula Situum Moralium.

⁸⁾ Приведемъ для примѣра его таблицу гражданскихъ лицъ (стр. 42 и 43): Principale Suppositum est Persona civilis, quae est vel publica eaque

1. Politica, Rex, Magistratus

2. Ecclesiastica, Episcopus

3. Scholastica, Rector, Professor

vel 4. privata, quae est

vel mere privata, dicitur κατ' ἐξοχὴν Privatus, qui alio quam civis nomine imputativo caret in Republica.

vel conditionata certo

vel Gradu, dicitur Nobilis, qui est

(1) vel sagatus, in quo Fortitudo spectatur, Nobilis κατ' ἐξοχὴν.

(2) vel togatus, in quo Scientia spectatur, ut Doctor, Comes Palatinus.

vel Statu, scil. expeditorio, seu stata expeditione, unde Persona est

(3) vel officialis, ut Scriba, Monachus, Miles.

(4) vel negotiosa, negotio

vel liberali, ut Studiosus, artifex, mercator, eatenus, quatenus est Arithmeticus.

vel illiberali, ut opifex, operarius, tabellarius.

странными и даже нелѣпыми. Однако прежде чѣмъ торопиться осуждать Вейгеля за это, необходимо уяснить, что собственно заставило его заняться и притомъ съ такимъ упорствомъ этою проблемою. Тогда, быть можетъ, окажется, что, независимо отъ удачи или неудачи выполненія, замыселъ Вейгеля представлялъ нѣчто въ научномъ отношеніи не совсѣмъ уже нелѣпое. Недаромъ ученіе объ одной категоріи моральныхъ лицъ, именно о составныхъ лицахъ, нынѣ чаще именуемыхъ юридическими лицами, донынѣ распространено среди юристовъ, которые и не подозреваютъ, что этою необходимою фикціею они обязаны Вейгелю, а не Пуффендорфу, какъ принято обыкновенно утверждать ¹⁾: въ данномъ случаѣ Пуффендорфъ, какъ онъ самъ заявлялъ, былъ не болѣе какъ ученикомъ Вейгеля.

Ученіе Вейгеля о моральныхъ лицахъ и положеніяхъ вызвано двумя потребностями. Одна изъ нихъ — это стремленіе такъ или иначе рѣшить вопросъ о реальности моральнаго міра и моральныхъ отношеній между людьми. Другая, специально вызванная общимъ научнымъ духомъ XVII вѣка, — это стремленіе рѣшить этотъ вопросъ по аналогіи съ физикою и геометріею. Вопросъ о реальности моральныхъ отношеній между людьми принадлежитъ къ числу такихъ, къ которымъ можно примѣнить сдѣланное еще бл. Августиномъ замѣчаніе по поводу времени: *si nemo ex quaerat, scio; si quaerenti explicare velim, nescio*. Что значить, что данный человекъ добръ или злъ? Что значить, что данные люди любятъ или ненавидятъ другъ друга, что между ними существуютъ из-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, Гирке, повидимому, совершенно незнакомый съ Вейгелемъ, приписываетъ Пуффендорфу ученіе о моральныхъ существахъ (*entia moralia*), которыя создаются путемъ установленія (*impositio*), въ отличіе отъ творенія (*creatio* — способъ созданія физическихъ тѣлъ) и которыя конструируются нами по аналогіи съ физическими вещами — *ad normam entium physicorum* (См. *Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Zweite Ausgabe, Breslau, 1902*, стр. 192). Изъ утвержденій Гирке можно заключить, что ему совершенно неизвѣстно то обстоятельство, что, какъ упоминается подробнѣе ниже, все это заимствовано Пуффендорфомъ у Вейгеля.

вѣстныя отношенія права или обязанности? Въ какомъ смыслѣ все это реально? Если этотъ вопросъ въ практической морали и юриспруденціи, вообще въ житейскомъ обиходѣ не вызываетъ по большей части большихъ затрудненій, то при методической научной постановкѣ онъ становится однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ теоріи познанія. И отвѣтъ на него связанъ съ еще болѣе труднымъ вопросомъ о томъ, что такое реальность вообще. Отъ той или иной постановки именно этого послѣдняго вопроса зависитъ и отвѣтъ на вопросъ о реальности моральнаго міра и моральныхъ отношеній. Если, напримѣръ, признавать реальными только предметы чувственного воспріятія съ одной стороны и наши субъективныя психическія переживанія съ другой стороны, то изъ этого съ необходимостью вытекаетъ признаніе всѣхъ моральныхъ и юридическихъ отношеній между людьми не болѣе какъ субъективными психическими переживаніями, чему примѣръ въ послѣднее время далъ одинъ выдающійся русскій юристъ. Если понимать реальность шире, если считать, напримѣръ, истины логики или математики или же историческіе факты не простыми порожденіями человѣческаго сознанія, а чѣмъ-то объективно истиннымъ и сущимъ, то сравнительно нетрудно уже найти мѣсто и для реальности моральныхъ и юридическихъ отношеній между людьми. Эту послѣднюю реальность Вейгель понимаетъ не метафизически, какъ нѣчто имѣющее трансцендентное бытіе внѣ и помимо человѣческаго установленія, а какъ продуктъ именно этого установленія (*impositio*), въ силу своей общепринятости имѣющей не субъективное, а объективное значеніе. Установленіе человѣческое является какъ бы вторымъ твореніемъ, создающимъ надъ физическимъ міромъ особый моральный міръ, создающимъ *hoc morali quodam creatione secunda per voluntatem ita constitutum opus, seu peculiarem quendam Mundum, distinctionis gratia dictum Moralem* ¹⁾. И такъ какъ образцомъ научности для Вей-

¹⁾ *Corporis Pansophici Pantologia*, стр. 21.

геля была физическая наука, то онъ и старался изобразить моральный міръ по возможности по аналогіи съ міромъ физическимъ ¹⁾, старался свести всѣ моральныя отношенія или, какъ онъ выражался, положенія (*situs*), къ равновѣсію или движению — *ad Dyarchiam Statuum et Actuum* ²⁾, старался представить общественную жизнь какъ моральное пространство, въ которомъ можно было бы размѣстить моральные предметы такъ, какъ физическіе предметы размѣщаются въ геометрическомъ пространствѣ.

Въ 1674 году появилась книга Вейгеля *Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit* ³⁾. Въ этой книгѣ авторъ старается еще детальнѣе, чѣмъ прежде, провести идею моральнаго міра и моральныхъ субстанцій по аналогіи съ физикою. Книга написана по-нѣмецки и рассчитана на сравнительно широкій кругъ читателей. Благодаря этому она чрезвычайно „элегантна” въ томъ безвкусномъ смыслѣ, о которомъ упоминалось выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней кстати и некстати проводится схематизація всего по четыремъ категоріямъ — согласно съ занимавшею Вейгеля странною идеею о *tetractys*, т. е. замѣнѣ десятичной системы счета системою четверичною ⁴⁾. Вслѣдствіе этого книга изобилуетъ сближеніями ⁵⁾

¹⁾ Стр. 21: *Pulcherrimum opus morale... quod mundo naturali membrorum suorum ordine et motu pulcritudinem omnem in se complectenti proportionem responderet*. Стр. 22: *Mundum, distinctionis gratia dictum Moralem, naturali mundo servata membrorum analogia proportionatum*.

²⁾ Стр. 124.

³⁾ Полное заглавіе: *Arithmetische Beschreibung der Moral-Weisheit von Personen und Sachen worauf das gemeine Wesen bestehet, nach der Pythagorischen Creutz Zahl in lauter tetractysche Glieder eingetheilet*, Durch Erhard Weigel, Jena, 1674.

⁴⁾ Вейгель предлагалъ вмѣсто единицъ, десятковъ, сотенъ слѣдующія величины: *Eins, Vier, Secht, Schock*. См. стр. 11. Мысль Вейгеля о реформѣ системы нашего счета занимала также и Лейбница, о чемъ еще упоминается ниже.

⁵⁾ См. напримѣръ, на стр. 81: *Wie man nun sagt dass jedes vermischte Corpus aus vier Elementen, aus Feuer, Wasser, Luft und Erdreich bestehe; so kan man auch sagen, das eine jede Republiq bestehe aus Europaeischer, Asiatischer, Africanischer und Americanischer Art Leuthen*.

сравненіями и образами, по преимуществу разсчитанными на то, чтобы озадачить читателей ¹⁾. Мы находимъ въ ней знакомыя уже намъ мысли объ особомъ моральномъ мірѣ, или, какъ выражается авторъ, объ особомъ моральномъ участкѣ міра ²⁾, отличномъ отъ физическаго и терминологическаго, изданномъ человѣческимъ установленіемъ ³⁾ и подлежащемъ количественному изслѣдованію. Вейгель присоединяетъ къ моральному міру, въ которомъ онъ располагаетъ положительную сторону общежитія, еще особый моральный же „задній міръ“ ⁴⁾, какъ пространство для размѣщенія всего преступнаго, дурного, вообще отрицательной стороны общежитія ⁵⁾. Наказаніе при этомъ раз-

1) Каждый глава семейства, объясняетъ Вейгель на стр. 46, обла- даетъ пирамидою пространства, вершиною которой является центръ земли, а основаніемъ — небо. Указавъ на стр. 7, что публичная власть является центромъ тяготѣнія членовъ общежитія, Вейгель не устоялъ передъ соблазномъ провести эту астрономическую аналогію и далѣе: zu dessen besondern Behuf die gesamten Hoffpersonen verordnet, unter welchen Luna die Königin mit ihrem Frauenzimmer, Mercurius die Regierung und Cantzley, Venus die Courtisans und Leibbediente, Mars die Kriegsleute, Jupiter die Geistlichkeit и т. д.

2) Человѣкъ, объясняетъ Вейгель, живетъ in einem Moralischen Welt-Revier... als in einer gewissen Zahlverfassung und ordentlichen Rechenbanck (стр. 7).

3) Стр. 20: Im übrigen aber wie die Ziffern in den Rechnungen, wie auch ihre Stellen und Geltungen, nicht so wohl natürliche, als notionalische Dinge (Satzungen, impositiones, entia notionalia) sind; also die Personen im gemeinen Leben, wie dann auch ihr Stand und Geltung, sind nicht natürliche doch auch nicht blosse Notionalische, sondern mächtige Moralische Dinge, (Ordnungen, imputationes, entia moralia) welche dahero besonderer Betrachtung würdig, und weder mit den schlechten notionalischen, noch mit den blossen natürlichen Dingen, ohne Unterscheid zu vermischen.

4) Стр. 38 и слѣд: die Affter-Welt.

5) Такъ, напримѣръ, объясняетъ Вейгель, въ этомъ мірѣ деньгами пользуются иначе, чѣмъ въ положительномъ мірѣ: In der Affter-Welt gilt ebendas Geld, welches in der aufrichtigen Welt geschlagen und gemünzt worden: Aber was man hier addirt, das substrahirt man dort, und was man hier multipliciret, das dividiret man daselbst. Das ist, hier hilfft einer dem andern, dort schadet einer dem andern, hier samblen sie, dort zerstreuen sie, diese belohnet man dahero mit Geld, jene strafft man umbs Geld, wo nicht gar umb Leib und Leben (стр. 134).

считается какъ переводъ принудительнымъ путемъ изъ отрицательнаго міра въ положительный ¹⁾).

Не лишены интереса въ разбираемой книгѣ разсужденія, касающіяся проблемы экономической цѣнности ²⁾ и права. Цѣнность и цѣна предметовъ — это одно изъ моральныхъ существъ, происходящее, какъ и весь моральный міръ, путемъ установленія ³⁾. Въ этомъ установленіи участвуютъ моменты, какъ мы бы теперь выразились, психологическій и социологическій. Первый моментъ характеризуется Вейгелемъ въ терминахъ, предвосхищающихъ языкъ Фехнеровой психофизики ⁴⁾. Характеризуя второй моментъ, онъ предвосхищаетъ нѣкоторыя позднѣйшія экономическія теоріи ⁵⁾. Не преминулъ конечно Вейгель подчеркнуть значеніе денегъ, какъ мѣ-

¹⁾ Стр. 84: So hat man fernerweit auch Laster-Hacken verordnet, nemlich gewisse Strafen, das ist, man hat unbequeme, übelständige, schädliche, verdriessliche Sachen, aus der Class der Real Fühlbarkeiten genommen, womit man die Miss handlenden ergreiffet, und über Hals und Kopff zurücke schleppet, oder ziehet, damit sie wieder in die rechte Moralische Welt sich finden.

²⁾ См. особенно главы VIII: Von der Geltung und dem Werth.

³⁾ Стр. 131: So bestehet doch der Werth und der Preiss vornehmlich in der gemeinen Form der Moralischen Essentz, nemlich in der imputation, und Zurechnung, welche von gesambter Republic, nechst einer reflexion auff den Consens auch derer andern Republicuen, geschicht, und entweder ausstrücklich oder stillschweigend beniemet wird. Стр. 132: Weil der Sachen ihr Preiss von Natur nicht eingeschrencket; so müssen wir durch Entgegenhaltung den Preiss beniemten.

⁴⁾ Стр. 133: Ist also der Preiss nichts anders als eine Moralische Qualität einer Sache, dadurch sie die Empfindungs-Krafft auff gewisse Masse gegen andere Sachen rühret, dass sie davor gehalten werden möge. Стр. 132: Man setzet nach Befindnng, auff eine so und so grosse, schwere, starcke, geschickte, bequeme, nützliche Sache, einen so und so grossen Preiss, biss man einen mercklichen Unterscheid verspühret, alsdenn endert man die Rechnung и т. д.

⁵⁾ Стр. 132 и 133: Bey welcher Entgegenhaltung wir vornehmlich auff den Nutzen sehen. Dahero wir einen Acker in eben solchen Preiss halten, als die selbe Wiese, von welcher wir eben so viel Nutzen ziehen können. Oftmals aber siehet man den Nutzen nicht an, sondern nach blosser Moralischer Einbildung oder Empfindung, machet man den Preiss. Und weil die Menschen vor andern gerne gesehen seyn wollen, so halten sie sehr viel auff rare Sachen die nicht ein jeder sich schaffen kan и т. д.

рила вещей, переводящаго ихъ цѣну на количественный языкъ ¹⁾).

Особая глава посвящена теоріи права ²⁾. Отъ природы, учить Вейгель, Богомъ заложена въ человѣческой душѣ нравственная таблица умноженія ³⁾, четыре правила которой — *Deum cole, honeste vive, neminem laede, suum cuique tribue*—сводятся къ одному: дѣлай другимъ то, что ты хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали ⁴⁾. Таковъ внутренній законъ, отъ природы написанный въ сердцѣ ⁵⁾. Съ этимъ закономъ связано и право ⁶⁾. Вейгель дѣлитъ его — по происхожденію — на естественное и гражданское, по объекту — на публичное и частное, по внѣшней формѣ — на писаное и неписаное, по количеству — на *jus strictum* и *aequitas* ⁷⁾. Естественное право

¹⁾ Стр. 133: Also hat man auch, den Preiss der Sachen im gemeinen Wesen desto füglicher auszumessen, ein gewisses bekantes fügliches Mass gesetzt, nemlich den Preiss des Silbers und Goldes, mit welchen Preiss man aller andern Sachen ihren Preiss zu vergleichen, und aufzumessen pfleget. Und weil der Preis nichts anders ist, als die Geltung, so hat man dieses bekante Mass (*famosam mensuram*) das Gelt genennet. Увлеченный нѣмецкимъ словомъ zahlen, Вейгель доходитъ до утверженія, что вообще предметомъ счета являются не физическіе а моральные предметы: Allhier sehen wir dass der gantzen Rechen-Kunst ihr tägliches Exempel nichts anders sey, als eine Moralische Qualität, und das also die Rechen-Kunst nicht so wohl eine Wissenschaft von natürlichen Dingen, als eine von Moralischen Sachen sey, so gar dass hierauff das Wort zehlen, mit der Ermessung des Geldes zu einen Wort worden, indem das Geld zehlen, als bloss zehlen, nur mit einen gar geringen Unterscheid und Gemerck, zahlen heisset.

²⁾ Cap. XVII. Von dem Recht und denen Gesetzen.

³⁾ Стр. 119: Damit man nun klar und deutlich wissen möge, was die Person gegen jener Person oder gegen eine Sache zu thun vermöge; so findet man aus unsers Herrn und Gottes Rechen-Tafel ein Exemplar vom Einmal-eins jedem Menschen von Natur schon in seinem Herten eingepräget.

⁴⁾ Стр. 119: Alles was du wilt das dir die Leuthe thun sollen, das thu du ihnen auch.

⁵⁾ Стр. 120.

⁶⁾ На стр. 123 оно опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Ist also Jus, das Recht, nichts anders als der Ausspruch und Befehl dessen, was die Richtigkeit vermag.

⁷⁾ Стр. 124.

дѣлится на первоначальное и вторичное. Первоначальное естественное право (*jusna turae primaevum*) коренится отчасти въ животной природѣ человѣка, общей съ дикими животными ¹⁾, отчасти же въ его разумной природѣ ²⁾. Въ первомъ случаѣ оно сводится къ 4 требованіямъ: заботиться о себѣ, защищать себя противъ внѣшней силы, производить дѣтей, кормить дѣтей, пока они сами не въ состояніи кормить себя ³⁾. Во второмъ случаѣ оно сводится къ приведеннымъ выше четыремъ принципамъ моральной таблицы умноженія и образуетъ спеціально человѣческое естественное право, которое называется *jus gentium primaevum* ⁴⁾. Вторичное естественное право (*jus naturae secundarium* или *jus gentium secundarium*) регулируетъ дѣянія и отношенія хотя и произвольныя, но все же предписываемыя самою природою. Сюда относятся бракъ, собственность, договоры, судъ ⁵⁾. Положительное или гражданское право представляетъ не болѣе какъ дальнѣйшее развитіе естественнаго права: сообразно съ условіями даннаго государства оно заполняетъ подробностями широкія рамки естественнаго права, отмѣчаетъ на его циферблатѣ не только градусы, но и минуты ⁶⁾ — съ точностью, дающею полное основаніе называть юристовъ моральными математиками ⁷⁾. Та-

¹⁾ Стр. 124: in den animalischen Kräfften des Menschen, welche er gemein hat mit den wilden Thieren.

²⁾ Стр. 125: in den rationalischen Kräfften.

³⁾ Стр. 124.

⁴⁾ Стр. 125.

⁵⁾ Стр. 125 и 126.

⁶⁾ Стр. 126: Das bürgerliche Recht ist nichts anders, als eine weitere Fort—und Ausführung des natürlichen Rechts, nechst einem steten Absehen auff die sonderliche Wolfahrt der Republik, weswegen es dasjenige, was das blosse natürliche Recht nur in weitläufftige Marcken einschleust, und also vor sich etwas frey läst, genauer bemarcket, und mit seinen gewissen Minuten (welche doch alle mit einander nicht über den Grad der natürlichen Billigkeit sich belauften dörrfen) bezircket, und zwar wie es in der Arithmetie mit denen theilbaren Sachen zugehet.

⁷⁾ Стр. 130: Inmassen die Rechts-Gelehrten nichts anders sind, als eigentliche Mathematici der Moralischen Quantitäten, Rechenmeister den Civil Zahlen, und Rechts-ermessende Künstler, welche was jedem zu zurechnen, und wieviel das Thun ausstrage, was es vor ein facit gebe, nach genauer Überlegung der That, (facti) mit seinem Mass, nehmlich mit

кимъ образомъ между естественнымъ правомъ и положительнымъ нѣтъ противоположности, и положительное право — это какъ бы зеркало ¹⁾, въ которомъ отражается право естественное. Кромѣ общаго государственнаго положительнаго права, есть множество нормъ, регулирующихъ всякія стороны человѣческаго быта, какъ серьезныя, такъ и, на примѣръ, игры ²⁾.

V.

Послѣднія сочиненія Вейгеля посвящены вопросамъ практической этики и педагогики. Какъ та, такъ и другая построены на обычныхъ предпосылкахъ раціонализма. Поскольку люди являются разумными существами, постольку они въ самихъ себѣ носятъ нравственный законъ, требованія котораго могутъ быть выведены съ математическою точностью путемъ логическаго доказательства. Продолжая традицію Платона, который училъ, что безъ математики нельзя стать человѣкомъ ³⁾, и что поэтому дѣти, не прошедшія еще математической школы, являются не болѣе какъ чрезвычайно грубыми животными ⁴⁾, а также предвосхищая какъ Канта, видѣвшаго въ категорическомъ императивѣ какъ бы математическую формулу ⁵⁾, такъ и Бентама съ его нравственною ариѳметикою,

dem Gesetz und Recht, als mit einer gewissen Richtschnur, beurtheilen und aussprechen.

¹⁾ Стр. 122.

²⁾ Стр. 130: Ausser diesem gemeinschaftlichen Recht findet sich auch mancherley gleichsamb einzeln Recht, welches die Privat-Personen untereinander auffgerichtet, und ihre Willens-Regungen nach demselben einzurichten, sich resolviret haben. Als da.. auch zur Lust und in Schertz, als bey den Spielen, dabey vielerley Gesetze, Recht, Satzungen und Statuta sich finden, welche man gemeiniglich viel steiffer, als die ernsthaften Gesetze, zu halten pflaget. Въ данномъ случаѣ Вейгель предвосхищаетъ право дѣтской, право карточной игры и т. д., о которыхъ учитъ Л. І. Петражицкій.

³⁾ Республика 522 E.

⁴⁾ Законы 808 E.

⁵⁾ Извѣстно заявленіе, сдѣланное Кантомъ въ предисловіи къ „Критикѣ практическаго разума“ по поводу замѣчанія, что категорическій

Вейгель сводитъ моральную проблему къ своего рода математикѣ. Даже то обстоятельство, что населеніе Мексики и Перу принуждено было подчиниться европейцамъ, онъ объяснялъ тѣмъ, что оно пренебрегало математикою; этимъ же обстоятельствомъ онъ объяснялъ жалкую жизнь американскихъ, африканскихъ и азіатскихъ дикарей ¹⁾; не будь математики, люди вели бы скотскую жизнь ²⁾. Отъ природы каждый человѣкъ является счетчикомъ ³⁾. И на этомъ строится вся практическая этика. Первую попытку методически разработать послѣднюю Вейгель сдѣлалъ въ сочиненіи: *Von der Würckung des Gemüths, die man das Rechnen heist* (Jena, 1684). Науку счета авторъ дѣлитъ на абстрактную или логику и конкретную ⁴⁾. Послѣдняя дѣлится на науку о числахъ (*die Zahl-Wissenschaft*) и науку о цѣляхъ (*die Ziel-Wissenschaft*). Наука о числахъ трактуетъ о всѣхъ вещахъ и опредѣляетъ количественную мѣру всякой вещи ⁵⁾ отчасти естественную (*Scientia numerorum*), отчасти гражданскую (*Scientia nummorum*). Наука о цѣляхъ — *Scientia directio-*num, иначе геометрія — трактуетъ о всѣхъ вещахъ, взя-

императивъ представляетъ не болѣе какъ формулу: „кто знаетъ, что для математика значить формула, которая совершенно точно опредѣляетъ что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы рѣшить задачу, и не ошибиться, тотъ не станетъ считать чѣмъ-то незначительнымъ и лишнимъ формулу, которая дѣлаетъ это по отношенію ко всякой обязанности вообще“.

¹⁾ *Idea Matheseos universae*, стр. 31.

²⁾ *Pecudum more* (тамъ же, стр. 30).

³⁾ *Ein jeder Mensch ist von Natur ein Rechner* (см. *Ein Gottseeliges Nativität*, Jena, 1681, стр. 10; *Von der Würckung des Gemüths*, стр. 2 и 39).

⁴⁾ Стр. 34.

⁵⁾ Стр. 36: *Die Zahl-Wissenschaft, scientia numerorum*, die von allen Dingen handelt, und die Mass und Weiss bey einem iedem Ding berechnet, nur dem Inhalt und der Einzelkeiten ihrer Ordnung nach, so fern ein iedes, als vor sich ein gantzes, so und so viel an statt nichts darstellt und gegen andere gleich und eben so viel, oder so und so viel mehr und weniger, als eben so viel, austrägt, welcher Einzelkeiten ihrer viel zusammen gegen andere viele so und so, mit ihrer Quantität, in ihrer Ordnung sich verhalten, theils natürlich, welches eigentlich *Scientia numerorum* heist; theils bürgerlich, und heist *Scientia nummorum*.

тыхъ со стороны ихъ цѣли, ихъ направленія ¹⁾). Въ этихъ двухъ наукахъ коренятся всѣ настоящія знанія ²⁾). Каждый человѣкъ отъ природы является счетчикомъ ³⁾). Если свобода животнаго тѣла проявляется во влеченіи, то свобода человѣческаго духа проявляется въ разсчетѣ ⁴⁾). Сообразно съ этимъ человѣкъ, какъ разумное существо, можетъ и долженъ разсчитывать свои поступки, т. е. согласовать ихъ съ требованіями науки о цѣляхъ или направленіяхъ ⁵⁾).

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ у Вейгеля надъ онтологическимъ міромъ надстраивается міръ деонтологіи. Онъ и для этого міра ищетъ аналогію въ геометріи. Если Спиноза видѣлъ въ умозаключеніяхъ геометріи выводъ слѣдствій изъ причинъ, изслѣдованіе каузальное, то Вейгель, напротивъ, видѣлъ въ ней телеологическое изслѣдованіе: въ его послѣднихъ произведеніяхъ противопоставленіе Ziel и Zahl, цѣли и числа, является не просто игрою словъ или чисто словесною аналогіею — приемъ, которымъ Вейгель пользовался и злоупотреблялъ съ успѣхомъ нерѣдко весьма сомнительнымъ ⁶⁾), — а однимъ изъ основныхъ принциповъ его философіи, на которомъ онъ особенно на-

¹⁾ Стр. 36: Die Ziel-Wissenschaft, Scientia directionum, sonst Geometria, die von allen Dingen, handelt, ihrer Zielung nach auf vorgesetzte Zweck und Würckungen, so fern sie, oder ihre Stücklein und Kräfte, gegen einander so und so gerichtet, figuriret, und gestellet sind und zielen, dass darvon sich eine solche oder andere Würckung in der Welt ereignet.

²⁾ Стр. 36: Welche beyde Wissenschaften sind die Wurtzel aller rechenschaftlichen Wissenschaften.

³⁾ Стр. 2 и 39.

⁴⁾ Стр. 40: Die Freyfahrigkeit des thierischen Leibs besteht im Trieb; und die Freythätigkeit des menschlichen Gemüths besteht im Rechnen. Umb deswegen auch der Mensch von allem seinem Thun und Lassen Rechenschaft zu geben schuldig. Denn der Mensch in seinem Thun ist Agens liberum rationale, ein rechenschaftlich-freyer Thäter, welcher nichts thut ohne Zweck.

⁵⁾ Стр. 63: Mit Zahlen, als mit Zahlen ohne Zielung handeln, ist ein bloßes zählen zu und ab... Eine iede Rechen-Art führt eine Zielung, als das Haupt-Stück.

⁶⁾ См., напримѣръ, на стр. 3 книги Von der Würckung des Gemüths: Wenn Speiss zu Speiss im Magen eingeschluckt, und ein Stück nach dem andern aus der Schüssel vom gesamten Angerichteten abgesogen

ставивалъ потому, что это давало ему возможность *ordine geometrico* ставить и разрѣшать вопросъ о нравственныхъ цѣляхъ и вообще строить систему практической этики.

Въ 1685 году появляется новая книга Вейгеля, посвященная математическому, какъ увѣряетъ авторъ, изслѣдованію вопроса о происхожденіи зла въ мірѣ и о способахъ его устраненія¹⁾. Источникъ зла—не въ разсудкѣ, а въ волѣ²⁾. Воля дика, разсудокъ кротокъ³⁾. Воля свободна и подобна магниту, который съ помощью куска желѣза можно отвлекать во всѣ стороны отъ его настоящаго направленія и который возвращается къ этому направленію лишь по устраненіи внѣшнихъ препятствій⁴⁾. Иными словами, воля въ самой себѣ содержитъ свой законъ, свое направленіе. И сообразно съ этимъ задача практической морали состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы путемъ внѣшняго принужденія заставлять человѣка поступать такъ или иначе, подобно тому какъ заставляютъ дикихъ жеребцовъ ходить подъ сѣдломъ или медвѣдей плясать, а въ томъ, чтобы человѣкъ позналъ и осуществилъ внутренній законъ своей воли⁵⁾. На

wird, so heist es, dort addirt, hier subtrahirt. Wann man oft schreiten, das ist, Schritt vor Schritt fortgehen, muss, den Weg, wie lang er sey, mit so viel mahlen auszumessen, heists multiplicirt und dividirt.

1) Erh. Weigellii Specimen Deliberationis Mathematicae, das ist Rechenschaftliche Forschung, woher so viel Ungerechtigkeit und Bosheit, welche unter denen, sonst in Kirchen-Sachen so wohl unterwiesenen, Christen noch zur Zeit im Schwang gehet, komme? davon Die gemeinen Plagen, Krieg, Pest, Theurung, Angst und Noth im Land, ohne allen Zweifel sich beschreiben. Darauf Unmassgebliche, besondere, wohl-practicirliche, und in der Prob bestehende, Vorschläge wider beydes angefüget werden. Jena, 1685.

2) Стр. 10.

3) Стр. 9: Denn unser Will ist wild, hingegen der Verstand ist zahm.

4) Стр. 9: Der Will ist frey und muthig, lincks und rechts herum, (gleich wie das Zünglein des Magnets) gar leicht verwendlich, wo er aber einmal, (wie von einem Stücklein vorgestelltes Eisens der Magnet) verzogen worden, davon kan man ihn nicht wieder ab=und zu der rechten Ziehlung bringen, biss man alles, womit er verzogen worden, aus dem Wege räumt.

5) Стр. 11 и 12: Denn die Willens-Angewöhnung bey dem Menschen zu dem guten, ist nicht nur ein äusserlicher Zwang, noch eine Hintergehung mit Betrug, wie man ein wildes Füllen zum bereitten, oder einen Bärn zum Tantzen, angewehnt, wiewohl man auch hierzu viel Mühe und

этомъ принципѣ должно быть основано раціональное воспитаніе дѣтей. Какъ истый раціоналистъ, вѣрующій во всемогущество доказательства, Вейгель дѣлаетъ прежде всего учителей математики отвѣтственными за моральные недостатки ихъ питомцевъ¹⁾. Но онъ идетъ далѣе и настаиваетъ на томъ, что нельзя ограничиваться одними назиданіями или доказательствами, нельзя дѣйствовать исключительно на разсудокъ и полагаться на всепасающее значеніе разсужденій. Необходимо дѣйствовать непосредственно на волю путемъ живого примѣра²⁾. И это составляетъ обязанность не только учителей, но еще, и притомъ главнымъ образомъ, родителей: они должны не только тѣлесно любить своихъ дѣтей и ласкать ихъ, какъ обезьяны, но и разумно трактовать ихъ, какъ подобаетъ людямъ³⁾.

Рѣзко критикуетъ Вейгель классическую систему образованія. Нельзя умудрять дѣтей древностями⁴⁾. Нельзя утверждать, что „тотъ — идіотъ, кто не выучился склонять и спрягать“⁵⁾. Не слѣдуетъ забывать правило: *quo proficit in literis, et deficit in moribus, plus deficit, quam proficit*⁶⁾. Современный

Klugheit anzuwenden; sondern ist eine innerliche Lenckung, dass der Will noch frey bleibt (denn sonst wäre es kein Will, es wäre dann ein Mensch kein Mensch) und dennoch in natürlichen Dingen fertig und geschickt sey, dass er, was die recta ratio, die rechenchaftliche Vernunft dictirt, nicht als von aussen her, aus Zwang, noch aus Befehl, durch das Gesetz, bey Straff des Leidens; sondern als von innen her, aus Hertzens-Grund, aus Lieb zu Gott, und in Betrachtung seiner Güte und Treu, als von sich selbst, bey sich entschliesse, und so oft sich die Gelegenheit darzu ereignet, solches gerne practicire.

¹⁾ Стр. 18: Nur allein der Mathematicus ist schuld daran, wenn seine Künste, und damit die Tugend-Vorthel, sampt dem Grund der Wissenschaften aus der Schul vertrieben werden, und Er meldet sich nicht an.

²⁾ Стр. 15.

³⁾ Стр. 20: Also sind nicht Praeceptores, sondern Eltern, Schuld am Ansatz des Muthwillens ihrer Kinder... Sie müssen ihre Kinder nicht nur eiblich, wie die Affen lieben, die sie mit dem Schmatz-Maul immer lecken, und vor Lieb auch an der Brust todt drücken; sondern müssen sie, als Menschen, in der Seele lieben, das ist, mit Vernunft tractirn.

⁴⁾ Стр. 24: Aber Kinder in den Schulen mit Antiquitäten klug zu machen, reimt sich nicht.

⁵⁾ Стр. 27.

⁶⁾ Стр. 25.

мягкосердечный педагогъ, свободный отъ вліянія суроваго раціонализма XVII вѣка, едва ли отнесется сочувственно къ требованію Вейгеля, чтобы дѣти играли „какъ разумныя твари, дѣти Бога, а не какъ неразумныя животныя, часто прямо какъ черти“¹⁾, чтобы они не мычали, не прыгали, не толкались, потому что они — не кошки, не козлы и не свиньи²⁾, или же къ его утвержденію, что только обезьянамъ приличествуетъ цѣловать своихъ дѣтей и прижимать ихъ къ груди.

Въ 1687 году появляется „Вѣнское зеркало добродѣтели“³⁾, сочиненіе, въ которомъ моральныя идеи Вейгеля облечены въ очень причудливую форму. По аналогіи съ укрѣпленіями города Вѣны, предназначенными защищать его отъ турокъ, онъ изображаетъ добродѣтели въ видѣ неприступной крѣпости. Онъ старается предусмотрѣть мельчайшія подробности этой своеобразной моральной фортификаціи, чтобы, выражаясь терминами Петровской эпохи, нельзя было строить мины подъ фортецію правды. При этомъ онъ пользуется геометрическими фигурами и сравненіями⁴⁾. Вмѣстѣ съ этою книгою изда-

¹⁾ Стр. 13 и 14.

²⁾ Стр. 20.

³⁾ Wienerischer Tugend-Spiegel. Darinnen Alle Tugenden nach der Anzahl Derer gleich so vielen Festungs-Linien und Wercken Bey der Weltgepriesenen nunmehr zum andernmal so tapffer wider Türck und Tartarn defendirten Kayserl. Residenz-Stadt Wien Zu immerwährendem Gedächtnüs, vorgestellt, und nebenst einer Mathematischen Demonstration von Gott wider alle Atheisten, zum Grund der Tugenden, beschrieben und mit Kupffern vorgebildet werden. Worauf Aretologica die Tugend-übende Rechen-Kunst sich beziehet. Nürnberg, 1687.

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, требованіе, чтобы каждый человѣкъ сообразовался въ одеждѣ и манерахъ со своимъ общественнымъ положеніемъ, поясняется слѣдующимъ образомъ: Das zeigen uns auch die Figuren der Geometrie, die regular sind, an. Die, wenn sie ihren eigenen Um-Strich und Perimeter behalten, alle miteinander, wie auch jede sonders, schön erscheinen, ob gleich ein unsäglicher Unterschied dazwischen fällt. Wenn aber eine niedrige der höhern ihren Umstrich an sich nehmen wolte, zum Exempel, wenn ein Drey-Eck mit vier Seiten prangen; und ein Cirkel eckicht sich aufführen wolte, würde es gar ungeschickt heraus und an den Tage kommen (Стр. 110). Книга вообще изобилуетъ сравненіями, по большей части скорѣе цвѣтистыми, чѣмъ научными. Такъ, напримѣръ, на стр.

на „Аретологистика“¹⁾. Хотя, учить Вейгель, человеческая воля свободна, однако это не значить, что для нея нѣтъ закона²⁾. Законъ этотъ устанавливается разумомъ съ достовѣрностью въ своемъ родѣ математическою. Вейгель при этомъ возвращается къ упомянутой выше мысли о телеологическомъ характерѣ геометріи и по аналогіи учить о геометрическомъ характерѣ нравственной телеологии. Онъ различаетъ вѣшнюю и внутреннюю мѣру цѣлей и направленій; первая имѣетъ приложеніе въ физикѣ, вторая—въ этикѣ³⁾.

Въ 1689 году Вейгель издаетъ книгу: *Grundmässige Auflösung des militar-Problematis, Warum doch der Türck den Christen nunmehr weichen müsse?* Въ этой книгѣ рядомъ со своеобразною для насъ, но не для XVII вѣка, попыткою *ordine geometrico* доказать, что турецкая опасность не угрожаетъ европейскимъ народамъ, Вейгель обосновываетъ принципиально

89 человекъ разсматривается какъ микрокосмъ, въ которомъ голова со-
отвѣтствуетъ небу, глаза—звѣздамъ, горло—воздуху, сердце—огню и т. д.

¹⁾ *Aretologica, Die Tugend-übende Rechen-Kunst.* Darinnen Nichtallein die allgemeine Theorie der zehl- und messbaren Dinge, wie auch der Verstands- und Willens-Würckungen darüber, kurtz beschrieben; sondern auch die Rechen-Prax, wie man zahlmässig rechnen, und dadurch die Tugenden der Jugend fertig angewöhnen möge, mit gewissen Regeln angewiesen wird. Nürnberg, 1687.

²⁾ Стр. 88: Was den Willen anbelangt, so ist derselbe an und vor sich zwar gantz frey, mag wollen oder nicht, mag dieses oder jenes wollen. Er ist aber, in natürlichen Dingen und in Bürgerlichen Würckungen, an den Verstand so nabe gebunden, dass, wenn Er ein Menschen-Will, nicht eines Viehes Trieb, se yn will, Er in denselben Würckungen nothwendig den Verstand gebrauchen, und nach seiner Weisung, unbeschadet seiner Freyheit, wollen muss, er will auch gern.

³⁾ Стр. 80: Das Zielungs-Mass ist auch entweder äusserlich, als Linnial, die Norm, das Winckel-Mass, das Schreg-Mass... vollkommen aber der gesamte Um-Creiss, die Magnet-Zung, und dergleichen: Oder ist ein innerliches Mass... als da sind die Haupt-Wahrheiten, die Gesetze, Leges, und Instructiones, welche sind das Zielungs-Mass, nach welchem der Verstand und Will sich richten, und verfahren muss. Dahin auch alle Tugenden sich beziehen. Стр. 124: Die Axiomata und Propositiones Geometricae, mit ihren Demonstrationibus (das sind feste und gewisse Haupt-Wahrheiten zu den Zielungen). Wornach man die Rechnung äusserlicher Zielungen richtig führen, und die Rechnung innerlichen Zielungen per analogiam darnach richtig und gewiss anstellen und verführen kan. Стр. 166: Die Zahlen in der Arithmetica, und Zielungen in der Geometrie.

раціоналистическую этику и дѣлаетъ изъ нея практическіе выводы. Всѣ люди, мужчины и женщины, черные и бѣлые, при различіи состояній, одинаковы въ этомъ отношеніи, что они способны считать и разсчитывать. Этимъ они по существу отличны отъ животныхъ, между тѣмъ какъ другъ отъ друга они отличаются только въ степени¹⁾. Сообразно съ этимъ не только, какъ упоминалось выше, истины науки доступны всѣмъ людямъ, не исключая мальчиковъ и плебеевъ, но также и нравственныя требованія ясны для всѣхъ людей. Значитъ, нѣтъ неустрашимыхъ поводовъ для споровъ, для борьбы. Правильный рассчетъ долженъ создать миръ между людьми²⁾ и является радостнымъ общеніемъ съ мудростью Бога³⁾, заложившаго въ человѣкъ качества счетчика⁴⁾. Подробнѣе развивая эти положенія, Вейгель между прочимъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ школу своего времени, съ господствомъ цѣлыхъ 45 пороковъ въ ней, подробно имъ перечисляемыхъ⁵⁾, и требуетъ вытѣсненія филологическаго образованія математическимъ.

VI.

Взгляды Вейгеля раздѣлялись многими его современниками. Изъ знаменитыхъ философовъ XVII вѣка его учениками

¹⁾ Axioma I. Wie das gantze Menschliche Geschlecht in unterschiedene Arten nicht zertheilt ist; sondern nur von einerleyer Wesens-Art besteht, (weil ein Mensch wie der andere rechenschaftlich ist, und rechnen kan, er mag Weib oder Mann, schwartz oder weiss seyn, nur dass, unterschiedenen Graden nach, der eine schärffer als der andere rechnet; also steht der Menschen ihre wesentliche Eigenschafft (die Rechenschaftlichkeit) der wesentlichen Eigenschafft der Thiere (der Unrechenschaftlichkeit) hingegen keineswegs nur gradu, sondern specie, ja genere und gantz und gar, als e diametro, entgegen.

²⁾ Rechnen stiftet Fried, weil alle Strittigkeiten durch Abrechnung beygelegt werden.

³⁾ Axioma II. Das rechte Rechnen anders nichts als eine stete Freuden Conversation ist mit der Weissheit Gottes.

⁴⁾ Observatio I. Daraus erhellt, dass Gott den Menschen wesentlich, dem Haupt-Stück nach, so eingerichtet, das er ein Rechner seyn, und immer rechnen soll.

⁵⁾ Observatio V.

были Пуфендорфъ и Лейбницъ. Оба они въ студенческіе годы покинули Лейпцигскій университетъ ради Іенскаго не потому, что *und in Jene lebt sich bene*, а потому, что ихъ привлекло имя Вейгеля. На Пуфендорфа произвело сильное впечатлѣніе какъ то, что Вейгель примѣнялъ Эвклидовы приемы къ логикѣ, такъ, въ особенности то, что въ своихъ лекціяхъ на нѣмецкомъ языкѣ по этикѣ онъ распространялъ методу математическаго доказательства на естественное право. Не безъ вліянія на него осталось и стремленіе Вейгеля распространить демонстративную методу также и на богословскія истины¹⁾. Пуфендорфъ заимствовалъ еще у Вейгеля столь распространенное нынѣ дѣленіе юридическихъ трактатовъ на общую и специальную часть, а также ученіе о моральныхъ субстанціяхъ и моральномъ про странствѣ. Особенно сильно отразилось вліяніе Вейгеля на книгу Пуфендорфа *Elementorum jurisprudentiae universalis Libri II. (Hagae-Comitiis, 1660)*. Какъ планъ книги²⁾, тамъ и ея метода заимствованы у Вейгеля, чего и не скрываетъ авторъ³⁾. Но современники шли еще дальше и утверждали, что также и все ея содержаніе цѣликомъ взято у Вейгеля⁴⁾. Самъ Вейгель

1) См. Christophi Matthaei Pfaffii, *Introductio in historiam theologiae literarum*, Tubingae, 1724, томъ I, стр. 399 и слѣд.: Samuelis Pufendorfii, *Electoris Brandenburgici olim Consiliarii intimi ac Historiographi epistola ad Fratrem Esaiam Pufendorfiū super Theologia in formam demonstrationis redigenda. Cui incommodo (h. e. lubrico ac dissoluto modo, quo Theologia vulgo tradi solet) — писаль Пуфендорфъ — remedium haud spernendum adferri posse dudum persuasus fui, si Theologia Christiana in formam justae artis per continuas demonstrationes digestae adornetur, ut nempe praemissis necessariis definitionibus, ac, si opus sit, postulatis, tum indubiis axiomatibus, capita Christianae religionis ad salutem necessaria, sufficientia et velut adaequata ad modum propositionum mathematicarum demonstrantur.*

2) Сначала Definitiones, затѣмъ Principia, распадающіяся на axiomata и observationes.

3) См. Praefatio: Dn. Erhardus Weigelius, amicus meus honorandus. Qui idem primus me hortatus est, ut in isto genere quid conarer, et cujus ingenium in nonnullis facem mihi utilissime praelulit.

4) См. Acta Sarmasiana ad usum reipublicae literariae in unum corpus collecta a Theodore Crusio, 1711, стр. 20: Elementa illa Juris, quibus suum praescripsit nomen, aliam parentem, aliam obstetricem habuerunt, atque putant vulgo. Quisquis vero tandem eorum auctor sit; illud fatendum omnino est, multa ibi subtilius, quam utilius, multa acutius, quam verius,

выражался сдержаннѣе и ограничился замѣчаніемъ, что „господинъ Пуффендорфъ извлекъ изъ Іены *Elementa Jurisprudentiae universalis*“ ¹⁾. Ученіе Пуффендорфа въ этой книгѣ дѣйствительно воспроизводитъ взгляды Вейгеля, причемъ ученикъ, какъ это часто бываетъ, нѣсколько утрировалъ мысли своего учителя. Мы находимъ у Пуффендорфа теорію моральнаго пространства ²⁾, моральныхъ лицъ ³⁾ и вещей ⁴⁾, попытку измѣрять количественно достоинство людей ⁵⁾, экономическую цѣнность предметовъ ⁶⁾ и человѣческія дѣянія ⁷⁾. Въ послѣднемъ отноше-

tradita reperiri. Ut vel hoc mihi indico sit, aliquem in pulvere Euclideo Doctorem Erhardum nempe Weigelium iis elucubrandis insudasse. Лейбницъ, когда онъ былъ еще іенскимъ студентомъ, писалъ Якову Томасію 2-го сентября 1663 года: *Unus mihi Dominus Pufendorius notus est, qui tamen sua elementa jurisprudentiae ex Weigelii nostri Ethica Euclidea manuscripta dicitur fere tota efformasse* (Die Philosophischen Schriften von G. W. Leibnitz, herausgegeben von C. J. Gerhardt. Erster Band, Berlin, 1875, стр. 8). Впослѣдствіи, въ началѣ XVIII вѣка, Лейбницъ писалъ уже не такъ категорически: *Feu M. Erhard Weigel, Mathématicien de Jena en Thuringe, inventa ingénieusement des figures, qui représentoient des choses morales. Et lorsque feu M. Samuel de Puffendorf, qui étoit son disciple, publia ses Elémens de la jurisprudence universelle assez conformes aux pensées de M. Weigelius, on y ajouta dans l'Édition de Jena la sphère morale de ce Mathématicien* (Nouveaux essais sur l'entendement humain, L. IV, Ch. III, § 20).

¹⁾ Quartalische Vorbereitung, am Ende des mit dem 1699 sten Jahr ablaufendem Siebenzehnten seculi. Das Winter-Quartal. Der II Satz, § 5.

²⁾ Lib. I, Def. III, § 1: Status dicitur ens suppositivum, quia rebus moralibus positivis velut substernitur, ut in eo suam, quam habent, moralem existentiam quasi ponant, et actiones suas atque effectus exserant. Atque ita analogiam quandam habet cum spatio, quod itidem rebus naturalibus velut supponitur, ut in eo suam, quam habent, naturalem existentiam ponant, et motus suos physicos exercent. § 2: Dividi autem potest status ad analogiam Spatii in Ubicativum et Quandicativum. Ille est, qui involvit respectum ad aliquod ubi morale. § 12: Status quandicativus est, qui respectum involvit ad quando seu tempus moraliter consideratum. (Стр. 7, 8, 19).

³⁾ Lib. I, Def. IV: Persona moralis est persona spectata cum statu suo, quem habet in vita communi (Стр. 20).

⁴⁾ Lib. I, Def. V: Res moralis est res spectata cum respectu pertinentiae ad personas (Стр. 24).

⁵⁾ Lib. I, Def. IX: Existimatio est valor personarum in vita communi, secundum quam aptae sunt cum aliis personis exaequari aut comparari, eisque vel antehaberi, vel postponi. § 1. Existimatio personarum in vita communi est vel simplex vel intensiva (Стр. 74).

Выноски 6 и 7 см. на слѣд. страницѣ.

ни Пуффендорфъ вслѣдъ за Вейгелемъ пошелъ такъ далекѣ, что измѣрялъ уклоненія поступковъ отъ нормы закона особыми радиусами („радиусами намѣренія“, „радиусами исполненія“) на моральномъ шарѣ — *Sphaera moralis*¹⁾. Въ своей позднѣйшей книгѣ *De jure naturae et gentium libri octo*²⁾ Пуффендорфъ опять отмѣчаетъ влияние, оказанное на него Вейгелемъ³⁾. Здѣсь онъ возобновляетъ ученіе о моральныхъ существахъ⁴⁾ и моральныхъ величинахъ, которыя, хотя и отличны отъ физическихъ величинъ, однако подлежатъ количественному изслѣдованію⁵⁾; поэтому, говоритъ Пуффендорфъ, Аристотель совсѣмъ напрасно отрицалъ возможность рѣшать моральные вопросы съ математическою точностью.

6) Lib. I, Def. X: *Pretium est quantitas moralis seu valor mercium aut rerum et actionum homini bonarum in vita communi, secundum quod aptae sunt invicem comparari.*

7) Lib. I, Def. XVIII: *Quantitas actionum moralium est modus aestimativus, quo illae dicuntur quantae* (стр. 232).

1) Стр. 232 и 233: *Mala vero actio quoniam a lege declinat, distantiam aliquam omnino habet a lege, majorem, minorem, unde peccatum majoreitatis et minoreitatis rationem sortitur; quemadmodum una curvitas a rectitudine magis discedit quam altera. Est autem haec a lege distantia neque longitudini, neque latitudini, neque profunditati similis, quae rectitudine mensurari possit; sed habet instar anguli rectilinei, cujus magnitudo arcu circuli ex puncto crurum communi tanquam centro descripti, cruribus dictis intercepto, mensuratur.* Схема шара на стр. 234.

2) Цитируемъ изданіе 1672 г., Londini Scanorum.

3) Lib. I, Cap. II, § 3: *Quae omnia prolixius explanavit Erhard Weigelius in Analyti Aristotelica ex Euclide restituta, quo ex nostratibus de illa doctrina hactenus nemo melius est meritus* (стр. 22).

4) См. Lib. I, Cap. I: *De origine et varietate entium moralium*; Lib. I, Cap. I, § 12: *Entia moralia, quae ad analogiam substantiarum concipiuntur dicuntur personae morales.*

5) Lib. I, Cap. I, § 22: *Adparet enim in vita communi personas et res aestimari non tantum secundum extensionem substantiae physicae, aut intensionem motus, et qualitatum physicarum, prout consideratur tanquam aliquid ex principiis naturalibus resultans: sed et secundum aliud quantitatis genus, et diversum a quantitate tam physica quam mathematica; quae quantitas ex impositione, et determinatione potentiae rationalis oritur* (стр. 18 и 19). Lib. V, Cap. I, § 2: *Deprehendimus ergo in vita communi res invicem dici aequales, non solum quod coincidunt secundum tres dimensiones, sed et alio quodam respectu. Sic enim dignitates, operae, merces, aequales invicem aut inaequales dicuntur alio intuitu, quam ob coincidentiam dimensionum. Inde necessum est dari aliquam quantitatem praeter*

Не менѣ значительно было вліяніе, оказанное Вейгелемъ на Лейбница. Въ 1663 году Лейбницъ, разочаровавшись въ лекціяхъ профессора математики Кюна (Kühn), перешелъ изъ Лейпцигскаго университета въ Іенскій со спеціальною цѣлью поучиться у Вейгеля¹⁾, въ которомъ онъ инстинктивно чувялъ родственную натуру. Вейгель тоже оцѣнилъ впоследствии „своего почтеннѣйшаго Лейбница“²⁾. Онъ отвратилъ молодого философа отъ схоластики. Какъ вспоминалъ впоследствии (въ 1693 г.) Лейбницъ, Вейгель пользовался при этомъ однимъ своеобразнымъ приемомъ: въ спорахъ съ приверженцами схоластики онъ заставлялъ ихъ переводить на нѣмецкій языкъ ихъ термины; когда при этомъ обнаруживалась вся ихъ безсодержательность, онъ безъ труда поднималъ ихъ на смѣхъ. Далѣе, Вейгель сообщилъ ему одну изъ своихъ

physicam et mathematicam, circa quam solam hactenus philosophi videntur solliciti fuisse. Id quod clarius adparebit, si attendamus, quantitatibus universim sumtae rationem formalem consistere non in extensione substantiae, sed ut ita dicam in aestimativitate; seu ideo primo res dicuntur quantae, quatenus aestimari possunt, et consequenter inter se comparari, utrum aequales sint, an inaequales. Cum autem res aestimari queant non solum secundum substantiam suam physicam, sed etiam secundum considerationem quandam moralem; consequitur praeter quantitatem physicam dari etiam quantitatem moralem, secundum quam scilicet res aestimantur moraliter (стр. 590 и 591). Lib. I, Cap. II, § 10: Diversa natura quantitatis physicae et moralis. Physicae enim quantitates inter se exactissime comparari, mensurarique ac in certas partes dividi possunt: idque quia repraesentantur in materia sensibus subjecta. Unde accurate licet determinare, quam rationem aut proportionem istae inter se habeant, accedentibus praesertim numeris, quorum ope ista omnia subtilissime exprimuntur. Ac sunt praeterea quantitates istae aliquid naturale, eoque immotum et perpetuum. Ast quantitates morales proveniunt ex impositione et aestimatione entium intelligentium et liberorum, quorum iudicium atque placitum uti subsumam physicam non cadit; ita quod ista tanquam quantitatem suam impositione concipiunt atque determinant, ad similem mensuram revocari nequit, sed velut libertatem ac laxitatem suae originis retinet и т. д. (стр. 33).

¹⁾ См. Guhrauer, Gottfried Wilhelm Freiherr von Leibnitz. Eine Biographie, Erster Theil, Breslau, стр. 32.

²⁾ Honoratissimus meus Leibnitzius, sagacissimi vir ingenii (Corporis pansophici Pantologia стр. 39).

основныхъ тенденцій, именно, стремленіе сочетать Аристотеля съ новою естественною философіею ¹⁾. Подъ вліяніемъ Вейгеля Лейбницъ мечталъ объ универсальномъ знаніи математической достовѣрности, которое замѣнило бы споры счетомъ и которое распространялось бы также и на моральный міръ. Въ одномъ недавно изданномъ отрывкѣ Лейбница, написанномъ около 1686 г. ²⁾, доказывается необходимость установить принципы метафизики, физики и морали съ такою же достовѣрностью, какъ и элементы математики, и затѣмъ перечисляются попытки осуществить ету мечту. Въ этомъ чрезвычайно любопытномъ перечисленіи далеко не послѣднее мѣсто отводится нашему автору ³⁾. Ученикъ Вейгеля сказался въ попыткахъ Лейбница демонстрировать геометрически моральныя понятія и постулаты: въ одномъ изъ недавно изданныхъ отрывковъ Лейбницъ прибѣгаетъ для этого къ цѣлой системѣ эксцентрическихъ круговъ ⁴⁾ (Пуфендорфъ для той же цѣли прибѣгалъ къ треугольникамъ). Когда въ 1669 году Лейбницъ *ordine geometrico* доказывалъ необходимость избранія

¹⁾ Въ этомъ отношеніи еще Брукеръ высказывался очень категорически: *Maxime autem plurimum incrementorum ad Leibnizianam eruditionem accessit ex lectionibus Weigelii... Et huic quoque praeceptoris eius tribuendum videtur, quod eo tempore ad syncretismum inter veteres et recentiores philosophos, a quo abhorrebat Thomasius, inclinaverit. Weigelium enim inter Aristotelem et novatores pacisci voluisse, ipse nos docet Leibnizius (Historia critica philosophiae, T. IV, p. II. Lipsiae, 1744, стр. 340).*

²⁾ *Projet et Essais pour arriver à quelque certitude pour finir une bonne partie des disputes et pour avancer l'art d'inventer.* См. *Opuscules et fragments inédits de Leibniz*, par L. Couturat, Paris, 1903, стр. 175 и слѣд.

³⁾ Стр. 179 и 180: Il y a un très habile professeur à Jena nommé Mons. Weigelius; qui a publié un bel ouvrage appelé *Analysis Euclidea*, ou il y a beaucoup de belles pensées pour perfectionner la logique et pour donner des demonstrations en philosophie;... il a aussi donné une sphere morale fort ingenieuse, qui est une maniere d'allegorie d'expliquer toute la morale, par le rapport à la doctrine de la sphere des Astronomes. Cette sphere morale est ajoutée à l'Edition de Jena des *Elements de Jurisprudence Universelle* de Mons. Pufendorf qui y a mis aussi quelques definitions et Axiomes à la façon des Geometres.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 331.

на польскій престолъ нейбургскаго пфальцграфа ¹⁾, онъ даже опередилъ своего учителя, который, какъ упомянуто выше, только въ 1689 году, послѣ освобожденія Вѣны Яномъ Собѣскимъ *ordino geometrico* рѣшалъ вопросъ о степени турецкой опасности для европейской политики ²⁾. Подробнѣе всего высказывается Лейбницъ о Вейгеловой морали въ отрывкѣ *Animadversiones ad Weigelium*, изданномъ въ 50-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія ³⁾. Отрывокъ этотъ написанъ по поводу книги Вейгеля *Wienerischer Tugend-Spiegel*, появившейся въ 1687 году. Лейбницъ отзываясь съ величайшимъ уваженіемъ о „знаменитѣйшемъ“ ⁴⁾ Вейгелѣ и о его „изящнѣйшихъ аналогіяхъ между математическими и моральными предметами“ ⁵⁾. Вполнѣ присоединяясь къ утвержденію Вейгеля, что всякое строгое разсужденіе есть своего рода счетъ, Лейбницъ выражаетъ намѣреніе подробнѣе развить правила этого счета, пока же восхищается тѣмъ, что уже сдѣлалъ Вейгель ⁶⁾. Особенно удачными кажутся Лейбницу слѣдующія опредѣленія Вейгелева „Вѣнскаго Зеркала“: крайній избытокъ любви — это обоготвореніе, раболѣпство — это избытокъ челоуѣчности, заговоръ — избытокъ согласія ⁷⁾. Далѣе Лейбницъ присоединяется къ Вейгелевой попыткѣ доказать геометрически бытіе Божіе и выражаетъ надежду сдѣлать это съ

¹⁾ Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo regé Polonorum, novo scribendi genere ad claram certitudinem exactum.

²⁾ Grundmässige Auflösung des militar-Problematis, Warum doch der Türck den Christen nunmehr weichen müsse. Jena, 1689.

³⁾ См. Nouvelles lettres et opuscules inédits de Leibniz, par A. Foucher de Careil, Paris, 1857, стр. 146—170.

⁴⁾ Стр. 148.

⁵⁾ Стр. 146: Et elegantissimae sunt illae quibus passim utitur analogiae rerum mathematicarum cum moralibus, aptaeque ad infigendas animis utrasque veritates, ut in actum ipsum, data occasione, prorumpant.

⁶⁾ Стр. 162: Omnem etiam severam ratiocinationem esse computi genus optime inculcatur; qua de re aliquando (Deo volente) dabo nova et ad hunc computum actu ipso exercendum profutura ultra ea quae quis facile suspicetur. Interea elegantibus Weigeli nostri analogiis nos oblectabimus.

⁷⁾ Стр. 162.

большею строгостью. Наконецъ, онъ хвалитъ Вейгеля за то, что тотъ пробилъ ледъ ¹⁾ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Педагогическія идеи Вейгеля вообще не остались безъ вліянія на Лейбница ²⁾. Можно предположить, что Лейбницъ былъ членомъ основанной Вейгелемъ *societas Pythagorea* ³⁾.

Въ большей степени спорнымъ представляется вліяніе математическихъ идей Вейгеля на Лейбница. Канторъ склоненъ совершенно отрицать его ⁴⁾. Э. Кассиреръ мимоходомъ упоминаетъ о вліяніи на юношескія работы Лейбница, особенно на *De principio individui*, математическихъ идей Вейгеля, именно его примѣненія алгебры къ метафизикѣ ⁵⁾. Вліянію Вейгелевой *tetractys* — замѣны десятиричнаго счета четверичнымъ — можно приписать попытку Лейбница замѣнить его еще болѣе упрощеннымъ счетомъ — *calculus dyadicus* ⁶⁾.

¹⁾ Стр. 146: *glaciem frangit*.

²⁾ Въ 1697 году Лейбницъ писалъ: *Was nun meine, über die von ihm gethane Vorschläge habende Meinung betrifft, so ist bekannt, das Herr Weigelius ein in Mathesi sehr erfahrener und gelehrter Mann, und der dabei ein ganz löbliches Absehen zum gemeinen Besten führt, welches er sonderlich in seiner vorgeschlagenen „Tugendschule“ zu erkennen gegeben, allwo er darauf treibet, dass die Jugend in den Schulen nicht nur zu Verbal-sondern auch Realwissenschaften, und nicht uur zu Wissenschaften, sondern auch zu Tugenden geführt werden möchte. Ich stehe auch in den Gedanken, dass ein und anderes davon gar, wohl in wirkliche Uebung zu bringen wäre* (См. Guhrauer, *Leibniz's deutsche Schriften*, II, стр. 473).

³⁾ См. R. Eucken, *Beiträge zur Einführung in die Geschichte der Philosophie*, Leipzig, 1906, стр. 185.

⁴⁾ *Vorlesungen über Geschichte der Mathematik*. III Band, zweite Auflage, Leipzig, 1901, стр. 29: *Grosse Förderung erhielt Leibniz offenbar nicht durch Weigel, wenigstens sagt er nirgend dergleichen*.

⁵⁾ *Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen*, Marburg, 1902, стр. 489.

⁶⁾ Въ письмѣ къ Іоанну Бернулли отъ 29 апрѣля 1701 года Лейбницъ, быть можетъ, изъ авторскаго самолюбія, безусловно отрицалъ вліяніе Вейгеля: *scorum diversum a meo diversissimasque hic cogitationes habebat... molitus sum ante multos annos, etiam antequam quicquam constaret de Tetracty illa nuper ressuscitata* (*Leibnizens mathematische Schriften*, herausgegeben von C. J. Gerhardt, Zweite Abtheilung, Band III, Halle, 1856, стр. 660 и 661). Не такъ рѣшительно высказывается Лейбницъ въ *Animadversiones ad Weigelium*: *puto non tantum tetractyscam*

Остается открытымъ вопросъ о непосредственномъ вліяніи Вейгеля на Спинозу. Пока еще намъ не удалось установить документальнымъ путемъ слѣды прямого знакомства послѣдняго съ сочиненіями Вейгеля. Трудно однако предположить, чтобы Спиноза, который, несмотря на уединенную жизнь, внимательно слѣдилъ за научными и философскими идеями своего времени и который оставилъ рукопись, озаглавленную *Ethica ordine geometrico demonstrata*, ничего не зналъ о книгѣ считавшагося тогда знаменитымъ Вейгеля, озаглавленной: *Analysis Aristotelica ex Euclide restituta*. Естественноѣе допустить, что онъ заинтересовался ею и заодно другими сочиненіями Вейгеля. А тогда является искушеніе утверждать, что Вейгель повліялъ на Спинозу. Если даже признать, что Спиноза шелъ самостоятельнымъ путемъ или подвергался инымъ вліяніямъ, то за Вейгелемъ все-таки безспорно остается первенство во времени: его *Analysis* появилась въ 1658 году, между тѣмъ какъ Спинозова *Этика* вышла въ 1677 году. Уже въ 1658 году у Вейгеля было напечатано: *theorematum etiam rationem habent pleraequae propositiones Ethicae demonstrativae, quam Euclidea methodo elaboratam, si Deus vires revidendi concesserit, hanc videre lucem prope diem curabimus*¹⁾.

Е. Спекторскій.

decimali esse praeferendam; sed et ipsi tetractycae rursus praeferendam esse dyadicam, quae omnium perfectissima est.

¹⁾ *Analysis Aristotelica*, стр. 25. Въ одной книгѣ, появившейся черезъ 10 лѣтъ послѣ „*Этики*“, Вейгель высказывается о ней. Онъ рѣшительно выступаетъ противъ отождествленія Бога съ природою, а также противъ матеріалистической, по его мнѣнію, тенденціи Спинозова монизма: *dieses Gantze (ob es gleich extensum wäre) sey selbst Gott, sonst sey gar nichts substantiales, ohne das, was extens ist, und was zehlbare Stücken ausser einander hat, die pur gezehlt, ein Gantzes, eine Summa, ein Gesamtes, kurtz, ein Corpus, geben, diss allein, nichts anders, sey selbständig, wie Spinoza unbesonnen vergegeben* (См. *Erhardi Weigelii Aretologica, die Tugend-übende Rechen-Kunst*. Nürnberg, 1687, стр. 162).

ИЗЪ ИСТОРИИ СУДОУСТРОЙСТВА

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССИИ.

I.

Виды и формы участія народа въ судѣ довольно разнообразны. Старые памятники законодательства въ Россіи и судебные акты особенно часто говорятъ о томъ участіи, которое принимаютъ въ судѣ народные представители — добрые люди или судные мужи.

Въ первый разъ объ участіи добрыхъ людей на судѣ говорится въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 — 1230 года:

„Которое орудіе докончано боудѣтъ оу Смолнескъ мъжю Роусию и мъжю Латинескимъ языкомъ, пьредъ судиями и пьредъ добрыми людми, боль того не починати оу Ризѣ и на Гочкомъ березе; а что боудѣтъ дѣкончано оу Ризѣ и на Гочкомъ березе, пьредъ соудиями и пьредъ дѣбрыми людми, того оу Смольнскѣ не починати”.

Другой такой же договоръ или другая редакція того же договора называетъ „добрыхъ людей” „добрыми мужами” и передаетъ вышеприведенное постановленіе такими словами:

„Которая си тяжа боудеть соужена Смоленскѣ, или оу

Князя или оу тивоуна, или оурядили боудоутъ добрии моужи, болеже не поминати того ни въ Ризе, ни на Готъскомъ береze; таже правда боуди немецкому гостии Смоленскѣ”.

Памятники болѣе древніе, чѣмъ только что названный договоръ съ нѣмцами, не содержатъ прямыхъ указаній относительно „добрыхъ людей”, которые судять, либо предъ которыми производится судъ. Слѣдуетъ ли на этомъ основаніи заключать, что раньше XIII в. эта форма народнаго участія въ судѣ была неизвѣстна въ Россіи или что договоръ 1229—1230 г. упоминаетъ въ данномъ случаѣ не о народномъ или, по крайней мѣрѣ, не объ общенародномъ старомъ русскомъ обычаѣ? — При отсутствіи прямыхъ свидѣтельствъ въ древнѣйшихъ памятникахъ здѣсь возможны разногласія и, дѣйствительно, мнѣнія ученыхъ раздѣляются.

Такъ, нѣкоторые (Калачевъ, Чичеринъ) полагаютъ, что участіе народа въ судѣ черезъ своихъ представителей, „судныхъ мужей”, относится къ формамъ судебного права болѣе поздняго времени и впервые введено самимъ правительствомъ только въ концѣ XV в., т. е. со времени уставной Бѣлозерской грамоты 1488 г. Правительство обратилось къ самому населенію и привлекло въ судъ его представителей для того, чтобы положить предѣлъ злоупотребленіямъ въ дѣлѣ правосудія со стороны намѣстниковъ, волостелей и ихъ тиуновъ. Это была одна изъ тѣхъ мѣръ московскихъ государей, которыми постепенно ограничивалась власть старыхъ кормленщиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственное управленіе, построенное на началахъ частнаго права, мало-по-малу проникалось иными идеями и получало публично-правовой характеръ. Въ частности къ содѣйствію земства въ лицѣ „судныхъ мужей”, а равно и выборныхъ судей, необходимо было обратиться въ началѣ собственно по недостаточности правительственныхъ силъ и средствъ у развивающагося государства. Съ накопленіемъ этихъ силъ и средствъ у государства земское населеніе должно было мало-по-малу потерять это право на участіе въ судѣ и въ управленіи.

Не говоря уже о неточности въ указаніи времени пер-

ваго упоминанія объ участіи представителей населенія въ судѣ, приведенное мнѣніе вызываетъ нѣсколько весьма существенныхъ сомнѣній и возраженій. Гораздо правильнѣе точка зрѣнія тѣхъ ученыхъ (впервые установленная еще Морошкинымъ, а позднѣе поддержанная Дмитриевымъ, Кавелинымъ и Дювернуа), которые въ „добрыхъ людяхъ” и въ „судныхъ мужахъ” видятъ одинъ изъ институтовъ древнѣйшаго права, всецѣло примыкающій къ условіямъ стараго народнаго быта и вытекающій изъ первоначальныхъ формъ всякаго судопроизводства. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ всѣ тѣ косвенныя историческія свидѣтельства, которыми приходится пользоваться при отсутствіи прямыхъ указаній источниковъ, именно: постановленія законодательства, историческіе памятники и разнообразныя акты болѣе позднихъ эпохъ; нѣкоторыя черты и основныя свойства древне-русскаго судопроизводства въ связи съ отрывочными и не всегда ясными указаніями памятниковъ древнѣйшихъ; наконецъ, данныя сравнительной исторіи права, очень цѣнныя и важныя именно для выясненія многихъ спорныхъ вопросовъ исторіи права.

Лѣтописи, старыя привилеи и грамоты великихъ князей литовскихъ и памятники законодательства государей московскихъ говорятъ объ участіи въ судѣ представителей населенія, „добрыхъ людей”, какъ объ обычаяхъ настолько стародавнемъ, что даже для весьма раннихъ эпохъ онъ уже является въ видѣ совершенно сложившагося и освященнаго древностію установленія. Это не только русскій обычай, но именно „старый” русскій обычай; это не какое-нибудь нововведеніе законодательства или новшество обычнаго права, не сомнительнаго достоинства „новина”, которую приходится еще объяснять и оправдывать; это—глубокая „старина” и притомъ „старина” какъ для поколѣнія XVI вѣка, для современниковъ Стоглава, Судебниковъ и Литовскаго Статута, такъ и для памятниковъ XV столѣтія и даже для нѣкоторыхъ изъ нашихъ лѣтописцевъ болѣе ранняго времени.

Такъ, въ Никоновской лѣтописи подъ 1384 г. читаемъ: „А посаднику и тысяцкому судити свои суды, *по русско-*

му обычаю, по цѣлованію крестному, а на судъ поимати двѣма истцомъ по два боярина и по два мужа житейска (житія мужеска) отъ каждыя страны (тяжущейся)".

Великій князь литовскій Александръ въ 1499 г. предписываетъ намѣстнику Полоцкому производить судъ не иначе, какъ съ участіемъ старшихъ бояръ полоцкихъ „подлугъ давняго обычая”:

„Напервѣй, што ся тычетъ права земляного, кому бы до кого дѣло было о земли... тыи суды маеть судити намѣстникъ нашъ Полоцкій съ старшими бояры Полоцкими, *подлугъ давняго обычая*. Тежъ которыи бы ся дѣла пригодили о границахъ земляныхъ, хто бы кому границу сказали; то тежъ маеть намѣстникъ нашъ Полоцкій ѣхати, а любо бояръ сослати, того дѣла судити, *подлугъ давняго обычая*".

Въ Смоленской Землѣ въ началѣ XVI в. мѣстный ловчій „ввелъ новину”, началъ самъ единолично „судить ихъ (Смолнянъ) и рядить по всему мѣсту... чогожъ *здавна* не было”. И вотъ, отмѣняя эту „новину”, тотъ же в. кн. Александръ въ уставной грамотѣ, данной имъ Смоленской Землѣ въ 1505 году, предписываетъ, чтобы Смоленскій намѣстникъ по старому „съ околничими и зъ иными врядники суживаль ихъ (Смолнянъ) на нашемъ дворѣ”.

Подобно этому и въ Волынской Землѣ на ярмаркахъ Жидичинскихъ и Дорогобужскихъ намѣстники начали единолично „самыхъ ихъ (князей, пановъ, земянъ и всю мѣстную шляхту) и людей ихъ судить и рядить на тыхъ ярморкахъ”. Чтобы прекратить подобныя злоупотребленія намѣстниковъ в. кн. Сигизмундъ въ уставной грамотѣ, данной имъ Волынской Землѣ въ 1509 г., указываетъ, что даже при в. кн. Казиміръ и Александрѣ существовалъ иной порядокъ, и потому предписываетъ: „на ярморки старостины, намѣстники мають ѣздити *по давному*, а людей ихъ одинъ намѣстникъ не маеть судити, маеть тотъ чоловікъ судью собѣ съ своею руки посадити, которого земянина обравши”.

Въ 1551 г. вся Мстиславская и Радомская шляхта бьютъ

челомъ королю Сигизмунду Августу и просить „потвердить” ихъ старый привилей. Кромѣ того въ особенности просить они: „абыхмо ласки наше господарское въ томъ имъ взычили и старостѣ нашему Мстиславскому теперешнему и потомъ будущимъ старостамъ тамошнимъ боярѣ, шляхты, братьи ихъ и людей ихъ властныхъ безъ нихъ самыхъ судити и рядити не казали... бо дей и *передъ тымъ завжды за предковъ нашихъ славное памети королей и великихъ князей ихъ милости, и за короля его милости Жижимонта, пана отца нашего, тотъ ся обычай заховывалъ и того они добровольны уживали*”. Король и в. князь удовлетворяетъ эту просьбу Мстиславской и Радомской шляхты, подтверждаетъ старый привилей своего отца — „а што ся дотычетъ судовъ старостиныхъ... кгдажъ то *передъ тымъ завжды такъ ся заховывало*, яко того они шляхта справу намъ дали, же имъ того вживати было вольно, мы и теперь, *водлугъ давного обычая*, то заставуемъ и то тымъ листомъ нашимъ устанавливаемъ: ижъ коли которые справы передъ старостою нашимъ Мстиславскимъ теперешнимъ, княземъ Иваномъ Васильевичемъ Полубенскимъ, и по немъ будущими старостами тамошними отъ боярѣ шляхты притачатися будутъ, тогды старостове наши мають завжды зъ боярѣ шляхты повѣту тамошнего двухъ альбо трехъ боярѣ старшихъ при той справѣ съ собою мѣти и посполъ зъ ними ихъ судити, а меншъ двухъ особъ шляхты старшее при собѣ не маючи, не маеть никоторыхъ судовъ самъ одинъ справовати и конца чинити, и людей ихъ безъ нихъ самыхъ не судити и не рядити.... одно они во всемъ *водлѣ давного обычая захованы быти мають по тому, яко то и передъ тымъ будетъ бывало*”.

Акты конныхъ судовъ XVI в., свидѣтельствующіе о древнѣйшей формѣ вѣчевого суда, упоминаютъ о многихъ обычаяхъ глубокой древности. Въ этихъ актахъ неоднократно говорится о тѣхъ постороннихъ „добрыхъ людяхъ”, которые присутствуютъ въ судѣ: „мы и зъ людьми сторонними, *водле звичаю давного*, стали на кѣпу”—вотъ довольно обыкно-

венная формула, часто встрѣчающаяся въ этихъ актахъ и постоянно ссылающаяся на стародавній обычай ¹⁾).

Въ это же время въ Руси Московской мы находимъ весьма любопытныя указанія въ Стоглавѣ о духовныхъ судахъ (1551 г.). Эти суды „вѣдаютъ судъ и судятъ” въ извѣстныхъ случаяхъ при участіи старость, цѣловальниковъ, священниковъ, десятичныхъ и „иныхъ добрыхъ людей, которые въ судѣ сидятъ”. Такой порядокъ судопроизводства установился издавна: „въ метрополи и въ архиепископіяхъ, и въ епископіяхъ, по градомъ и по десятинымъ *искони вѣчно уставлены десятицкіе, при великихъ чудотворцѣхъ Петръ и Алексѣй и Іоанъ, прѣже ихъ, и по нихъ, и до днесь*”. Эти десятицкіе въ однихъ случаяхъ судятъ вмѣстѣ съ „добрыми людьми”, въ другихъ случаяхъ сами присутствуютъ въ судѣ въ качествѣ такихъ „добрыхъ людей”; но всегда ихъ дѣятельность, дѣйствительно, носитъ на себѣ отпечатокъ глубокой старины, чего-то „*искони вѣчно установленнаго*”.

Такимъ образомъ участіе въ судѣ представителей народа, „добрыхъ людей”, въ довольно разнообразныхъ формахъ является общепризнаннымъ стародавнимъ обычаемъ въ XVI столѣтіи. Мало того, и въ предшествующемъ XV вѣкѣ этотъ обычай считается древнимъ, давнимъ, старымъ. И если мы отступаемъ еще далѣе въ глубь вѣковъ, то встрѣчаемъ тотъ же обычай, и снова современники (въ XIV в.) увѣряютъ насъ въ неоспоримомъ и притомъ національномъ его значеніи: это старый *русскій* обычай.

Конечно, случалось иногда, что законодатель ссылался на обычай для одной только формы и, вводя какую-нибудь „новину”, настойчиво утверждалъ въ свое оправданіе, что онъ „старины” не нарушаетъ, „новины” не вводитъ, „хочетъ все по тому мѣти, какъ будетъ было”. Первоначальная слабость и шаткость авторитета законодательной власти вполне

¹⁾ Вопросъ объ участіи постороннихъ добрыхъ людей на копномъ судѣ подробно рассмотрѣнъ раньше—см. Г. В. Демченко, Притомные люди и копная сторона. Варшава, 1899.

объясняли и оправдывали подобныя неправильныя ссылки на высшій авторитетъ народнаго обычая. Но именно въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ мы говоримъ, рѣшительно невозможно сомнѣваться въ правильности вышеприведенныхъ ссылокъ на памятниковъ на старый обычай. Эти ссылки слишкомъ постоянны, слишкомъ опредѣленны и слишкомъ общераспространенны, такъ что для серьезнаго скептицизма не остается мѣста. Къ тому же онѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности и подтверждаются нашими старѣйшими памятниками законодательства и судебной практики.

Всѣ старѣйшіе изъ дошедшихъ къ намъ судебныхъ актовъ уже говорятъ о добрыхъ людяхъ, которые присутствуютъ въ судѣ, и притомъ говорятъ, какъ о чемъ-то совершенно нормальномъ, обычномъ и общепринятомъ.

Первое извѣстное намъ судебное дѣло, относящееся ко времени в. кн. Дмитрія Донскаго (1362—1389), вотъ какъ описываетъ современное ему судебное разбирательство: судья, ставъ на спорной пожнѣ, производитъ судъ, а затѣмъ докладываетъ дѣло своей государынѣ, великой княгинѣ Марѣ; княгиня слушаетъ докладъ, велитъ истца оправить и отвѣтника обвинить; по слову своей государыни судья даетъ приговоръ, а на судѣ присутствуютъ „судные мужи” — староста и вмѣстѣ съ нимъ еще четыре мужа. Такъ же и старѣйшая правая грамота изъ актовъ юго-западной Россіи, выданная въ 1401 году Петрашемъ, старостою Галицкимъ, упоминаетъ о „землянахъ”, участвующихъ въ судѣ. Сперва „панъ староста Петрашъ съ земляны” обсуждаютъ вопросъ о необходимости для разрѣшенія предъявленнаго имъ иска выѣхать „на выведѣнныя граници”, потомъ „панъ староста и земляны” выѣзжаютъ „на ту границу”, судятъ и „оправляютъ” отвѣтника. Оканчивается грамота перечисленіемъ тѣхъ землянъ (шесть мужей), которые „при первомъ судѣ были”, и еще другихъ (тоже шесть мужей), которые дали окончательное рѣшеніе по дѣлу—„доконали и осудили”.

Затѣмъ о „земскихъ людяхъ”, присутствующихъ при заводѣ, упоминаютъ всѣ древнѣйшія развѣзжія (отводныя) гра-

моты, напр., грамота 1395 г. и еще другая грамота, принадлежащая къ той же эпохѣ, но не имѣющая точной даты. Для развода съѣзжаются на землю, кромѣ сторонъ, также люди земскіе и монастырскіе. Въ ихъ присутствіи и при ихъ участіи опредѣляются межи и составляется грамота, которую стороны скрѣпляютъ печатами, „сопчя поговоря с земьскимъ людами, да и с попомъ”. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грамота скрѣпляется также ссылкой на опредѣленныхъ „добрыхъ людей”, которые присутствовали на разводѣ: „а на семь доконцаньи были люди добрые Степанъ Ѳеодоровъ, Григорей Онтуевъицъ, Микифоръ Ивановичъ, Дмитрей Лукиницъ, Степанъ Григорьевичъ”¹⁾.

Участіе народныхъ представителей въ судѣ отмѣчено въ памятникахъ псковскаго и новгородскаго законодательствъ и въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ этому законодательству документовъ.

По Псковской Судной Грамотѣ 1397 — 1467 гг. народные представители общины, сотскіе и старосты²⁾, являются непремѣнными участниками всякаго суда какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и въ его пригородахъ. Главный псковскій судъ, „господа”, состоитъ изъ князя, посадника псковскаго и сотскихъ. О такомъ составѣ „осподы” говорятъ современные памятники мѣстной судебной практики (напр., правая грамота Снѣтогорскому монастырю 1483 г.). Псковская Судная Грамота имѣетъ въ виду этотъ же составъ господы, когда предписываетъ: „А подсудничье князю и посадникомъ и съ сот-

¹⁾ Въ указанныхъ (самыхъ древнихъ) грамотахъ говорится о разводѣ или разѣвѣдѣ, который производится не по судебному приговору, а по гражданскимъ сдѣлкамъ (напр., по купчей). Но въ томъ и въ другомъ случаѣ участіе стороннихъ людей равно необходимо и однородно. Поэтому, если при разводѣ по купчей необходимо присутствіе „земскихъ людей” или „добрыхъ людей”, то въ эту эпоху тѣмъ болѣе оно было необходимо при разводахъ земель по судебному приговору. Впослѣдствіи мы увидимъ, въ какомъ отношеніи стоятъ эти добрые люди къ суднымъ мужамъ.

²⁾ Въ XVI—XVII вв. старосты и сотскіе безспорно являются выборными представителями общины. Что же касается предшествующихъ столѣтій, то въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Такой взглядъ въ литературѣ исторіи русскаго права установился давно. Иначе думаетъ только В. О. Ключевскій.

скими всѣми взяти 10 денегъ”, или: „А кто на кого иметь сачить бою, или грабежу по позовничи, и князь и посадникомъ и сотцкимъ обыскати”. Въ пригородахъ Пскова судъ принадлежитъ княжимъ намѣстникамъ, посадникамъ и старостамъ, которые всѣ вмѣстѣ приводятся къ присягѣ „на томъ, што имъ судити право по крестному цѣлованью”. При поземельныхъ спорахъ судъ отправляется всегда княжими людьми при участіи сотскихъ: „А которому княжому человѣку ѣздити на межу съ сотьскими, ино ему, также цѣловати крестъ (на томъ, што судити ему право)”. Исполнительное производство по взысканію покрыты съ имущества бѣжавшаго крестьянина происходитъ при участіи приставовъ, старостъ и стороннихъ людей: „Ино государю оу князя и оу посадника взять пристава, да и старостъ губьскихъ позвати, и стороннихъ людей, да тотъ животъ изорничъ, предъ пристава и предъ сторонними людьми, государю попродади”.

Новгородская Судная Грамота половины XV в. и примыкающіе къ ней памятники говорятъ объ участіи въ судѣ народныхъ представителей еще подробнѣе и обстоятельнѣе. Прежде всего отмѣчается участіе въ судѣ сотскихъ, старшинъ и старостъ. Уставная Грамота церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, данная кн. Всеволодомъ Мстиславичемъ Новгородскимъ около 1135 г., учреждаетъ особый торговый судъ въ составѣ тысяцкаго и пяти выборныхъ старостъ: „И язъ князь великіи Всеволодъ поставилъ есми святому Ивану три старосты отъ житыхъ людей, и отъ черныхъ тысяцкаго, а отъ купцевъ два старосты, управливати имъ всякіе дѣла... и судъ торговый”. Въ договорахъ Новгорода съ Нѣмцами также говорится о судебныхъ обязанностяхъ старостъ (договоръ 1229 г.) или старшинъ, купцовъ и вообще представителей Новгорода: „Если возникнетъ между Нѣмцами и Новгородцами ссора, то она должна быть покончена во дворѣ Св. Іоанна, при посадникѣ, тысяцкомъ и при купцахъ”, или: „Въ случаѣ, если бы лѣтніе и зимніе гости имѣли въ чемъ либо раздѣлаться судомъ, то они должны это покончить предъ тысяцкимъ, старшинами и Новгородцами” (до-

говоръ 1270 г.). Наконецъ, о сотскихъ упоминается въ договорѣ Новгорода съ в. кн. Іоанномъ Васильевичемъ 1471 г.: „А сотскимъ и рядовичемъ безъ князей великихъ намѣстника и безъ посадника не судити нигдѣ”.

Независимо отъ помощи суду со стороны только что указанныхъ, такъ сказать, официальныхъ представителей населенія, всякій судъ въ Новгородѣ производится при участіи избранныхъ самими сторонами представителей мѣстной общины („приставовъ”). Изъ лѣтописей извѣстно, что институтъ приставовъ существовалъ въ Новгородѣ уже въ XIV в. Никоновская лѣтопись, какъ указано уже выше, описываетъ такъ составъ судовъ посадника и тысяцкаго. Совершенно тождественное описаніе суда владыки Новгородскаго находится въ лѣтописи Ростовской: „Судити владыкѣ Алексѣю въ правду по Номоканону, на судъ поняти двѣма истцома дву бояриновъ со стороны, также и житѣи по дваждѣ человекѣ”. Новгородская Судная Грамота неоднократно возвращается къ этому предмету. Прежде всего, давши рядъ постановленій о судѣ владыки Новгородскаго, намѣстниковъ и тиуновъ в. князя, посадника и тысяцкаго, она, какъ бы въ добавленіе къ сказанному уже въ предыдущихъ постановленіяхъ, общимъ образомъ предписываетъ: „А сажати въ суду по два человекѣ; а кто кого въ суду посадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдается; а посадника и тысяцкаго и владычня намѣстника и ихъ судей съ суда не сбивати”. Затѣмъ въ отдѣльности упоминается о „приставахъ” при тиунѣ и у доклада: „А въ тиунѣ одринѣ быти по приставу съ сторону людемъ добрымъ ¹⁾, да судити имъ правду, крестъ поцѣловавъ на сей на крестной грамотѣ”. „А у докладу быти изъ конца по боярину да по житѣему, да кои люди въ судѣ сидѣли, да и приставомъ”. О судѣ тиуна говоритъ и договоръ Новгорода съ королемъ польскимъ Казиміромъ IV въ 1470 году (или въ 1471 г.):

¹⁾ „По приставу съ сторону людемъ добрымъ” — подобное этому выраженіе постоянно встрѣчается въ памятникахъ литовско-русскаго права: „сторона людей добрыхъ”, „люди добрые сторона”.

„А тіюну твоему судити въ одринѣ съ новгородскими приставами”.

Въ заключеніе можно замѣтить еще, что исполнительное производство по наложенію ареста на имущество гостя, согласно постановленіямъ договоровъ съ Нѣмцами, предполагаетъ предварительное объявленіе о томъ князю и людямъ: „князю явя и людемъ, взяти свое у гости” (договоры 1195 и 1270 гг.).

Итакъ, различные акты и законодательные памятники какъ болѣе поздней эпохи, такъ и ближе всего примыкающіе къ договору Смоленскаго князя съ Нѣмцами въ 1229/30 г., даютъ такую картину древне-русскаго судоустройства и судопроизводства, что не должно возникать никакихъ сомнѣній въ значеніи приведенныхъ въ самомъ началѣ нашей статьи первыхъ и древнѣйшихъ свидѣтельствъ о „добрыхъ людяхъ”, предъ которыми отправляется судъ. Эти „добрые люди” договора 1229/30 г. не обмолвка законодателя или переводчика, который передавалъ на русскій языкъ нѣмецкій текстъ соглашенія, не чужеземное учрежденіе, о которомъ упоминается въ виду международнаго значенія памятника, и даже не мѣстная особенность смоленскаго судопроизводства. Это — старый процессуальный институтъ, основанный на давнемъ обычаѣ и общій для всѣхъ русскихъ земель.

Общая распространенность и глубокая древность института участія народныхъ представителей въ судѣ зависитъ, конечно, отъ общихъ причинъ, имѣющихъ не случайное и скоро преходящее значеніе, а постоянныхъ, весьма устойчивыхъ и коренящихся въ основныхъ свойствахъ древне-русскаго судоустройства и судопроизводства, которое во всѣхъ своихъ стадіяхъ предполагаетъ непремѣнное участіе постоянныхъ добрыхъ людей — представителей общины и сторонъ процесса.

Причины эти просты и немногочисленны.

Прежде всего можно указать на обстоятельство, которое для стараго суда имѣло особенное значеніе, — на необходимость внѣшняго закрѣпленія всякаго юридическаго акта

На судѣ каждое дѣйствіе стороны, или вообще участвующаго лица, или самого судьи имѣетъ извѣстное юридическое значеніе и обставлено строжайшимъ формализмомъ. Вызовъ въ судъ, явка, предъявленіе иска, возраженіе противъ него, споръ и доказательства, наконецъ, рѣшеніе — все это предполагаетъ рядъ опредѣленныхъ формальныхъ актовъ, которые, съ одной стороны, въ самый моментъ ихъ совершенія должны быть оцѣнены и подчинены извѣстному контролю, съ другой — должны быть удостовѣрены такъ, чтобы впослѣдствіи всегда возможно было доказать ихъ исполненіе и притомъ исполненіе правильное, формально согласное съ обычаями (законами) процесса. Для достиженія указанныхъ цѣлей въ современномъ процессѣ прибѣгаютъ къ протоколированію всѣхъ актовъ судопроизводства и самое судебное рѣшеніе облекается въ письменную форму, контроль же и оцѣнка этихъ актовъ предоставляется суду, какъ полному рѣшителю всей тяжбы. Конечно и старый процессъ требовалъ такого построенія, при которомъ бы достигались обѣ указанныя задачи; но средства для этого были другія, такъ какъ письменности сначала не существовало и вовсе, потомъ — она находила ограниченное примѣненіе.

Въ эпоху Русской Правды рѣшеніе суда оставляло послѣ себя документальный слѣдъ только въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ — напримѣръ, когда самое дѣло являлось законодательнымъ прецедентомъ и приговоръ служилъ казуистической формой закона, въ составъ котораго потому и включался. Такъ, и до нашего времени дошелъ Изяславовъ приговоръ о томъ конюхѣ, котораго убили Дорогобужцы: „а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ“, говоритъ одна изъ статей Русской Правды, „а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ Дорогобоудъци“. Впрочемъ, быть можетъ, иногда могли отмѣчаться и другіе приговоры: Русская Правда знаетъ уже „писца“, который ѣздитъ съ вирникомъ или съ мечникомъ для сбора виры или продажи и за это получаетъ 10 кунъ. Хотя въ XII вѣкѣ отдѣльные юридическіе акты и

сдѣлки уже облакались въ письменную форму (жалованная грамота Юрьеву монастырю, купчая Антонія Римлянина, вкладная Хутынескому монастырю), но собственно судебныя рѣшенія въ такой формѣ впервые извѣстны намъ отъ второй половины XVI в. (судныя книги юго-западной Руси конца столѣтія, отъ 1384 г., и судное дѣло временъ Дмитрія Донскаго), когда появляются объ этомъ и первыя постановленія законодательства—Уставной Двинской Грамоты и Псковской Судной Грамоты. Около этого же времени впервые упоминается объ особыхъ должностныхъ лицахъ, дьякахъ, исполняющихъ роль судебныхъ писцовъ. Между прочимъ Двинская Грамота 1397 г. говоритъ:

„А дьякомъ отъ писма отъ судныя грамоты двѣ бѣлки“.—„А не станетъ у суда, и на того намѣстники дадутъ грамоту правую безсудную“.

Затѣмъ, Псковская Судная Грамота, повторяя предписанія о выдачѣ судебного рѣшенія въ письменной формѣ („судница“, „безсудная грамота“) и написаніи его „писцемъ“, облакаетъ уже въ письменную форму и первый актъ процесса—вызовъ къ суду, который совершается посредствомъ „позывницы“ или „приставной грамоты“. Позднѣе мало-помалу начинаютъ облакаться въ письменную форму и другіе акты процесса: „судѣ велѣти своему дьяку тое дѣло записать“,—говоритъ Новгородская Судная Грамота, настаивая на необходимости каждому („кѣму ни есть“) суду вести письменные протоколы судоговоренія. Однако и послѣ того правыя грамоты составляются и выдаются только по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ—и такъ даже въ XVII и XVIII вѣкахъ. Одновременно съ тѣмъ въ книгахъ судовъ литовско-русскихъ отмѣчаются тѣ только дѣла, на записку которыхъ какая нибудь изъ сторонъ тяжбы изъявить желаніе и внести установленную плату: „похочетъ ли сторона вырокъ судовый до книгъ земскихъ або кгородскихъ вписать, то ей волно будетъ“,—говоритъ Литовскій Статутъ. Потомъ и на заглавномъ листѣ судныхъ книгъ читаемъ: „хтожъ записное дьяку далъ, то того судъ тутъ записано“; потому

встрѣчаемъ и записи незаконченныя — судебный актъ начатъ и послѣ десятка строкъ прерванъ на полусловѣ, а затѣмъ слѣдуетъ иногда помѣтка: „dla tego nie dopisował, yż 6 gr. nie oddał”.

Такимъ образомъ до XIV в., можно сказать, акты судо-производства вовсе не записывались; позднѣе даже въ тѣхъ судахъ, гдѣ письменность получила широкое развитіе, часто многое на судѣ могло оставаться и дѣйствительно оставалось безъ протоколированія.

Между тѣмъ значеніе письменности и необходимость въ случаѣ нужды такъ или иначе восполнить ея недостатокъ сознавались уже въ глубокой древности. Объ этомъ неоднократно говорятъ памятники XIII и слѣдующихъ столѣтій, напр., Договоръ смоленскаго кн. Мстислава съ нѣмцами 1229 года, уставная грамота Бѣльскаго повѣта 1501 г., уставная грамота Полоцкой Земли 1511 г. и др.

„Все што ся дѣеть подъ часомъ, отъ чловѣчоѣ памяти споломъ сплываетъ съ часомъ, а ни къ знаймости напотомъ будучимъ прійти можетъ, *ижьбы вложенъмъ писма*, на послѣдъ тыи вчинки не были захованы“.— „Вси рѣчы, которые межи смертельными людьми суть и дѣются, тежъ которыи справы съ чловѣкомъ смертельнымъ завидлива старость посполу бы привлацила... къ жадней знаймости справа не пришла бы: едино *презъ несмертелность листовъ и тежъ святковъ*, ку вернему свядецтву приходють“.— „*Omnia, quae inter mortales homines sunt, agunturque negotia, cum homine ipso mortali, edax vetustas simul absumeret, ad posterosque nulla factorum notitia perveniret: nisi immortalitate litterarum et testium fideli, ad hoc, testimonio perhennentur*“.

Общій смыслъ относящихся сюда замѣчаній всѣхъ этихъ свидѣтельствъ яснѣе всего и лучше всего выраженъ въ договорѣ съ нѣмцами: „что дѣлается во времени, то и исчезаетъ во времени; но если приказано будетъ добрымъ людямъ или утверждено грамотою, то будетъ всѣмъ вѣдомо и тѣмъ, кто послѣ насъ въ живыхъ останется”.

Вотъ отчетливо высказанная и вѣрная мысль—закрѣпить въ памяти то или другое событіе можно только или съ помощью „грамоты“, или съ помощью „добрыхъ людей“. Когда нѣтъ грамоты,—нужны добрые люди. Судья судить передъ добрыми людьми, присутствіе которыхъ восполняетъ тѣ недочеты суда, какіе необходимо возникаютъ въ виду общей безграмотности часто всѣхъ участвующихъ лицъ, не исключая и судьи. Протоколированіе на бумагѣ замѣняется протоколированіемъ въ памяти очевидцевъ.

Но очевидцы эти необходимы не только какъ замѣна письменности въ процессѣ. Они имѣютъ значеніе болѣе существенное и болѣе важное. Добрые люди, являясь знатоками права, обычаевъ и судебныхъ порядковъ, помогаютъ судить, оцѣнивать и рѣшать дѣло. Въ ихъ лицѣ создаются важнѣйшіе помощники для судьи, который самъ не можетъ дать никакого рѣшенія ни по всему иску, ни по какому бы то ни было частному вопросу судопроизводства.

Положеніе судьи теперь и прежде—двѣ вещи весьма различныя. Теперь судья примѣняетъ законъ уже готовый, данный, записанный и въ большинствѣ случаевъ разъясненный наукой. Въ старину такого закона не было; былъ обычай, часто неясный, малоизвѣстный, еще только создающійся и чрезвычайно разнообразный; обычай, имѣвшій иногда полный мѣстное значеніе и притомъ охватывавшій не все населеніе, а только его отдѣльные слои, круги и классы. Вотъ почему въ судѣ требовалось дать не только рѣшеніе по дѣлу, но найти норму права, не только разсудить данный случай, но въ казуистической формѣ провозгласить общеобязательное положеніе—словомъ, „сказать правду“ и притомъ сказать такъ, чтобы она имѣла полный авторитетъ и у тяжущихся, и у цѣлой общины.

Однакоже самъ судья этого сдѣлать не могъ, прежде всего не могъ *de facto*. Припомнимъ, напр., кто являлся судьей въ эпоху Русской Правды. Судилъ князь, его посадникъ или тиунъ. Но всѣ они едва ли не въ большинствѣ случаевъ являлись лицами чужими для той общины, гдѣ от-

правлялся судъ. Князь объѣзжалъ свою землю и судилъ; однако онъ не зналъ и не могъ знать пошлины всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ пригородовъ, которые входили въ составъ его княжества, и это тѣмъ болѣе, что и для самой земли онъ очень часто являлся человѣкомъ чужимъ, пришлымъ. Посадниковъ и тиуновъ назначалъ князь изъ своихъ же мужей; и только въ Новгородѣ (да и то уже съ XIII вѣка) они по правилу избирались изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ Новгорода. Всѣ эти судьи должны были судить горожанъ и пригороджанъ „по ихъ праву“ (уставная грамота Витебской Земли 1503 г., уставная грамота Полоцкой Земли 1511 г.). Но этого права они не знали, а потому—что же оставалось дѣлать? Конечно судить съ участіемъ тѣхъ, кто обладалъ такимъ знаніемъ, т. е. мѣстныхъ представителей общины. Недаромъ же впоследствии даже при существованіи уже писанныхъ законовъ, когда назначался воевода въ новый и чужой городъ, то ему предписывалось о мѣстныхъ обычаяхъ разспрашивать мѣстныхъ же жителей. Въ наказной памяти воеводамъ Полоцкимъ 1563 г. между прочимъ читаемъ:

„А управа давати Литовскимъ людямъ, шляхтамъ и бурмистромъ и земскимъ людямъ земляномъ, бояромъ и воеводамъ, роспросы про здѣшніе всякіе обиходы, какъ у нихъ обычи ведутца, да съ ихъ обычея сперва и судити и управы имъ въ городѣ давати“.

Что признавалось въ XVI в., тѣмъ болѣе должно было признаваться въ эпоху Русской Правды.

Кромѣ князя, поставленнаго имъ посадника или тиуна его чинили судъ и управу также и другія лица, напр., землевладѣльцы, бояре, тысяцкіе и вся мѣстная община (вѣче). Всѣ эти лица, конечно, могли знать мѣстные обычаи. Да въ отдѣльныхъ случаяхъ возможности такого знанія нельзя отрицать и у княжескихъ органовъ судебной власти. Однако же и здѣсь присутствіе въ судѣ „добрыхъ людей“ необходимо для того, чтобы сообщить судебному рѣшенію и обезпечить за нимъ въ будущемъ дѣйствительный авторитетъ какъ предъ лицомъ самихъ тяжущихся, такъ и у цѣлой общины.

Для тяжущихся первоначально всякій судья имѣетъ значеніе только какъ судья третейскій, какъ лицо, на которомъ сошлись обѣ стороны, которому онѣ довѣряютъ, съ которымъ онѣ вошли въ соглашеніе. При отсутствіи твердыхъ нормъ закона личность судьи имѣла громадное значеніе, а довѣріе къ ней въ первоначальной стадіи историческаго развитія процессуальнаго права являлось тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго не мыслимо было и самое судебное разбирательство. Древнѣйшая форма разрѣшенія споровъ носитъ характеръ гражданской сдѣлки между истцомъ и отвѣтчикомъ, и договорное начало проникаетъ всѣ моменты судопроизводства. Стороны соглашаются между собою о предметѣ спора, о срокѣ судебного разбирательства, о личности судьи, къ которому онѣ думаютъ обратиться со своей тяжбой, и даже исполненіе приговора по судной грамотѣ происходитъ въ силу особаго договора между сторонами. „Да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ“, говоритъ о такомъ соглашеніи Новгородская Судная Грамота. Самое соглашеніе считается актомъ вполне свободнымъ и добровольнымъ: „А коли о чомъ посваряться и выдадутъ ся въ колѣѣ оба, то вина на насъ; а выдасть ся одинъ, а *другій не выдасть ся, за то ихъ намъ не казнити, тутъ вины нѣтъ, то есмо имъ отпустили*“ (уставныя грамоты Витебской Земли 1503 г., Полоцкой Земли 1511 г., Смоленской Земли 1505 г., Кіевской Земли 1507 и 1529 г.). И только договоръ относительно способа исполненія судебного рѣшенія въ эпоху Новгородской Судной Грамоты ставится уже въ извѣстныя условія, ограничивающія свободу сторонъ: „А кто на кого возьметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи или до истца, *ино ему переговариваться съ ними мѣсяць: а не почнетъ переговариватица въ тотъ мѣсяць, ино взять на него приставы съ вѣча, да иматъ его въ городѣ и въ селѣ съ тѣми приставы; а почнетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнитъ всимъ Великимъ Новымъ городомъ*“.

Такія, съ современной точки зрѣнія, совершенно свободныя отношенія сторонъ къ суду вполне объясняются той

самостоятельностью и самодѣтельностью, которая въ древнемъ правѣ предоставлена личности и охватывающимъ ее союзамъ (семейнымъ, родовымъ, общиннымъ) при установленіи своихъ отношеній къ другимъ лицамъ или союзамъ лицъ. Въ древнѣйшемъ процессѣ дѣятельность судьи совершенно не замѣтна. Дѣйствуютъ сами стороны: онѣ „переговариваются“, „сходятся“ на судъ, бросаютъ жребій или прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ судебной борьбы (состязанія) и, наконецъ, сами „берутъ свою правду“ (Мирная Грамота Новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.).

Стороны также берутъ себѣ и своего судью: „А такожь кому будетъ до кого какое дѣло, будетъ земное дѣло, ино ѣздоки *побрати*; а будутъ иныи кторыи дѣла, ино судьи *побрати*“.—„А коли бы два мѣли ся правоваты, а *возьмутъ собѣ* ѣздоки и судьи: ино учинити имъ рокъ” (Судебникъ Казиміра 1468 г.). И даже въ болѣе позднія времена называются еще слѣды этого свободного отношенія сторонъ къ суду. Въ XVI в. кормленщики въ Московской Руси жалуются, что волостные и посадскіе люди „подъ судъ имъ не даются“, а Царскій Судебникъ 1550 г. въ одномъ случаѣ предписываетъ уже „по ищеину челобитью судій на землю не посылати, а послати судію на землю, выбравъ одного *не по ихъ челобитью*“. Но это все уже явленія новыя. Первоначально же и рѣчи быть не могло о какомъ бы то ни было судѣ, если обѣ стороны его не желаютъ. Взаимное соглашеніе сторонъ опредѣляетъ не только отношенія ихъ между собою, но и самыя отношенія ихъ къ суду, ибо, подобно сторонамъ, и судья „обѣчается къ суду“ и „сидится или становится на судъ“ въ указанный срокъ (Новгородская Судная Грамота). Возможно, что стороны вовсе „на судъ ити не въсхотятъ“, и въ такомъ случаѣ „судѣ продажи на нихъ нѣтъ” (Судебникъ 1497 г.). При той необычайно широкой свободѣ вступать между собою въ мировыя сдѣлки, какая допускалась въ старину, было бы совершенно невозможно налагать на стороны и на судъ обязанности, выходящія за предѣлы свободныхъ соглашеній и посредническаго (третейска-

го) характера всего процесса. Ибо обратиться къ судѣ—это право стороны, и вовсе не право судьи—требовать кого бы то ни было на свой судъ; наоборотъ, судья обязанъ „давать право“ по требованію сторонъ, но стороны отнюдь не обязаны обращаться въ судъ, такъ какъ могутъ покончить свой споръ въ формѣ примиренія, еднанья, ровнанья—безразлично въ дѣлахъ гражданскихъ и въ столкновеніяхъ уголовныхъ ¹⁾. И этотъ свободный третейскій характеръ стараго процесса настолько укрѣпился и укоренился, что даже о высшемъ представителѣ власти старые акты говорятъ иногда, какъ о судѣ третейскомъ: „зарядили себѣ третьего, государя великого князя Ивана Васильевича“.

Такимъ образомъ, благодаря отмѣченному третейскому характеру стараго процесса, всякій судья являлся или какъ добровольно избранный сторонами посредникъ, или во всякомъ случаѣ какъ судья, дѣйствующій при помощи добровольно избранныхъ представителей сторонъ.

Даже въ качествѣ свидѣтелей суда „добрые люди“ должны были являться представителями сторонъ, такъ какъ въ случаѣ нужды мало было сослаться на свидѣтеля суда, нужно было „поставить его“ и получить отъ него соотвѣтствующее подтвержденіе ссылки. Судья въ это не вмѣшивался. Въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивался простымъ разрѣшеніемъ заинтересованному лицу дѣйствовать, какъ оно найдетъ для себя болѣе удобнымъ: если захочетъ и сможетъ въ доказательство бывшаго суда представить своихъ свидѣтелей „добрыхъ людей“,—„то его милости вольно будетъ“. Но собственныя средства заинтересованнаго лица могли привести къ желательнымъ результатамъ тогда, когда требуемый свидѣтель не только зналъ дѣло, но и желалъ явиться въ судъ и подѣлиться съ судомъ своимъ знаніемъ. „Заручить“ свидѣтеля можно было, конечно. Но свидѣтель „подъ заручкой“ былъ опаснымъ, ненадежнымъ свидѣтелемъ, и потому обык-

¹⁾ Ср. Г. В. Демченко, Наказаніе по Литовскому Статуту, ч. I, Кіевъ, 1894 г., стр. 258—266.

новенно къ такому приему не прибѣгали. Между тѣмъ для лица, которому нужно было возстановить и подтвердить уже однажды состоявшійся приговоръ суда, важнѣе всего была надежность свидѣтеля, увѣренность въ томъ, что на него всегда можно положиться и „послаться“ безъ риска и что его показаніе всегда будетъ принято судомъ. Съ этой точки зрѣнія заинтересованное лицо при выборѣ свидѣтелей должно было всегда отдавать предпочтеніе или тому, кто по своему официальному положенію былъ призванъ дѣйствовать въ качествѣ довѣреннаго представителя *fidei publicae* (напр., староста, цѣловальникъ, вижъ, возный), или тому, кого считало въ числѣ своихъ друзей („пріятелей“), всегда готовыхъ и словомъ, и дѣломъ оказать необходимую помощь и поддержку.

Такимъ образомъ ясно, что „добрые люди“, даже какъ свидѣтели суда, на которомъ они присутствовали, являлись представителями интересовъ истца или отвѣтчика, выступали именно въ качествѣ ихъ довѣренныхъ и уполномоченныхъ „пособниковъ“ или „помочниковъ“.

Еще болѣе этотъ характеръ судебной помощи или судебного пособничества сказывается въ институтѣ „добрыхъ людей“, когда они выступаютъ какъ активные участники судебного разбирательства. И тогда здѣсь обнаруживаются такія черты судопроизводства, которыя напоминаютъ намъ о самыхъ первобытныхъ, самыхъ примитивныхъ эпохахъ жизни народной и которыя только кой-гдѣ и кое-въ-чемъ отразились въ нѣсколькихъ постановленіяхъ или свидѣтельствахъ памятниковъ позднѣйшихъ столѣтій.

Первоначально судъ—это борьба сторонъ, которымъ помогаютъ ихъ родственники, сосѣди и друзья. Истецъ и отвѣтчикъ являются на судъ каждый съ толпой „пособниковъ“, готовыхъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать дѣло и интересы своей стороны. Иногда и въ дѣйствительности споръ переходитъ въ поединокъ, поединокъ—въ общую свалку. Даже у Герберштейна мы находимъ весьма картинное описаніе судебного поединка: „Обѣ стороны имѣютъ много друзей и

доброжелателей, которые смотреть на поединокъ, не имѣя при себѣ никакого оружія, кромѣ дубинъ, которыми они отъ времени до времени и пользуются. Ибо если доброжелатели одного изъ бойцовъ увидятъ, что ему дѣлается какая-нибудь обида, то тотчасъ бѣгутъ для отраженія этой обиды; тоже дѣлаетъ и другая сторона, и такимъ образомъ между ними происходитъ схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся въ потасовку, кулаками, батогами и дубинами съ обоженнымъ концомъ". Въ XVI столѣтіи подобный исходъ судебного поединка разсматривался уже, какъ явленіе нежелательное, какъ злоупотребленіе. „Кого скажутъ за собою стряпчихъ и поручниковъ, и имъ тѣмъ велѣти и стояти; а доспѣху, и дубинъ, и ослоновъ стряпчимъ и поручникомъ у себя не держати. А которые имутъ опричные у поля стояти, и околничему и діаку тѣхъ отелати прочь". Такого рода ограниченія повторяются въ обоихъ Судебникахъ: посторонніе люди къ поединку не допускаются, а стряпчіе и поручники истца или отвѣтчика присутствуютъ во всякомъ случаѣ безъ оружія и даже безъ дубинъ. Но раньше не только судебный поединокъ, но и всякая тяжба могла окончиться борьбой сторонъ и ихъ пособниковъ. Законодатель возстаетъ и противъ этого—вѣроятно уже издавна, а затѣмъ въ Псковской и Новгородской Судныхъ Грамотахъ и въ Литовскомъ Статутѣ.

„А на соудъ помощью не ходити, лѣсти въ судебницу двѣма сутяжникома", говоритъ Псковская Судная Грамота, „а пособниковъ бы не было ни съ одной стороны". Новгородская Судная Грамота запрещаетъ „наводку" и ограничиваетъ число пособниковъ въ судѣ: „А истцю на истца наводки не наводитъ, ни на посадника, ни на тысесского, ни на владычня намѣстника, ни на иныхъ судей, ни на докладшиковъ".— „Отъ конца, или отъ улици и отъ ста и отъ ряду, итти ятцомъ двѣма человѣкомъ, а инымъ на пособье не итти къ суду ни къ росказу".

Литовскій Статутъ и современные ему акты свидѣлствуютъ еще полнѣе и лучше какъ о томъ, что нѣкогда происходило въ судахъ, такъ и о томъ, какія мѣры принималъ

законодатель, чтобы побороть и прекратить старые обычаи, которые въ новыхъ условіяхъ жизни являлись уже злоупотребленіями и даже преступленіями. На судъ стороны приходятъ съ оружіемъ въ рукахъ. При нихъ толпа родственниковъ и „приятелей“, челядь, слуги собственные и слуги родственниковъ—всѣ вооружены „бронями и стрелбами разными, до бою належачими“. Въ виду этого Литовскій Статутъ, во-первыхъ, вообще запрещаетъ приѣзжать на судебные сроки въ сопровожденіи большого числа „слугъ и приятель“. Во-вторыхъ, къ мѣсту суда онъ разрѣшаетъ являться только безъ оружія или, въ крайнемъ случаѣ, съ оружіемъ холоднымъ. Въ-третьихъ, въ избу судовую допускаются добрые люди, пріятели сторонъ, въ самомъ ограниченномъ числѣ—шесть пріятелей или даже только два пріятеля.

„Ижъ нѣкоторые станы люди можные звывкли приездчати до судовъ и врядовъ нашихъ з великими почты слугъ и пріятель своихъ за чимъ тежъ многіе розницы, розрухи и свовольства межи людьми деются, а убожьшымъ людемъ.. о покой передъ таковыми трудно бываетъ. Про то уставуемъ и такъ мети хочемъ, *абы на роки земьскіе и рочки кгородскіе, такъже и до судовъ подкоморскихъ и комисарскихъ никто якогжъ кольвекъ стану и достоенства з великими непотребными почты слугъ и пріятель своихъ, такъ же збройне и з айдуками або драбы не приездчалъ*, одно в почтствѣ меръномъ, скромномъ, такой справе уживанью справедливости святое прыстойномъ и потребномъ”.— „Еще тежъ видячи мы в многихъ людяхъ зүфальства и свовольства збытечныя, а хотячи то срокгостью права посполитого обваровати, и завстегнути, уставуемъ абы жаденъ яког колвекъ стану будичи, не смель при дворе нашомъ господарьскомъ, гдѣ коли дворомъ нашимъ мешкати будемъ такъ на палаць и дворъ нашъ, яко и поместу (такъ при судехъ земьскихъ кгородскихъ подкоморьскихъ, и комисарьскихъ) *збройне, и з жадными инѣшими бронями ходити, зваща з ручницюю, гаркабузомъ, и з лукомъ и з жадною*

иною стрельбою, окромъ меча, корда, шабли, шпады, и инзкое ручное брони“.

И затѣмъ, какъ бы въ дополненіе къ вышеприведеннымъ постановленіямъ, предписывается подъ угрозой болѣе или менѣе значительныхъ штрафовъ соблюдать порядокъ при явкѣ въ судъ и толпою въ избу судовую не входить:

„Хотечы мы господарь, то мети абы на врьдехъ нашихъ господарскихъ у суду земьского и кгородского, порядокъ и скромность, з учтивостью пристойною захована была, уставуемъ ижъ кожда особа якогжъ кольвекъ стану достоинства до того дому албо избы, где на судехъ врьды наши земский албо кгородский засядуть, немаеть перѣдъ судъ приходить и упорне ся тиснути, ажъ кого з рейсту до sprawy заключуть, и то нежадною тижбою людей до тое избы судовое входить маеть, только наболей самъ осмъ, то есть самъ с прокураторомъ а зъ шестма приятелъ шляхъ-тичами“.

Въ учрежденіи Главнаго Литовскаго Трибунала принимаются тѣ же мѣры, но число допускаемыхъ въ судъ „приятелей“ ограничивается еще болѣе: „Передъ который то судъ особа жадная которого же колвекъ стану и заволяня, которая бы акцеи правовой не мѣла, входить не маеть, аже кого зъ рейстру заволяютъ, до sprawy своей приступати и до ктмаху входить не маеть, *толко самочвартъ наибольшей входить маеть, то есть самъ съ прокураторомъ а два пріатели“.*

Такимъ образомъ, подобно тому какъ ограниченія пособничества при судебныхъ поединкахъ приводятъ къ выдѣленію изъ среды пособниковъ самостоятельной и признанной закономъ группы „стряпчихъ и поручниковъ“, которые наблюдаютъ за поединкомъ рядомъ съ органами правительства, такъ и запреты „наводки“ или хожденія на судъ „помочью“ заканчиваются созданиемъ законнаго судебного представительства сторонъ нѣсколькими „приятелями“, „ятцами“, „приставами“, „добрыми людьми“ или „роказщиками“, которые рѣшаютъ дѣло не кулачной расправой, а совѣщаніемъ и согла-

шеніемъ, исполняя роль избранныхъ „третьихъ” подъ предсѣдательствомъ правительственнаго судьи. Однакоже всѣ эти ограниченія, вводимыя законодательствомъ, свидѣлствуютъ не только объ измѣнившихся условіяхъ жизни и о новыхъ порядкахъ судопроизводства, но вмѣстѣ съ тѣмъ они же какъ нельзя лучше отмѣняютъ тѣ стороны разсматриваемаго института, въ которыхъ проявляется его третейскій характеръ, и обнаруживаютъ его глубокую древность, а равно и его тѣсную связь со всѣмъ укладомъ стариннаго процесса.

Имѣется и еще одна черта въ изучаемомъ явленіи, которая приводитъ его въ связь съ остальными институтами древне-русскаго права.

Добрые люди въ судѣ присутствуютъ, какъ представители сторонъ. Но вмѣстѣ въ тѣмъ они—народные представители, и въ ихъ лицѣ мѣстное населеніе имѣетъ своихъ довѣренныхъ людей, тѣхъ старѣйшихъ, почтенныхъ, опытныхъ и надежныхъ мужей, авторитетъ которыхъ пользуется общимъ признаніемъ и на которыхъ можно положиться. Очень часто это даже официальные представители общины, сотскіе, старосты, десятскіе и т. п. Судъ, какъ и вся общественная или государственная жизнь того времени, ея разнообразныя органы и формы дѣятельности, всецѣло проникнуты одними и тѣми же началами. Все покоится на двойственныхъ основахъ совмѣстной дѣятельности элементовъ собственно правительственныхъ и общеземскихъ. Добрые люди встрѣчаются повсюду. Какъ представители народа, они участвуютъ во всѣхъ актахъ правительственной дѣятельности—или на вѣчѣ, или въ думѣ, или въ составѣ органовъ управленія, избранныхъ земствомъ, или въ числѣ лицъ, имѣющихъ самое разнообразное значеніе при различныхъ актахъ дѣятельности общественной и частной, государственной и международной, свѣтской и церковной. Обыкновенно каждое дѣйствіе власти покоится на прямомъ или молчаливомъ согласіи всего народа или всей общины, интересовъ которой оно касается. Безъ такого согласія это дѣйствіе или ничтожно, или же приво-

доть къ борбѣ, исходомъ которой можетъ въ концѣ-концовъ рѣшаться и самое юридическое значеніе и сила его.

Наиболѣе полная форма выраженія народной воли, власти, авторитета — это вѣче. Наиболѣе полная форма народного участія въ судѣ — это судъ общенародный, судъ вѣчевой. Сначала вѣчу принадлежало право участія во всякомъ судѣ. Несмотря на то, что на вѣчѣ судилъ собственно князь, бояре, старѣйшины и добрые люди, всѣ же прочіе участники вѣча ограничивались болѣе или менѣе пассивнымъ присутствіемъ при такомъ судѣ, — вѣчевая форма суда имѣла слишкомъ много недостатковъ и потому постепенно все болѣе и болѣе ограничивалась: уже Псковская Судная Грамота запрещаетъ судить на вѣчѣ. Вѣчевой судъ сохраняется только, какъ судъ особаго народного собранія, такъ называемой, „копы“. Участіе же народа въ судебной дѣятельности выражается въ формѣ болѣе ограниченной; но, все же, это — народное участіе, и въ лицѣ добрыхъ людей община пріобрѣтаетъ не новый органъ проявленія ея самостоятельности, а сохраняетъ только часть того, что гораздо шире и въ гораздо большей степени принадлежало издавна всему мѣстному населенію.

Русская Правда, этотъ древнѣйшій памятникъ отечественнаго права, конечно нигдѣ не говоритъ прямо о томъ, что судъ производится „передъ судьями и передъ добрыми людьми“. Но можемъ ли мы, даже руководствуясь единственно только ея свидѣтельствами, представить себѣ хоть одинъ актъ процесса, который бы происходилъ безъ добрыхъ людей, въ которомъ бы такіе люди не принимали самаго дѣятельнаго участія? — Конечно, не можемъ.

Весь процессъ Русской Правды въ различныхъ стадіяхъ своихъ всегда развивается при самомъ дѣятельномъ участіи постороннихъ лицъ — „людей“. Люди указываютъ, ловятъ („а кто изималъ, тому 10 рѣзанъ“) и выдаютъ обвиняемаго („за разбоиника люди не платятъ, но выдабоудутъ самого“); при людяхъ вызываетъ истецъ отвѣтчика на судъ; они необходимыя свидѣтели договора сторонъ о спорномъ дѣлѣ, о судѣ и

срокъ явки къ суду; передъ ними же на торгу совершается „заповѣдь” или „закличь”, которой начинается процессъ по искамъ вещнымъ; они фигурируютъ въ качествѣ „пороучниковъ” до свода, а затѣмъ самый сводъ совершается непременно при людяхъ; при гоненіи слѣда мы видимъ опять людей и не только постороннихъ членовъ общины, но и представителей истца („а слѣдъ гонить съ чюжими людьми и съ послухы”); на судѣ люди необходимы, какъ неизбежные пособники тяжущихся; они помогаютъ исполненію приговора, а въ опредѣленныхъ случаяхъ отвѣчаютъ и сами вмѣсто преступника или вмѣстѣ съ преступникомъ; притомъ роль людей, во всѣхъ случаяхъ въ высшей степени самостоятельная, часто имѣетъ рѣшающее значеніе, а потому о нихъ говорится, что они судятъ: „а тѣ тяжи вси соудать съ послухы съ свободными” ¹⁾).

II.

Если въ памятникахъ XI, XII, XIII и XIV вв., а равно и въ законодательныхъ актахъ Новгорода и Пскова свидѣтельства объ участіи въ судѣ народныхъ представителей не отличаются ни полнотой, ни достаточной опредѣленностью, такъ что и до настоящаго времени не исключается еще возможность для нѣкоторыхъ сомнѣній и разногласій въ пониманіи тѣхъ или другихъ мѣстъ Русской Правды, Договоровъ съ Нѣмцами или Судныхъ Грамотъ, а недавно даже у лучшихъ историковъ нашего права могло сложиться убѣжденіе о какъ бы искусственномъ и сравнительно позднемъ возникновеніи этого института въ формѣ, такъ называемыхъ, „судныхъ мужей”; — то, напротивъ, свидѣтельства памятниковъ послѣдующихъ столѣтій представляются и достаточно полными, и достаточно разнообразными. На протяженіи всего XV, XVI и отчасти даже XVII вв. въ законахъ и въ разныхъ юридическихъ актахъ сохранились многочисленныя указанія и постановленія, нерѣдко замѣчательныя по своей опредѣленности, точности и обстоятельности.

¹⁾ О значеніи послуховъ, какъ постороннихъ добрыхъ людей, см. Г. В. Демченко, Притомные люди и копная сторона. Варшава, 1899.

Въ XV столѣтіи появляются первыя общія постановленія законодательства, предписывающаго не судить никакого суда безъ участія добрыхъ или лучшихъ людей. Въ это же время впервые встрѣчаются довольно многочисленные судебные акты (правыя грамоты, безсудныя грамоты, судныя списки, докладные списки и т. п.), въ которыхъ неоднократно упоминается о судныхъ мужахъ, присутствующихъ при разбирательствѣ дѣла въ судѣ. Такого рода указанія въ судебныхъ актахъ XV в. мы находимъ задолго еще до появленія общихъ на этотъ предметъ постановленій законодательства. Напримѣръ, объ участіи народныхъ представителей въ судѣ говорятъ грамоты 1401, 1404, 1421, 1422, 1424, 1428, 1430, 1444, 1454, 1457, 1462, 1476, 1483, 1484, 1485 г.г. Между тѣмъ первыя общія постановленія законовъ появляются только въ самомъ концѣ столѣтія — сперва въ уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488 года, потомъ въ Судебникѣ 1497 года.

Уставная Бѣлозерская грамота предписываетъ: „А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотцковъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ”.

Подобное же постановленіе содержится въ Судебникѣ 1497 г.: „А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворьскому, и старостѣ, и лутчимъ людямъ; а безъ дворского и безъ старосты, и безъ лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити”.

Наконецъ, подобное же постановленіе мы встрѣчаемъ и въ 1499 г. въ уставной грамотѣ литовскаго великаго князя Александра, данной Полоцкимъ боярамъ и мѣщанамъ. Опредѣляя границы дѣйствія суда по Магдебургскому праву, данному Полоцкимъ мѣщанамъ, грамота эта точнѣе устанавливаетъ случаи, когда намѣстникъ Полоцкій судитъ, руководствуясь правомъ городскимъ, а не нѣмецкимъ. Именно, по городскому праву разрѣшаются дѣла о спорной землѣ („земляныя дѣла”), о нарушеніи и поврежденіи межъ, всѣ обидныя земскія дѣла съ сосѣдями изъ Новгорода, Пскова, Лукъ и

изъ земель Нѣмецкихъ и разнаго рода тяжбы мѣстныхъ бояръ или ихъ людей. Вел. кн. Александръ предписываетъ: „Тыи суды маєть судити намѣстникъ нашъ Полоцкій съ старшими бояры Полоцкими”.

Одновременно съ этими постановленіями памятниковъ законодательства почти отъ каждаго года конца XV в. сохранились судебные акты, въ которыхъ говорится о мужахъ, присутствующихъ при судебномъ разсмотрѣніи самыхъ разнообразныхъ дѣлъ. Можно назвать рядъ актовъ и грамотъ отъ 1490, 1491, 1493, 1494, 1495, 1496, 1497, 1498 и 1499 гг. ¹⁾.

Слѣдующее затѣмъ XVI столѣтіе является самымъ замѣчательнымъ и самымъ богатымъ по числу сохранившихся постановленій законодательства и свидѣтельствъ разныхъ юридическихъ актовъ, касающихся изучаемаго вопроса. Такое изобиліе постановленій и свидѣтельствъ объясняется, конечно, тѣмъ, что XVI вѣкъ и для Руси Литовской, и для Руси Московской былъ вѣкомъ усиленной законодательной дѣятельности. Законъ теперь закрѣпляетъ въ письменной формѣ какъ нововведенія, вызываемыя требованіями жизни, такъ и старые обычаи или даже старые законы, которые однако же не сохранились и до насъ не дошли ²⁾. Къ тому же именно въ это время развивается усиленное примѣненіе письменности въ судѣ, а потому и судебные акты отъ разсматрива-

¹⁾ Приводимыя въ текстѣ указанія не имѣютъ въ виду исчерпать всѣхъ свидѣтельствъ памятниковъ объ участіи населенія въ судѣ (да такое исчерпывающее обозначеніе ихъ было бы довольно случайнымъ, такъ какъ любое новое изданіе актовъ можетъ сдѣлать его полноту мнимой). Важно уловить и показать на примѣрахъ, такъ сказать, основные столбы или этапы развитія изучаемаго института, а не составлять простой реестръ или перечень всего изданнаго историческаго матеріала.

²⁾ Многія уставныя земскія грамоты являются только повтореніемъ грамотъ болѣе старыхъ—первой половины прошлаго XV в. или даже конца XIV в. (напр., Полоцкая грамота). Ниже мы увидимъ, что такое обиліе свидѣтельствъ объ участіи народныхъ представителей въ судѣ въ XVI в. отнюдь не доказываетъ, что именно въ это время разсматриваемый институтъ получилъ какое-то особенное по сравненію съ прежнимъ временемъ распространеніе и какую-то особенную силу.

емой эпохи сохраняются, сравнительно съ прежнимъ временемъ, въ огромномъ количествѣ.

Что касается памятниковъ законодательства, то объ участи населенія въ судѣ говорятъ въ теченіе первой половины XVI в. уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства (1501—1511 гг.) ¹⁾ и уставныя намѣстничьи грамоты Московскаго государства (1506—1553 гг.); во второй половинѣ XVI в. очень полныя постановленія содержатся въ Московскихъ губныхъ грамотахъ (1539—1592 г.г.) и въ Московскихъ уставныхъ земскихъ грамотахъ (1551—1561 гг.). Постановленія всѣхъ этихъ грамотъ касаются только отдѣльных мѣстностей и земель русскихъ. Они обобщены въ Литовскомъ Статутѣ (1529, 1566, 1588 г.г.), въ Судебникахъ 1550 и 1589 г.г. и въ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа (приблизительно 1555—1631 гг.), а отчасти и въ Стоглавѣ 1551 г.

Такимъ образомъ, въ теченіе XVI в. не проходитъ ни одного десятилѣтія безъ того, чтобы не состоялось нѣсколькихъ постановленій (иногда такія постановленія издаются ежегодно и даже еще чаще, напр., за десятилѣтіе отъ 1550—1560 гг. имѣется тринадцать постановленій), такъ или иначе касающихся вопроса о народныхъ представителяхъ въ судѣ, объ ихъ значеніи, организаціи и дѣятельности.

Что касается уставныхъ земскихъ грамотъ Литовско-русскаго государства, то уже старѣйшая изъ нихъ ²⁾, данная Бѣльскому повѣту въ 1501 г. и подтвержденная въ 1563 г. ³⁾, говоритъ объ исполненіи судебного приговора при участи представителя судебной власти и „двухъ земляниновъ“. Волынская грамота 1501 г. (подтверждена въ 1509 г.) предписываетъ: „А князя и пана и землянина ста-

¹⁾ Объ уставной грамотѣ Жмудской Земли 1492 г. не упоминается, такъ какъ въ ней о добрыхъ людяхъ ничего не сказано.

²⁾ Можно говорить, конечно, только о редакціяхъ, дошедшихъ къ намъ. Первоначальныя грамоты въ большинствѣ случаевъ утрачены и время ихъ выдачи не можетъ быть установлено съ точностью.

³⁾ Фактъ существованія подтвердительной уставной земской грамоты Бѣльскаго повѣта установленъ М. Н. Ясинскимъ.

ростѣ и намѣстникомъ нашимъ одному ихъ не судити, маеть при собѣ посадити князей и пановъ и земянъ, тоже маеть его зъ ними судити“; на ярмаркахъ „людей ихъ (т. е. людей мѣстныхъ или прїѣзжихъ шляхтичей) одинъ намѣстникъ не маеть судити, маеть тотъ, чїй человекъ, судью собѣ зъ свое руки посадити, которого земянина обравши“. Витебская грамота 1503 г. (подтверждена въ 1509 г.) обязываетъ воеводу судить, „досмотрѣвши права съ князи и зъ бояры и зъ мѣщаны“. Также и въ Смоленскѣ по уставной грамотѣ 1505 г., подтвержденной въ 1514 г., на судѣ намѣстника присутствуетъ окольничїй и „иншіе врядники“. По Киевской грамотѣ 1507 г. (подтверждена въ 1529 г.) воевода судить „сѣдшы съ князи и съ бояры кїевскими“. Наконецъ, въ Полоцкѣ по уставной грамотѣ 1511 г. (подтверждена въ 1547, 1580, 1593 и 1634 гг.) предписано „воеводѣ полоцкому мѣщанъ одному не судити, судити ему съ бояры и мѣщаны“, а также „виновнаго казнити съ Полочаны по испросу“.

На ряду съ уставными земскими грамотами Литовско-русскаго государства здѣсь можно упомянуть еще о жалованной грамотѣ, данной Мстиславской и Радомской шляхтѣ въ 1551 г. и содержащей извѣстное уже намъ предписаніе: „старостове наши мають завжды зъ боярь шляхты повѣту тамошнего двухъ albo трехъ боярь старшихъ при той справѣ съ собою мѣти и посполь зъ ними ихъ судити, а меншъ двухъ особъ шляхты старшое при собѣ не маючи, не маеть некоторыхъ судовъ самъ одинъ справовати, и конца не чинити“.

Въ уставныхъ намѣстничьихъ грамотахъ Московскаго государства обыкновенно предписывается безъ старостъ и безъ лучшихъ людей или цѣловальниковъ суда не судить: такъ, по Артемоновской (1506 г.) и Переяславской грамотамъ (1506 г., подтверждена въ 1539, 1584, 1601 гг.) волостели и ихъ тіуны не могутъ судить „безъ старосты и безъ лучшихъ людей“; по Каменской грамотѣ 1509 г. приказано „безъ дворьскаго и безъ лучшихъ людей ловчему и его тіуну суда не судити никаково“; по Моревской грамотѣ 1530 г.

(подтверждена въ 1535, 1584, 1598 гг.) судить непременно нужно съ участіемъ „добрыхъ людей“; затѣмъ грамоты Онежская 1536 г. (подтверждена въ 1552, 1585, 1607 гг.) и Андреевская 1544 г. повторяютъ постановленія грамотъ Артемоновской и Переяславской. Въ 1542 г. в. кн. Иванъ Васильевичъ жалуетъ Керетчанъ и Ковдянь и предписываетъ своимъ данщикамъ и слободчикамъ судить ихъ не иначе, какъ съ участіемъ специально избранныхъ для того цѣловальниковъ. Такіе цѣловальники вводятся также грамотами Двинской (1547 — 1556 гг.), Пермской (1553 г.) и Уст.-Желѣзнопольской (1614 г.), при чемъ послѣднія двѣ говорятъ и о другихъ лицахъ, которыя присутствуютъ на судѣ, именно: въ Перми намѣстникъ и его тіунъ „безъ цѣловальниковъ и безъ старость и безъ лутчихъ людей суда не судить“, а на Устюжнѣ „учнетъ каковъ судъ судити волостель или его тіунъ, и на судѣ у нихъ сидятъ дворскій Устюженскій и тѣ цѣловальники, и сотской, и дьячки земскіе, а безъ дворского и безъ цѣловальниковъ, и безъ сотского и безъ дьячковъ земскихъ суда не судятъ“.

Цѣловальники вводятся и въ губныхъ учрежденіяхъ. Впрочемъ, одновременно съ цѣловальниками старѣйшія губныя грамоты называютъ и другихъ лицъ, которыя принимаютъ участіе въ судѣ на ряду съ губными головами. Именно въ періодъ времени между 1539 — 1549 г.г. вмѣстѣ съ губными головами судятъ старосты, сотскіе, десятскіе, лучшіе люди, дворскіе и цѣловальники. Послѣ 1549 г. упоминается только о губныхъ цѣловальникахъ.

Что касается первой изъ указанныхъ группъ губныхъ грамотъ, то Бѣлозерская и Каргопольская грамоты (1539 г.) предписываютъ „учинить въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости челоуѣкы три или четьре, да съ ними старость, и десятцкихъ, и лутчихъ людей, крестіянъ челоуѣкъ пять или шесть“. По Солигаличской грамотѣ 1540 г. такіе лучшіе люди стоятъ у пытки вмѣстѣ съ дворскимъ и цѣловальниками; по видимому, они же скрѣпляютъ своей подписью судебные протоколы: „которые у васъ городскіе люди грамотѣ умѣють, и

тѣбѣ люди къ тому списку руки свои прикладывали”. Губная грамота, выданная Троицко-Сергіевскому монастырю въ октябрѣ 1541 г., уполномочиваетъ приказчиковъ и крестьянъ (по грамотѣ 1586 г. это не всѣ крестьяне, а именно старосты и цѣловальники) „лихихъ людей, татей и разбойниковъ, обыскивати, и управа и казнѣ чинити”, а на пыткѣ предписывается быть, кромѣ приказчиковъ, дворскимъ и цѣловальникамъ; вѣроятно, участвуютъ и другіе люди, такъ какъ далѣе говорится—въ одномъ мѣстѣ: „которые люди у васъ грамотѣ умѣютъ, и тѣ бы люди къ тому списку руки свои прикладывали”,—и въ другомъ мѣстѣ: „а случится Троицкимъ Сергіева монастыря со княжими и боярскими и съ кѣмъ нибуди, а крестьяномъ и съ городскими людьми и съ волостными и селчаны съ митрополичьи и со владычными дѣло каково въ розбойномъ дѣлѣ, и безъ Троицкихъ прикащиковъ, по губскимъ грамотамъ, и безъ сотскихъ и безъ десятскихъ не судити ни въ каковѣ дѣлѣ, а Троицкимъ приказникомъ и крестьяномъ безъ городскихъ и безъ волостныхъ людей, и безъ митрополичьихъ и безъ владычныхъ не судити жѣ вобчихъ дѣлъ никакихъ”. Въ ноябрѣ того же 1541 г. Троицко-Сергіевскій монастырь получилъ другую губную грамоту, которая, повторяя предписанія о вобчихъ судахъ и о подписи протоколовъ, предписываетъ вообще „учинить приказчики въ головахъ, выбравъ старость, и сотскихъ, и десятскихъ (и) ¹⁾ лучшихъ людей, которые бѣ были собою добры и къ нашему дѣлу пригожи“.

Если до 1549 г. въ организаціи губныхъ учрежденій замѣчаются еще нѣкоторыя колебанія и нѣкоторая неустановленность (между прочимъ они пользуются услугами земскихъ дьячковъ), то въ послѣдующее время губныя грамоты очерчиваютъ ихъ составъ довольно однообразно: органы губной полиціи—сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе; органы губного суда—губные старосты и губные цѣловальники; письмоводителемъ явля-

¹⁾ При подобныхъ перечисленіяхъ союзъ „и“ употребляется въ другихъ мѣстахъ этой же грамоты, напр., при упоминаніи объ отпискѣ въ Москву о выборахъ: „а которыхъ приказщиковъ, и старость, и сотскихъ, и десятскихъ, и лучшихъ людей“...

ется губной дьячекъ. Въ губныхъ грамотахъ Кириловской 1549 г., Бѣлозерской 1571 г., Троицко-Сергіевской 1586 г. (подтверждена въ 1601, 1605, 1612 гг.) и Троицко - Сергіевской 1587 г. (приблизительно), а также въ грамотѣ Вещеозерской и Чаронской 1592 г. (подтверждена въ 1618 г.) — вездѣ почти мы находимъ однообразное предписаніе: „велѣлъ у нихъ быти у разбойныхъ и у татинныхъ дѣлъ губнымъ старостамъ, да съ ними губнымъ цѣловалникомъ и губнымъ дьячкомъ”. Только въ губной грамотѣ Троицко-Сергіева монастыря 1586 г. сказано менѣе опредѣленно, чтобы „всѣмъ крестьяномъ vybrati у себя приказщиковъ, и старостъ, и цѣловалниковъ, и сотскихъ, и пятидесятскихъ, и десятскихъ, да имъ же учинити въ тѣхъ селѣхъ у себя приказщиковъ, губныхъ цѣловалниковъ и дьячковъ”. Эти именно приказчики, губные цѣловальники и дьячки являются основными представителями губной власти въ предѣлахъ земель Троицко-Сергіева монастыря. Однакоже у записки разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ сидятъ кромѣ того выборные старосты, о которыхъ упоминается и въ другихъ случаяхъ: „да которые въ старостахъ и въ цѣловалникѣхъ грамотѣ умѣютъ, и тѣмъ къ татиннымъ и къ разбойнымъ дѣломъ руки свои прикладывать”; при разрѣшеніи вобчихъ дѣлъ „приказникомъ, и старостамъ, и цѣловалникомъ о тѣхъ дѣлѣхъ межъ себя зсылатися съ (чужими) приказчики, и судити и сыскивати тѣхъ дѣлъ вмѣстѣ, а однимъ Сергіевскимъ приказникомъ, и старостамъ, и цѣловалникомъ въ обчихъ татинныхъ и въ разбойныхъ дѣлѣхъ не судити и не сыскивати”.

Въ уставныхъ земскихъ грамотахъ Московскаго государства также всегда отмѣчается участіе въ судѣ добрыхъ людей или цѣловальниковъ. Самая ранняя грамота, данная крестьянамъ Плесской волости въ 1551 г.¹⁾, говоритъ объ этомъ такъ: „А кому будетъ до кого дѣло тое жъ волости

¹⁾ Впервые напечатана М. А. Дьяконовымъ въ 1895 г. (Ж. М. Н. П., кн. IV). М. Ф. Владиміръскій-Будановъ не считаетъ возможнымъ относить эту грамоту къ числу уставныхъ земскихъ грамотъ.

крестьяномъ межъ себя, ино имъ управу чинять ихъ же волости староста да цѣловалники, кого собѣ изберуть всею волостью; а розбойничѣ и татины дѣла Плесскіе волости старостѣ и цѣловалникомъ судити и управивати по губной грамотѣ". Важская грамота 1552 г. „на судѣ, и въ обыску, и во всякихъ дѣлѣхъ у излюбленныхъ головъ" предписываетъ быть „посадскимъ людямъ и становымъ и волостнымъ лутчимъ людямъ ¹⁾, колкимъ будетъ пригоже"; эти же люди сидятъ и „у записки судныхъ, обыскныхъ и всякихъ дѣлѣ", которая поручена земскому дьяку. Переяславская грамота 1555 г. (подтверждена въ 1601, 1618, 1677 гг.), грамоты Усецкихъ и Заецкихъ волостей крестьянамъ, а равно Соли Переяславской посадскимъ людямъ (того же времени) ²⁾ содержать однородныя постановленія: „А цѣловалниковъ, кому у нихъ (старостѣ) въ судѣ сидѣти и на розыскѣ быти, и діаковъ земскихъ, кому у нихъ судныя дѣла писати, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давати и на судѣ ставити, vybrати имъ у себя, кого межъ себя излюбить въ волостныя люди, кому бѣ у нихъ мочно съ выборными старостами въ тѣхъ волостяхъ въ судѣ быти"; за неправосудіе цѣловальникамъ грозитъ смертная казнь „безъ отпросу".

Въ 1555 г. (царскій указъ и Переяславская грамота) и въ 1556 г. по приговору царя и бояръ земское самоуправленіе вводится во всѣхъ областяхъ: „повелѣ царь и государь въ городахъ и волостяхъ разчинити старосты, и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятекіе, чтобъ разсуждати въ разбояхъ и татѣбахъ всякія дѣла". Однако выдача уставныхъ земскихъ грамотъ не прекращается и послѣ этого времени.

Въ 1556 г. издается Двинская грамота, которая повторяетъ предписаніе грамоты Важской: „А на судѣхъ и въ

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ грамоты эти же лучшіе люди названы сотскими и пятидесятскими: „излюбленные головы и лутчіе люди, соткіе и пятидесяткіе, оброковъ сполна не привезутъ...". Ср. ниже приговоръ царя и бояръ 1556 г.

²⁾ Впервые напечатана С. Н. Шумаковымъ въ 1895 г. въ его собраніи губныхъ и земскихъ грамотъ Московскаго государства.

обыскѣхъ и во всякихъ дѣлѣхъ, у выборныхъ судей, колмогорцемъ посадскимъ людямъ и волостнымъ быти лутчимъ людямъ”; „судные и обыскные и всякіе дѣла у выборныхъ судей записывати земскимъ діакомъ, а у записки у всякихъ дѣлъ сидѣти выборнымъ судьямъ и лутчимъ людямъ”. Кромѣ лучшихъ людей упоминаются и цѣловальники, которымъ предписывается вмѣстѣ съ судьями, сотскими, пятидесятскими, десятскими „беречи накрѣпко, чтобы тѣмъ колмогорцемъ посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьяномъ силъ и обидъ и продажъ безлѣпныхъ не было”, и которые подписываютъ судебные протоколы — „суда своего и обысковъ списки съ своими приписми и съ цѣловальниковыми и лутчихъ людей руками, (выборные судьи) присылаютъ къ намъ въ Москву”. Изданныя затѣмъ три судныя грамоты (Подклѣтнымъ крестьянамъ 1556 г., Вохонская 1561 г., Уст.-Желѣзнопольская 1614 г.) и уставная Шуйская грамота 1606 г. (подтверждена въ 1615/16 г.) хотя и упоминаютъ вскользь о цѣловальникахъ ¹⁾, но для суда требуютъ только присутствія лучшихъ крестьянъ: „А въ судѣ, и у записки у всякихъ дѣлъ, у губныхъ старостъ и у излюбленныхъ судей, сидѣти волостнымъ лутчимъ крестьяномъ; а судные и обыскные списки и всякіе дѣла губнымъ старостамъ и излюбленнымъ судьямъ и лутчимъ крестьяномъ велѣти писати діакомъ земскимъ передъ собою да къ тѣмъ запискамъ губнымъ старостамъ и излюбленнымъ судьямъ и лутчимъ крестьяномъ, которые грамотѣ умѣютъ, руки прикладывати”. Подобныя предписанія во всѣхъ четырехъ только что названныхъ грамотахъ повторяются почти дословно. Наконецъ, остается упомянуть о послѣдней уставной земской грамотѣ, которая, подобно Шуйской, уже выходитъ за предѣлы XVI вѣка: мы имѣемъ въ виду грамоту Устьянскую 1622 г. (подтверждена въ 1646, 1676, 1682 гг.). Грамота эта воспроизводитъ извѣстные уже намъ постановленія трехъ грамотъ 1555 г., пред-

¹⁾ Именно, грамоты Подклѣтнымъ крестьянамъ и Вохонская, а также подтвердительная Шуйская 1615 г. Послѣдняя называетъ цѣловальниковъ судьями.

писывая цѣловальникамъ сидѣть на судѣ у излюбленныхъ старость и угрожая имъ смертной казнью за неправосудіе.

Кромѣ уставныхъ земскихъ грамотъ Московскаго государства объ участіи въ судѣ добрыхъ людей въ концѣ XVI в. говорятъ еще и нѣкоторые другіе памятники юридическаго быта, напр., уставная грамота Соловецкаго монастыря, данная въ 1561 г. принадлежащимъ ему крестьянамъ и предписывающая „судити приказнику, а съ нимъ быти въ судѣ священнику да крестьяномъ пятма или шестма добрымъ и среднимъ“. Сюда же относится наказъ управителю Заонежскихъ погостовъ 1598—1605 гг., на котораго налагается обязанность „въ судѣ велѣти съ собою быти тѣхъ погостовъ старостамъ и цѣловальникомъ и волостнымъ лутчимъ людемъ, челоуѣкомъ пятма или шестма“.

Всѣ эти отрывочныя и крайне разбросанныя постановленія были обобщены въ теченіе XVI вѣка въ отдѣльныхъ статьяхъ уложеній того времени. XVI вѣкъ отличается оживленной дѣятельностью законодателей, которые стремятся собрать и кодифицировать по возможности все дѣйствующее право. Въ это время въ Литовской Руси составляется извѣстный Статутъ, который послѣдовательно выдерживаетъ три исправляемыя и пополняемыя изданія (редакціи) 1529, 1566, 1588 гг. Въ Московской Руси перерабатывается и вновь издается старый Судебникъ въ 1550 г., а также набрасывается проектъ Судебника 1589 г.; затѣмъ постепенно составляется Уставная Книга Разбойнаго Приказа на основѣ Разбойнаго Устава 1555 г. (приблизительно) и дѣлается попытка кодифицировать право церковное (Стоглавъ 1551 г.). Эти уложенія и проекты законодательныхъ сводовъ касались весьма подробно вопросовъ тогдашняго судоустройства и судопроизводства, а потому не могли оставить безъ вниманія и вопроса о народномъ участіи въ судѣ. Въ своихъ постановленіяхъ они отчасти обобщали то, что уже существовало въ обычай или въ отдѣльныхъ и отрывочныхъ законоположеніяхъ, отчасти же вносили и кое-что новсе. Однако же ихъ постанов-

ленія исчерпывающаго значенія не имѣли, такъ какъ законы по многимъ вопросамъ содержали значительные пропуски и пробѣлы, восполнять которые предоставлялось судебной практикѣ.

Литовскій Статутъ 1529 г. упоминаетъ о „вижѣ“, который вмѣстѣ со стороной людей добрыхъ присутствуетъ при отдѣльныхъ актахъ процесса, передъ которымъ производится и самый судъ („абы учинилъ справедливость передъ вижомъ нашимъ або передъ владовымъ“) и который имѣетъ значеніе официального довѣреннаго свидѣтеля всего, что совершается передъ нимъ и въ его присутствіи („вижа никто пересветчити не можетъ“, „вижа жаденъ пересветчити не можетъ“). Кромѣ того Литовскій Статутъ 1529 г. говоритъ, что посторонніе добрые люди присутствуютъ на судахъ вотчинныхъ („панъ має подле себе сторону людей добрыхъ посадившы справедливость вчинити“) и что такіе люди принимаютъ участіе въ самыхъ различныхъ актахъ процесса ¹⁾.

Литовскій Статутъ 1566 г. упоминаетъ о присутствіи добрыхъ людей при тяжбахъ поземельныхъ: „Такъ тежъ кдѣ бы ся трафило о граниченъе о рѣчѣ важную вышей двадцати боцокъ земли, тогды судья або подсудокъ съ писаремъ у повѣтѣ, маючы при собѣ людей добрыхъ, а тую землю обѣхавшы, справовати, кончыти и ограничити мають“.

Наиболѣе полныя и обобщенныя постановленія содержатся въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г.

Здѣсь прежде всего имѣется одно общее предписаніе: „Стороне позволено съ шестма шляхѣтчиками прыходити до суду“, „до тое избы судовое входити маєть только наболей самъ осмѣ, то естъ самъ с прокураторомъ а зъ шестма

¹⁾ Литовскій Статутъ 1529 г. упоминаетъ еще о „панахъ земляныхъ присяжныхъ“. Установившееся въ литературѣ мнѣніе (Н. П. Загоскинъ, М. К. Любавскій и др. — всѣ, кто касался этого вопроса), которое сопоставляетъ „присяжныхъ земляныхъ“ рядомъ съ цѣловальниками Судебниковъ, совершенно ошибочно: Статутъ 1529 г. говоритъ не о судныхъ мужахъ, а создаетъ *правительственный* составъ замковаго суда, болѣе подробно описанный въ соответствующихъ постановленіяхъ Статута 1566 г. и Статута 1588 г.

приятель шляхтичами”¹⁾. Предписаніе это относится прежде всего къ судамъ земскимъ и городскимъ. Но добрые люди присутствуютъ и на судахъ комиссарскихъ, т. е. при каштелянахъ, маршалкахъ или судовыхъ старостахъ, которые всегда имѣютъ при себѣ „по две особе шляхетские людей добрыхъ, цнотливыхъ, веры годныхъ и у праве умеетныхъ”²⁾. По дѣламъ уголовнымъ, если преступленіе совершено на ярмаркѣ, потерпѣвшему предоставляется обвиняемаго „вести з вознымъ и зъ стороною”³⁾ где всхоцеть, албо до вряду нашого судового въ томъ же повете албо тежъ до пана того чий человекъ будетъ, и тамъ себе справедливости доводити”; при этомъ, если преступленіе совершено незначительное, а преступникомъ является человекъ прїѣзжій, то судить его предоставляется мѣстному вряду или пану: послѣдній „взявши к себе на тое право возного и двухъ шляхтичовъ земянъ нашихъ господарскихъ маеть такую речъ судити и сказовати и до заплаты винного у везенью держати”. Вообщѣ на вотчинныхъ судахъ по старому требуется присутствіе возного и стороннихъ людей—судья даетъ „судовый листъ” со своей печатью и съ печатью „людей сторонныхъ и возного, кото-

¹⁾ Въ Поправахъ Статутовыхъ 1566 г. говорится только о двухъ прїятеляхъ, которые однакоже не присутствуютъ „при вотованю”. Въ судебныхъ актахъ часто содержатся подробныя описанія всего производства дѣла предъ судомъ, и въ такихъ случаяхъ отмѣчается, что прїатели разсматриваютъ дѣло совмѣстно съ судьями. Напр., „мы слуги господаря короля его милости Петръ Мицута — хоружий, а Миколай Шимковичъ Толочко — судьи повету Городенского, а при насъ были на тотъ часть сторона Андрея Свирского (отвѣтчика) панъ Марко, а панъ Михайло Гринкевичи, а князь Михайло Масальскій—дворане господарские, панъ Кгабриаль Григорьевичъ, а панъ Семень Павловичъ — земяне господарские повету Городенского, смотрели есмо того дела...”. Здѣсь, какъ видимъ, „сторона” Андрея Свирскаго состоитъ изъ пяти прїателей, которые вмѣстѣ съ судьями „смотреть того дела”. Поэтому понятно, что такая „сторона людей добрыхъ” иногда просто называется „сторона судей”, напримѣръ: „А вшакже которая сторона судей видячы кого близшого ку доводу а фолкуючы стороне противной сказати нехотели...”.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ случаяхъ истцу предоставляется выставять при комиссарахъ трехъ шляхтичей: „стороне жалобной волю будетъ з стороны своее трехъ особъ шляхетского народу узять”.

³⁾ Сторона—это сторонніе люди. Ср. Статутъ 1529 г., VI/35.

рые бы на томъ правѣ были". Также судъ надъ „службой“ панъ производить въ присутствіи вознаго и двухъ или трехъ шляхтичей. Наконецъ, при отдѣльныхъ моментахъ судопроизводства постоянно предписывается быть или присутствовать добрымъ людямъ: напр., при оказаніи гвалта, при гоненіи слѣда, при производствѣ обыска добрые люди встрѣчаются непременно; на „шкрутыніумъ“ (слѣдствіе) выѣзжаютъ судьи, которые „мають при собе мети вознаго и колку шляхтичовъ людей добрыхъ веры годныхъ, принажней троухъ особъ, ни одной стороне в праве томъ стоячей неповинныхъ". Вообще же возный (вижъ) всегда дѣйствуетъ въ присутствіи по крайней мѣрѣ двухъ постороннихъ лицъ (людей, шляхтичей), исключеніе составляютъ дѣла маловажныя.

Въ уложеніяхъ Руси Московской встрѣчаются даже постановленія, имѣющія болѣе общій и систематическій характеръ.

Прежде всего Судебникъ 1550 г. Въ немъ обобщено содержаніе уставныхъ намѣстничьихъ грамотъ и принятъ институтъ судебныхъ цѣловальниковъ. Добрые люди, дворскіе, старосты и цѣловальники получаютъ названіе „судныхъ мужей“. Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемъ предписанія:

„А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ судити, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ; а на судѣ у нихъ и у ихъ тиуновъ быти, гдѣ дворской, дворскому, да старостѣ и лучшимъ людямъ, цѣловальникомъ... А безъ дворского и безъ старосты и безъ цѣловальниковъ намѣстникомъ и ихъ тиуномъ суда не судити; а гдѣ дворского нѣтъ, и прежь сего не бывалъ, ино быти въ судѣ, у намѣстниковъ и у ихъ тиуновъ, старостѣ да цѣловальникомъ". Въ другомъ мѣстѣ эта же мысль выражена такъ: „А которому намѣстнику данъ въ кормленіе городъ съ волостями, или даны въ кормленіе волости, а въ которыхъ волостѣхъ напередъ сего старость и цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цѣловальникомъ... А безъ старосты и безъ цѣловальниковъ намѣстникомъ и волостелемъ, за которыми кормленія съ боярскимъ судомъ и за которыми кормленія безъ боярского суда, и ихъ тиуномъ, тако жъ не

судити". Крім того, при окремих моментах процесу в частині неоднократно відзначається присутність різних рядів місцевих добрих і кращих людей.

Судебник 1589 г. називає сотських і ціловальників „судними или судецкими товарищами". В ньому постановлення Ц. Судебника не тільки поповнюються і розвиваються, частіше повторюються майже буквально. „А бояромъ и детем боярскимъ судити, за которыми кормленіе, а на суде у нихъ бытъ дворянскому, да старосте; и лутчимъ людямъ, да целовальнику; а судные писати земскимъ дьякомъ, а старостамъ и целовальникомъ к темъ спискамъ руки прикладывати". — „А которому намеснику дано в кормленіе городъ с волостями, а прежде того в техъ волостяхъ староста не было и целовальниковъ, и ни въ бытъ по всей моеи землі по городомъ и по волостемъ бытъ старостамъ и ціловальникомъ, і в суде имъ с намесникомъ и судією сидити. А суд писати земському дьяку. А безъ целовальника ніяко же не судити. А посуловимъ отъ того не имати". — „А суднимъ товарищемъ, целовальнику и сотскому, опричдіяка, всімъ отвѣчати передъ темъ судією, с кемъ в годъ судятъ; а не учнутъ отвѣчати, и ихъ винити, а судіє в то мѣсто садити людей добрихъ". — „А по гедрву приговору двумъ судьямъ на землю не ѣхати, одному судіє да целовальнику с нимъ верьному и старосте волосному и людямъ добрымъ".

Постановленія губнихъ грамотъ обобщені в Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа: „губнимъ ціловальникомъ съ губными старосты у дѣла бытъ по выборомъ сошныхъ людей". Разбойный уставъ Іоанна IV всецѣло усаиваєть організацію, прийнятую губними установами послѣ 1549 г.

Весьма своеобразны предписанія Стоглава 1551 г., которыя повторюються въ цѣломъ рядѣ наказовъ, изданныхъ на основаніи этого памятника и въ развитіє его постановленій.

Во-первыхъ, въ Стоглавѣ установленъ особый порядокъ для судовъ смѣшанныхъ: „А которымъ архимандритомъ, и игуменомъ, и попомъ и діакономъ, и всему причету церков-

ному искати своихъ обидъ на мирскихъ людѣхъ, и они просятъ за собою присадки у святителей и у властей, да предъ тѣми мирскими судіями, и предъ святительскими и властельскими судіями, и предъ священники десятицами, и предъ земскими старосты, которымъ велѣно въ судѣ быти, своихъ обидъ ищутъ”.

Во-вторыхъ, что касается судовъ собственно духовныхъ, въ которыхъ присутствуютъ добрые люди, то такими судами являются: судъ святительскихъ бояръ и судъ десятичниковъ. У святительскихъ бояръ сидятъ въ судѣ поповскіе старосты, пятидесятскіе и десятскіе священники, градскіе старосты и цѣловальники (а также земскій дьячекъ). У десятичниковъ предписывается „быти въ судѣ старостамъ земскимъ, и цѣловальникомъ, и земскимъ діаконъ... и старостамъ, и цѣловальникамъ съ тѣми (десятицами) священники, которые съ ними (десятичиками) въ судѣ сидятъ, и земскому діаку о томъ имъ говорить, чтобы судили въ правду и посуловъ не имали”.

Чтобы закончить обзоръ тѣхъ свидѣтельствъ объ участи народныхъ представителей въ судѣ, которыя сохранились отъ XVI столѣтія, остается упомянуть объ извѣстныхъ намъ судебныхъ актахъ, содержащихъ тѣ или другія указанія по изучаемому вопросу. Въ этомъ отношеніи XVI в. отличается особеннымъ богатствомъ, главнымъ образомъ его первая половина. Отъ первой половины столѣтія въ Московской Россіи имѣется нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе интересныхъ актовъ, относящихся къ 1500, 1501, 1502, 1503, 1505, 1505 — 1533, 1506, 1507, 1509, 1510, 1511, 1518, 1523, 1529, 1530, 1531, 1532, 1534, 1535, 1539, 1541, 1546, 1547, 1552, 1561, 1571, 1574, 1575 гг.; въ Литовской Россіи число такихъ актовъ значительно больше и достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ (къ 1508, 1534, 1553 гг.), причемъ большинство такихъ актовъ относится къ періоду времени отъ 1539—1542 гг. и отъ 1555—1570 гг.

Литовско-русскіе судебные акты особенно интересны, такъ какъ изображаютъ намъ обыденную дѣятельность судовъ того времени, какъ она проходила—дѣло за дѣломъ, день

за днемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ не случайно вырванныя единичныя рѣшенія или протоколы, а имѣемъ предъ собой живую картину всей судебной дѣятельности того или другого суда въ то или другое время и потому именно на основаніи такихъ данныхъ можемъ составить себѣ болѣе или менѣе полное представленіе какъ объ организаціи, такъ и о видоизмѣненіяхъ присутствія (коллегіи) судныхъ мужей, можемъ уяснить, какъ и почему одни и тѣ же судные мужи то появляются на судѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ, то, наоборотъ, и въ засѣданіи одного и того же дня составъ ихъ мѣняется при различныхъ дѣлахъ или даже при одномъ и томъ же дѣлѣ¹⁾.

Къ сожалѣнію литовско - русскіе акты этой эпохи, какъ мы сказали, подобно актамъ московскимъ, не всѣ имѣютъ равное значеніе для вопроса объ участіи народныхъ представителей въ судѣ: о судныхъ мужахъ говорятъ главнымъ образомъ акты первой половины XVI в. Напримѣръ, акты Гродненскаго замковаго суда 1539 — 1542 гг., помѣщенные въ XVII т. изданій Виленской Археографической Комиссіи, почти на каждой страницѣ отмѣчаютъ судныхъ мужей, присутствующихъ при разбирательствѣ дѣлъ въ судѣ; напротивъ, въ актахъ Гродненскаго земскаго суда за 1555 — 1558 гг., по-

¹⁾ Въ русской литературѣ было какъ-то высказано мнѣніе о томъ, что нецѣлесообразно издавать цѣлыя судебныя книги старыхъ актовъ, какъ дѣлаетъ Виленская Археографическая Комиссія, потому что подобныя изданія должны содержать только избранный и наиболѣе цѣнный историческій матеріалъ. Это, конечно, совершенно вѣрно. Но не можемъ не замѣтить, что изученіе нѣкоторыхъ вопросовъ возможно только при болѣе или менѣе полномъ изданіи всѣхъ дѣлъ одного и того же суда. Напримѣръ, въ нашемъ изслѣдованіи отдѣльный судебный актъ съ его обыкновенно краткими указаніями пріобрѣтаетъ цѣну не самъ по себѣ, а только при сопоставленіи съ десятками и сотнями другихъ актовъ — въ особенности, если они относятся къ дѣятельности опредѣленнаго суда и даютъ картину ея непрерывнаго теченія изо-дня въ день (актовые книги судовъ), такъ что, благодаря такому сопоставленію, ничего не говоряція имена Гринашей и Ивашекъ, о которыхъ записано только, что они „тутю сидѣли“, получаютъ опредѣленный и живой смыслъ, и въ смѣнѣ именъ передъ нами выступаетъ яркая картина того, какъ, почему и при какихъ условіяхъ слагалась коллегія народныхъ представителей того или другого состава, какъ долго она дѣйствовала и чѣмъ вызывались ея измѣненія.

мѣщенныхъ въ ХХІ т. изданій той же Комиссіи, прямыя указанія или даже только намеки на присутствіе въ судѣ добрыхъ людей встрѣчаются гораздо рѣже, и еще рѣже встрѣчаются они въ актахъ Слонимскаго земскаго суда, помѣщенныхъ въ ХХІІ т. изданій В. А. К. и относящихся къ 1555—1570 гг., т. е. ко времени изданія Литовскаго Статута второй редакціи (1566 г.). Можно даже вообще сказать, что чѣмъ ближе по времени относятся акты къ эпохѣ второго Статута, тѣмъ меньше говорятъ они объ участіи народныхъ представителей въ судѣ, хотя отрывочныя указанія на этотъ счетъ встрѣчаются въ актахъ Литовской Руси и въ теченіе второй половины ХVІ столѣтія.

Конечно, отмѣчаемое нами явленіе до нѣкоторой степени можетъ быть объясняемо простой случайностью, болѣе или менѣе случайнымъ подборомъ изданныхъ до настоящаго времени актовъ и судныхъ книгъ ¹⁾. Однакоже, надо полагать, существуютъ для его объясненія и болѣе глубокія причины, заключающіяся въ общихъ историческихъ условіяхъ того времени, которыя проявили свое дѣйствіе въ ХVІ в. и въ Руси Литовской, и въ Руси Московской, а позднѣе привели въ концѣ-концовъ къ полному исчезновенію изучаемой нами старой формы народнаго участія въ судѣ. Поэтому и расширяющееся со второй половины ХVІ в. и въ послѣдующее время массовое умолчаніе судебныхъ актовъ о добрыхъ людяхъ или судныхъ мужахъ, которые присутствуютъ при разбирательствѣ дѣла, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ такомъ упоминаніи уже не было нужды, такъ какъ или дѣло рѣшалось и вовсе безъ участія народныхъ представителей, или же роль ихъ все болѣе и болѣе умалялась и они изъ главныхъ дѣятелей суда („судей“) постепенно низводились на степень простыхъ зри-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что при занятіяхъ въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ и въ Литовской Метрицѣ (Московский Архивъ Министерства Юстиціи) мы могли наблюдать подобное же явленіе, просматривая цѣлый рядъ еще не изданныхъ отдѣльныхъ актовъ, а равно и судныхъ книгъ, относящихся къ изучаемому времени и принадлежащихъ къ судамъ самыхъ различныхъ мѣстностей и разрядовъ.

телей и исполнителей второстепенных судебных поручений¹⁾. Въ действительности обнаруживалось какъ то, такъ и другое, разложеніе стараго процессуальнаго института шло въ обоихъ направленіяхъ и потому мало-по-малу въ большинствѣ случаевъ становилось возможнымъ вовсе не упоминать въ судебномъ актѣ о присутствіи какихъ-то добрыхъ людей или судныхъ мужей.

Къ начинающемуся упадку старой формы народнаго участія въ судѣ въ XVI в. приводили многія причины, главнымъ образомъ — постепенное вытѣсненіе обычая писаннымъ закономъ²⁾ и введеніе официальной письменности въ судопроизводство, а затѣмъ имѣли вліяніе, конечно, и болѣе общія измѣненія всей народной и государственной жизни. Всѣ эти обстоятельства проявили свое дѣйствіе въ полномъ объемѣ позднѣе, главнымъ образомъ уже въ XVII в., когда самый институтъ народнаго участія въ судѣ въ формѣ призыва на судъ добрыхъ людей или судныхъ мужей приходитъ въ полный упадокъ. Въ XVI в. можно отмѣтить однакоже возникновеніе своеобразныхъ промежуточныхъ формъ такого участія, которыя свидѣтельствуютъ какъ о признанной недостаточности стараго національнаго института, такъ и о необходимости придать ему устойчивую, официальную, правительственную оболочку и окраску.

¹⁾ Въ это время судебныя записи часто не упоминаютъ о добрыхъ людяхъ несмотря на то, что послѣдніе присутствуютъ и принимаютъ извѣстное участіе въ процессѣ. Ср. Г. В. Демченко, Къ вопросу объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древне-русскихъ судахъ. Кіевъ, 1903.

²⁾ Литовскій Статутъ 1529 г. уже въ первомъ артикулѣ своего раздѣла о судахъ говоритъ о томъ, что всѣ урядники „не мають подданныхъ нашихъ иначе судити и правовати лечъ тыми писаными правы, которыя есмо всимъ подданнымъ нашимъ великого Князства дали“. При недостаткѣ закона можно руководствоваться старымъ обычаемъ; но все-же законодатель желаетъ, чтобы потомъ „тые члонки“ были представлены ему на утвержденіе и затѣмъ „приписаны къ тымъ правамъ“. То же самое говоритъ и Судебникъ 1550 г.: „А впередъ всякіе дѣла судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, какъ царь и великій князь въ семъ своемъ Судебникѣ съ которого дни уложилъ“. Новыя же дѣла предписывается, по разрѣшеніи ихъ государемъ и боярами, „приписывати“ къ Судебнику.

Прежде всего представительство мѣстнаго населенія при правительственномъ органѣ судебной власти признается недостаточнымъ и не достигающимъ вполне поставленныхъ ему цѣлей. Поэтому преобразуются самые органы суда. Въ XVI в. по просьбѣ самого населенія („сполнѣ и одностайнѣ вси жадали и били намъ чоломъ“, какъ говоритъ Бѣльскій привилей 1564 г.) верховная власть „жалуетъ“ своихъ подданныхъ и въ самомъ законѣ точно опредѣляетъ новую организацію близкихъ къ населенію судовъ, учрежденіемъ которыхъ имѣется въ виду достигнуть улучшенія въ отиравленіи правосудія по „всей Русской земли“ („ку досконалшому захованью и порядку справедливости светое“, „ку розширенью большое вольности и осягненью прудьшое справедливости“ — ср. выраженія Бѣльскаго привилея 1564 г. и Литовскаго Статута 1588 г.). Такимъ образомъ къ великой „радости“ населенія (какъ говоритъ Псковская лѣтопись при описаніи судебной реформы 1541 г.: „и бысть крестьянамъ радость и лгота велика“) въ Московской Руси создаются въ это время губныя учрежденія и вводится земское самоуправленіе, такъ что мѣстный судъ какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ сосредоточивается у выборныхъ лицъ, излюбленныхъ представителей данной мѣстности. Въ Литовской Руси въ это же время учреждаются земскіе суды въ составѣ земскаго судьи, подсудка и писаря, избираемыхъ мѣстной шляхтой изъ числа „людей добрыхъ, побожныхъ, цнотливыхъ, годныхъ, в праве умеетъныхъ, писати умеющихъ, родичовъ того паньства великого князства, и въ томъ повете не ново незмышлене оселыхъ“. Хотя составъ замковыхъ судовъ иной, но все же въ это время законодатель организуетъ ихъ такъ, чтобы и въ нихъ дать мѣстному элементу извѣстное участіе и вліяніе: „Воеводы, и старосты, и державцы наши мают кожды у своем повете обрати двох земяниновъ людей добрых, а годныхъ веры и ку присязе привести а встановити тым обычаем: коли пан воевода и староста и державца нашъ сами за некоторыми справами нашими або земскими не поспешны будут которыхъ правъ судити, тогда тые два земянины весполѣкъ з заместники и

маршалки тых панов врадников наших мають того смотрети и то справовати...; а безъ тых пановъ земянъ присяжныхъ, естли бы обоихъ не было, тогда не маютъ наместникове ани маршалкове судити, нижли бы одинъ с тых земянинъ встави-чне при нихъ мелъ быти". Эти „присяжные земяне" Перваго Статута (впослѣдствіи названные „замковыми судьями") не-смотря на свое должностное званіе и вполнѣ официальное на-значение, все же являются какъ бы мѣстными представите-лями (изъ числа „шляхтичовъ, въ томъ же поветѣ оселыхъ и родичовъ того панства великого князства литовскаго") и въ самомъ законѣ противопоставляются „врадникамъ" въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Указанныя перемѣны въ устройствѣ органовъ судебной власти не могли уже сами по себѣ не повліять въ извѣстной степени на положеніе и значеніе прежнихъ добрыхъ людей или судебныхъ мужей. Разумѣется, роль народнаго представи-теля при судѣ правительственномъ, при урядникѣ или кор-мленщикѣ выдвигала на первый планъ иныя задачи и отноше-ніе его къ суду было иное, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось судить вмѣстѣ съ излюбленнымъ народнымъ судьей и когда *de facto* его вниманіе должно было сосредото-чиваться на иныхъ сторонахъ дѣла и на иныхъ вопросахъ судопроизводства. Фактическія условія дѣятельности должны были мало-по-малу привести къ перемѣнѣ и въ юридическомъ положеніи такого народнаго представителя въ процессѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и при старомъ судебномъ урядѣ посте-пенно народные представители получаютъ отчасти официаль-ное значеніе. Къ XVI в. въ Литовской Россіи слагается свое-образный институтъ вижей, которые въ эпоху Литовскихъ Статутовъ (впервые въ Бѣльскомъ повѣтѣ по уставной грамо-тѣ 1501 г.) замѣняются возными и служатъ предметомъ весь-ма многочисленныхъ опредѣленій и указаній въ различныхъ отдѣлахъ законодательства того времени. Въ Московской Рос-сіи вознымъ соотвѣтствуютъ, такъ называемые, цѣловальники

(судебные)¹⁾, должность которых получает особенное развитіе въ теченіе XVI в. Собственно о цѣловальникахъ вообще въ первый разъ упоминается въ Судебникѣ 1497 г. Затѣмъ мы встрѣчаемъ цѣловальниковъ на судѣ у тиуновъ Двинскихъ намѣстниковъ въ 1530—1532 гг., у намѣстниковъ и тиуновъ Новгородскихъ въ 1533 г., у тиуна Московскаго въ 1541 г., въ губныхъ учрежденіяхъ Солигаличскихъ 1540 г. и Троицкихъ 1541 г., въ Псковѣ въ томъ же 1541 г. на Керети и въ Ковдѣ въ 1542 г. и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ у данныхъ судей въ 1546 г. Съ половины XVI в. они вводятся общимъ образомъ въ губныхъ грамотахъ, во многихъ изъ уставныхъ земскихъ грамотъ и въ Царскомъ Судебникѣ, который предписываетъ:

„А въ которыхъ волостѣхъ напередъ сего старость и цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостѣхъ быти старостамъ и цѣловальникомъ. А случится кому изъ тѣхъ волостей передъ намѣстникомъ, или передъ волостелемъ, или передъ ихъ тиуны искати или отвѣчати: и въ судѣ быти у намѣстниковъ и у волостелей и у ихъ тиуновъ тѣхъ волостей старостѣ и цѣловальникомъ, изъ которые волости кто ищетъ или отвѣчаетъ”.

Появленіе института цѣловальниковъ вызывалось различными причинами.

Съ одной стороны, при несомнѣнномъ усложненіи общественныхъ отношеній и всей вообще жизни и при постепенномъ ослабленіи старыхъ общинныхъ и родовыхъ связей лучшіе люди начинаютъ тяготиться возлагаемой на нихъ обязанностью присутствія въ судѣ, начинаютъ всячески уклоняться отъ исполненія этой тяжелой повинности—тѣмъ болѣе, что она иногда оказывалась далеко не безопасной, такъ какъ старое право не знало апелляціи въ собственномъ смыслѣ

¹⁾ Отъ судебныхъ цѣловальниковъ должны быть отличаемы цѣловальники иныхъ разрядовъ, которые призывались къ отправленію различныхъ административныхъ, финансовыхъ и т. п. обязанностей. Впрочемъ случалось, что на однихъ и тѣхъ же цѣловальниковъ возлагались самыя разнородныя обязанности.

этого слова, и „просудившійся” судья самъ подвергался взысканіямъ и платилъ всѣ убытки. Сверхъ того и въ другихъ случаяхъ иногда предписывалось „взяти истцовъ искъ на судѣ и на судныхъ мужѣхъ, а пеню сверхъ того, что царь государь укажетъ”, или—какъ говорилъ Литовскій Статутъ объ отвѣтственности „стороны судей” — „а што обедве стороне на светки и на суди наложить, повинни будутъ тые суди сами оправовати”.

Съ другой стороны, представители усилившейся государственной власти, намѣстники и волостели, не затруднялись устранять тѣхъ представителей общины, которые являлись на судъ только въ силу обычая и притомъ не были облечены никакой специальной властью. Въ эпоху кормленій мѣстные представители государственной власти чувствуютъ себя гораздо самостоятельнѣе и независимѣе отъ населенія, чѣмъ это было раньше — въ то время, когда самъ князь долженъ былъ считаться съ могущественной силою и авторитетомъ вѣча. Поэтому намѣстники и волостели просто не допускаютъ на судъ лучшихъ людей, усматривая въ нихъ только лишнюю помѣху и преграду въ осуществленіи собственныхъ кормленческихъ цѣлей и интересовъ ¹⁾.

Произволу намѣстниковъ и волостелей нужно было противопоставить лицъ, облеченныхъ извѣстными правами въ силу болѣе или менѣе категорическихъ предписаній закона, который бы *ex officio* призывалъ ихъ къ участію въ судѣ. Таковыми лицами и являлись цѣловальники.

¹⁾ Жалобы о томъ, что представители правительственной власти „земскимъ людямъ на судѣ быти у себя не велятъ” раздаются въ Московской Россіи. Но съ подобными же фактами мы встрѣчаемся въ это же время отчасти и въ предѣлахъ Литовско-русскаго государства, напр., въ Смоленской Землѣ ловчій „новину ввелъ” и началъ самъ судить и рядить, „чогожъ съ давна не было”, такъ какъ по обычаю судъ принадлежалъ намѣстнику вмѣстѣ съ окольными и другими врядниками. Какъ мы уже знаемъ, нѣкоторыя уставныя земскія грамоты Литовско-русскаго государства (напр., Волынская 1509 г., Полоцкая 1511 г.) считаютъ необходимымъ специально воспретить воеводамъ и намѣстникамъ судить судъ безъ добрыхъ людей.

Вотъ почему право имѣть на судѣ цѣловальниковъ жалуется, какъ привилегія, какъ милость, и о введеніи института цѣловальниковъ сначала ходатайствуетъ само населеніе. Напримѣръ, жители Керети и Ковды „били челомъ, а сказываютъ о томъ, что наши данщики и слободчики земскихъ людей Керетчанъ и Ковдянъ судять не по суду, а земскимъ людямъ лутчимъ и середнимъ на судѣ данщики и слободчикъ быти у себя не велятъ, да въ томъ Керетчаномъ и Ковдяномъ земскимъ людямъ чинятъ продажи великія; а выбрали деи они въ цѣловальники всею волостью” (такихъ-то) шесть мужей и просятъ „мнѣ бѣ ихъ пожаловати, у Керетцкихъ и у Ковденскихъ данщиковъ и у слободчика тѣмъ цѣловальникомъ велѣти быти на всякомъ судѣ, а безъ цѣловальниковъ бы данщикомъ и слободчикомъ суда не судити..., да тѣмъ же бы цѣловальникомъ у нихъ и у розбойничьихъ дѣлъ сидѣти и розбойничьи дѣла дѣлати по губной грамотѣ”. В. кн. Иванъ Васильевичъ Керетчанъ и Ковдянъ пожаловалъ, велѣлъ быти у суда выборнымъ цѣловальникамъ и далъ на то свою грамоту (въ 1542 г.).

Нѣчто подобное можно отмѣтить въ это же время и въ области церковной юрисдикціи. Злоупотребленія десятильниковъ приводятъ иногда къ самымъ рѣзкимъ столкновеніямъ ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ. Случалось, что дѣло доходило до драки и заканчивалось нанесеніемъ десятинику тяжкихъ побоевъ, какъ о томъ жалуется, напримѣръ, Кіевскій митрополитъ Іона князю верейскому Михаилу Андреевичу, обвиняя вышегородскихъ поповъ и мірянъ, что они „десятинника моего, боярина Юрія конушего самого убили въ улогъ, а дворянъ моихъ перебили, а били, сказываютъ, на смерть (но милостію Божіею и Пречистые, всѣ, далъ Богъ, живы), а впрокъ два ихъ и три безъ вѣка”. Понятно послѣ этого, почему со второй половины XVI в. цѣловальники вводятся и въ суды десятильниковъ, а равно и въ другія установленія духовно-церковной юрисдикціи.

Такимъ образомъ въ XVI в. мы наблюдаемъ любопытное явленіе, мы присутствуемъ при процессѣ постепеннаго

вытѣсненія изъ суда обыкновенныхъ добрыхъ людей — добрыми людьми - цѣловальниками (позднѣйшія губныя и намѣстничьи грамоты) или добрыми людьми-возными (Литовскіе Статуты). Обыкновенные добрые люди дольше всего удерживаются въ судахъ Руси Литовской, а въ Московской Россіи они главнымъ образомъ удерживаются въ учрежденіяхъ мѣстнаго земскаго самоуправленія. Однакоже постепенно, къ XVII вѣку, ихъ прежнее значеніе все болѣе и болѣе утрачивается и ихъ роль на судѣ видоизмѣняется.

XVII столѣтіе завершаетъ дѣло предшествующаго вѣка и приводитъ старый процессуальный институтъ добрыхъ людей или судныхъ мужей къ окончательному упадку.

Въ это время добрый земскій обычай не только *de jure* (какъ было раньше), но и *de facto* все болѣе и болѣе уступаетъ свое мѣсто закону. Теперь въ знатокахъ обычнаго права, какими являлись добрые люди или судные мужи, уже не встрѣчалось, не испытывалось прежней потребности. Теперь знаніемъ закона и судебной практики обладаютъ уже дьяки и подьячіе. Дѣло суда все болѣе и болѣе переходитъ въ ихъ руки, и на нихъ же возлагается обязанность вести точные протоколы всего судопроизводства, удостовѣряя правильность и подлинность такихъ протоколовъ своимъ рукоприкладствомъ (скрѣпа дьяка). Для большей вѣрности добросовѣстное исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей обеспечивается подъ угрозой тяжкой уголовной отвѣтственности, а равно принимаются и другія мѣры, чтобы охранить судныя дѣла отъ подлоговъ и поноровокъ.

„А судные дѣла” — говоритъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича — „въ приказѣхъ записывати подьячимъ, а черненія бы и межъ строкъ приписки и скребленія въ тѣхъ запискахъ не было. А какъ судъ отойдетъ и истцу и отвѣтчику къ тѣмъ запискамъ прикладывати руки. А которые грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто прикладывати руки, кому они вѣрятъ. А какъ подьячей съ тоя записки судное дѣло напишетъ на бѣло, и Дьяку справя то дѣло съ прежнею запискою закрѣпити своею рукою, а прежнюю записку подьячему за истцовою и за

отвѣтчиковою рукою держати у себя впредь для спору. А какъ судное дѣло вершится, и та записка за истцовою и за отвѣтчиковою рукою подклеити подъ судное же дѣло впредь для спору же”. — „А которой Дьякъ норовя кому по посуломъ или по дружбѣ, или кому мстя недружбу, велить судное дѣло подъячему написать не такъ, какъ въ судѣ было, и какъ въ прежней запискѣ за истцовою и за отвѣтчиковою рукою написано, и по тому Дьячьему приказу подъячей то судное дѣло напишетъ не дѣломъ, а сыщется про то допряма, и Дьяку за то учинити торговая казнь, бити кнутомъ, и во Дьяцѣхъ не быти; а подъячего казнити отсѣчь рука. А дѣло велѣти написать какъ истецъ и отвѣтчикъ въ судѣ говорили, и вершити то дѣло по суду, до чего доведется”. — „А будетъ кто учнетъ на подъячего бити челомъ, что онъ истцу или отвѣтчику въ судномъ дѣлѣ норовить, или судное дѣло истцу или отвѣтчику кажетъ, и то спорное дѣло у подъячего взяти, и отдати иному подъячему. А будетъ впредь то спорное дѣло Дьячьєю поноровкою объявится у того же подъячего, у которого то дѣло взято будетъ, или то спорное дѣло Дьячьєю же поноровкою, а истцовымъ или отвѣтчиковымъ промысломъ подъячей вынесетъ изъ приказа для какія ни буди хитрости, и вымутъ у него то дѣло за городомъ или на дворѣ, а сыщется про то допряма, что то дѣло вынесено изъ приказа по Дьячьєю велѣнію, и по тому дѣлу истцовъ искъ и Государевы пошлины за Дьячьєю поноровку доправить на Дьякѣ; да сверхъ того Дьяку и подъячему учинити наказаніе бити кнутомъ, и отъ дѣла ихъ отставити, и впредь имъ ни у какова дѣла не быти”.

Въ виду такого положенія вещей, въ случаѣ нужды для провѣрки или подтвержденія дѣла, стороны тяжбы теперь уже начинаютъ ссылаться не на судныхъ мужей, а на дьяковъ и подъячихъ. „Судъ у насъ в томъ с нимъ былъ” — записано въ одномъ судномъ дѣлѣ отъ 1628 г. — „передъ бояриномъ передъ Борисомъ Михайловичемъ Салтыковымъ, да передъ дьяки передъ Иваномъ Болотниковымъ, да передъ Патрекеемъ Насоновымъ; а то судное дѣло было у подъячихъ у Сурянина

Тороканова, да у Первово Неронова..., а имъ Ивану Болотникову, да Патрекею Насонову, да Сурянину Тороканову, да Первому Неронову про то дѣло про все подлинно вѣдомо; въ томъ на нихъ шлемся”.

Такую форму ссылокъ на дьяковъ и на подъячихъ въ дѣлахъ XVII в. въ Россіи Московской мы встрѣчаемъ постоянно. Такимъ образомъ судные мужи здѣсь оказывались излишними не только какъ знатоки обычая, который уже утратилъ свое прежнее значеніе, но даже и какъ простые свидѣтели суда, который наилучше удостовѣрялся съ помощью дьяковъ и подъячихъ.

Но если судные мужи въ массѣ случаевъ вообще стали излишними, то и право имѣть цѣловальниковъ теперь уже не считается желательнымъ или заманчивымъ пожалованіемъ. Напротивъ, право избирать и ставить своихъ цѣловальниковъ разсматривается не какъ право, а какъ тяжкая обязанность и повинность. Цѣловальники теперь нужны уже не населенію — въ качествѣ представителей его интересовъ, а правительству — въ качествѣ сподручныхъ низшихъ органовъ мѣстной власти. Выборъ и поставка многихъ цѣловальниковъ, на ряду съ другими повинностями, ложится тяжелымъ бременемъ на населеніе, и оно старается при всякомъ удобномъ случаѣ уклониться отъ этой тяготы тѣмъ болѣе, что всякое избраніе кого бы то ни было на должность цѣловальника соединяется съ извѣстнымъ рискомъ для его избирателей, которые отвѣчаютъ за неисправности, промахи и воровства своего избранника. Напримѣръ, по опредѣленію того же Уложенія 1649 г., „кото-рой губной цѣловальникъ розбойника или татя отпустить или животы розбойничьи или татиные покрадчи збѣжить, и того цѣловальника животы отдать въ истцовъ искъ въ выти чего искалъ въ полы иску; а чего животовъ его въ полы истцова иску не дойдетъ, и *тотъ достальной искъ взяти на тѣхъ людехъ, кто того цѣловальника въ губные цѣловальники выбиралъ*; да тѣхъ же людей, кто того цѣловальника выбиралъ, давати на поруки въ томъ, что имъ того губного цѣ-

ловальника, который покрадчи побѣжитъ, сыскавъ поставить". Неудивительно, что при такой обязательной отвѣтственности за своего избранника население вдвойнѣ тяготится возложенной на него повинностью и всячески стремится уклониться, отбыть отъ „цѣловальничь службъ".

Такъ, на земскомъ соборѣ 1642 г. тяглые люди жалуются: „А мы сироты твои нынѣ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городского земляного дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, *и отъ многихъ цѣловальничь службъ*".

Вотъ почему въ дѣйствительности часто оказывалось, что цѣловальниковъ не давали и не избирали. Въ 1612 г. крестьяне Сабельскаго и Петровскаго погостовъ не даютъ ни цѣловальниковъ, ни подмоги. Въ 1625 г. волостные Шуйскіе люди отказываются помогать посадскимъ въ выборѣ цѣловальниковъ. Въ это же время на Муромѣ мѣстные монастыри отказываются давать цѣловальниковъ, а посадскіе люди—подмогу. Въ 1647 г. игуменья Покровскаго монастыря „чинится сильна" и не даетъ цѣловальниковъ изъ монастырскихъ вотчинъ, а нѣкій Сергѣй Горяиновъ не выдаетъ даже цѣловальника уже избраннаго.

Правительство иногда принимало во вниманіе подобнаго рода обстоятельства, уступало нежеланію давать цѣловальниковъ и жаловало льготы отъ „цѣловальничь службъ" (напр., такія льготы даны были нѣкоторымъ монастырямъ). Но чаще еще обращалось оно къ болѣе или менѣе энергичнымъ мѣрамъ воздѣйствія, предписывало „съ великимъ подкрѣпленіемъ", подъ угрозой наказаніемъ „безъ всякія пощады", избрать требуемыхъ должностныхъ лицъ и доправить выборы, т. е. принудить упорныхъ къ дачѣ цѣловальниковъ посредствомъ захвата и ареста ихъ людей или крестьянъ, или же назначить цѣловальниковъ просто по усмотрѣнію мѣстныхъ органовъ власти, но выборные списки все-таки составить и принудить избирателей къ ихъ подписанію.

Такъ совершенно извращалось выборное начало и естественно дѣло клонилось къ полной отмѣнѣ нѣкогда важнаго института.

Переходя къ обзорѣню памятниковъ и актовъ XVII в., мы можемъ сказать, что по сравненію съ прежнимъ временемъ, это столѣтіе не богато матеріалами по изучаемому нами вопросу.

Литовско-русскіе судебные акты въ настоящее время почти не отмѣчаютъ присутствія въ судахъ земскихъ добрыхъ людей. Но прежніе законы частію подтверждаются (напр., уставная грамота Полоцкой Земли подтверждена Владиславомъ IV въ 1634 г.), частію же дѣйствуютъ безъ измѣненія въ тѣхъ опредѣленіяхъ своихъ, какія относятся къ участию народныхъ представителей въ процессы (Литовскій Статутъ 1588 г.) ¹⁾.

Въ памятникахъ и старыхъ актахъ Московской Россіи въ это время упоминается объ участи представителей населенія въ судѣ при опредѣленіи организаціи губного управления, мѣстнаго земскаго и крестьянскаго самоуправления, а также отчасти и при мѣстныхъ органахъ правительственной власти.

Что касается губного управления, то прежде всего слѣдуетъ упомянуть о подтвердительныхъ губныхъ грамотахъ Троицко-Сергіевской 1601, 1605, 1612 гг. и Вещеозерской 1618 г. О содержаніи этихъ грамотъ мы уже говорили выше. Сверхъ того о губныхъ учрежденіяхъ въ это время упоминаютъ и другіе памятники. Такъ, въ 1606 г. о губныхъ старостахъ и цѣловальникахъ упоминаетъ уставная грамота г. Шуй, а затѣмъ отъ 1615 г. сохранилась еще порядная наемная запись въ Шуйскіе губные цѣловальники. Въ апрѣлѣ 1621 г. Шуйскимъ посадскимъ людямъ пожалована грамота, по которой

¹⁾ Уставная грамота Витебской Земли, какъ дѣйствующій законъ, помѣщена даже въ одной изъ актовыхъ книгъ земскаго суда Витебскаго воеводства, куда она занесена 20 июня 1634 г. „по просьбѣ пановъ земянь воеводства Витебскаго, такъ и мѣщанъ мѣста Витебскаго“.

губному старостѣ предоставленъ судъ въ искахъ до 10 руб. и вмѣстѣ съ тѣмъ предписано: „а къ суднымъ дѣламъ выбранныхъ есте межъ себя старость и цѣловальниковъ трехъ или двухъ человекъ добрыхъ и душею прямыхъ и прожиточныхъ, и велѣли имѣ сидѣть въ судѣ съ (губнымъ старостой) Филатомъ Сѣченымъ вмѣстѣ”. Хотя въ июлѣ того же 1621 г. этотъ губной староста былъ смѣненъ воеводой Петромъ Ярцовымъ, но о губныхъ цѣловальникахъ г. Шуи и послѣ того упоминаютъ платежныя въ приѣмѣ казенныхъ денегъ въ 1631 г. и въ 1641 г. Сохранились свидѣтельства о существованіи въ это время губныхъ цѣловальниковъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, отъ конца 1612 г. имѣется отписка Новгородскихъ губныхъ старость Шелонской пятины къ мѣстнымъ воеводамъ о земскихъ распорядкахъ и въ томъ числѣ о выборѣ губныхъ цѣловальниковъ (эти выборы приказано устроить самимъ губнымъ старостамъ). Затѣмъ встрѣчаются цѣловальники въ 1624 году въ Обонежской пятинѣ („два человека дѣтей боярскихъ да губной цѣловальникъ сказали”...). Въ Муромѣ въ 1625 г. предписано мѣстному сыщику и губнымъ старостамъ по прежнему избрать еще четвертаго губного цѣловальника и привести въ порядокъ губные сборы и расходы. Въ 1632 г. новая грамота предписываетъ перемѣнить въ Муромѣ старыхъ губныхъ цѣловальниковъ и на ихъ мѣсто избрать другихъ. Далѣе о Муромскихъ губныхъ цѣловальникахъ упоминается еще дважды въ теченіе 1637 г., въ грамотахъ отъ 18 сентября и 21 декабря, по поводу нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросовъ губного управления. Наконецъ, губные цѣловальники встрѣчаются и въ Суздали—о нихъ говоритъ грамота, данная на имя Суздальскихъ губныхъ старость въ 1647 г.

Черезъ два года послѣ того Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) даетъ рядъ общихъ предписаній. Хотя оно о „добрыхъ людяхъ”, о „тутошнихъ стороннихъ людяхъ, кому мочно вѣрити”, говоритъ только какъ о понятыхъ, присутствующихъ при приставахъ, недѣльщикахъ и другихъ лицахъ, отряжаемыхъ для производства отдѣльныхъ процессуальныхъ дѣйствій (вызовъ на судъ, обыскъ, врученіе раз-

ныхъ грамотъ и т. д.), однакоже губные цѣловальники по прежнему сохраняются въ губныхъ учрежденіяхъ: „а вѣдати въ городѣхъ разбойные, и убійственныя, и татинныя дѣла губнымъ старостамъ и цѣловальникомъ по наказомъ изъ разбойного приказу”, — предписываетъ Уложеніе, и затѣмъ въ цѣломъ рядѣ статей опредѣляетъ порядокъ выборовъ и назначенія губныхъ цѣловальниковъ, ихъ права, обязанности, дѣятельность и отвѣтственность. Губные цѣловальники признаются еще обычнымъ элементомъ въ организаціи общаго губного управленія, и вслѣдъ за Уложеніемъ о нихъ упоминаютъ разнаго рода частныя документы, напр., въ устройной памяти губному старостѣ Обонежской пятины сказано: „а то бѣ тебѣ всѣмъ сошнымъ людямъ сказати съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ они губной станъ устроили и губного цѣловальника и земскаго дьячка выбрали”.

Тѣмъ не менѣе во второй половинѣ XVII в., при неустойчивости губныхъ учреждений то отмѣняемыхъ, то вновь вводимыхъ (напр., въ 1679 г. и въ 1684 г.), не могло быть никакой устойчивости и въ институтъ губныхъ цѣловальниковъ. Новоуказными статьями 1669 г. губные цѣловальники, повидимому, были отмѣнены совсѣмъ: разбойныя, татинныя и убійственныя дѣла предписано вѣдать сыщикамъ и губнымъ старостамъ, „а губнымъ цѣловальникамъ не быть”.

Хотя послѣ того никакой законъ не вводитъ больше губныхъ цѣловальниковъ и не отмѣняетъ постановленія Новоуказныхъ статей 1669 г., но о существованіи, выборахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности ихъ неоднократно еще говорится въ различныхъ юридическихъ актахъ конца XVII в. Въ сущности, впрочемъ, это уже не прежніе губные цѣловальники. Название сохранилось, содержаніе, смыслъ и значеніе института утратились окончательно: по своимъ правамъ и обязанностямъ губные цѣловальники превратились въ простыхъ тюремныхъ сторожей. О такихъ губныхъ цѣловальникахъ упоминаютъ, напримѣръ, акты 1680—1688 гг. Во всякомъ случаѣ ко времени Петровскихъ реформъ начала XVIII вѣка губные цѣловальники исчезаютъ даже какъ низшіе и

подчиненные агенты судебной власти. Къ этому же времени прекращаютъ свое существованіе губныя старосты и, наконецъ, самыя губныя учрежденія (въ 1702 г.).

Что касается органовъ мѣстной правительственной власти, которымъ было предоставлено право суда, а также судовъ земскихъ и крестьянскихъ, то добрые люди или судные мужи встрѣчаются здѣсь на протяженіи всего XVII в.

Прежде всего уставныя намѣстничьи грамоты, которыя были даны или только подтверждены въ началѣ XVII в. (Переяславская 1601 г., Онежская 1607 г., Уст.-Желѣзнопольская 1614 г.), все говорятъ объ участіи народныхъ представителей въ судѣ, и хотя нѣкоторые ихъ предписанія въ виду новой организаціи приказно-воеводскаго управленія, очевидно, должны оставаться безъ примѣненія, однакоже первоначально институтъ судныхъ мужей этимъ всею затронутъ не былъ, и мы встрѣчаемъ добрыхъ людей на воеводскомъ судѣ такъ же, какъ нѣкогда встрѣчали ихъ на судѣ намѣстничьемъ. Еще въ прошломъ столѣтіи въ отдѣльныхъ городахъ, случалось, были воеводы, которые по старому отправляли управу и чинили судъ съ участіемъ судныхъ мужей. Въ 1552 г. такъ самолично судить Нижегородскій воевода Василій Петровичъ Головинъ, и въ правой грамотѣ его суда отъ того времени читаемъ: „А на судѣ были Максим Остаѣев сынъ, да Угримъ Дмитреев сынъ, да Малюта Невѣровъ сынъ, да Семень Черной. Къ сей правой грамоте воевода Василей Петровичъ печать свою приложилъ лѣта 7060 генваря в 15 денъ”. Подобно этому, по свидѣтельству Двинского лѣтописца, въ это же время при воеводахъ состояли цѣловальники и на Двинѣ, и на Бѣлоозерѣ. Затѣмъ, уже въ 1612 г. мы встрѣчаемъ такихъ представителей мѣстнаго населенія въ судѣ у воеводы князя Долгорукаго: „Передъ столникомъ и воеводою передъ княземъ Иваномъ Григорьевичемъ Долгорукого да передъ діаконъ передъ Путиломъ Григорьевымъ искали Архангилскаго монастыря старцы... И столникъ и воевода князь Иванъ Григорьевичъ Долгорукого да діакъ Путило Григорьевъ да съ ними цѣловальники Ортемей Ивановъ съ товарыщи, слушавъ сего суд-

ного списка и приговорили... (заканчивается актъ подписями дьяка и пяти цѣловальниковъ, сверхъ того на немъ скрѣпа или справа подъячаго Истомки Иванова)". Повидимому, „судные цѣловальники" состоятъ при воеводахъ и позднѣе — до конца семидесятыхъ годовъ XVII в. По крайней мѣрѣ о такихъ цѣловальникахъ упоминается неоднократно въ разнообразныхъ документахъ въ 1613, 1616, 1651, 1662, 1664, 1665, 1669, 1671, 1679 гг., при чемъ довольно обстоятельно опредѣляются условія ихъ выборовъ, ихъ права и обязанности, а сами они называются „подсудными цѣловальниками, приговорными цѣловальниками, выборными судными цѣловальниками, судными цѣловальниками съѣзжей избы" или даже просто „цѣловальниками съѣзжей или приказной избы"¹⁾.

Въ судахъ земскихъ и низшихъ мѣстныхъ институтъ судныхъ мужей наидольше сохраняетъ свое прежнее значеніе какъ въ формѣ участія въ процессѣ просто земскихъ добрыхъ людей, такъ и въ формѣ спеціальнаго института цѣловальниковъ.

Земскія и губныя учрежденія продолжаютъ существовать и при системѣ приказно-воеводскаго управленія. Еще раньше когда назначался воевода въ незнакомый ему городъ, то ему давался иногда наказъ „судити и управы давати, роспрося про здѣшніе всякіе обиходы, какъ у нихъ обычи ведутца", и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось „съ ихъ обычея" организовать судъ при участіи представителей мѣстнаго населенія. Такъ было, напримѣръ, въ 1563 г. приказано Полоцкимъ воеводамъ кн. Петру Ивановичу Шуйскому, кн. Василию Семеновичу и кн. Петру Семеновичу Оболенскимъ „сдѣлати су-

¹⁾ Наши изслѣдователи мѣстнаго управленія въ XVII в. (Андреевскій, Градовскій, Чичеринъ) не придаютъ никакого значенія или даже и совсѣмъ умалчиваютъ объ этихъ выборныхъ представителяхъ населенія при воеводахъ. Но мы не можемъ не отмѣтить ихъ тѣмъ болѣе, что первоначально судные цѣловальники, подобно цѣловальникамъ губнымъ, играли значительную роль въ процессѣ и только постепенно ко второй половинѣ XVII в. были низведены на степень низшихъ и подчиненныхъ органовъ судебной и судебно-исполнительной власти съ весьма ограниченными правами и кругомъ дѣятельности.

дебня за городомъ, да выбрать головы добрые изъ дворянъ, кому мочно вѣрити, да приказати имъ судити въ судебнѣ во всякихъ дѣлѣхъ..., а записывати у нихъ дьякомъ земскимъ, выбравъ изъ земскихъ людей, изъ Полочанъ, челоуѣка два; а въ судѣ быти съ ними бурмистромъ...” Изъ XVII в., не говоря уже о подтвердительныхъ уставныхъ земскихъ грамотахъ (Переяславской 1601, 1618, 1677 гг., Шуйской 1606, 1615 гг., Уст.-Желѣзнопольской 1614 г.), извѣстна грамота Устьянская, которая была выдана впервые только въ 1622 г. и затѣмъ еще подтверждалась неоднократно въ 1646, 1676 и 1682 гг., т. е. уже при Петрѣ и Иоаннѣ Алексѣевичахъ. Подобно прочимъ уставнымъ земскимъ грамотамъ, Устьянская грамота вводитъ въ устьянскихъ волостяхъ „мирскихъ выборныхъ судеекъ”, „излюбленныхъ судей”, „излюбленныхъ старостъ”, а у нихъ на судѣ сидятъ цѣловальники, именно для того и избранные, чтобы „въ судѣ сидѣти и на розсылкѣ быти”. Эти цѣловальники судятъ вмѣстѣ съ излюбленными старостами. Также и въ наказахъ монастырскимъ приказчикамъ или слугамъ въ это время можно постоянно встрѣтити на судѣ у нихъ поповъ, старостъ, цѣловальниковъ и лучшихъ крестьянъ. Напримѣръ, въ 1653 г. слугѣ Покровскаго монастыря предписывается „судъ давати и судить съ попомъ и старостою, и съ цѣловальникомъ, и съ лучшими крестьяны вмѣстѣ”; въ наказѣ отъ 1659 г., данномъ слугѣ Иверскаго монастыря Антипу Григорьеву объ управленіи монастырскимъ селомъ Низинымъ, читаемъ: „А ему слугѣ ихъ судити въ Божію правду, а судные дѣла велѣти записывати земскимъ или церковнымъ дьякомъ и закрѣпливати поповскими руками, или ими крестьяны (а) росправа чинить, по тамошнему смотря..., а въ судѣ указали мы съ нимъ слугой сидѣть старостамъ и цѣловальникомъ”. По наказу 1685 г. на судѣ воеводскихъ приказчиковъ присутствуютъ лучшіе мѣстные люди, которымъ и предписывается судить „вмѣстѣ съ иноземскими князцы и съ лучшими людьми, а безъ нихъ и въ малыхъ дѣлахъ не судити”.

То, о чемъ говорятъ вышеприведенныя грамоты и наказы, находятъ свое подтвержденіе и въ современныхъ судеб-

ныхъ актахъ. Предписанія закона не остаются мертвой буквой, но дѣйствительно примѣняются и исполняются. Такъ, въ судномъ дѣлѣ 1616 г., рядомъ съ земскимъ судьей мы встрѣчаемъ „старосту Патракея съ цѣловальники судецкими и съ людьми зъ добрыми“, которые выѣзжаютъ на спорную землю и судятъ. Въ 1635 г. на дѣлѣ присутствуютъ цѣловальники и „приговорные мужи“. Въ 1670 г., при избранныхъ третьихъ, въ дѣлѣ о боѣ, увѣчѣ и поземельныхъ захватахъ мы снова видимъ „сторонихъ людей и поповъ“.

Вообще низшіе органы мѣстной судебной власти въ течение XVII в. продолжаютъ отправлять судъ по старому при участіи народныхъ представителей. Никакой законъ не отмѣняетъ здѣсь прежнихъ порядковъ и не упраздняетъ стараго института судныхъ мужей: они, какъ и прежде, судятъ здѣсь и рядятъ и дѣятельно участвуютъ во всѣхъ актахъ процесса, потому что тамъ — въ глубинѣ уѣзда, въ захолустѣ, въ нижнихъ слояхъ народного моря — жизнь во многомъ еще течетъ по старому, многое еще опредѣляется добрымъ обычаемъ, общинныя связи еще тѣсны и крѣпки.

Даже начавшіяся преобразованія Петровской эпохи въ XVIII столѣтіи, которыя производили бурю на поверхности, часто едва касались народныхъ глубинъ. Народная жизнь, имѣвшая свой собственный вѣками слагавшійся укладъ и подчиненная медленно измѣнявшимся условіямъ своего собственнаго матеріальнаго существованія, продолжала развиваться своимъ путемъ, продолжала дѣлать свою исторію.

Для этихъ народныхъ низовъ не всегда можно найти достаточныя документальныя данныя и потому трудно съ точностью прослѣдить видоизмѣненія и постепенное вымирание стараго института судныхъ мужей въ течение всего XVII в. — и не только XVII в., но и XVIII в., такъ какъ, повидимому, участіе народныхъ представителей въ судѣ сохранялось здѣсь почти до нашего времени, а во всякомъ случаѣ гораздо дольше, чѣмъ это обыкновенно предполагается. По крайней мѣрѣ даже во второй половинѣ XVIII в. судебное разбирательство въ самыхъ низшихъ судахъ несомнѣнно носить ха-

рактёръ народнаго процесса и производится при посредствѣ народныхъ представителей и черезъ народныхъ представителей.

Такъ, что касается однодворцевъ, то уже въ указѣ 1761 г. предписано „для лучшаго между нихъ распорядка въ селахъ и деревняхъ быть выборнымъ по очереди съ жеребья, какъ они хотятъ, изъ нихъ же однодворцевъ, тѣхъ же сель и деревень сотникамъ, пятидесятникамъ и десятникамъ... и тѣмъ выбраннымъ .., въ случаѣ между собою несогласіевъ, ихъ однодворцевъ чрезъ мірской сходъ разбирать”. Въ 1763 г. также подтверждается, чтобы однодворцы „въ распоряженіи же собственномъ между ними, для разбирания ссоръ, учреждали бъ сами между собою выборныхъ и старость изъ нихъ же однодворцевъ, лучшихъ и добраго состоянія людей, коимъ о происшедшихъ между ними малыхъ ссорахъ разбирать словесно”. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, у однодворцевъ въ это время въ судѣ участвуютъ сотники, пятидесятники и десятники или же излюбленные старосты, а при нихъ „выборные лучшие и добрые люди”.

Среди крѣпостныхъ крестьянъ если мы и не встрѣчаемъ теперь тѣхъ судеекъ, о которыхъ нѣкогда писалъ Котошинъ, то все же нѣкоторыя черты въ устройствѣ ихъ судовъ напоминаютъ намъ опредѣленія извѣстныхъ уже намъ наказовъ, которые въ XVII в. давались нѣкоторыми монастырями своимъ слугамъ и приказчикамъ о судѣ и расправѣ среди монастырскихъ крестьянъ. Такъ, въ извѣстныхъ „наказахъ управителямъ или прикащикомъ” частныхъ имѣній Рычкова, Болотова, Вольфа, Удолова, Голицына, Оболенскаго, Орлова и Румянцева (1751, 1769, 1770 гг.), которые отчасти—вполнѣ или въ выдержкахъ — опубликованы въ Трудахъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и въ сочиненіяхъ В. И. Семевского, отчасти же хранятся еще въ архивахъ, мы узнаемъ, что во второй половинѣ XVIII в. крестьяне сохраняютъ еще старыя выборныя должности сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, что существуютъ по прежнему для храненія денежной казны избранные міромъ „цѣловальники”,

за которыхъ ручаются и отвѣчаютъ ихъ избиратели и которые перемѣняются погодно, что существуютъ, наконецъ, „земскіе дьячки” и что судъ всегда почти отправляется назначенными или избранными „старостами”, „бурмистрами”, „выборными” при участіи всего міра или только излюбленныхъ представителей его и лучшихъ крестьянъ.

Такъ, мы узнаемъ, что крестьяне Румянцева выбирали въ то время людей „первостатейныхъ” для присутствія на судѣ у приказчиковъ „для защищенія крестьянъ отъ нападковъ прикащиковыхъ” и для удостовѣренія того, что судъ и съ формальной, и съ матеріальной стороны производился согласно съ правилами, установленными помѣщикомъ. Въ наказѣ Рычкова установлено правило о томъ, чтобы за проступки карать провинившихся „съ согласія выборныхъ старостъ и лучшихъ крестьянъ, а не собою”, т. е. не единоличной властью и усмотрѣніемъ того, кто судить. Въ наказѣ Орлова избранному крестьянами бурмистру предоставлено рѣшать только маловажныя дѣла, дѣла же „большей важности, касающіяся всего общества, рѣшаются при участіи выборныхъ отъ всѣхъ деревень”.

Такимъ образомъ, заканчивая обзоръ памятниковъ и внѣшнюю исторію изучаемой нами формы народнаго участія въ судебной дѣятельности, мы можемъ сказать, что институтъ судныхъ мужей по своему происхожденію и значенію относится ко временамъ древнѣйшимъ. Законодательные памятники начинаютъ говорить о добрыхъ людяхъ или о судныхъ мужахъ только тогда, когда обнаружилась потребность въ такомъ упоминаніи, т. е. уже почти въ эпоху упадка народныхъ судовъ и судебного представительства населенія. вмѣстѣ съ тѣмъ на смѣну судныхъ мужей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова вводятся цѣловальники въ Россіи Московской, которымъ во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ возные въ процессѣ Литовско-русскомъ. Этимъ путемъ законодатель надѣется сохранить, хотя бы и въ видоизмѣненной формѣ, старинное и полезное учрежденіе, приспособленное къ новымъ условіямъ и потребностямъ жизни. Въ дальнѣйшемъ, въ особенности съ

развитіемъ приказно-воеводскаго управленія въ Московской Россіи, мало-по-малу приходитъ въ упадокъ и институтъ цѣловальниковъ, постепенно превращаясь изъ народнаго въ приказное учрежденіе и, наконецъ, совсѣмъ смѣняясь приказнымъ институтомъ дьяковъ и подъячихъ (переходная ступень — выборные населеніемъ подъячіе). Преобразованія Петра В. наносятъ этому учрежденію послѣдній и окончательный ударъ: императорская Россія вообще говоря не знаетъ ни судныхъ мужей, ни цѣловальниковъ, и только въ самыхъ низшихъ мѣстныхъ судахъ у крестьянъ, гдѣ еще сохраняются старые обычаи и старые порядки и гдѣ дѣйствуетъ еще право обычное, продолжаютъ призываться къ участию въ судѣ избранные представители и лучшіе люди изъ народа.

Г. В. Демченко.

Къ біографіи В. А. Мацѣвскаго.

I.

Habent sua fata libelli...

Два наиболѣе крупныхъ труда извѣстнаго польскаго историка славянскаго права В. А. Мацѣвскаго: „*Historya prawodawstw słowiańskich*” (1-ое изданіе 1832—1835 гг.) и вскорѣ въ дополненіе къ ней послѣдовавшіе „*Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian*” (1839) испытали странную судьбу. „Исторія славянскихъ законодательствъ” въ первомъ изданіи, по словамъ самого Мацѣвскаго, встрѣчена была специалистами (*przez znawców*) благосклонно: одобрительные отзывы о ней автору прислали Игнатій Даниловичъ (изъ СПб.), А. Рейтцъ (изъ Дерпта), проф. Буссъ (изъ Фрейбурга i. Breisgau) и др.; ученые разборы труда появились въ *Götting. Gelehrte Anz.*, въ *Jahrbücher der gesammten deutschen Lit.* (VI, 7), въ *Krit. Zeitschr. für Rechtswiss.* (v. Mittermaier u. Zachariae, Bd. VIII) и пр.¹⁾ Имя Мацѣвскаго сразу стало широко извѣстнымъ и на Западѣ и въ славянскомъ ученомъ мірѣ²⁾. Правда, въ

¹⁾ См. предисловіе ко II изданію „*Hist. prawod.*” Ср. письма Рейтца отъ 23 октября 1832 г. и 12 февр. 1833 г. Во второмъ онъ сообщаетъ, что отъ Сперанскаго слышалъ благопріятный отзывъ о трудѣ Мацѣвскаго. Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго. Изд. В. А. Францевъ. Москва, 1901, стр. 4—7. Рецензію Лембке изъ *Götting. gelehrte Anz.*, 1833, № 521, перевелъ студ. Иванъ Савиничъ. Ж. М. Н. Пр., 1834, IV, 24—37.

²⁾ Колларъ въ поэмѣ „Дочь Славы” помѣстилъ въслѣдствіи Мацѣвскаго въ славянскомъ небѣ рядомъ съ чехомъ Вшегрдомъ у статуи Управды - Юстиніана (IV, сон. 43):

„*Nejmladší však chloubá všeho Slavstva
Jest tvůj Maciejowski, našeho
Co psal polsky Děje Pravodavstva.*”

широкій кругъ читателей книга его не проникла (она имѣла всего 140 подписчиковъ), но на невниманіе ученыхъ Мацѣевскій не могъ пожаловаться. Уже въ 1832 г. въ лейпцигскихъ *Jahrbücher der gesammten deutschen Lit.* проф. Hänel высказалъ желаніе, чтобы трудъ польскаго ученаго былъ переведенъ на нѣмецкій или на латинскій языкъ въ цѣляхъ болшей доступности. Чешскій писатель Хмеленскій въ ж. *Česká Wčela* выражалъ надежду, что Исторія выйдетъ и по-чешски.

Нѣмецкій переводъ (*Slavische Rechtsgeschichte*) сдѣлали д-ръ Буссъ и Навроцкій (*Stuttgart und Leipzig*, 1835, въ 4 томахъ). Первый томъ этого изданія Мацѣевскій имѣлъ уже въ январѣ 1836 г. „*Liche tłumaczenie*“, отозвался онъ о немъ въ письмѣ къ Ганкѣ ¹⁾. Предполагалось и французское изданіе ²⁾; переводчиками самъ Мацѣевскій называетъ Яна Р. Врублевскаго и адвоката *Aimable Colombe* ³⁾.

Въ русской литературѣ первые отрывки изъ Исторіи появились въ ж. „Телескопъ“ ⁴⁾, но въ это же время существуетъ уже мысль и о переводѣ полностью оригинальнаго труда польскаго ученаго. За осуществленіе этого намѣренія принялись почти одновременно А. Θ. Хиждеу ⁵⁾ и студентъ моск. унив. Иванъ Савиничъ, приступившій къ переводу подъ руководствомъ М. П. Погодина. Погодинъ въ концѣ 1834 г. въ примѣчаніи

¹⁾ Письма къ В. Ганкѣ изд. В. А. Францевъ, стр. 745.

²⁾ Львовскія *Rozmaitości* (1839, № 39, стр. 311) сообщали о готовомъ уже переводѣ: „P. Maciejowskiego Historyją prawodawstw słowiańskich, jak dawniej na język rossyjski, tak teraz na francuzki przełożono, i przekład ten wykonany pod okiem autora, wyjść ma niebawem w Paryżu“.

³⁾ *Histor. prawod.*, II изд., т. I, стр. 498.

⁴⁾ 1835 г., № 3—4: „Введеніе въ Исторію слав. законодат.“ Переводъ Хиждеу. Ср. Ж. М. Н. Пр., 1836, ч. X, обзор. журн., 117—123.

⁵⁾ Бессарабскій помѣщикъ, оберъ-лейтенантъ въ отставку, жилъ въ Хотинѣ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, дѣльная статья въ *Телескопѣ*, 1833 г., о важности изученія молдавскаго языка и памятниковъ молдавской словесности для объясненія русскихъ лѣтописей и грамотъ. Переведенныя имъ сочиненія перечислены въ объявленіи его въ *Журн. М. Н. Пр.*, 1835, ч. V; въ числѣ ихъ значатся: Шафарика—Исторія славянскаго языка и письменности, Геркеля—Славянская сравнительная грамматика и др. Готовилъ Исторію славянской народности въ VI большихъ частяхъ.

къ переводу рецензіи Лембке ¹⁾ могъ сообщить уже, что Савиничъ перевелъ и самое сочиненіе Мацѣвскаго, „сколько онаго доселѣ вышло на польскомъ языкѣ”, т. е. первые два тома его. Хиждеу началъ свой переводъ, повидимому, нѣсколько раньше; по крайней мѣрѣ, онъ извѣщалъ Мацѣвскаго уже 28 февраля 1833 г., что переводъ перваго тома Исторіи изготовленъ имъ окончательно, а въ сент. 1834 г. добавлялъ: „Уже привожу къ концу переводъ и II-го тома оной“ ²⁾. Переводъ Савинича редактировалъ самъ Погодинъ, предполагая, повидимому, издать его при поддержкѣ министерства народнаго просвѣщенія. По полученіи отъ Погодина рукописи перевода (I т.) С. С. Уваровъ препроводилъ ее на разсмотрѣніе М. А. Балугьянскаго, а послѣдній отъ себя передалъ ее И. Даниловичу и Ф. Малевскому, прося ихъ высказаться, насколько желательно напечатаніе этого перевода ³⁾. Даниловичъ успѣлъ представить Балугьянскому только краткое изложеніе содержанія введенія и первой главы книги Мацѣвскаго, такъ какъ скоро уѣхалъ въ Кіевъ; Малевскій же доставилъ ему слѣдующее „краткое сужденіе“ о ней (16 января 1836 г.).

Сочиненіе Мацѣвскаго, по его мнѣнію, можетъ быть сравнено съ извѣстнымъ трудомъ Шафарика „Geschichte der Slaw. Sprache und Literatur“ (1826). „То, что Шафарикъ, сдѣлалъ, представляя въ одномъ объемѣ ходъ самобытной литературы у разныхъ славянскихъ народовъ и различныя вліянія, коимъ она подвергалась, то же дѣлаетъ г. Мацѣвскій въ отношеніи хода и характера законодательства. Основная мысль въ обоихъ сочиненіяхъ заслуживаетъ полнаго одобренія. Оба сочиненія, каждое въ своемъ родѣ, суть первые опыты и раздѣляютъ свойственные первымъ опытамъ

¹⁾ Ж. М. Н. Пр., 1834, IV, октябрь, стр. 27.

²⁾ Письмо отъ 21 сент. 1834 г. въ библ. Чешскаго Музея найдено нами уже послѣ изданія части переписки Мацѣвскаго.

³⁾ Игн. Даниловичъ и Фр. Малевскій состояли тогда при II-омъ Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи и принимали участіе въ работахъ по составленію Свода законовъ губерній отъ Польши возвращенныхъ.

преимущества и недостатки“. Разсмотрѣвъ первый томъ Исторіи, Малевскій приходитъ къ заключенію, что „сочинитель вездѣ болѣе общаетъ въ заглавіяхъ, чѣмъ сдерживаетъ въ самомъ изложеніи, и что, устраивая Исторію законодательства по примѣру Гуго, относитъ къ внѣшней исторіи и географическое описаніе земель, обитаемыхъ славянами, очеркъ характера народнаго, исторію образованія и пр. Оттого сочиненіе наполняется общими выводами, которые можетъ быть были бы тверже и полнѣе, ежели бы болѣе сами рождались изъ фактовъ“. Но болѣе успѣшное выполненіе работы, которую предпринялъ Мацѣевскій, затруднялось незначительнымъ количествомъ источниковъ и крайне слабой разработкой ихъ. „Нѣтъ сомнѣнія,—заключалъ Малевскій,—что они будутъ ежедневно умножаться, а къ тому умноженію будетъ способствовать и настоящее сочиненіе г. Мацѣевского, какъ указывающее изобильныя пользы, ожидаемыя отъ обращенныхъ къ сему предмету усилій. Для того слѣдуетъ даже желать, чтобы Исторія славянскихъ законодательствъ была переведена на главные славянскіе языки, а на русскій прежде, чѣмъ на другіе“.

Мнѣніе самого Балугьянскаго было менѣе благопріятнымъ. Повторивъ кое-что изъ сужденій Малевскаго, онъ заявлялъ: „Съ моей стороны я нахожу, что г. Мацѣевскій слишкомъ торопился въ составленіи подобнаго сочиненія“. Для составленія такого труда, какъ „Исторія славянскихъ законодательствъ“, необходимо, прежде всего, изучить не только всѣ славянскія нарѣчія, но и нарѣчія тѣхъ народовъ, которые „вторглись въ обширный кругъ земли славянъ отъ Урала до Эльбы, отъ Балтійскаго и Бѣлаго моря до Средиземнаго и Адриатическаго“, а можетъ быть и народовъ Малой Азіи; далѣе, историкъ славянскаго права долженъ заняться и географіей этихъ земель, при этомъ его должны занимать одинаково прошлое и настоящее въ ихъ жизни; наконецъ, ему необходимо изучить исторію славянскихъ народовъ. „Когда филологи, географы и историки приведутъ славянскій міръ съ его подраздѣленіями до нѣкоторой извѣстности, тогда

и юристамъ можно будетъ начать исторію славянскихъ законодательствъ“. Такимъ образомъ, требовалась огромная предварительная работа по собиранію матеріаловъ и памятниковъ и по изученію и разработкѣ ихъ, послѣ которой только и возможно было бы появленіе труда, подобнаго сочиненію Мацѣвскаго. Балугьянскій не могъ не видѣть, что при такихъ требованіяхъ составленіе исторіи славянскаго права отодвинется на долгіе годы, и потому въ заключеніи своего отзыва поспѣшилъ добавить: „При всемъ томъ я полагаю, что книга г. Мацѣвскаго, какъ первый опытъ, полезна, и соединяю по сему предмету мое мнѣніе съ мнѣніемъ г. Малевскаго. Въ споспѣшествованіи наукъ ничего не начинается систематически. Первые опыты возбуждаютъ другихъ, и если будетъ у насъ филологія, которой совсѣмъ нѣтъ, то будетъ и исторія славянскихъ законодательствъ. Такъ какъ сія книга есть первая въ своемъ родѣ, то я въ разсужденіи печатанія оной соединяю мое мнѣніе съ мнѣніемъ Малевскаго“ (24 января 1836 г.).

Но Балугьянскій обратилъ при этомъ вниманіе министра на переводъ Хиждеу, который подготовлялъ его подъ руководствомъ самого автора и предполагалъ внести существенныя дополненія изъ приготовленнаго авторомъ новаго изданія Исторіи. Вслѣдствіе этого Уваровъ приказалъ возвратить Погодину переводъ Савинича, присовокупивъ, что отъ усмотрѣнія переводчика зависитъ, печатать или нѣтъ его рукопись¹⁾. И она, конечно, осталась неизданною²⁾. Мѣсто оставалось за переводомъ Хиждеу.

Восторженный любитель славянской старины, Хиждеу съ увлеченіемъ принялся за трудъ перевода книги, которая

¹⁾ Дѣло въ Архивѣ Мин. Нар. Просв., № 128.154—59.

²⁾ Ганка, послѣ свиданія съ Погодинымъ, такъ объяснялъ Мацѣвскому отказъ Погодина: „...Zamiar jego nie był komuś do jego interesu się wkładać; on kochając wsze, co słowiańskiego, chciał przez swoich uczniów to i drugim słowianom komunikować, ale gdy się dowiedział, że to inną drogą się stanie, zniszczył (?) tłumaczenie, uznawszy, że pod wzrokiem autora coś lepszego wyjść może“. Письмо отъ 13 окт. 1835 г. См. письма къ В. Ганкѣ, стр. 741—742. Cp. Slov Sborník, II, 1883, str. 449.

казалась ему явленіемъ замѣчательнымъ въ славянской наукѣ. „Откровенно сознаюсь“,—писалъ онъ Мацѣвскому 21 сент. 1834 г.,—„что твореніе сіе, какъ первое въ своемъ родѣ, по необходимости должно обратить на себя вниманіе просвѣщенной Европы вообще, а въ особенности народовъ славянскаго языка, ибо въ немъ, сколько мнѣ кажется, въ первый разъ историко-критически развита, въ стройной и непрерывной цѣлости, совокупная юридико-политическая жизнь и дѣятельность славянскаго человѣчества, какъ особаго и самостоятельнаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, уже пора, по выраженію І. Лелевеля, перестать думать, будто бы славяне были только губкою, которая напивается чуждою ей влагою. Въ такомъ отношеніи, каждое твореніе, истинно-славянское, не написанное подъ преобладательнымъ вліяніемъ чужеземщины, но внушенное, согрѣтое и исполненное съ неподдѣльною любовью ко всему великому народному, есть явленіе вождельнное, возвѣщающее въ старомъ образѣ вещественности новую вѣру славянскаго духа; и въ такомъ отношеніи ваше сочиненіе должно быть преимущественно переведено на всѣ живыя славянскія нарѣчія, ибо оно объемлетъ общій славянскій міръ“.

Приступить къ переводу труда Мацѣвскаго побуждало Хиждеу еще и то, что онъ самъ занимался близкими вопросами, главнымъ образомъ—„исторіей образованія (т. е. образованности) славянскихъ народовъ“. Однако онъ не спѣшилъ изданіемъ своего перевода: онъ ожидалъ выхода въ свѣтъ всѣхъ томовъ подлинника, чтобы затѣмъ издать по-русски все сочиненіе, которое при такомъ способѣ изданія легче могло бы разойтись. Между тѣмъ Мацѣвскій (въ письмѣ отъ 6 сент. н. ст. 1834 г.) самъ сталъ торопить переводчика, увѣдомивъ его, что намѣстникъ Царства Польскаго кн. Варшавскій „изъявилъ желаніе скорѣе видѣть русскій переводъ сего сочиненія“, причемъ всѣ издержки по русскому изданію И. Θ. Паскевичъ принималъ на себя. Хиждеу рѣшилъ поэтому напечатать I-ый и II-ой томы, вмѣсто предполагаемаго имъ „совокупнаго и одновременнаго“ изданія всѣхъ четырехъ томовъ.

„Сходно сему“, — увѣдомлялъ онъ Мацѣвскаго, — „я на сихъ же дняхъ постараюсь, чтобы непременно начата была переписка набѣло моей черновой рукописи и наидальѣ къ мѣсяцу декабрю сего года представлю на вашъ судъ мой переводъ, дабы, по ревизіи вами онаго, оный могъ быть представленъ отъ васъ Его Свѣтлости для дальнѣйшаго распоряженія“. Съ цѣлью предварительнаго ознакомленія русскаго общества съ „задачею, цѣлью и духомъ“ сочиненія Мацѣвскаго, Хиждеу предполагалъ напечатать нѣсколько отрывковъ въ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ, „при объявленіи, что сіе сочиненіе вскорѣ будетъ издано на русскомъ языкѣ, подъ наблюденіемъ самого сочинителя“. Однимъ изъ такихъ отрывковъ, очевидно, и былъ помѣщенный въ Телескопѣ 1835 г. переводъ введенія къ Исторіи.

Такъ какъ Мацѣвскій въ это время подготовлялъ уже новое изданіе I-го и II-го томовъ, то Хиждеу просилъ его сообщить ему заранѣе всѣ дополненія и поправки для внесенія ихъ въ переводъ, „ибо безъ того оный не будетъ имѣть полного интереса въ отношеніи къ подлиннику“. Ихъ накопилось немало. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ Мацѣвскому издать въ видѣ пятаго, дополнительнаго тома всѣ тѣ рукописные матеріалы, которыми онъ пользовался при составленіи Исторіи. „Обстоятельство сіе“, убѣждалъ онъ автора, „увеличитъ достоинство русскаго перевода, имѣющаго быть изданнымъ подъ вашимъ наблюденіемъ, а V-ый томъ можетъ быть общій какъ для польскаго, такъ и для русскаго изданій“... Такъ какъ этотъ томъ представлялъ бы интересъ только для спеціалистовъ и вообще ученыхъ, то всѣ историческія и филологическія примѣчанія (ноты) къ памятникамъ Хиждеу предлагалъ сдѣлать на латинскомъ языкѣ, чтобы избѣжать многоязычія.

Изъ слѣдующаго письма его къ Мацѣвскому (15—27 дек. 1834 г.) можно заключить, что Мацѣвскій высказалъ ему свои сомнѣнія въ необходимости его перевода въ виду того, что въ Москвѣ явился новый переводчикъ Исторіи. Хиждеу не раздѣлялъ этихъ сомнѣній. „Нимало не беспокоитъ меня

то, что въ одно время со мной и другой занимается переводомъ вашего сочиненія¹⁾. Напротивъ: это весьма пріятно, ибо я вижу новое доказательство, что мои русскіе соотечественники перестаютъ быть равнодушными и хладнокровными читателями твореній, важныхъ для развитія общей славянской народности, и спѣшатъ усвоить себѣ то, что можетъ укрѣпить ихъ народное чувство и оживить ихъ народный духъ²⁾“. Въ увлеченіи онъ находилъ даже, что не только для двухъ, но и для десяти переводовъ сочиненія Мацѣвскаго „будетъ просторное мѣсто разойтись по Россіи, и цѣлыхъ десять изданій найдутъ охотниковъ“.

Хиждеу увлекался задуманнымъ и начатымъ дѣломъ и начерталъ Мацѣвскому полный планъ практическаго осуществленія предпріятія³⁾. Сообщение Мацѣвскаго о томъ, что въ Москвѣ гѣтовится еще другой переводъ Исторіи, и что московскій переводчикъ намѣренъ произвести въ ней какія-то исправленія и передѣлки (по выраженію Мацѣвскаго: „*napadać zupreńnie inna postać*“ его труда), заставило Хиждеу поторопиться съ изданіемъ своего перевода. Прежде всего, онъ находилъ необходимымъ напечатать въ журналахъ программу изданія и поэтому просилъ Мацѣвскаго доставить ему подробное содержанія III и IV томовъ, а также краткое извѣстіе о тѣхъ дополненіяхъ, которыми будетъ отличаться русское изданіе отъ польскаго, „дабы обозначить достоинства перваго“. При этомъ онъ спрашивалъ у автора согласія на то, чтобы программа издана была и отъ его имени. „Отпечатаніе программы положить начало нашему успѣху“. Не дожидаясь однако сообщеній и согласія Мацѣвскаго, Хиждеу послалъ объявленіе въ „русскіе журналы и литературныя газеты, съ выраженіемъ, что сочинитель доставляетъ многія новыя и значительныя дополненія и поправки, и что слѣд-

¹⁾ Объ этомъ Мацѣвскій узналъ изъ Ж. М. Н. Пр., 1834, окт. Странно, что Погодинъ не испросилъ у автора согласія и не извѣстилъ его о своемъ намѣреніи.

²⁾ Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго, стр. 8.

³⁾ См. подробности: Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго, стр. 13—14.

ственно русскій переводъ долженъ быть разсматриваемъ не просто какъ переложеніе, но паче какъ отдѣльное, самостоятельное изданіе“. Такое объявленіе напечатано было, какъ извлеченіе изъ письма Хиждеу къ редактору, въ концѣ мартовской книжки Журн. М. Н. Пр. за 1835 г. Ссылаясь на письмо Мацѣевского, Хиждеу оповѣщалъ здѣсь, что Мацѣевскій самъ, вмѣстѣ съ нимъ, печатаетъ „второе, исправленное и значительными дополненіями приумноженное“ изданіе перваго и втораго томовъ на русскомъ языкѣ, что III-й и IV-ый томы будутъ изданы на русскомъ языкѣ раньше, чѣмъ на польскомъ, и что, такимъ образомъ, подлинникомъ должно будетъ считаться русское изданіе, редакція котораго поручена де ему самимъ авторомъ. Всѣ четыре тома русскаго изданія предполагалось выпустить въ теченіе 1835 года, при чемъ въ дополненіе къ нимъ должны были выйти еще два тома (V-й и VI-й всего изданія) „Памятниковъ славянскихъ законодательствъ“.

Такое расширеніе правъ переводчика, который ставилъ себя, по степени участія въ трудѣ, рядомъ съ авторомъ, не могло быть пріятно Мацѣевскому, и онъ, вѣроятно, высказалъ Хиждеу свои мысли по этому поводу ¹⁾.

¹⁾ Въ львовскихъ Rozmaitościach (Pismo dodatkowe do Gaz. Lwowskiej), 1835, № 35, str. 247, въ корресп. изъ Варшавы находимъ слѣдующее робкое объясненіе по этому поводу, исходящее, надо думать, отъ самого Мацѣевского: „Pan Maciejowski, znosząc się z p. Hyżdew względem tłumaczenia swego dzieła: „Historyja prawodawstw sławiańskich“, powiedział mu, iż tłumaczenie rossyjskie przedstawi dokładniejszy obraz pomysłu całego, a to z powodu, iż po wydaniu oryginału przybyło mu wiele materiałów, które do przekładu rossyjskiego dołączył. Z powodu więc tego przekładu przez pp. Sawinicz i Pogodin, podał p. Hyżdew do gazet i dzienników rossyjskich list p. Maciejowskiego z własnym dopiskiem, lecz w nim się mylnie wyraził, jakoby odtąd tłumaczenie rossyjskie uważać należało za oryginał, tudzież że dalsze tomy tego przekładu prędzej wyjdą na widok publiczny, aniżeli oryginał polski; gdy przecież tak mu wyrazić się nie należało, boć każdemu wiadomo, że początkowo dzieło to nie po rossyjsku, lecz po polsku napisano, i że cztery tomy wyszły na widok publiczny, z których dwa ostatnie, każdy z 34 arkuszy złożony, dokładne z siebie same dzieło tworzą; lub znowu dokładniejsze dzieła wydane rychlej po rossyjsku, niż po polsku, drukiem ogłoszone będzie, zwłaszcza, że już jest w robocie“.

Къ тому же нельзя было не считаться и съ общественнымъ мнѣніемъ, которое не могло отнестись сочувственно къ такому изданію польскаго ученаго.

Впрочемъ, тутъ наши свѣдѣнія о сношеніяхъ автора съ его переводчикомъ прерываются. Переписка ихъ, повидимому, вскорѣ прекратилась, и мы только изъ нѣскольکو неяснаго письма Мацѣвскаго къ Погодину (отъ 12 ноября 1837 г.) узнаемъ, что Хиждеу не выполнилъ взятой на себя задачи, а образчикъ перевода его признанъ былъ русскими знакомыми Мацѣвскаго въ Варшавѣ неудовлетворительнымъ ¹⁾. Такимъ образомъ, и вторая попытка издать на русскомъ языкѣ сочиненіе Мацѣвскаго кончилась неудачею ²⁾. Мацѣвскій послѣ этого самъ предложилъ Погодину, не захочетъ ли онъ поручить кому-либо издать русскій переводъ Исторіи, по московскій другъ теперь, очевидно, уже не помышлялъ о возвращеніи къ старому плану, не встрѣтившему въ свое время поддержки въ министерствѣ.

Спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1844 г.) забытый было переводъ Савинича неожиданно нашелъ мецената, изъявившаго готовность взять на себя расходы по изданію „Исторіи слав. законодат.“ Это былъ „близкій родственникъ“ Д. Н. Валуева ³⁾. Въ бытность свою въ Москвѣ Мацѣвскій, повидимому, ознакомился съ переводомъ Савинича и далъ нѣкоторыя указанія для переводчика. „Мы надѣялись тогда, — писалъ Валуевъ, — не медля приступить къ печатанію, но послѣ оказалось, что

¹⁾ Мацѣвскій писалъ: „Co się dotyczy tłumaczenia dzieła mego na rossyjski język, rzecz się tak ma. P. Hyzdew długo mnie utrzymywał w tem mniemaniu, że je wytłumaczy. Z próby tłumaczenia, które podał do dziennika Telegraf (sic!), pokazało się, że języka rossyjskiego doskonale nie posiada. Tak mnie o tem upewniają tutejsi Rossyanie. To jest może powodem, że p. Hyzdew zupełnie zaniechał swego przedsięwzięcia i już przeszło od roku nie pisuje do mnie“. Письма къ Погодину, стр. 514.

²⁾ Estreicher, Bibliogr. polska, III, str. 32, отмѣчаетъ русское изданіе перваго тома въ 1835 г., но намъ его не приходилось видѣть. Ср. С. Пташицкаго некрологъ Мацѣвскаго въ Ж. М. Н. Пр., 1883, ч. 227, стр. 53.

³⁾ См. Письмо Валуева къ Мацѣвскому отъ 23 мая 1844 г. Изъ переписки Мацѣвскаго, стр. 21—22.

переводъ Г. С. долженъ быть весь прежде исправленъ, особливо въ слогѣ; таково было мнѣніе гг. Морошкина и Снегирева; мы приступили тогда же къ оному; теперь, наконецъ, первая часть почти совсѣмъ изготовлена, и въ іюлѣ приступаемъ къ печатанью“. Валуевъ высказывалъ при этомъ желаніе, чтобы русское изданіе было дополнено на основаніи новыхъ, изданныхъ съ 1832 г. источниковъ; на этомъ, въ бытность его въ Прагѣ, особенно настаивали и требовали этого Шафарикъ, Ганка и Палацкій. Въ крайнемъ случаѣ, это дополненіе могло бы состоять лишь въ подробномъ указаніи всѣхъ этихъ новыхъ источниковъ. „Про такое дополненіе,—настаивалъ Валуевъ,—мнѣ говорили славянскіе ученые, какъ условіе *sine qua non*, и потому въ случаѣ вашего отказа пришлось бы намъ самимъ кое-какъ сдѣлать и наложить руку на ваше твореніе“. Но и изъ этого послѣдняго проекта изданія ничего не вышло.

Такъ всѣ попытки издать трудъ Мацѣвскаго на русскомъ языкѣ оказались безплодными ¹⁾.

* * *

Новые историческіе матеріалы, которыхъ у Мацѣвскаго много накопилось уже ко времени печатанія послѣднихъ томовъ перваго изданія Исторіи, дальнѣйшія занятія въ архивахъ и неоднократныя поѣздки за границу побуждали его приступить къ новому изданію своего труда ²⁾, но оно осуществилось нескоро. Только въ 1856 г. появился первый томъ его, хотя Мацѣвскій еще въ концѣ 1836 г. рассчитывалъ „черезъ годъ начать печатаніе“ новаго изданія ³⁾.

¹⁾ Во 2-омъ изд. Hist. Prawod., I, 498, Мацѣвскій вспоминаетъ о нихъ: „Najpierw w Rossyi przekład przedsięwzięto, zajęli się tem Alexander Huzdeu, Sawinicz, Wałujew, ale żaden nie dokonał“. „Жаль, что были отрывки, были общанія—и только“, сожалѣлъ и И. И. Срезневскій еще въ 1838 г. См. Очерки Россіи В. Пассека, I, 276—277, примѣч. къ ст. „Сеймы“.

²⁾ См. Wstęp do Pamiętników. I. Nowy wzgląd na rzecz.

³⁾ См. Письма къ Ганкѣ, стр. 748.

Не желая по нѣкоторымъ соображеніямъ ¹⁾ оставлять на долгое время подъ спудомъ свои новыя приобрѣтенія, Мацѣвскій выпускаетъ въ 1839 г. „Pamiętniki o dziejach, piśmienictwie i prawodawstwie Słowian“ (т. I—II). „Такъ какъ новое изданіе Исторіи слав. законодат. приостановлено,—сообщалъ онъ Ганкѣ ²⁾,—то я тѣмъ временемъ хочу обработать и издать отдѣльныя части, входящія въ предметъ моего труда (osobne materye do materji dzieła mego wchodzące)“. Вниманіе Мацѣвскаго въ особенности привлекають матеріалы для исторіи первобытной христіанской церкви у славянъ западныхъ.

Робко высказанное въ Исторіи мнѣніе о существованіи у нихъ славянскаго обряда (§ 162) ему хотѣлось обосновать прочнѣе и развить шире, и онъ усердно ищетъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Неоднократно проситъ онъ Ганку сообщать ему всякія новыя данныя по этому вопросу. Такъ, въ маѣ 1835 г. ³⁾ онъ обращаетъ его вниманіе на III-ій томъ

¹⁾ Вотъ какъ оправдывалъ Мацѣвскій необходимость изданія результатовъ своихъ новыхъ разысканій въ особомъ письмѣ (Nadesłane): „Tłumacze dzieła mego francuzki i niemiecki, a mianowicie też tłumacz rossyjski, pan Alex. Hyżdeu ogłosili, że praca ich będzie dokładniejszą od oryginału polskiego, z powodu dodatków, które im autor nadesłał, wspólnie z nimi nad wykładem historyi prawodawstw słowiańskich na obce języki pracujący. Zapobiegając temu, ażeby tłumaczenie dzieła mego nie było lepsze od oryginału, i robiąc w tem dogodność dla posiadaczy „Historyi prawodawstw słowiańskich“ polskiego wydania, mam zamiar w osobnych zeszytach drukiem ogłaszać wszelkie dodatki, których sam dla tłumaczy dostarczyłem, tudzież te, które oni z własnego pomysłu, a mianowicie rossyjski tłumacz, do mego dzieła dodadzą. Tym końcem wydawać będę: Pamiętniki do dziejów i prawodawstw słowiańskich ludów, w których oprócz dodatków do materji, w dziele mojem objętych, znajdować się będą rozprawy treści, o ile można, obszérnej, n. p.: Rys historyi oświaty i literatury sławiańskiej podług nowego układu, począwszy od najdawniejszych czasów aż do 18-go wieku; Rozbiór krytyczno-historyczny nie ogłoszone, i wiele innych rzeczy, które mi się nasuwają teraz właśnie, kiedy nanowo odczytuję wszystkie źródła do układu całego dzieła przez mnie niegdyś użyte. Pisałem w Warszawie, w miesiącu Październiku 1835. W. A. Maciejowski“. Rozmaitości. Pismo dodatkowe do Gazety Lwowskiej, 1836, № 43.

²⁾ Письма, стр. 753.

³⁾ Письма, стр. 735—736.

Исторіи (стр. 222—239), гдѣ рѣчь идетъ о славянской церкви, просить внимательно прочесть эти страницы и прислать возможно скорѣе все, что ему извѣстно по этому предмету относительно Чехіи и закарпатскихъ областей; важно было бы, по его мнѣнію, обратить на это вниманіе и другихъ чешскихъ ученыхъ и просить ихъ доставлять ему матеріалы въ Варшаву. „Amice, fer opem!“ упрашиваетъ онъ Ганку и далѣе жалуется на полное ученое одиночество въ Варшавѣ: „Ja tu nikogo nie mam, z kimby można było o tej rzeczy pomówić, ale wy Czechowie musicie wiele o tem wiedzieć“¹⁾).

Когда книга была окончена, Мацѣевскій представилъ ее на одобреніе варшавской цензуры, но не получилъ (по его словамъ) разрѣшенія на напечатаніе²⁾. Пришлось весь трудъ переписать вновь и отправить въ Петербургъ, гдѣ цензура, благодаря предстательству высокихъ покровителей, оказалась снисходительнѣе³⁾.

Патрономъ Мацѣевского оказался еще разъ кн. О. И. Паскевичъ, давшій ему возможность совершить въ 1834 году ученую поѣздку въ Прагу и исходатайствовавшій въ концѣ того же года у имп. Николая I средства на напечатаніе III-го и IV-го томовъ Исторіи. О новомъ трудѣ Мацѣевского Паскевичъ представилъ слѣдующую памятную записку (5 апрѣля 1838 г.) министру нар. просв. С. С. Уварову⁴⁾.

„Извѣстный по изданію на польскомъ языкѣ сочиненія о славянскихъ древностяхъ, бывшій проф. закрытаго Варшавскаго университета, Мацѣевскій, послѣ усиленныхъ трудовъ собралъ достовѣрныя историческія свѣдѣнія о томъ, что свѣтъ христіанской вѣры проникъ въ древности во всѣ славянскія

¹⁾ Ср. еще Письма, стр. 739, 745.

²⁾ Съ этимъ заявленіемъ Мацѣевского не согласуются, однако, въ сообщаемой ниже запискѣ Паскевича строки, относящіяся къ варшавской цензурѣ.

³⁾ Письма, стр. 750.

⁴⁾ Дѣло это хранится въ И. П. Библ., откуда извлечено В. Науменкомъ. См. Кіевск. Стар., 1896, февр., стр. 63. Отчетъ И. П. Библ. за 1892 г., стр. 170.

области, и въ томъ числѣ въ Польшу, съ Востока, и что уже позже по политическимъ обстоятельствамъ, поставлявшимъ постепенно Польшу въ ближайшія съ Западомъ сношенія, проникло въ оную западное исповѣданіе и постепенно вытѣснило обрядъ восточной церкви“.

Паскевичъ находилъ, что „въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ“ такого рода сочиненіе могло бы имѣть „весьма полезныя послѣдствія“, но почему-то окружалъ свои хлопоты таинственностью, которая могла только вредить дѣлу, и полагалъ, что „для лучшаго успѣха нужно избѣгать всякаго, особенно гласнаго усилія правительства въ изданіи этой книги“. Дальнѣйшіе его доводы въ пользу необходимости хранить тайну были развиты нѣсколько страннымъ образомъ. Паскевичъ рассуждалъ:

„Если бъ оно было подвергнуто просмотру Варшавской цензуры, то, вѣроятно, встрѣтились бы противодѣйствія, которыя могли бы поставить въ необходимость обнаружить участіе и тѣмъ уронить самое сочиненіе, давъ поводъ противодѣйствующимъ утверждать, что оно составлено подъ особеннымъ вліяніемъ правительства. По этимъ уваженіямъ, нельзя ли здѣшней цензурѣ заняться просмотромъ сего сочиненія съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ одобренія могло оно быть напечатано въ Варшавѣ, что необходимо по двумъ причинамъ: во 1-хъ, потому, что отъ изданія этого сочиненія въ Варшавѣ зависитъ преимущественно благоприятное его вліяніе, и во 2-хъ, что Мацѣевскій, не имѣя здѣсь знакомыхъ и по важности приводимыхъ имъ историческихъ фактовъ, хочетъ самъ держать корректуру, дабы противники его не воспользовались какою-либо опечаткою, чтобы тѣмъ поколебать достовѣрность самыхъ фактовъ.“

Сочиненіе Мацѣевского по указанію моему представлено частнымъ образомъ въ Департаментъ Мин. Нар. Просв., и мнѣ остается покорнѣйше просить В. Прев. о приказаніи заняться просмотромъ онаго, и потомъ, послѣдуетъ ли одобреніе или нѣтъ, чтобы во всякомъ случаѣ поступлено было безъ огласки, такъ, какъ будто сочиненіе это представлено самимъ Мацѣев-

скимъ безъ участія мѣстнаго начальства. Генералъ-фельдмаршалъ кн. Варшавскій Гр. Паскевичъ-Эриванскій“.

Петербургская цензура, въ виду такого ходатайства, отнеслась къ труду Мацѣвскаго съ рѣдкимъ вниманіемъ. Цензоръ Гаевскій, которому поручено было рассмотреть его, уже 3-го мая представилъ свое заключеніе, а 6-го мая Уваровъ извѣщалъ Паскевича объ одобреніи рукописи Мацѣвскаго къ печати! Вообще, отношеніе къ труду Мацѣвскаго было самое благосклонное. Такъ, Гаевскій усмотрѣлъ въ сочиненіи его нѣкоторыя статьи, которыя, по смыслу Устава о цензурѣ, полагалъ нужнымъ подвергнуть предварительному рассмотрѣнію духовной цензуры, но министръ нар. просв., „не находя удобнымъ посылать въ духовную цензуру книгъ на польскомъ языкѣ, и по уваженію, что въ ней нѣтъ догматическихъ толкованій, а только заключаются историческіе факты“, разрѣшилъ Гаевскому одобрить сочиненіе Мацѣвскаго, не сносясь съ духовными властями. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя мѣста были исключены въ рукописи, и автору не разрѣшалось ихъ печатать ¹⁾. Рукопись возвращена была въ Варшаву Главному Директору, Предсѣдательствующему въ Правительственной Комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просв. Царства Польскаго, и ее приказано было доставить автору „черезъ благонадежное посредство и безъ огласки“. Тайна и осторожность соблюдались до конца.

По выходѣ книги въ свѣтъ, „Pamiętniki“ немедленно стали переводить въ Варшавѣ на русскій языкъ Орестъ Евекій, а на французскій д-ръ Луи Сове (Sauvé), б. военный врачъ польскихъ войскъ. Обоими переведена была только первая часть. Русскій переводъ вышелъ подъ заглавіемъ: „Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ ²⁾“.

¹⁾ Какія это были мѣста, — не указано точнѣе.

²⁾ Изъ книги г. Мацѣвскаго: *Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian*, Перевелъ Орестъ Евекій. Варшава. Печатано въ типографіи Юліана Качановскаго. 1840. Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. Августа 14 дня 1839 г. Изданіе посвящено: Петру Феодор. Еліашевичу, директору собств. Канц.

Французское изданіе озаглавлено: „*Essai historique sur l'église chrétienne primitive des deux rites, chez les Slaves*“. Traduit du polonais en français par le docteur Louis François de Sauvė etc. à Leipsic, chez I. C. Hinrichs. 1840.

Оба изданія¹⁾ вышли на „казенный счет“, на средства, исходатайствованныя Намѣстникомъ, причемъ на печатаніе того и другого перевода было отпущено по пяти тысячъ золотыхъ. Переводъ Евецкаго разсылался всѣмъ высшимъ іерархамъ православной церкви и библіотекамъ духовныхъ учебныхъ заведеній. „Эта любопытная книжка будетъ хорошимъ пособіемъ преподавателямъ и обучающимся церковной исторіи“, рекомендовалъ ее Красовскій. Подарки Паскевича приняты были, по словамъ Красовскаго, всюду съ живѣйшею благодарностью. Митрополитъ московскій Филаретъ писалъ по полученіи книги Красовскому: „Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ есть книга примѣчательная по отношенію къ Восточной церкви и къ исторіи Славянскихъ племенъ“... Такъ встрѣтили у насъ русскій переводъ ея.

Переводъ Сове предназначался „для Европы²⁾“. Она поторопилась высказать свое сужденіе, и не дожидаясь этого спеціального изданія. Противъ Мацѣвскаго выступилъ быстро и по обыкновенію рѣшительно В. Конитаръ.

Въ незначительной замѣткѣ, вошедшей въ сборникъ статей, подъ заглавіемъ: „*Hesychii glossographi discipulus*“

Намѣстника. Безъ всякаго предисловія, но съ прибавленіями переводчика: 1) О церквахъ въ Ольмюцѣ и Брюнѣ (двѣ грамоты изъ сб. Бочка, т. I, 136—138). 2) Списокъ источниковъ. 3) Азбучный списокъ именъ, названій и вообще предметовъ, содержащихся въ „Исторіи первобытной христ. церкви у славянъ“. Второй томъ переведенъ былъ тогда же П. П. Дубровскимъ подъ загл.: „Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія слав. народовъ до XIV вѣка“, но напечатанъ въ Чтеніяхъ въ 1846 г., II.

¹⁾ Французское,—повидимому, не безъ хлопотъ самого Мацѣвскаго. Сове былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. См. Préface къ его переводу. Сове собирался перевести и Исторію слав. законодательствъ.

²⁾ „Переводъ Сове,—говорилъ въ своемъ представленіи Государю Паскевичъ,—передавая Европѣ весьма любопытныя и достойныя распространенія свѣдѣнія Мацѣвскимъ собранныя, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, поощреніе“.

etc. ¹⁾), онъ обрушился на Мацѣвскаго, давши, къ сожалѣнію, широкій просторъ не столько убѣдительной, сокрушающей заблужденія его аргументаціи, сколько непонятной злобѣ и рѣзкости ²⁾). Возраженія Копитаря были направлены противъ взгляда Мацѣвскаго на первоначальное существованіе греческаго обряда у всѣхъ славянъ ³⁾ и противъ нѣкоторыхъ неправильно приписываемыхъ Мацѣвскимъ Копитарю мнѣній, напр., объ изобрѣтеніи католическимъ духовенствомъ глаголическихъ письменъ, болѣе древнихъ, чѣмъ кирилловскія. Замѣтка заканчивалась язвительной цитатой изъ свящ. писанія (Матв. 18, 7): „Necesse enim est, ut veniant scandala; verumtamen vae homini illi per quem scandalum venit“. Соблазнъ сѣялъ Мацѣвскій.

Въ сущности, все наиболѣе важное изъ возраженій Копитаря сообщилъ Мацѣвскому, нимало не обинуясь, въ письмѣ

¹⁾ Стр. 56—58. Изданіе имѣетъ два обозначенія года: Vindobonae 1840—на обложкѣ и 1839—на заглавномъ листѣ. Копитарь самъ называетъ этотъ сборникъ „памфлетомъ“, который содержитъ „slawische Miscellanea“. Книга уже печаталась, когда онъ общалъ Мацѣвскому: „Vielleicht sage ich auch ein paar Worte“... Письмо отъ 11 сентября 1839 г. Arch. f. slav. Phil., XXII, 632. Поэтому неправъ анонимный защитникъ Мацѣвскаго, который въ отзывѣ о книгѣ Копитаря (Ogędownik Nauk., 1841, str. 147) высказываетъ догадку, что Гезихій былъ въ сущности лишь ширмой (lekką osłoną), а главная цѣль и намѣренія автора заключались въ „прибавленіи“ (отъ стр. 25), полномъ эрудиціи и въ то же время рѣзкихъ выходокъ по адресу извѣстнѣйшихъ славянскихъ ученыхъ.

²⁾ Этотъ выпадъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Линде, который писалъ Уварову 12/24 мая 1840 г.: „Recht empfindlich hat es mich geschmerzt, in dem Schriftchen meines alten Freundes Kopitar „Discipulus“ so viel Anzüglichkeiten gegen unsern Maciejowski zu finden; gemildet werden sie etwas dadurch, dass er Gaj, Szafarzyk, Palazki und die ganze böhmische Schule tüchtig mitnimmt; aber er streut doch Unkraut unter den Weizen, und da er lateinisch schreibt, so ist er allen jenen Lateinern in Galizien u s. w. sehr zugänglich“. Русск. Фил. В., 1905, стр. 93.

³⁾ „Praecipua operis pars in eo versatur, ut persuadeat, non e. g. Russos tantum sed plane universam Slavorum gentem, quanta et nunc est, et olim fuit, nec extinctis dudum puto Radantiis et Polabis exceptis, fuisse primitus ritus graeci christianos, nec nisi Pontificis Romani et Imperatorum germanicorum artificii aut vi tandem Bohemos et Polonos et Hungaros... ab antiquiori graeco ad ritum latinum seu catholicum esse traductos“. Hesychii glossogr., p. 56.

къ нему ¹⁾ въ сентябрѣ 1839 года, но частное письмо, разумѣется, было написано сдержаннѣе, хотя и въ немъ преподано было для самого Мацѣвскаго загадочное наставленіе: „Tu cave, ne sis nimis credulus, nunc bohemis, nunc aliis benignus nimis“. Предостереженіе въ самомъ дѣлѣ странное! Дружескія отношенія его къ Шафарику и Ганкѣ и всей той „кликѣ конспираторовъ“, которая такъ огорчала Добровскаго въ вопросѣ объ „открытіяхъ“, не могли вѣдь вліять на самостоятельность мнѣній Мацѣвскаго. Онъ справедливо не могъ понять, какимъ образомъ могло касаться его замѣчаніе о таинственной „clique conspiracy“ ²⁾.

О выходѣ книги Копитаря Мацѣвскій узналъ изъ газеты Wiener Hofzeitung (1840, № 72, 12 März), вѣроятно, доставленной въ Варшаву кѣмъ-либо изъ друзей его. „Будемъ бороться за великую историческую истину, которая все болѣе меня занимаетъ“, писалъ онъ Погодину. Онъ готовился въ бой и усердно вооружался новыми матеріалами. Раньше отзыва Копитаря и вслѣдъ за нимъ появились еще замѣчанія польскихъ критиковъ ³⁾, и Мацѣвскій отвѣтилъ имъ немедленно ⁴⁾. Съ Копитаремъ онъ, очевидно, не хотѣлъ спорить: на оскорбительныя замѣчанія онъ отвѣтилъ презрительнымъ молчаніемъ и нанесенную обиду постарался забыть. Хорошихъ отношеній съ вѣнскимъ славистомъ у него никогда не было.

* * *

Значительно глубже поразило его обвиненіе, брошенное публично, ex cathedra, предъ лицомъ многочисленныхъ слу-

¹⁾ Сообщено нами въ Arch. f. slav. Phil., XXII, 632.

²⁾ См. письмо къ Погодину отъ 9 мая 1840 г., Письма, стр. 517. Ср. еще Письма къ Ганкѣ, стр. 764.

³⁾ Jęd. M. въ № 34 Tygodnika liter., 1839 г.; J. I. Kraszewski въ № 94, str. 523, Tygodn. Petersb., 1839; перепечатано въ его Studjach liter., 1842, Wilno. „Różnice zachodzące między Pamiętnikami a hist.“, ст. И. Л. Рихтера, Bibl. Warsz., 1841, III—IV; возраженія Мац. тамъ же, 1842, IV, 104—132. Ср. еще замѣчанія К. Запа въ Ć. Ć. Mus., 1844, 247 и письмо Мац. Воцелю, тамъ же, 1844, IV, 628,—противъ Запа.

⁴⁾ См. Polska aż do pierwszej połowy XVII w., IV, str. 440.

шателей, преимущественно польскихъ эмигрантовъ, великимъ соотечественникомъ Адамомъ Мицкевичемъ, недавно только открывшимъ свои чтенія по исторіи славянскихъ литературъ въ Collège de France. Со времени появленія статьи Копитаря прошло уже почти три года, горечь обиды могла въ сильной мѣрѣ ослабѣть и даже быть забытой, но новый ударъ, нанесенный гениальнымъ поэтомъ, окруженнымъ ореоломъ мученика и страдальца за національную идею, вновь поднялъ улегшіяся было тяжелыя чувства и думы.

Въ XIX-ой лекціи (12 апрѣля 1842 г.) Мицкевичъ, рассуждая между прочимъ о томъ, что такое измѣна національному дѣлу, пришелъ къ нѣсколько парадоксальному выводу. что въ Европѣ новаго времени только два народа, французы и поляки, обвиняли своихъ вождей и согражданъ въ этомъ преступленіи, и въ этомъ фактѣ онъ усматривалъ доказательство той великой миссіи (*wielkiego posłannictwa*), которую Провидѣніе опредѣлило на долю Польши и Франціи. И польская литература, среди прочихъ славянскихъ литературъ, представляетъ, по наблюденію Мицкевича, своеобразное явленіе: въ ней поэтъ находитъ неизвѣстный другимъ литературамъ классъ писателей-измѣнниковъ отчизны, которые отрекаются отъ имени и вѣры своей страны, позорятъ ея исторію, порочатъ нравы, безчестятъ характеръ народа, неистово возстаютъ противъ вѣрныхъ сыновъ Польши, чтобы этимъ избѣжать преслѣдованій или пріобрѣсти расположеніе притѣснителей. Извѣстнѣйшими среди этихъ соотечественниковъ-предателей, такъ сказать, родоначальниками ихъ, водрузившими знамя отступничества (*co zatknełi chorągiew tego odstepstwa*), поэтъ называетъ печально прославившагося въ русской литературѣ О. И. Сенковского (барона Брамбеуса), автора политическихъ памфлетовъ графа Адама Гуровскаго ¹⁾ и „въ из-

¹⁾ Графу Ад. Гуровскому принадлежатъ слѣдующія произведенія: 1) *La cause Polonaise sous son véritable point de vue*. Paris, 1831. 2) *La vérité sur la Russie*. Paris, 1836. 3) *La civilisation et la Russie*. St. Pbg., 1840; нѣмецкій перев.: Leipzig, 1841. 4) *Pensées sur l'avenir des Polonais*. Berlin, 1841; нѣм. перев.: Leipzig, 1842. 5) *Aus meinem Gedankenbuche*. Breslau,

вѣстной степени считающагося эрудитомъ“, изслѣдователя славянскихъ древностей В. А. Мацѣвскаго ¹⁾).

Мнѣнія Мицкевича о гр. Гуровскомъ мы касаться не будемъ: о сомнительной дѣятельности графа и о его писаніяхъ не было и нѣтъ въ польской литературѣ двухъ несогласныхъ отзывовъ, и поэтъ, надо думать, по праву заклеимъ его ²⁾).

Но едва ли справедливо отнесся поэтъ къ О. И. Сенковскому, а еще болѣе опрометчивымъ и безосновательнымъ было причисленіе къ сонму „измѣнниковъ“ Мацѣвскаго, заслуженнаго ученаго, стяжавшаго трудами своими широкую извѣстность, далекаго отъ всякихъ выступленій политическаго характера, несомнѣнно, горячо преданнаго славянской идеѣ.

1843. 6) *Eine Tour durch Belgien*. Heidelberg, 1845. 7) *Impressions et souvenirs*. Lausanne, 1846; нѣм. перев.: Stuttgart, 1846. 8) *Die letzten Ereignisse Polens*. München, 1846. 9) *Le Panslavisme. Son histoire, ses veritables éléments: religieux, sociaux, philosophiques et politiques*. T. I. Florence. 1848, и др.

¹⁾ *Literatura Słowiańska, Tom II, rok II, 1841—1842*. Poznań, 1865, str. 203—204. Въ французскомъ текстѣ изданія 1849 г. (*Les Slaves etc.*, Paris, 1849, III, 147—158, лекція 60-ая) мы этого мѣста не находимъ. Зд. оно передано болѣе сжато и обще, хотя и по стенографической записи.

²⁾ Вотъ какъ сильно, наприимѣръ, характеризовалъ Гуровскаго современникъ: „Apostata ten w ojczyznobójstwie, sztydzący z niego, istny łotr po lewicy zbawcy narodów zawieszony, bezecny wyrodek najnie-szczęśliwszego z ludów, expiaczą upadku człowieczeństwa docierpiających, bękarto-hrabia, nieczysty wymiot pseuboliberalizmu, wyrzucił nieczystszy jeszcze z swojego, przeznaczeniem i złą wolą zwichnionego i zaslepionego umysłu, wymiot, pod tytułem: Prawda co do Rossyi i Rewolucyi prowincyi Polskich“, Br. Trentowskiego Listy Naukowe. List II. Polska w Apostazyi, czyli tak zwanym Russo-Sławianizmie i w Apoteozie, czyli tak zwanym Gallo-Kosmopolityzmie. *Ogłdownik Nauk.*, 1843, № 1, str. 4. Историкъ ноябрьскаго возстанія 1830 г. Баржиковскій видитъ въ Гуровскомъ „арсуютра, кłamcę z profesyi i ze zwyczaju, człowieka najgorszej wiary i bezdennej nikczemności“. Э. Лунинскій (*Świat*, 1909, № 38) такъ отзывается о немъ: „paskwilant, panslawista, bête noire emigracyi, postać na poły kатыlinarna, która burzliwą karyerę, rozpoczętą między paryską frondą, skończyła w awanturniczym amerykańskim odmiecie“. Мало въ сущности лестную характеристику графа находимъ въ воспоминаніяхъ О. В. Чиждова, который познакомился съ Гуровскимъ въ Римѣ въ 40-хъ г. г., гдѣ встрѣтилъ его въ обществѣ извѣстнаго историка славянскаго права Р. Губе: „Гуровскій мнѣ сильно понравился своею открытостью, своими самыми благонамѣренными сужденіями и особенно тѣмъ, что почти во всѣхъ, о комъ онъ ни говорилъ изъ нашихъ сановниковъ, да и вообще въ сужденіяхъ о большей части людей, кромѣ поляковъ, онъ умѣлъ показать прекрасную сторону“. *Историч. Вѣстн.*, 1883, февр., 249.

Называя Сенковского предателемъ, Мицкевичъ, повидимому, повторялъ старыя обвиненія, не разбираясь въ ихъ основательности. Въ свое время, когда вышли „Collectanea“ (I—II, Warszawa, 1824—1825) Сенковского, польская критика вообще строго отнеслась къ издателю, а кое-гдѣ раздались и обидные упреки въ отсутствіи патриотизма. „Dziennik Warsz.“ особенно неодобрительно встрѣтилъ „Collectanea“, и Сенковский 28 ноября 1825 г. жаловался Лелевелю на своихъ строгихъ судей: „Они не могутъ мнѣ простить „Collectanea“ и воображаютъ, что я написалъ ихъ въ антипольскомъ духѣ; знающіе меня думаютъ совсѣмъ иначе“¹⁾.

Замѣтимъ, что въ періодъ своихъ невольныхъ скитаній, вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ въ 1824 г., поэтъ познакомился съ Сенковскимъ, занимавшимъ тогда кафедру восточныхъ языковъ въ петербургскомъ университетѣ, посѣщалъ впослѣдствіи его домъ, хлопоталъ у него объ устройствѣ въ Петербургѣ друга своего Одынца, пользовался самъ указаніями Сенковского по части восточныхъ литературъ и даже написалъ въ альбомѣ женѣ его стихотвореніе. Однако и въ польской литературѣ не все относились къ Сенковскому столь пренебрежительно: о немъ, какъ объ „извѣстнѣйшемъ русскомъ писателѣ“, съ гордостью говорилъ, напримѣръ, серьезный ученый журналъ Bibl. Ossolińskich²⁾.

„Отступничество“ и „измѣну“ еще меньше можно было связывать съ именемъ Мацѣевского и всею его плодотворною ученою дѣятельностью, любовно посвященною польской исторіи, праву, литературѣ, культурной жизни польскаго народа

¹⁾ См. брош. „Сенковский въ своей перепискѣ съ Іоак. Лелевелемъ“, стр. 94, отд. отт. изъ „Зап. Почты“, 1878 г. Извлечено и переведено изъ варш. газ. „Echo“, 1878 г. Спасовичъ (Ист. слав. лит., II, 650) говоритъ, что Мицкевичъ не любилъ Сенковского и считалъ его ренегатомъ и опаснымъ человекомъ.

²⁾ См. Pamiętn. Tow. im. Mickiewicza, III, 1889, 187—189. Стихотвореніе Мицкевича „Szanfary“, для котораго Сенковский сдѣлалъ ему дословный переводъ арабскаго текста, напечатано впервые въ петерб. изданіи 1829 г., I, 240. Ср. Pamiętn. Tow. im. Mickiewicza, III, 258.

³⁾ 1843, VIII, 155, въ замѣткѣ: „Dwaj z najznakomitszych teraźniejszychъ pisarzy Rossyjskich Polacy“, — о Сенковскомъ и Булгаринѣ.

вообще. Мацѣвскій оскорбленъ былъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ человѣкомъ, къ словамъ котораго, какъ къ пророческимъ вѣщаніямъ, прислушивалось все патріотическое польское общество, и оправдаться въ тяжкомъ обвиненіи было поэтому нелегко. Онъ не прибѣгъ къ полемикѣ съ поэтомъ, сознавая, очевидно, что всѣ его оправданія и возраженія были бы бесполезны. Съ защитой могли бы выступить только ученые друзья его, но они не откликнулись: съ одной стороны, споръ изъ области научной перенесенъ былъ на почву патріотической благонадежности, и продолжать его въ этихъ условіяхъ не было смысла, съ другой — настойчиво поддерживать мнѣніе Мацѣвскаго значило навлечь на себя такія же обвиненія, какія посылались на его голову ¹⁾).

Свое огорченіе Мацѣвскій излилъ въ частныхъ письмахъ. Такъ, въ письмѣ къ знаменитому чешскому физиологу и славянофилу профессору I. Е. Пуркинѣ (отъ 20 окт. 1842 г.) онъ жаловался: „Czytałeś pewno w paryskim piśmie Narodowość, że mnie ten fanatyk Mickiewicz zdrajcą nazwał i na jednej szali z Gurowskim i Senkowskim umieścił. Niech mu Bóg tego nie pamięta! Ja jak byłem, tak pozostanę wiernym idei słowiańskiej i będę ciągle pielegnować słowiańską literaturę, samego Boga i dobro ogólne, bynajmniej zaś jakie bać stronnictwo przed oczami mając ²⁾”. Въ другомъ письмѣ, къ одному изъ русскихъ своихъ знакомыхъ Мацѣвскій прямо говорилъ о преслѣдованіяхъ, воздвигнутыхъ противъ него іезуитами въ польскихъ журналахъ, и

¹⁾ Самъ Мацѣвскій (*Pismienictwo Polskie*, 1852, II, 935) заявляетъ, впрочемъ, что нѣкоторые періодическія изданія выступили противъ огульнаго отзыва Мицкевича „o literatach zdrajcach“ и предлагали ему или доказать свое сужденіе, или взять обратно свои слова, какъ унижающія его славу и достоинство имени польскаго. При этомъ Мацѣвскій ссылается на *Dziennik Poznański*, 1842, 173 и *Przegląd Poznański*, 1847, 510 и сл. Ниже мы цитируемъ статью *Przeglądu Pozn.*, но она не защищаетъ Мацѣвскаго.

²⁾ Письмо въ библ. Чешскаго Музея, въ бумагахъ Пуркини.

почти буквально повторилъ изъ письма къ Пуркинѣ приведенную здѣсь жалобу на Мицкевича ¹⁾.

Но жалобы друзьямъ не вызвали никого изъ нихъ на защиту чести Мацѣевского. Когда онъ поинтересовался въ свое время (1835 г.) узнать мнѣніе Ганки по вопросу о славянскомъ обрядѣ, то осторожный Вячеславъ Вячеславовичъ отвѣтилъ ему: „Что касается меня, то я охотно присоединился бы къ вашему мнѣнію, но вы встрѣтите сильную оппозицію у католическихъ священниковъ ²⁾“. Обѣщалъ было прислать свои замѣчанія Палацкій, но обѣщанія не исполнилъ. Нельзя было сослаться на инославянскіе ученые авторитеты, а между тѣмъ нападки не прекращались. Въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ Мацѣевскій просить написать ему, читали ли *Pamiętniki* чешскіе священники, и каково ихъ мнѣніе, и добавляетъ: „Фанатики сердятся на меня, но разумные люди хвалятъ этотъ трудъ и не находятъ въ немъ ничего достойнаго порицанія ³⁾“. Эти отношенія подтверждаются и друзьями Мацѣевского. „Мацѣевскій бранится съ попами“, писалъ какъ-то близко знавшій варшавскія дѣла Мухановъ Погодину ⁴⁾.

Только въ 1852 г. въ новомъ трудѣ своемъ „*Piśmienictwo polskie*“ (II, 934—935) Мацѣевскій рѣшился напом-

¹⁾ „Was mich anbelangt,—писалъ онъ,—so ist meine Lage immer dieseble, mit der Ausnahme, dass nun die Jesuiten mich mehr wie sonst verfolgen. Ich hatte viel von ihnen für mein neuestes Werk zu dulden: sie haben gegen mich Schmähschriften in die polnischen Zeitschriften einkücken lassen, aber ich habe dennoch Freunde, die mich gegen ihre Angriffe vertheidigen. Selbst unsern Dichter den Adam Mickiewicz haben sie gegen mich aufzuhetzen gewusst, und dieser Herr hat die Freiheit gehabt mich schriftlich vor meiner Nation als einen Verräther des Vaterlandes anzuklagen. Gott verzeihe es diesem Fanatiker, der nichts von der christlichen Liebe und dem wahren Katholicismus zu wissen will!“ Изъ нашихъ матеріаловъ для біографіи Мацѣевского.

²⁾ Письма стр. 738. *Slov. Sborn.*, II, 407.

³⁾ Письма, стр. 765.

⁴⁾ Самъ Мацѣевскій въ письмѣ къ Ганкѣ 24 іюня 1841 г. говоритъ объ отношеніи къ нему мѣстныхъ клерикальныхъ круговъ: „Co tylko w mocy ludzkiej jest, czynię ja tu dla literatury słowiańskiej, ale coraz to więcej mam stąd nieprzyjemności, bo jezuici bardzo tu intrygują u tutejszych pietystów, w złem świetle wystawiając słowiańszczyznę“. Письма, стр. 767.

нить обществу о несчастномъ отзывѣ Мицкевича и свелъ въ немногихъ словахъ старый счетъ съ своимъ оскорбителемъ. Онъ отозвался съ пренебреженіемъ о лекціяхъ поэта по исторіи польской литературы ¹⁾, такъ какъ онѣ сѣяли заблужденія и ложныя представленія въ европейскомъ обществѣ относительно славянъ вообще и поляковъ въ частности и принесли, слѣдовательно, больше вреда, чѣмъ пользы. Повидимому, Мацѣевскому хотѣлось вызвать со стороны Мицкевича отвѣтъ на повторенное ему предложеніе „взять свои слова обратно”. По крайней мѣрѣ, въ 1858 г. въ предисловіи къ VI-му тому „Historyi prawodawstw słow.” (II изд.) онъ еще разъ вспомнилъ о столкновении съ Мицкевичемъ. Уже послѣ смерти поэта краковскій Czas (1856, № 91) напечаталъ замѣтки его (notaty) на IX-й выпускъ „Piśmiennictwa Polskiego” Мацѣевского. Тонъ этихъ замѣчаній съ самаго начала былъ пренебрежительный и полный ироніи. Вотъ начало ихъ: „6 kwietnia 1853 r. Przysłano nam dzisiaj 9-ty poszyt Piśmiennictwa Polskiego. Wydał Maciejowski. Czytamy. Byliśmy co chwila w zdumieniach nad uwagami wydawcy. Co to wszystko znaczy? Ale znamy już zdawna wydawcę i wiemy, że to nie nie znaczy. Zaczniemy od nawiasów Nie nie znaczące, a przecież nas dziwią. Bo dziwna jest pogarda Maciejowskiego nad umysłami polskimi. Objasnia on w swoich nawiasach wszystko to, czego nie rozumie. Rzeczy szerokie i ogromne, a przekonany jest, że czego on nie rozumie, musi być polakom nie zrozumiałe“ и т. д. Мацѣевскій не могъ оставить ихъ безъ возраженія и въ полемическомъ задорѣ тоже не особенно былъ тактиченъ. „Wieczny pokój popiołom wieszczów! zawołałem, słowa jego przeczytawszy”, писалъ онъ въ названномъ предисловіи. „Milczeniem pokrył śpiewak Walenroda, com w Piśmiennictwie II, 934 o jego na mnie

¹⁾ „W odczytach, które miewał, przedstawiał i polską literaturę, ale tak błędnie i namiętnie dał ją poznać słuchaczom, tak malignowo przedstawił ją, iż przez to zaszkodził jej raczej niż pomógł, wprowadziwszy w błąd zachodnią Europę o narodowości i umysłowości płodach tak Słowian wogóle, jak w szczególności Polaków”. О лекціяхъ Мицкевича вообще высказывались разнообразныя мнѣнія и своими и чужими.

napaści wyrzekł, a przyczepił się do drukowanych języka polskiego pomników, ni to ni owo o nich zaimprovizowawszy, nie coby należało do rzeczy nie powiedziawszy"... Споръ касался изданныхъ Мацѣвскимъ памятниковъ древне-польскаго языка и его несовсѣмъ счастливыхъ чтеній текстовъ.

Долго еще не могъ Мацѣвскій забыть поэту его прегрѣшеніе и предаль забвенію прошлое лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти Мицкевича, когда, повидимому, имѣлъ неоспоримыя доказательства, что поэтъ самъ сожалѣлъ о неосторожно сказанномъ когда-то словѣ. Въ альбомѣ, подаренномъ польскими посѣтителеми Карловыхъ Варовъ владѣльцу того дома, въ которомъ въ 1829 году жилъ Мицкевичъ, Мацѣвскій въ 1873 г. написалъ слѣдующія примирительныя строки: „Wczytałem z listu twoich adeptów Adamie, żeś żałował tego, iż mnie nie poznałeś, pisał to Bogdan Zaleski do Michałowskiego Felixa w Saint-Etienne, a ten doniósł mi o tem do Warszawy. A więc zgoda z nami. Pisał w Karlsbadzie d. 24-go Sierpnia 1873 r. Wacław Alexander Maciejowski”.

Обвиненіе, которое Мицкевичъ столь неосмотрительно бросилъ въ лицо Мацѣвскому, обратилось тотчасъ по злой ироніи судьбы противъ самого поэта. Уже послѣ первыхъ лекцій его въ Парижѣ въ наиболѣе радикальныхъ кругахъ эмиграціи раздались недовольные голоса. Козьмянъ въ письмѣ изъ Парижа отъ 21 декабря 1841 г. такъ опредѣлялъ это настроеніе: „Krzyczą ludzie polityczni na tendeneyę słowiańsko-rossyjskie, z wielką namiętnością sądzą Adama, nigdy jeszcze dzikszych wrzasków w tułactwie nie było ¹⁾”... Мицкевича громко и страстно обвиняли въ томъ, что онъ въ своихъ славянскихъ лекціяхъ, превознося могущество Россіи, явно прокладываетъ путь московскому славянству (Słowiańszczyźnie moskiewskiej), въ его чтеніяхъ видѣли симпатіи „къ Москвѣ”, въру поэта въ ея великое будущее²⁾. Эмиграціонная печать

¹⁾ Pamiętn. Tow. im. Mickiewicza, V, 266.

²⁾ „Słów jego inaczej rozumieć nie można, tylko tak, że do Moskwy, do jej politycznych zasad Słowianie swoje nadzieje zwracać powinni. Pol-

въ партійномъ ослѣпленіи заходила такъ далеко, что неоднократно ставила имя великаго поэта рядомъ съ ненавистнымъ именемъ Адама Гуровскаго ¹⁾ и столь же смѣло и бездоказательно говорила объ „отступничествѣ” (*odstępstwo*) Мицкевича, какъ Мицкевичъ называлъ измѣнникомъ Мацѣвскаго.

И это нелѣпое обвиненіе повторяли другіе польскіе органы. Такъ, познанскій *Rok* (1845, № XI и XII) въ статьѣ: „*Pisarze Polscy wobec potrzeby narodowej*” еще разъ ставилъ Мицкевича рядомъ съ Гуровскимъ, Грабовскимъ и Ржевускимъ, а творенія поэта, даже „*Rana Tadeusza*”, съ національной точки зрѣнія подвергъ осужденію. Поэту ставилось въ вину даже то, что онъ напечаталъ своего „*Walenderoda*” въ Петербургѣ! По выраженію защитника добраго имени Мицкевича Г. Цегельскаго ²⁾, критикъ познанскаго журнала сдѣлалъ изъ поэта „панслависта и даже москаля” (*panslawistę lub moskala nawet*)! Вотъ до какихъ предѣловъ дошли взаимныя обвиненія! Обуреваемые политическими страстями, головы лучшихъ людей туманились и не разбирались въ общей сумятицѣ мнѣній, взглядовъ и партійныхъ лозунговъ ³⁾.

* * *

На Мацѣвскаго ополчился обширный лагерь противниковъ его еретическаго мнѣнія ⁴⁾. Отзывъ Мицкевича отра-

ska? to sen! Moskwa? to najokazalsza rzeczywistość, za której ruchem powinna iść Polska. Nawet Adam Gurowski dobitniej i jaśniej swego odstępstwa nie wyrozumował”... „Nigdy Moskwa głośniejszej nie uzyskała apoteozy, nigdy silniejszy fałsz nie był zadany powszechnemu uczuciu Europy”. *Pamiętnik*, III, 86. Ср. еще Wł. Mickiewicz, *Żywot Ad. Mickiewicza*, II, CIX; IV, oddz. III, 608, CXI—CXII.

¹⁾ *Pamiętnik*, III, 89, 90.

²⁾ Въ статьѣ: *Odparcie potwarzy, rzucanej na Mickiewicza*, въ ж. *Ogędownik Naukowy*, 1845, str. 196.

³⁾ Такъ, въ новѣйшее время подобнымъ нападкамъ подвергался проф. М. Здзѣховскій „за пропаганду панславизма” и вообще за свою яко бы „москалефильскую” дѣятельность, выразившуюся въ чествованіи въ краковскомъ Славянскомъ клубѣ памяти Пушкина и Гоголя! Не избѣжали этихъ обвиненій и другіе польскіе ученые. См. брошюру Скриштора „*Materiały i myśli polityczne*”.

⁴⁾ Интересно отмѣтить, что уже первое изданіе *Исторіи* обратило

зился неоднократнымъ эхомъ, причемъ обвиненіе формулировалось иногда конкретнѣе, опредѣленнѣе. Авторъ жалкой компиляции „Piśmiennictwo polskie w zarysie“¹⁾ дерзнулъ еще разъ съ чужого голоса назвать Мацѣвскаго вмѣстѣ съ М. Грабовскимъ „pisarzami zaprzędanymi nieprzyjaciółom kraju“²⁾. Въ походѣ на Мацѣвскаго принимала особенно живое участіе познанская журналистика. Застрѣльщикомъ выступилъ Tygodnik literacki. По поводу статьи журнала Ogródnik Naukowy (Poznań, 1843, № 3), содержащей неодобрительный отзывъ о познанской литературѣ вообще, въ Tygodnik'ѣ (1843, str. 30) появилось письмо къ редактору, опять заключавшее извѣстное намъ обвиненіе. „Płody literatury poznańskiej są u nas wysoko cenione“, протестовалъ авторъ этого письма, „od wszystkich poważane, wyjąwszy te tylko, względem których znaleźliśmy dowody dopuszczenia się zdrady, które pracują nad wyrobieniem pomysłów o swoim Pseudo-Sławianizmie“. Далѣе прямо назывался, какъ одинъ изъ проповѣдниковъ этого „псевдославянизма“, „pan W. A. M. z Warszawy“, т. е. Мацѣвскій, и его пражскій пріятель и вдохновитель Вячеславъ Ганка, избравшіе Ogródnik органомъ распространенія своихъ зловредныхъ идей. Доказательствомъ такой преступной съ національной точки зрѣнія литературной дѣятельности Мацѣвскаго явились вскорѣ

на себя вниманіе подозрительныхъ пражскихъ властей. Мацѣвскій усиленно снабжалъ всѣхъ славянскихъ друзей своими книгами, прося ихъ содѣйствовать продажѣ ихъ. Ганка, у котораго хранились книги Мацѣвскаго, испыталъ изъ-за этого цѣлый рядъ непріятностей. „Nie uwierzysz, Sz. Panie Wacławie,—писалъ онъ Мацѣвскому (17 окт. 1835 г.),—jakich ambarasów mnie książki Pańskie narobiły“... Книги Мацѣвскаго онъ вынужденъ былъ наконецъ сдать книгопродавцу: „Albowiem mnie dokuczali, że ja, nie będąc księgarzem, ani pozwolenia mając, w oczach rządu zjawiam się niby rozprzestraniiciel wątpliwych książek, pod tytułem dozwolonych“. Письма, стр. 743. Конечно, причина придирокъ пражскихъ властей была иная, чѣмъ у ученыхъ критиковъ Мацѣвскаго.

¹⁾ Skreślił E. D., т. е. Edw. Dembowski, Poznań, 1845.

²⁾ Ogródnik Nauk., 1845, 56, 63. Мацѣвскій въ изображеніи Дембовскаго являлся представителемъ „чистаго панславизма“, отрицавшего польскую національную идею; понятія его о славянствѣ назывались варварскими.

еще и его путевые очерки: „Korrespondencya z Petersburga” и „Kilka wspomnień pobytu mego w Moskwie w 1842 r.”, напечатанные въ Orędowniku (1843, № 22, str. 175; 1844, № 28—30). При самомъ настойчивомъ желаніи найти въ этомъ нѣсколько сухомъ отчетѣ о занятіяхъ въ московскихъ библіотекахъ (Синодальной Типогр., Патріаршей, Царскаго, Общества Исторіи и Древностей) и архивахъ, о встрѣчахъ и ученыхъ знакомствахъ (о гр. С. Г. Строгановѣ, П. М. Строевѣ, М. П. Погодинѣ, С. П. Шевыревѣ, Н. И. Крыловѣ, О. Морошкинѣ и П. В. Кирѣевскомъ, бывшемъ неотступнымъ спутникомъ его во время пребыванія въ Москвѣ) что-либо компрометирующее „доброе имя” Мацѣвскаго, трудно построить на этой статьѣ обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи противъ отчизны. Статья могла, конечно, кое-кому не нравиться какъ своимъ содержаніемъ, темой, такъ и тономъ, спокойными и безпристрастными сужденіями автора о причинахъ историческаго роста Москвы, описаніемъ ея сокровищъ и красотъ, которыя не могли не восхищать знатока славянской древности, но въ ней рѣшительно не было ничего „предательскаго”. Но Tygodnik liter. (1844, str. 167) обратилъ на нее свое вниманіе и сдѣлалъ Orędowniku предостереженіе: „Orędownik Naukowy w ostatnich swych numerach umieścił kilka wspomnień z przejażdżki odbytej do St. (dla autora pewno świętego) Petersburga i kilka wspomnień Moskwy, oba artykuły przez W. A. M. ¹⁾. Artykuły te potwierdzają na nowo to, o co my pana W. A. M. obwiniamy. Niech Orędownik pamięta, że rozkrzewiając zasady takie, podpada winie, za którą ni przed ludźmi ni przed Bogiem nie będzie mógł odpowiedzieć”. Впрочемъ, Tygodnik не первый выступалъ съ такого рода предупрежденіемъ: оно было высказано нѣсколько раньше въ какой-то лейпцигской газетѣ, на которую ссылается замѣтка Tygodnika.

¹⁾ Мацѣвскій изъ Москвы черезъ Тверь и Новгородъ прибылъ въ С.-Петербургъ. Путешествіе, по его словамъ, продолжалось больше двухъ мѣсяцевъ и принесло польскому ученому много пользы. Шафарикъ, которому Мацѣвскій сообщилъ о своемъ намѣреніи, ожидалъ много хорошаго отъ поѣздки его „въ Мекку и Медину”. Письма къ Погодину, стр. 521.

Смѣлыя, но не разбравшія въ средствахъ вылазки дѣйствовали заразительно. Въ „панславизмъ” сталъ тотчасъ же обвинять Мацѣвскаго и познанскій журналъ *Rok* (Poznań, 1844, III, 62). Отозвались и другія изданія.

Въ 1847 г. въ журналъ *Przegląd Poznański* (czerwiec) появилась обширная обличительная статья: „O wyobrażeniach szerzonych przez p. W. A. Maciejowskiego”, цѣликомъ направленная противъ „*Pamiętników*” и взгляда Мацѣвскаго на начала христіанской церкви у славянъ вообще и у поляковъ въ частности. Тутъ Мацѣвскій прямо обвинялся въ нерасположеніи къ католицизму („*niechęci przeciw katolicyzmowi*”), въ его взглядахъ усматривались какія-то спеціальныя симпатіи къ тѣмъ славянамъ, которые уклонились отъ католическо-европейскаго и польскаго направленія („*którzy wyszli po za katolicko-europejski i polski kierunek*”), при этомъ совершенно голословно заявлялось, что онъ яко бы придаетъ своимъ „открытіямъ” величайшее политическое и религіозное значеніе. „Онъ не скрываетъ своей мысли. Она имѣетъ необыкновенно широкое значеніе, касается всѣхъ славянскихъ отношеній въ прошломъ и настоящемъ, она потрясаетъ основы нашего историческаго бытія („*wztrząsa gruntem naszej historycznej istności*”), утверждаетъ обвинитель. Не прощались Мацѣвскому и его мнѣніе о существованіи славянскаго обряда у мадьяръ, и самостоятельный, смѣлый взглядъ его на дѣятельность св. Войтѣха („*Św. Wojciech, Słowianin, jedna z najpiękniejszych religijnych postaci, najżywiej przenikniony chrześcijańskim uczuciem, nieugięty i łagodny, męczennik — po odkryciach p. Maciejowskiego pokazuje się jako zły duch Węgrów i Polaków*”), и мн. др.

Не опровергая заблужденій Мацѣвскаго фактами и данными исторіи, авторъ этой статьи ограничился лишь тѣмъ, что назвалъ результаты его разысканій въ высокой степени ненадежными, натянутыми, часто даже совершенно ложными или просто вымышленными и направленными къ оскорбленію религіозныхъ основъ, которыми народъ жилъ десять вѣковъ. „Такія разысканія,— разсуждалъ онъ,— не могли быть вну-

шены ни чувством правды, ни глубоким пониманіемъ европейской цивилизаціи”.

Продолжая свои нападки, критикъ приходилъ къ заключенію, что высказанные Мацѣвскимъ взгляды слѣдуетъ признать отреченіемъ отъ польской исторіи и національных основъ ея. „Польша десять столѣтій жила религіознымъ заблужденіемъ и до сихъ поръ пребываетъ въ религіозномъ заблужденіи”, саркастически заключалъ судья смѣлаго новатора-историка и приходилъ къ совершенно произвольному выводу: „Г. Мацѣвскій не даетъ совѣта, чтобы Польша, отказавшись отъ католическаго исповѣданія, вступила въ церковь, надъ которою почіетъ благословеніе Божіе, — нѣтъ. Но такой призывъ былъ бы логическимъ, естественнымъ и необходимымъ”. Тутъ уже, какъ видимъ, критикъ говоритъ за Мацѣвскаго и увлекается въ своихъ умозаключеніяхъ.

Не имѣя въ своемъ ученomъ арсеналѣ никакого оружія противъ мнѣнія Мацѣвскаго, онъ выдвигаетъ въ заключеніе лишь авторитеты Добровскаго и Копитара, высказавшихся противъ существованія славянскаго обряда у западныхъ славянъ, и заканчиваетъ свой отзывъ не столько остроумнымъ, сколько злымъ и оскорбительнымъ для польскаго ученаго предположеніемъ: „Teoriam p. Maciejowskiego, odrzuconym wszędzie przez najwyższe powagi naukowe, mniemamy, udzieli zatwierdzenie Przenajświętszy Synod Petersburski— a może i dał pierwsze nadchnienie”. Свободное мнѣніе историка здѣсь подмѣнялось „внушеніемъ”, да еще исходящимъ изъ чуждаго, „враждебнаго” лагеря. Авторъ статьи *Przeglądu* не постѣснялся сдѣлать скверный намекъ и сказать при этомъ больше, чѣмъ позволили себѣ другіе, болѣе авторитетные въ научномъ отношеніи и въ общественномъ мнѣніи несравненно выше стоявшіе противники.

Мы видѣли выше, что Мацѣвскому прямо ставилось въ вину и распространеніе такихъ взглядовъ, которые подрывали исконныя основы польской исторіи, и явное сочувствіе къ славянскому обряду, и чуть ли не преступное исполненіе чужихъ замысловъ и внушеній.

Не смотря на это Мацѣвскій не слагаетъ оружія: онъ неутомимо продолжаетъ любимыя занятія, собираетъ новыя и обильныя матеріалы и подготавливаетъ новое изданіе Исторіи. Планъ переработки ея возникъ уже давно, и Мацѣвскій еще въ началѣ декабря 1836 года дѣлился съ Ганкою радостною вѣстью, что изданіе быстро подвигается впередъ, и что черезъ годъ онъ надѣется начать печатаніе ¹⁾. Ученые ждали новаго изданія съ нетерпѣніемъ. Но дѣло затянулось. У Мацѣвскаго не было средствъ на изданіе шеститомнаго спеціальнаго труда. Друзья хотѣли придти ему на помощь, но ихъ хлопоты ни къ чему не приводили. Срезневскій совѣтовалъ представить трудъ на Демидовскій конкурсъ ²⁾, но самъ, по видимому, не вѣрилъ въ успѣхъ этой попытки изыскать средства на изданіе. Болѣе удачно посовѣтовалъ А. О. Гильфердингъ, направившій Мацѣвскаго къ гр. Блудову. „Графъ Блудовъ назначенъ президентомъ Академіи,—писалъ ему Гильфердингъ 24 декабря 1855 г.;—онъ же нашъ законодатель и потому болѣе всѣхъ долженъ быть склоненъ помочь дѣлу, столь важному для юридической науки вообще и въ особенности для славянской; при томъ же онъ всегда оказывалъ большое сочувствіе ко всѣмъ трудамъ по части славянской словесности и науки. Обратитесь къ нему лично, какъ къ русскому законодателю... изложите ему въ письмѣ сущность вашего труда и невозможность издать его безъ помощи со стороны казны,—и можно предполагать, что будетъ успѣхъ”. Расчетъ былъ вѣрный. Очевидно, по совѣту Блудова Мацѣвскій обратился за помощью къ Государю и просилъ у него „заимообразнаго пособія” въ двѣ тысячи рублей ³⁾.

¹⁾ Уже тогда ясно обрисовался весь планъ: „Wyjdzie całe dzieło w VI tomach, z których dwa pierwsze podług edycyi dawnej będą zupełnie przerobione i teraz będą składać tomów 4. W nich będzie:... w tomie IV. dodatki, to jest rozprawy, gdzie: rozprawa o obrzędku słowiańskim”. Письма къ В. Ганкѣ, стр. 748.

²⁾ Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго, стр. 34.

³⁾ Ходатаемъ за Мацѣвскаго былъ гр. Блудовъ. „Его Величество во уваженіе особыхъ трудовъ и пользы, которую доставитъ Мацеовскій

Новое изданіе „Исторіи славянскихъ законодательствъ“, значительно распространенное, въ шести томахъ, вышло въ теченіе 1856—1858 гг. Русскіе друзья польскаго ученаго опять стали думать о переводѣ полезнаго труда на русскій языкъ. Бодянскій еще до выхода второго изданія (въ 1847 г.) выражалъ желаніе, чтобы эту работу произвелъ кто-либо изъ русскихъ варшавянь, и чтобы переводъ могъ немедленно, вслѣдъ за подлинникомъ выйти въ свѣтъ, отдѣльнымъ ли изданіемъ, или въ какомъ-либо журналѣ. Онъ указывалъ при этомъ на Дубровскаго, Евецкаго и Савинича, какъ на наиболѣе подходящихъ переводчиковъ ¹⁾. Въ іюлѣ 1856 г., когда книга еще не была получена въ Москвѣ, А. И. Кошелевъ писалъ Мацѣевскому: „Мы предполагаемъ приискать хорошаго переводчика съ польскаго языка и тотчасъ по выходѣ I-го тома вашей Исторіи приступить къ переводу оной на русскій языкъ” ²⁾. Однако этотъ переводъ появился нескоро. Часть перваго тома напечатана была въ Чтеніяхъ Общ. ист. и др. въ 1858 г. (кн. I), вторая часть появилась только въ 1860 г. (кн. III, гдѣ напечатанъ переводъ § 113—217), а конецъ совсѣмъ не былъ изданъ. Бодянскій еще въ іюлѣ 1865 г. оправдывался предъ Мацѣевскимъ: „Конецъ перевода I-го тома готовъ и выйдетъ, ежели возможно, непременно къ новому году. За исправность его отвѣчаю я, такъ какъ переводчикъ на первыхъ же порахъ оказался несостоятельнымъ, и я долженъ былъ взяться самъ за это дѣло” ³⁾.

Осужденное и отвергнутое мнѣніе о существованіи славянскаго обряда у поляковъ было повторено и въ новомъ изданіи съ прежнею смѣлостью (томъ IV). Оскорбительные упреки и обвиненія критики не поколебали убѣжденія историка. Но за это упорство въ столь единодушно осужденномъ ортодоксами и не въ мѣру строгими патріотами преученому свѣту изданіемъ своего сочиненія, всемилоstinivѣше соизволилъ пожаловать автору... тысячу рублей серебромъ безъ возврата” (въ февр. 1856 года).

¹⁾ Изъ переписки В. А. Мацѣевскаго, стр. 25.

²⁾ Тамъ же, стр. 38.

³⁾ Тамъ же, стр. 45.

грѣшеніи Мацѣвскому пришлось перенести еще одно тяжелое испытаніе, испытъ новую чашу горечи.

Оба труда Мацѣвскаго, „*Historya Prawodawstw*” и „*Pamiętniki*”, совершенно неожиданно попали, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, въ Index запрещенныхъ книгъ (*Index librorum prohibitorum*)! Исторію этого злключенія подробно излагаетъ въ фельетонѣ львовской газеты *Słowo Polskie* (1904, № отъ 29 янв.) д-ръ Семковичъ, который во время пребыванія своего въ Римѣ въ 1903 году задался цѣлью выяснить, какимъ образомъ и благодаря кому книги Мацѣвскаго постигла такая судьба. Изъ труда Reusch’a „*Der Index der verbotener Bücher*” (II, 1030) онъ узналъ, что въ годы появленія второго изданія Исторіи совѣтникомъ и докладчикомъ конгрегации Index’a былъ одинъ изъ основателей ордена смартвыхвстанцевъ о. Семененко. Въ качествѣ цензора польскихъ книгъ онъ представилъ конгрегации свой докладъ о внесеніи въ Index двухъ наиболѣе извѣстныхъ трудовъ Мацѣвскаго, и конгрегация, согласившись съ его представленіемъ, издала декретъ объ этомъ 18 августа 1859 года ¹⁾.

Въ бумагахъ о. Семененка, хранящихся въ Римѣ, въ архивѣ смартвыхвстанцевъ, д-ръ Семковичъ нашелъ нѣсколько интересныхъ документовъ, относящихся къ этому „запрещенію”. О. Семененко обвинялъ Мацѣвскаго въ томъ, что онъ отдавалъ предпочтеніе славянскому обряду предъ латинскимъ, вообще восхвалялъ его и доказывалъ, ссылаясь на историческія данныя, что свв. Кириллъ и Меѳодій подвергались за свою дѣятельность преслѣдованіямъ со стороны нѣмцевъ; да-лѣе, Мацѣвскому ставился въ вину его взглядъ на бракъ у

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что „братья смартвыхвстанцы” были въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Мицкевичемъ. О. Семененку Мицкевичъ намѣренъ былъ уступить свою кафедру въ Collège de France послѣ перваго года чтеній, считая его наиболѣе подходящимъ для этой дѣятельности. X. Paweł Smolikowski, *Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego*, IV, str. 2. Вообще, между Римомъ (кружокъ „Braci zjednoczonych”, а затѣмъ „Dom rzymski”, основанный кс. Кайсевичемъ и Семененкомъ въ 1838 г.) и Парижемъ, гдѣ былъ центръ эмиграціи, существовали оживленныя связи. См. *Pamiętnik Tow. im. Mickiewicza*, V, 256—257.

древнихъ славянъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ особенности его доказательства о гражданскомъ характерѣ этихъ браковъ; наконецъ, изъ сочиненій Мацѣвскаго выводилось заключеніе, что онъ не признаетъ папу наслѣдникомъ Христа и св. Петра. Для обвиненія по всѣмъ этимъ пунктамъ въ *Pamiętnikach* и отчасти въ *Historji prawodawstw* имѣлось, несомнѣнно, немало матеріала, и построить на немъ обвинительный актъ, съ точки зрѣнія ортодоксально-католической было совершенно нетрудно ¹⁾.

Глубоко потрясенный наслѣженнымъ на его два важнѣйшихъ труда запрещеніемъ, Мацѣвскій рѣшилъ обратиться за защитой къ папѣ. Вотъ его письмо къ нему, извлеченное изъ архива смартвухвстанцевъ д-ромъ Семковичемъ:

„Пию IX, папѣ католическаго міра и святѣйшему отцу! Изъ ученыхъ журналовъ, издающихся въ Познанѣ, я узналъ, что св. Конгрегация приказала — увы, по твоему распоряженію,—помѣстить въ Индексъ запрещенныхъ книгъ два моихъ труда. Не повѣришь, святѣйшій отецъ, какую боль причинилъ мнѣ, католику, этотъ твой декретъ. Но ты огорчилъ не только меня, но и читателей моихъ трудовъ, которые считаютъ себя согрѣшившими, такъ какъ они читали еретическую книгу. Изложу мое дѣло вкратцѣ, прочее разъяснить прилагаемая записка.

Уже истекаетъ почти сорокъ лѣтъ съ того времени, какъ я занялся изслѣдованіями по исторіи славянскихъ законодательствъ, стараясь доказать, что въ Европѣ, кромѣ римскаго и германскаго права, существуетъ еще право славянское, опирающееся на національныя основы, самобытное и значи-

¹⁾ О Кириллѣ и Меѣ. см. *Pamiętniki*, I, 76 и сл. О папской власти, тамъ же, стр. 47. Интересно отмѣтить, что здѣсь въ экз. *Pamiętników* варш. унив. библ. (sign. IV. 26. 5. 5) неизвѣстнымъ читателемъ сдѣлано замѣчаніе, несомнѣнно, стараго происхожденія: „Zaprzecza tu autor Bożego posłannictwa papieżowi”. Это—очевидный отголосокъ общаго убѣжденія противниковъ Мацѣвскаго. О славянскомъ обрядѣ—тамъ же, стр. 43—44, 50—51, 58; о ненависти славянъ Каринтіи къ латинск. обряду—тамъ же, стр. 74. Въ *Histor. prawod.*, IV, § 313 и сл.—рѣзко отрицательно о дѣятельности іезуитовъ. *Bezżenność księży*, *Pamiętn.* I, стр. 211; *Wieloleństwo u Słowian*, тамъ же, стр. 231.

тельно болѣе гуманное. Въ трудѣ, посвященномъ исторіи этого права съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII в. по Р. Хр. и изданномъ въ четырехъ томахъ (въ 1856 г. и въ слѣдующіе годы), я представилъ очеркъ каноническаго права въ Польшѣ, Чехіи и у другихъ католическихъ народовъ, первоначально имѣвшихъ литургію на славянскомъ языкѣ, а впослѣдствіи на латинскомъ.

Какъ только появилось первое изданіе моего труда, критики упрекнули меня, что я слишкомъ поверхностно обработалъ чрезвычайно важный вопросъ и что я долженъ въ дополненіи яснѣе высказаться, что это былъ за обрядъ на славянскомъ языкѣ и почему его мѣсто занялъ латинскій. Удовлетворяя ихъ желанію, я прибавилъ еще два тома исторіи права, въ которыхъ изложилъ судьбы славянскаго обряда до раздѣленія церквей и послѣ него (*przed i po schyzmie*). Вмѣстѣ съ тѣмъ я доказалъ, что славяне, пользуясь этимъ обрядомъ, какъ католики, признавали всегда главенство римскаго епископа, намѣстника св. Петра. Въ заключеніе я объяснилъ документы, содержащіе часть провинціональнаго каноническаго славянскаго права.

Клянусь всемилостивѣйшимъ Богомъ и всѣми святыми таинствами, что такова дѣйствительно мысль Исторіи славянскихъ законодательствъ и прибавленій, а не такая, какъ ее подиктовалъ неизвѣстный мнѣ по имени цензоръ кардиналу, докладывавшему это дѣло въ св. Конгрегациі.

Поэтому всепокорнѣйше прошу тебя, святѣйшій отецъ, приказать исключить мои труды изъ Индекса запрещенныхъ книгъ и соблаговолить письменно увѣдомить меня о твоемъ рѣшеніи”.

Къ письму приложена была особая записка, содержащая оправданіе мнѣнія Мацѣевскаго о существованіи славянскаго обряда у славянъ западныхъ. Мацѣевскій каялся и съ первыхъ же строкъ оправданія признавалъ, что церковь восточная стояла ниже западной, такъ какъ не имѣла де духовенства, одареннаго въ такой мѣрѣ, какъ церковь римская, и всегда поэтому уступала ей первенство и т. д. Но просьба

его не была исполнена. Перерѣшить дѣло должна была та же Конгрегація, или вѣрнѣе—главный докладчикъ ея о. Семеничко, а онъ остался неумолимымъ: просьбѣ Мацѣвскаго онъ не далъ хода, и клеймо запрещенія осталось на трудахъ его до нашихъ дней. Мацѣвскій умеръ въ январѣ 1883 г., не дождавшись пересмотра дѣла. Между тѣмъ наиболѣе существенное изъ мнимыхъ прегрѣшеній его оказалось далеко не такою ужасною ересью, какою оно представлялось его противникамъ. Мнѣніе Мацѣвскаго о существованіи славянскаго обряда въ Польшѣ нашло въ послѣдствіи въ наукѣ немало новыхъ и прочныхъ доказательствъ ¹⁾. Въ настоящее время было бы, конечно, справедливо, снять съ трудовъ польскаго историка этотъ безцѣльный запретъ.

¹⁾ Пересмотръ ихъ см. въ ст. Фр. Кидрича, *Die slavische Liturgie in Polen*, въ *Arch. f. slav. Phil.*, XXVIII Bd., 614—623,—по поводу работъ кс. Щесняка, Пташицкаго и акад. Соболевскаго.

II.

Изъ переписки В. А. Мацѣвскаго.

I. Два письма В. Богишича къ В. А. Мацѣвскому.

Переписка скончавшагося въ прошломъ году историка славянскаго права Вальтасара Богишича († 24 апрѣля н. ст. 1908 г.) съ „патріархомъ славянскихъ историковъ права“ В. А. Мацѣвскимъ началась въ годъ появленія первой самостоятельной работы Богишича ¹⁾ „Pravni običaji u Slovena“ (Književnik, III, 1866). Этимъ трудомъ онъ поспѣшилъ подѣлиться съ польскимъ ученымъ, авторитетъ котораго высоко цѣнили, и просилъ его сообщить ему, „молодому и слѣдовательно еще неопытному“ работнику на нетронутой еще нивѣ „неписаннаго права“ мнѣніе его относительно идеи и направленія перваго опыта. Мацѣвскій немедленно откликнулся и далъ свои цѣнныя указанія. Они приняты были съ благодарностью и дали молодому ученому основаніе рассчитывать и въ будущемъ на полезное научное руководство почтеннаго историка. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ писемъ самого Мацѣвскаго, не можемъ также сказать, продолжалась ли эта переписка и въ слѣдующіе годы научной дѣятельности выдающагося изслѣдователя обыкновеннаго права южныхъ славянъ.

¹⁾ Обстоятельный обзоръ его ученой дѣятельности составленъ проф. К. Кадльцомъ: „Valtasar Bogišić“, въ Čas. Česk. Mus., 1903. Обширный некрологъ написалъ Dr. Ivan Strohál въ Ljetopisu Jugoslav. Akademije za godinu 1908. Zagreb, 1909.

1.

Wien 30 Juni 1866.

Hochverehrter und Hochgelehrter Herr!

Weit angenehmer als Eu. Wohlgeboren die Anzeige meiner juristischen Arbeit überraschte, überraschte mich das gefällige Schreiben Eu. Wohlgeboren, welches ich heute die Ehre hatte zu empfangen, und hier sogleich beeile ich mich dasselbe zu beantworten.

Die Arbeit von welcher schon eine kleine Partie im „Književnik“ erschienen ist, und vielleicht in einem Monate noch eine erscheinen wird, war ursprünglich bestimmt bloß das Ansammeln von noch lebenden slavischen Rechtsgebräuchen vorzuschlagen und anzweifeln, ein Material welches ebenso wichtig für die Erklärung vieler Streitpunkte unserer Rechtsgeschichte, also dieselben Dienste leisten könnte, welche der deutschen Rechtsgeschichte die von Grimm herausgegebenen Weisthümer bereits geleistet haben. Um aber den Leser besser zu überzeugen dass im Volke noch heutzutage viele alte Rechtsgewohnheiten in voller Kraft leben, gab ich, insoweit mich die bisher benützten Quellen nicht im Stiche liessen, eine systematische Darstellung der noch lebenden Rechtsgebräuchen.

Dass das nur ein Specimen oder ein Versuch ist, können Eu. Wohlgeboren aus der Einleitung ersehen, sowie auch den beschränkten Umfang und die Natur der Arbeit. Eu. Wohlgeboren werden finden, dass ich ebenso ein ganz unbebautes Feld, das Feld des *jus non scriptum* angetreten habe, wie es auch dasjenige des *jus scriptum* war, bevor der Patriarch der slavischen Rechtshistoriker Macieïowski mit Seinem riesigen Werke es in einen duftenden Garten umwandelte.

Meine jetzige Arbeit wird auch separat abgedruckt, und wird im Ganzen 15—20 Druckbogen stark sein. Die drei ersten Bogen enthalten die Einleitung und im allgemeinen Umrissen die Familie derjenigen slavischen Stämme, welche die alte Familienform (Zadruga = Hauscommunion) beibehalten haben; folgen: andere 5 Bogen (welche eben sich unter der Presse befinden) enthaltend die Eingehung der Ehe und die Materialien für die Rechtssymbolik der *Sponsalia* und der *Nuptiae*. Weiter werde ich das Wenige noch vorhandene aus dem Privatrechte nachtragen, um dann auf das Gebiet des *jus publicum internum* et *externum* zu übergehen. Wenn Eu. Wohlgeboren mir Ihre

wohlgeneigte Meinung über die Idee und die Richtung der Arbeit mitzutheilen die Güte hätte — und mir, noch jungen, folglich unerfahrenen Mann, mit Ihrem werthesten Rath beistehen möchten, meine Dankbarkeit gegen Eu. Wohlgeboren wäre eine ewige.

Die drei ersten Bogen, nach Ihrem Wunsche, beeile ich mich Eu. Wohlgeboren gleich heute zu expediren — dasselbe werde ich auch mit der Fortsetzung thun, sobald dieselbe erscheinen wird.

Mit voller Hochachtung Eu. Wohlgeboren
ergebenster Diener B. Bogišić,
J. U. et Philosophiae Doctor
bei der Hofbibliothek Wien.

2.

Wien den 12 Juli 1866.

Hochverehrter und Hochgelehrter Herr Professor!

Meinen wärmsten Dank für Ihre Meinung über meine Arbeiten und für die werthesten Rathschläge welche Sie mir im Interesse der Wissenschaft gefälligst ertheilten. Ich hoffe von diesen, wie auch von den künftig mir zu gebenden einen grossen wissenschaftlichen Nutzen ziehen zu können. Um desto bereitwilliger nehme ich den Antrag an mit Eu. Wohlgeboren den Briefwechsel fortzusetzen.

Ihre zwei Abhandlungen, über den *Droit coutumier* und über die *Lex salica* möchte ich sehr gerne lesen, bitte daher inständigst Eu. Wohlgeboren mir dieselben auf meine Kosten *sous bande* zukommen zu lassen.

Ich theile im Grossen und Ganzen vollständig Ihre mir mitgetheilte Meinung über das Verhältniss des deutschen zum slawischen Rechte — leider, Ihre sich darauf beziehende Stelle in der *Historya prawodawstw* konnte ich nicht lesen denn das Bibliotheks-Exemplar der zweiten Auflage ist seit 2—3 Monaten irgendwo verstellt worden, daher nicht zu bekommen. Sobald ich das Werk in die Hand bekomme und die Stelle durchlese ich werde so frei sein Eu. Wohlgeboren darüber meine unmassgebliche Meinung mitzutheilen.

Für heute Tantum!

Mit voller Hochachtung Eu. Wohlgeboren
ergebenster Diener B. Bogišić.

(Оба писъма въ библ. Чешскаго Музея въ Прагъ).

II. Письмо В. А. Мацѣвскаго къ Л. Гаю.

Съ знаменитымъ дѣятелемъ хорватскаго „возрожденія“ Людевитомъ Гаемъ Мацѣвскій, какъ видно изъ сообщаемаго здѣсь письма, познакомился въ Карловыхъ Варахъ лѣтомъ 1834 года, во время первой поѣздки въ Чехію. Къ нему онъ обращается въ этомъ, очевидно, первомъ письмѣ съ знакомою уже намъ просьбою помочь распространенію его „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ въ славянствѣ, въ частности—выяснить вопросъ о продажѣ первыхъ двухъ томовъ ея пештскимъ типографомъ и издателемъ Іосифомъ Миловукомъ. Черезъ шесть лѣтъ Мацѣвскій встрѣтился съ Гаемъ въ Варшавѣ, во время поѣздки хорватскаго дѣятеля въ Россію, и изъ рукъ Мацѣвскаго Гай получилъ то пособіе на проѣздъ въ Петербургъ (100 червонцевъ), которое ему было назначено по распоряженію кн. Паскевича ¹⁾.

* * *

Z Warszawy dn. 4. Lipca 1835 r.

Szanowny panie Ludwiku.

Miło mi wspomnieć te chwile, które w roku zeszłym dały mi Ciebie poznać w Karłowarach. Odtąd zawsze myślę o Tobie i proszę Cię bardzo, ażebyś często do mnie pisywał w swoim słowiańskim dyalekcie: byłoby to bowiem wstydem gdybyśmy Słowianie mieli z sobą rozmawiać w jakim języku obcym. Na ten zaś list odpisz mi przez pocztę i donieś, czy prośbie moiej zadosyć uczynić zechcesz. Prośba iest taka. Księgarz Miłowuk w Peszcie wziął odemnie pięć exemplarzy dwóch pierwszych tomów historyi prawodawstw słowiańskich: pisałem do niego, że wyszedł tom 3. 4., a on odpisał mi, ażebym exemplarzy tych tomów nie nadsyłał, gdyż nie wszystkie 5. owych exemplarzy rozsprzedał, a nawet nie wie, czy posiadacze niektórzy dwóch pierwszych tomów wezmą tomy następne. To byłoby dla mnie wielką stratą. Więc proszę Cię, panie Ludwiku, ażebyś się do-

¹⁾ См. сообщенные нами документы въ сб. Югослав. Академіи Gradjа, V, 142—147.

wiedział od Miłowuka, kto to kupił dwa pierwsze tomy, ażebyś się postarał o to, ażeby owi kupujący ie kupili także dwa tomy następne, gdyż inaczej ani im nie przydadzą się na nic dwa pierwsze tomy, ani mnie dwa następne; także proszę Cię o to, ażebyś postarał się o to, żeby owe 5. exemplarzy, którem Miłowukowi nadesłał, rozkupiono w okolicach waszych. Jeżeli się znajdą kupcy, napisz do P. Hanki w Pradze, a on przyśle Ci tyle exemplarzy z tomu III. IV., ile sam zechcesz. Exemplarz obudwóch tomów III. IV. kosztuje 5. reńskich w monecie konwencyney. Bądź łaskaw, szanowny Panie Ludwiku, zająć się tym sprawunkiem! Wszak było by to nie dobrze, żebym, pisząc takie dzieło dla Słowian, miał jeszcze stracić na niem.

Teraz całując Cię po tysiąc razy, panie Ludwiku, proszę, ażebyś mi obszernie opisał o stanie literatury słowiańskiej w waszych stronach. Nie uwierzysz, iak mnie to wiele cieszy, kiedy się tylko coś o Was dowiedzieć mogę. Bądź zdrów i kochay mnie.

Wacław Alexander Macieiowski,
Tribunalth in Warschau.

Do P. Ludwika Gay
w Agramie, w Kroacyi.

(Въ библ. Загребскаго унив.)

И✓ 141460

Находятся въ продажѣ:

Записки Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ. Вып. 1. Варшава, 1902 г. Цѣна 1 р.—Вып. 2. Варшава, 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.—Вып. 3. Варшава, 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.—Вып. 4. Варшава, 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к. (Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова. Варшава, Новый Свѣтъ, № 69)

Цѣна 1 руб. 50 коп.